

Архитектурные древности Нормандии

Доусон Тернер
Джон Селл Котман

Architectural Antiquities of Normandy

John Sell Cotman and Dawson Turner

Электронная книга проекта Гутенберга по архитектурным древностям Нормандии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Архитектурные памятники Нормандии

Автор: Джон Селл Котман

Доусон Тернер

Дата выхода: 4 октября 2009 г. [Электронная книга №30172]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Карло Траверсо, Барбара Магни и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://dp.rastko.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Национальной библиотекой Франции (BnF / Gallica) по адресу <http://gallica.bnf.fr>.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АРХИТЕКТУРНЫЕ ДРЕВНОСТИ НОРМАНДИИ" ***

АРХИТЕКТУРНЫЕ ДРЕВНОСТИ НОРМАНДИИ,

АВТОР: ДЖОН СЕЛЛ КОТМАН;

СОПРОВОЖДАЕТСЯ ИСТОРИЧЕСКИМИ И ОПИСАТЕЛЬНЫМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ
ДОУСОНЫ ТЕРНЕРА, ЭСКВАЙРА, Ф.Р. и А.С.

ТОМ ПЕРВЫЙ.

ЛОНДОН:
НАПЕЧАТАНО ДЛЯ ДЖОНА И АРТУРА АРЧЕЙ, КОРНХИЛЛ;
И ДЖ. С. КОТМАНА, ЯРМУТ.

MDCCCXXII.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Художник, занимающийся иллюстрацией архитектурных древностей Англии, едва ли мог поступить иначе, чем часто бросать задумчивый взгляд в сторону противоположных берегов Нормандии; и это было бы особенно актуально, если бы, подобно мистеру Котману, к сильной

привязанности к своей профессии и предмету он смог бы добавить резиденцию в Норфолке. Эта часть королевства Восточных Англий, в ее языке и обычаях, но особенно в остатках древней церковной архитектуры, изобилует следами тевтонских колонистов. Богато украшенные дверные проемы деревенских церквей, в частности, долгое время вызывали восхищение у антикваров. Выросший среди них и искренне разделяющий их восхищение, мистер Котман посвятил свой карандаш и гравер распространению их славы. Общее мнение, подкрепленное мнением ученых людей и в некоторой степени местностью, определяло их как саксонские: в то же время, когда их сравнивали с тем, что осталось в Британии, с работой заведомо нормандской, различия казались незначительными или вовсе исчезали. Следует ли из этого сделать вывод, что между нормандской и саксонской архитектурой на самом деле не было разницы; и, сделав еще один шаг вперед, сделать вывод, что орды варваров, обозначенные этими разными названиями, хотя они могли сесть на корабль в разных портах, были всего лишь родственными племенами одного общего происхождения, если на самом деле не одинаковыми? Решение первого из этих вопросов, единственного, стоявшего непосредственно перед глазами, казалось, лучше всего искать в той провинции Франции, где нормандская власть была установлена наиболее прочно и где, следовательно, разумно было ожидать, что подлинные произведения нормандского искусства могут быть найдены, если таковые вообще где-либо имеются. С этой целью мистер Котман пересек Ла-Манш, и результаты трех последовательных путешествий в 1817, 1818 и 1820 годах здесь представлены публике.

Те, кто находит удовольствие в расследованиях подобного рода, разделяют сожаление о том, что предприятие, подобное настоящему, так долго откладывалось. Неисчислимы были бы преимущества, если бы это началось раньше, до периода Французской революции. Эта страшная буря с огромной силой обрушилась на замки баронов, дворцы королей и религиозные храмы. Многие из самых роскошных зданий, которые насмехались над временем и сохраняли уважение среди разрушительных последствий внешних или внутренних войн, были затем сметены с лица земли. Другие, деградировавшие, покинутые, заброшенные и полуразрушенные, в этот момент быстро приближаются к своему упадку. И все же немалая часть того, что ценно, к счастью, была оставлена. Два королевских аббатства Кана, хотя и утратили большую часть своего бывшего величия, все еще почти целы. Замок Гайар, гордость Ричарда львиное сердце, и благородные замки Арк и Фалез в достаточной степени сохранили свое древнее величие, чтобы свидетельствовать о том, какими они, должно быть, были в дни своего расцвета: города и замки, которые были колыбелями Харкорт, Вернонов, Танкарвиллей, Гурни, Брюсов, Богунов, Гренвиллей, Сент-Джонсов и многих других самых прославленных английских семейств, все еще существуют; и, что более современно, когда британские Эдвардсы и Генрих вновь принял нормандский скипетр, повсюду можно встретить многочисленные здания высочайшей красоты. В своих последующих изысканиях мистер Котман пользовался тем преимуществом, что ему любезно помогали трое самых выдающихся антикваров современности, г-н ле Прево, г-н Рондо и г-н де Жервиль, но особенно последний, чья дружеская помощь также распространилась на подготовку типографии для многих статей из западной части провинции. Было бы неблагодарно не признать помощь, оказанную мистером Козном в том же отделе. Ценность его помощи, оказанной самым безвозмездным образом, может быть должным образом оценена только теми, у кого была возможность оценить точность и объем его знаний.

При выборе объектов для гравировки внимание в основном уделялось двум моментам: совершенству самих объектов и точности в отношении дат; но наибольшее внимание уделялось

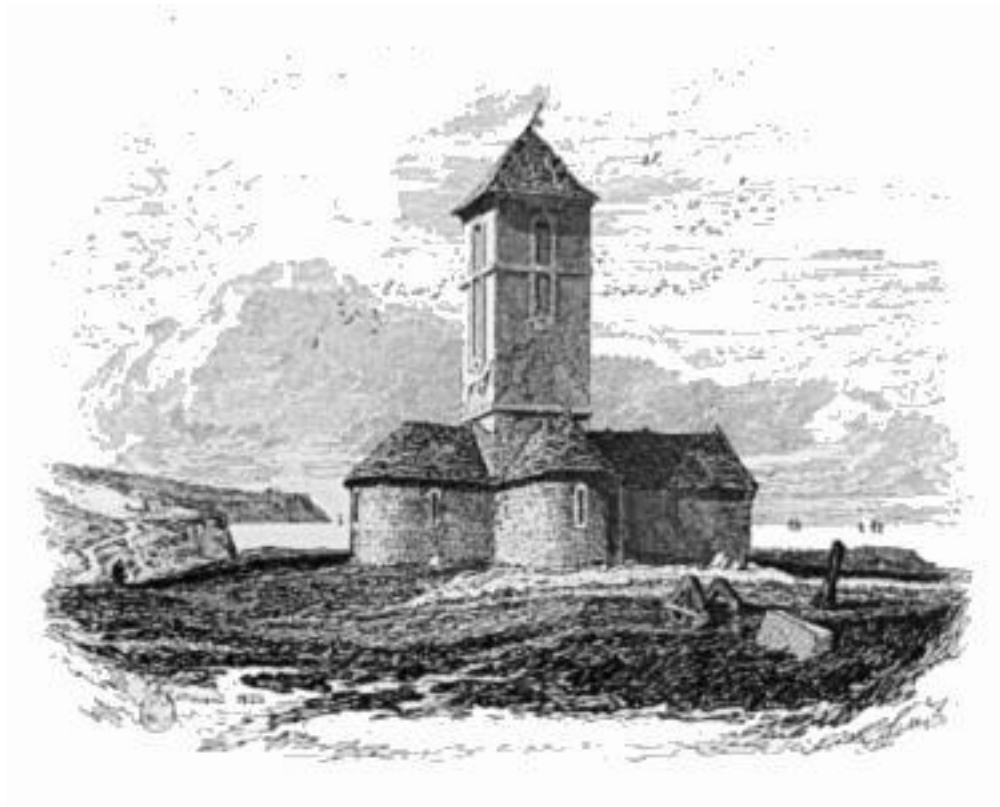
последнему. Автор произведения, претендующего на то, чтобы быть в какой-либо степени дидактическим, никогда не может слишком сильно внушить своему разуму ценность римского принципа “совершай то, что доставляет удовольствие”; и художник, привыкший в силу своих привычек к созерцанию прекрасного и живописного, прежде всего нуждается в предупреждении людей на этот счет. Многие из представленных здесь зданий можно было бы легко обменять на другие, более совершенные, более изящные или более украшенные; но есть надежда, что их нельзя было обменять на те, которые были бы более поучительными. Главной целью публикации было показать серию образцов нормандской архитектуры в том виде, в каком они действительно существуют в самой Нормандии; и, взяв те, даты которых лучше всего определены, дать возможность антикварам и любителям из других стран не только узнать о состоянии этого необыкновенного народа в том, что касается их искусства, в эпоху их наибольшей славы, но и сравнить то, что есть в Нормандии, с тем, что они находят дома. Другой том, посвященный иллюстрации того же описания архитектуры на юге Франции, в Италии и на Сицилии, заполнил бы пробел, о существовании которого уже давно сожалеют. Следует опасаться, что в Германии, Дании и Швеции мало что осталось; и, благодаря духу английских художников и покровительству английской публики, то, что есть в этой стране, уже в значительной степени зафиксировано. Хочется надеяться, что для англичанина может быть источником простительного самовосхваления тот факт, что первая публикация о нормандской архитектуре появилась на его родном острове: он также, вероятно, не будет недоволен, обнаружив, что в этой коллекции лучших сохранившихся образцов нормандского искусства на континенте нет ничего, с чем он не мог бы соперничать, даже превзойти, у себя дома.

Но, в то же время, поскольку основная цель, предложенная в этой работе, заключалась в том, чтобы представить общественности те здания, будь то священные, военные или бытовые, которые были возведены в эпоху, наиболее точно обозначаемую как нормандская, эпоху, предшествующую соединению герцогской короны с короной Франции, было высказано мнение, что, в каком бы свете ни рассматривалась публикация, она была бы неполной без добавления других зданий последующего периода. Таким образом, было допущено еще несколько образцов, продолжающих серию в архитектурном стиле, обычно называемом готикой, вплоть до того времени, когда этот стиль окончательно исчез перед итальянской моделью, более или менее обесценившейся.

В описательной части этих томов внимание было почти исключительно направлено на два момента - исторический и архитектурный. О последнем из них так много было сказано в каждой отдельной статье, что все, что можно было бы добавить в этом месте, было бы не более чем повторением; а история Нормандии от основания герцогства до начала тринадцатого века настолько переплетена с историей Англии, что было сочтено излишним приводить здесь ее краткое изложение, как и предполагалось вначале. Вместо этого прилагается Таблица, демонстрирующая преемственность, браки и потомство нормандских принцев, скопированная с Дю Мулена; и такую таблицу вряд ли можно считать иначе, как полезной, поскольку она позволяет увидеть все в едином ракурсе: хронологический указатель, как мы надеемся, может в значительной степени соответствовать той же цели, что и в архитектуре. Справедливости ради, однако, следует добавить, что в этом Указателе многое неизбежно оставлено для предположений; и там, где это так, автор, естественно, ожидает, что другие будут иногда расходиться с ним во мнении; тем более что ему не предоставляется возможности подробно изложить основания, на которых он сформировал свое собственное. Что касается предмета, который, скорее всего, вызовет сомнения и трудности, - очень ранней даты, установленной для

использования стрельчатой арки, - он просит читателя обратить внимание на те авторитетные источники, которые, по его мнению, подтверждают сделанный им вывод. Если он ошибается в этом или в любом другом пункте, он будет очень благодарен за исправление; и, выражаясь языком этого автора, который долгое время был и, вероятно, всегда будет объектом цитирования больше, чем кто-либо другой, он прощается с хорошо известными прощальными строками:

“Vive, vale; si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti; si non, his utere mecum.”

ЦЕРКОВЬ КЕРКВИЛЯ БЛИЗ ШЕРБУРА.

СЮЖЕТЫ РАСПОЛОЖЕНЫ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ.

В следующем списке к датам, которые зависят от гипотезы, прикреплен Обелиск. Те, перед которыми стоит Звездочка, обозначают год открытия здания.

нет. ИЗ
ТАРЕЛОК.

ДАТА.

53.	<i>Руан</i> , Склеп в церкви Сен-Жерве	до † 1000 г.
13.	<i>Сен-Совер-ле-Виконт</i> , замок	до † 1000 г.
69.	<i>Лилебон</i> , замок	† 1000
48.	<i>Кан</i> , часовня в замке	† 1000
89, 90.	<i>Фалез</i> , крепость	† 1000
83.	† 100083.	Сен—Сансон-сюр-Рилль
, церковь	† 1020 г..... <i>Анисий</i> , церковь	† 1030
68.	<i>Перье</i> , неф церкви	† 1030
97.	<i>Серизи</i> , церковь аббатства	1040
95.	<i>Гора святого Михаила</i> , аббатства, Церкви—Неф	1048
87, 88.	<i>Сен-Ло</i> , церковь Святого Креста(некоторые скульптуры, вероятно, IX века)	† 1050
1.	<i>АРК</i> , Замок	† 1050
84.	<i>Фуллебек</i> , Западный вход в церковь	† 1050
70.	<i>Брикбек</i> , замок- (многоугольная башня, вероятно, четырнадцатого века)	† 1050
5-10.	<i>Сен—Жорж де Бочервиль</i> , церковь аббатства	1050
92-94.	<i>Кутанс</i> , кафедральный собор	* 1056
17.	<i>Тамервилл</i> , церковь	† 1060
44-46.	<i>Лери</i> , церковь	† 1060
† 1060	54..... <i>Руан</i> , церковь Святого Павла	† 1060
73-75.	<i>Лизье</i> , церковь Святого Петра	1060
55, 56.	<i>Кан</i> , церковь Святого Николая	1066
24-33.	<i>То же самое</i> , аббатская церковь Святой Троицы	* 1066
82.	<i>Монтивилье</i> , церковные башни и дверной проем аббатства	† 1066
2, 3.	<i>Жюмьеж</i> , аббатская церковь	* 1067
60, 61.	<i>Фонтен—ле-Анри</i> , церковь	† 1070
21-23.	<i>Кан</i> , аббатская церковь Святого Стефана	* 1077
57.	<i>Ше</i> , церковь	† 1080
98.	<i>Эстрахам</i> , церковь	† 1080
58, 59.	<i>Бивиль</i> , церковь	† 1080
* 33.	<i>Кан</i> , Надгробие королевы Матильды	1083
37.	<i>Верхняя Алемань</i> , Башня церкви	† 1100
16.	<i>, Чем</i> , Церковь	† 1100
18.	<i>Кан</i> , Башня церкви Сен-Мишель де Вос	† 1100
12.	<i>Гревиль</i> , церковь	1100

99, 100.	<i>Сиз, кафедральный собор</i>	* 1126
14.	<i>Сен-Совер-ле-Виконт, церковь аббатства</i>	† 1130
96.	<i>Гора Святого Михаила, Рыцарский зал</i>	1130
39-41.	<i>Гурне, церковь Святого Хильдеберта—Интерьер нефа и капители колонн</i>	† 1140
20.	<i>Статуя Вильгельма Завоевателя</i>	† 1150
91.	<i>Крулли, церковь</i>	† 1150
11.	<i>Святой Жорж де Бочервиль, Скульптура в здании капитула</i>	1170
42, 43.	<i>Руан, часовня больницы Сен—Жюльен</i>	† 1190
80, 81.	<i>Замок Гайяр</i>	1195
51, 52.	<i>Руанский собор, Западный фасад-Северная башня</i>	1200
47.	<i>Коломби, церковь</i>	† 1200
68.	<i>Перье, Церковный хор</i>	† 1230
38.	<i>Гурне, церковь Святого Хильдеберта—Западный фронт</i>	† 1250
4.	<i>Жюмьеж, Вход в Рыцарский зал</i>	† 1280
76.	<i>Руан, церковь Сент—Уэн</i>	1340
71.	<i>Фекан, южный вход в церковь Святого Стефана</i>	† 1340
35.	<i>Дьепп, церковь Сен—Жак—Западный фронт - (башня, вероятно, на пятьдесят лет раньше)</i>	† 1350
72.	<i>Ес, Ширма в церкви Святого Лаврентия</i>	† 1360
66.	<i>Трепорт, церковь</i>	1370
19.	<i>Кан, южный подъезд церкви Святого Лаврентия. Церковь Сен-Мишель де Вос</i>	† 1380
82.	<i>Монтивилье, церковь-капитул аббатства</i>	1390
36.	<i>Дьепп, восточная оконечность церкви Сен-Жак</i>	† 1400
79.	<i>Лувье, Южная паперть церкви</i>	† 1420
85, 86.	<i>Танкарвиль, замок</i>	† 1420
89, 90.	<i>Фалез, замок—Башня Тальбота</i>	1430
34.	<i>Дьепп, замок</i>	† 1450
51, 52.	<i>Руанский собор, Западный фасад—Южная башня</i>	1485
95.	<i>Гора Святого Михаила, церковь аббатства—Хор</i>	1500
78.	<i>Руан, Дворец правосудия</i>	1500
77.	<i>То же самое, Фонтан Каменного Креста</i>	1500
68.	<i>Кан, Дом на улице Сен-Жан</i>	† 1500
62, 63.	<i>Фонтен-ле—Анри, Шато</i>	† 1500
49, 50.	<i>Руанский собор, Южный трансепт</i>	1500
51, 52.	<i>То же самое, Западное крыльцо</i>	1509

15.	<i>Анделис, Великий Дом</i>	† 1530
64.	<i>Руан, Дом на площади Пусель</i>	† 1540

ТАБЛИЧКИ В ПЕРВОМ ТОМЕ.

ТАБЛИЧКА.

1.	Замок Арк	на первой странице 1
2.	Церковь аббатства Жюмьеж, Западный фасад	2
3.	---- Части нефа	3
4.	---- Арка на западном фасаде	3
5.	Церковь аббатства Святого Георгия де Бочервиля, Западный фасад	4
6.	----- Общий вид	4
7.	----- Западный вход	5
8.	----- Южный трансепт	5
9.	----- Скульптурные капители	5
10.	----- То же самое	6
11.	----- Скульптуры в галереях	6
12.	Церковь Гревиль	7
13.	Замок Сен-Совер-ле-Виконт	8
14.	Церковь аббатства Сен-Совер-ле-Виконт	11
15.	Большой дом в Анделисе	13
16.	Церковь Тан	16
17.	Церковь <u>Тамервилля</u>	17
18.	Башня церкви Сен-Мишель де Вос, Кан	18
19.	Северное крыльцо То же самое	18
20.	Статуя Вильгельма, герцога Нормандии	20
21.	} Церковь аббатства Сент-Этьен, Кан, Западный фасад	21
22.		
23.	----- Отсеки нефа	24
24.	Аббатская церковь Святой Троицы, Кан	27
25.	----- Восточная часть	32
26.	----- Восточная часть интерьера	32
27.	----- Северная сторона хора	32

28.	----- Арки под центральной башней	33
29.	----- Восточная сторона Южного трансепта	33
30.	----- Внутренняя часть нефа	33
31.	----- Южная сторона нефа	34
32.	----- Склеп	34
33.	----- Капители	34
*33.	Надпись на могиле королевы Матильды	35
34.	Замок Дьепп	35
35.	Церковь Святого Жака в Дьеппе, Западный фасад	38
36.	----- Ист-Энд	38
37.	Башня церкви Верхнего Аллеманя, недалеко от Кана	39
38.	Коллегиальная церковь Святого Хильдеберта в Гурне, Западный фасад	39
39.	----- Вид через неф	41
40.	----- Капители	42
41.	----- Капители	42
42.	Часовня в больнице Сен-Жюльен, недалеко от Руана, Южная сторона	43
43.	----- Интерьер	44
44.	Церковь Святого Жюльена Лери, близ Пон-де-л'Арш, общий вид	45
45.	----- Западный фасад	46
46.	----- Интерьер	46
47.	Возвышение церкви Коломби близ Валони	47
48.	Часовня в замке в Кане	48
49.	} Кафедральный собор Нотр-Дам в Руане, Южный трансепт	50
50.		
51.	}----- Западный фасад	51
52.		
53.	Склеп в церкви Сен-Жерве в Руане	56
54.	Церковь Святого Павла в Руане, Ист-Энд,	57

ГЕНЕАЛОГИЯ НОРМАНДСКИХ ГЕРЦГОВ.

Н. князь Нижнего Дания.

-
я

ж
е
н
а
,

Г
о
п
п
е
я
,

д
о
ч
ь

Б
е
р
е
н
г
е
р
а
,

г
р
а
ф
а

Б
е
с
с
и
н
с

К
О
Г
О
.

==

1
-
я

ж
е
н
а
,

Г
и
с
л
а
,

д
о
ч
ь

Б
е
р
е
н
г
е
р
а
,

г
р
а
ф
а

Б
е

С
с
и
н
с
к
о
г
о
.

2-я жена Поппея, дочь Беренгера, графа Бессинского.	=	Ролло, 1-й герцог Нормандии . 911 год н.э.	=	Карл Простодушн ый, король Франции.	Гурин , убит в Дани и.
---	---	--	---	--	------------------------------------

Sprote, дочь графа Санлиса.	=	Уильям, Лонга-спата, 2-й герцог Нормандии. А. Д. 917.	Герлок, жена Вильге льма, графа Пуатье.
-----------------------------------	---	--	--

1-я жена, Эмма, дочь Гуго Ле Гранд, герцог Франции.	=	Ричард И. 3-й герцог Нормандии . А. Д. 944.	=	2-я жена, Gonnor, изначально его наложницей.
---	---	--	---	--

2-я жена, Rarhie, или Поппеи .	=	Ричард II. называют добрым, 4-й герцог Норманд ии. А. Д. 996.	=	1-я жена, Джудит, да. Джеффри, герцога Бретани.	Роберт, архиепископ Руанский, граф Эвре.	Може , граф Корб ейски й.	Эм ма, кор оле ва Анг лии .	Гав уаз, же на Жо фф руа , гер цог а	Мати льда, жена Эда, графа Шарт рского о.
---	---	--	---	---	---	---------------------------------------	--	--	--

[illegible]

Вильгельм	=	Матильда,
Завоеватель, 7-й	=	дочь
герцог Нормандии и		Балдуина,
король Англии. 1035		графа
г. н.э..		Фландрии.

Н	=	Роберт,	=	Си	Рич	Уильям	1-я жена	=	Генрих I.	=	2-	Сес	К	Али	А
.	=	суд-	=	бил	ард	Руфус,	Матильда	=	король	=	я	или	о	са.	г
с		шланг,		ла,	,	король	, дочь		Англии и 9-		ж	я.	н		а
в		8-й		доч	уби	Англии.	Мальколь		й герцог		е		с		т
о		герцог		ь	тый		ма,		Нормандии		н		т		а.
ю		Норман		Вил	в		короля		. 1107 г.		а		а		
х		дии. А.		ьге	Нь		Шотланд		н.э..		А		н		
о		Д. 1087.		льм	ю-		ии.				д		ц		
з				а,	Фо						е		и		
я				гра	рес						л		я.		
й				фа	те.						и				
к				Con							з				
				vers							а,				

y.

ans

•

Д
о
ч
ь
г
е
р
ц
о
г
а
л
у
в
е
н
с
к
о
г
о.

[illegible]

Н
а
о
х
о
т
е.

н.
э..

е
р
е.

Элеонора, графиня Пуатье и герцогиня Аквитании.	=	Генрих =	Плантагенет, 12-й герцог Нормандии. 1150 год н.э.: граф Анжу, Турени и Мэна и король Англии.	Жоффруа , граф Нант.	У и л ь я м .	Юстас, 10-й герцог Норман дии. 1135 год н.э..
---	---	-------------	---	----------------------------	---------------------------------	--

Уил ьям .	Марг арита Фран цузск ая.	=	Генрих =	Молодой, коронава нный король Англии.	Ричард Львиный кер, король Англии и 13-й герцог Нормандии . 1189 г. н.э..	Джеффри , граф Бретани.	=	Кон ста нци я, доч ь Кон ана , гер цог а Бре тан иг.	Джон Лэкл енд, корол ь Англи и, 14- й и после дний герцо г Норм анди и. 1199 год н.э..
-----------------	---------------------------------------	---	-------------	---	--	-------------------------------	---	--	---

Артур, герцог
Бретани, убит
своим дядей
Джоном.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ДРЕВНОСТИ НОРМАНДИИ.

ФОТО I.

ЗАМОК АРК.

Рисунок 1. Замок Арк.

Город Арк, расположенный в непосредственной близости от Дьеппа, является местом, овеянным музой истории, и французы всегда с удовольствием останавливаются на нем, поскольку именно здесь был передан скипетр в руки самого популярного монарха нации Генриха IV.

Государь, спасаясь от превосходящих сил лиги здесь, на самых границах своего королевства, наконец решил дать последний отпор; к этому его подтолкнул маршал де Бирон, но он сам сомневался, не будет ли самым мудрым и безопасным решением искать убежища в дружественных портах Англии. Доведенный до крайности, “король без королевства, муж без

жены и воин без денег”, он остановился в Аркесе в состоянии, граничащем с отчаянием; и все же, когда граф де Белен, взятый в плен незадолго до битвы, заверил его величество, что через два часа на него обрушится сорокатысячная армия и что он не видит там сил, способных им противостоять, король ответил с той веселостью духа, которая никогда его не покидала: “Вы видите не все, господин Белен, ибо вы не верите в Бога, а верите в то, что он делает”. и мои справедливые претензии к тем, кто сражается за меня”.

Вся армия Генриха состояла всего из трех тысяч пехотинцев и шестисот кавалеристов: силы противника насчитывали более тридцати тысяч человек под командованием герцога Майенского, одного из самых способных лидеров лиги, но скорее Фабия, чем Марцелла из партии. Случай, однако, требовал скорее меча, чем щита: солдаты Генриха сражались с отвагой отчаяния; но все казалось потерянным, когда, согласно отчету Сюлли, туман, который был очень густым все утро, внезапно рассеялся и предоставил гарнизону замка Арк полный обзор вражеской армии, по которой они выпустили четыре артиллерийских орудия с таким эффектом, что перебили большое их количество. Таким образом, их продвижение было эффективно остановлено; и пушки из замка продолжали стрелять по ним, так что вскоре они были приведены в беспорядок и отступили на свою первоначальную позицию.

С этого времени аспект дел короля изменился: его хорошо известное лаконичное послание Крийону: “повесься, храбрый Крийон, ибо мы сражались при Арке без тебя”, продемонстрировало его собственное понимание важных результатов, которых можно было ожидать от битвы. Самым важным из всего этого было то, что к нему немедленно присоединились вспомогательные силы из четырех тысяч англичан и шотландцев, посланные королевой Елизаветой ему на помощь; и что почти сразу же после этого ему было доставлено другое, еще более значительное подкрепление в лице графа Суассонского, Генриха Орлеанского, герцога Лонгвиля, Д'Омона и Бирона; так что герцог Майенский был вынужден в свою очередь отступить, и Генрих через несколько дней оказался под стенами столицы в ситуации, когда мог диктовать условия своим мятежным подданным.

Замок Арк в этот раз по существу послужил королевскому делу; но, похоже, с того времени он пришел в упадок. Однако, несмотря на то, что он весь заплесневелый и разрушенный, его стены и башни еще много веков могут бросать вызов ветру и непогоде, если не будут приняты активные меры для их разрушения.

Во время революции замок стал национальным достоянием и как таковой был продан: теперь он перешел в руки дамы, проживающей в соседнем городе.

Нынешняя [табличка](#), изображающая главный вход, послужит для передачи некоторого представления об общем характере здания, а также об огромных размерах массивных башен и обветшалом виде их поверхности. От подъемного моста, по которому к ним подъехали, остались только две опоры, а три последовательные арки ворот разорваны на немногим более чем бесформенные прорехи. Было бы очень трудно передать с помощью какой-либо гравюры адекватное представление о грандиозном характере всех руин или о их внушительном положении. Еще более сложной была бы попытка изобразить их каменную кладку. Стены, несомненно, были в большинстве мест и, вероятно, во всех, облицованы кирпичом сравнительно современного образца; и в некоторых местах эта облицовка все еще сохранилась, или, там, где она сорвана, не видно ничего, кроме щебня. В других местах они, по-видимому, были построены из чередующихся слоев кирпича и кремня, расположенных с той же

регулярностью, что и в римских зданиях; и тонкая форма этих кирпичей также создает впечатление, что они римской работы.

Если такое предположение можно считать обоснованным, то первое основание крепости в этой ситуации, вероятно, лишь немногим позже христианской эпохи; и многие антиквары склонны верить, что так оно и было на самом деле. В то же время, даже допуская истинность этого предположения в полной мере, наиболее вероятно, что римский замок пришел в упадок и вышел из употребления задолго до нормандского завоевания.

И Вильгельм Жюмьежский, и хроника Святого Вандрилла прямо упоминают, что Вильгельм, сын герцога Ричарда II. получил от своего племянника, завоевателя, графство Арк и построил там замок. Другие авторы относят происхождение крепости к восьмому веку, а другие - ко второй половине двенадцатого. Теперь не осталось ничего достаточно совершенного, чтобы определить суть, и ничего такого, что по праву можно было бы считать определяющим для стиля его архитектуры.

Расположение замка очень смелое: он венчает окончность гряды меловых холмов значительной высоты, которые начинаются к западу от Дьеппа и заканчиваются в этом месте, полностью контролируя долину внизу. Ров, который окружает стены, широкий и глубокий. Очертания крепости овальные, но не совсем правильные; и они разнообразны башнями неопределенной формы, расположенными на неравном расстоянии друг от друга. Две входные башни и те, что расположены ближе всего к ним на севере и юге, значительно больше остальных. Одна из этих больших боковых башен [1] имеет весьма необычную форму. Создается впечатление, что первоначальным намерением архитектора было сделать его круглым; но, изменив свой проект в середине работы, он пристроил к нему треугольный выступ, вероятно, в виде бастиона. Три другие, примыкающие к этому, имеют квадратную форму и действительно, по-видимому, в такой же степени напоминают контрфорсы, как и башни.

Замок внутренне разделен на два крыла, первое из которых при входе повсюду покрыто остатками фундамента: к внутреннему, безусловно самому большому, ведет квадратная надвратная будка с высокими зубчатыми стенами, а в дальнем конце находится четырехугольная крепость, уцелевшая только остов. Стены здесь огромной высоты: в своем идеальном состоянии они были тщательно облицованы большими квадратными камнями, но они в основном оторваны. Склепы под замком просторны, и по ним все еще можно пройти значительное расстояние.

СНОСКИ:

[1] См. *Отчет о поездке в Нормандию*, I. стр. 37, т. 3.

ТАБЛИЧКИ II. III. IV.

ЦЕРКОВЬ АББАТСТВА ЖЮМЬЕЖ.

До того, как революция лишила Францию ее монашеских учреждений, на правом берегу Сены, от Руана до Британского канала, была почти непрерывная вереница заведений подобного рода.

На расстоянии немногим более сорока миль располагались аббатства Сен-Вандриль, Жюмьеж, Дюклер и Сен-Жорж де Бочервиль.

Фото 2. Церковь аббатства Жюмьеж.
Западный фасад.

Самым знаменитым из них был Жюмьеж; он занимал восхитительное место на полуострове, образованном изгибом реки, где монастырь существовал со времен правления Хлодвиг II. и лишь с временным перерывом, вызванным вторжением норманнов, на протяжении одиннадцати столетий сохранял ровное течение, одинаково прославленный красотой своих

зданий, обширностью своих владений, а также количеством и святостью своих обитателей. Филибер, второй настоятель Ребе в епархии Мо, был основателем этого монастыря. Он переселился сюда всего с горсткой монахов; но община увеличивалась с такой удивительной быстротой, что во времена Алкадруса, его непосредственного преемника, ее число уже возросло до девятисот, и, за исключением только что упомянутого случая, это количество, по-видимому, никогда не испытывало сколько-нибудь заметного уменьшения.

Монастырь Жюмьеж числил среди своих настоятелей представителей самых знатных семей Франции. В прежние времена Гуго, внук Карла Великого, держал пастырский посох: впоследствии он перешел из рук Луи д'Амбуаза, брата кардинала, и различных представителей домов Клермона, Люксембурга, д'Эсте и Бурбона.

Аббатская церковь в том виде, в каком она стоит сейчас (если она действительно стоит сейчас, поскольку в 1818 году, когда были сделаны рисунки для этих табличек, ее снос шел быстрыми темпами), была построена в основном в одиннадцатом веке Робертом аббатом, который был переведен из Жюмьежа в епископство Лондон, а оттуда на архиепископский престол Кентерберийский. Западный фасад (см. [фото 2](#)), как предполагается, относится к тому периоду, и все они почти той же эпохи, хотя известно, что южная башня в некотором роде самая современная. Поразительная разница в плане этих башен могла бы справедливо привести к выводу, что существовала также существенная разница в их датировке и что они обе не были частью первоначального плана; но, по-видимому, нет никаких оснований для такого предположения. С другой стороны, противоположное, по-видимому, хорошо установлено; и те, кто лучше всего знаком с творчеством нормандских архитекторов, вряд ли будут удивлены аномалиями такого рода.

Рисунок 3. Церковь аббатства Жюмьеж.
Части нефа.

Интерьер нефа ([фото 3](#)) также выполнен в тот же период, за исключением высоких колонн, поддерживающих карниз, и символов евангелистов, размещенных возле окон верхнего этажа. Это были пристройки, сделанные ближе к концу семнадцатого века. Колонны стали необходимы из-за плохого состояния крыши: символы были добавлены только в качестве орнамента. Они имеют прекрасную скульптуру и, как таковые, недавно были выгравированы в большем масштабе в *Отчете о поездке в Нормандию в 1818 году* (II. стр. 27), эта работа также содержит общий вид руин Жюмьежа и изображение некоторых древних арок в виде трилистников, которые очень примечательны.

От квадратной центральной башни сейчас сохранилась только одна сторона. Шпиль этой башни был снят в 1557 году. Хоры и часовня Богоматери почти полностью исчезли. Они были остроконечной архитектуры; и, по-видимому, их возвели в последние годы тринадцатого века или в начале четырнадцатого.

В часовне Пресвятой Богородицы покоилось сердце Агнес Сорель, которая умерла в соседней деревне Мениль девятого февраля 1450 года, будучи ее царственным возлюбленным Карлом VII. проживала в Жюмьеж, намереваясь участвовать в осаде Онфлера. Ее тело было погребено в коллегиальной церкви Лоша в Турени. На ее памятнике в Жюмьежесе первоначально было помещено ее изображение в момент предложения своего сердца Пресвятой Деве. Но эта статуя была разрушена гугенотами, которые, как говорят, были виновны в самых возмутительных бесчинствах в этом монастыре. Могила Агнессы сохранялась до революции, когда ее снесли вместе со всем остальным и, среди прочего, с одной из очень интересных исторических построек в соседней церкви, посвященной святому Петру; в монастыре Жюмьеж было две церкви: большая во имя Пресвятой Девы и меньшая рядом с ней, посвященная главному из апостолов.

Упомянутая здесь гробница называлась *le tombeau des Enerves*, или *de Gemellis*; и ей придавалось такое большое значение, что даже предполагалось, что латинское название Жюмьегеса, *Gemeticum*, было искажением от слова *gemellis*. На памятнике были изображены фигуры двух молодых дворян, призванные, как говорят, изображать сыновей-близнецов Хлодвиг и Батильды, которые за подстрекательство к мятежу были наказаны перерезанием сухожилий и заключением в этот монастырь.

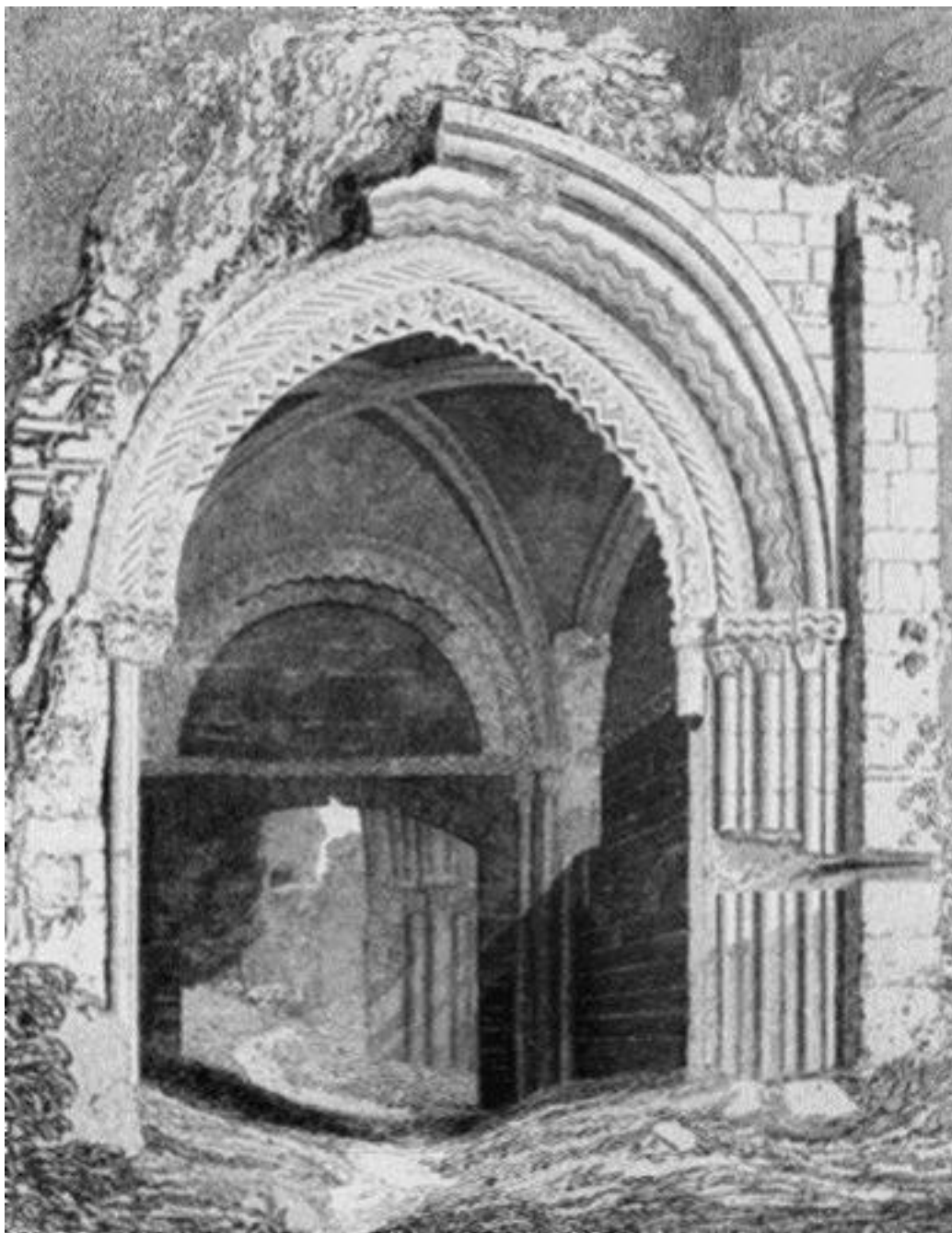

Фото 4. Аббатство Жюмьеж.
Арка на западном фасаде.

Третья пластина Жюмьежа, скопированная с рисунка мисс Элизабет Тернер, представляет собой благородную арку, вход на крыльцо, которое ведет в галерею, примыкающую к бывшим монастырям и известную под названием *Рыцарский зал*. Это удивительно прекрасный образец очень ранней стрельчатой арки, до сих пор сохраняющей все орнаменты полукруглого стиля и демонстрирующей их с большим богатством и красотой. Нет достоверных данных о дате создания этой галереи, и, похоже, не сохранилось никаких исторических записей, касающихся ее. Стиль архитектуры позволил бы без особых колебаний отнести его ко второй половине тринадцатого века.

ТАБЛИЧКИ V.—XI.

АББАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ Св. GEORGES DE BOCHERVILLE.

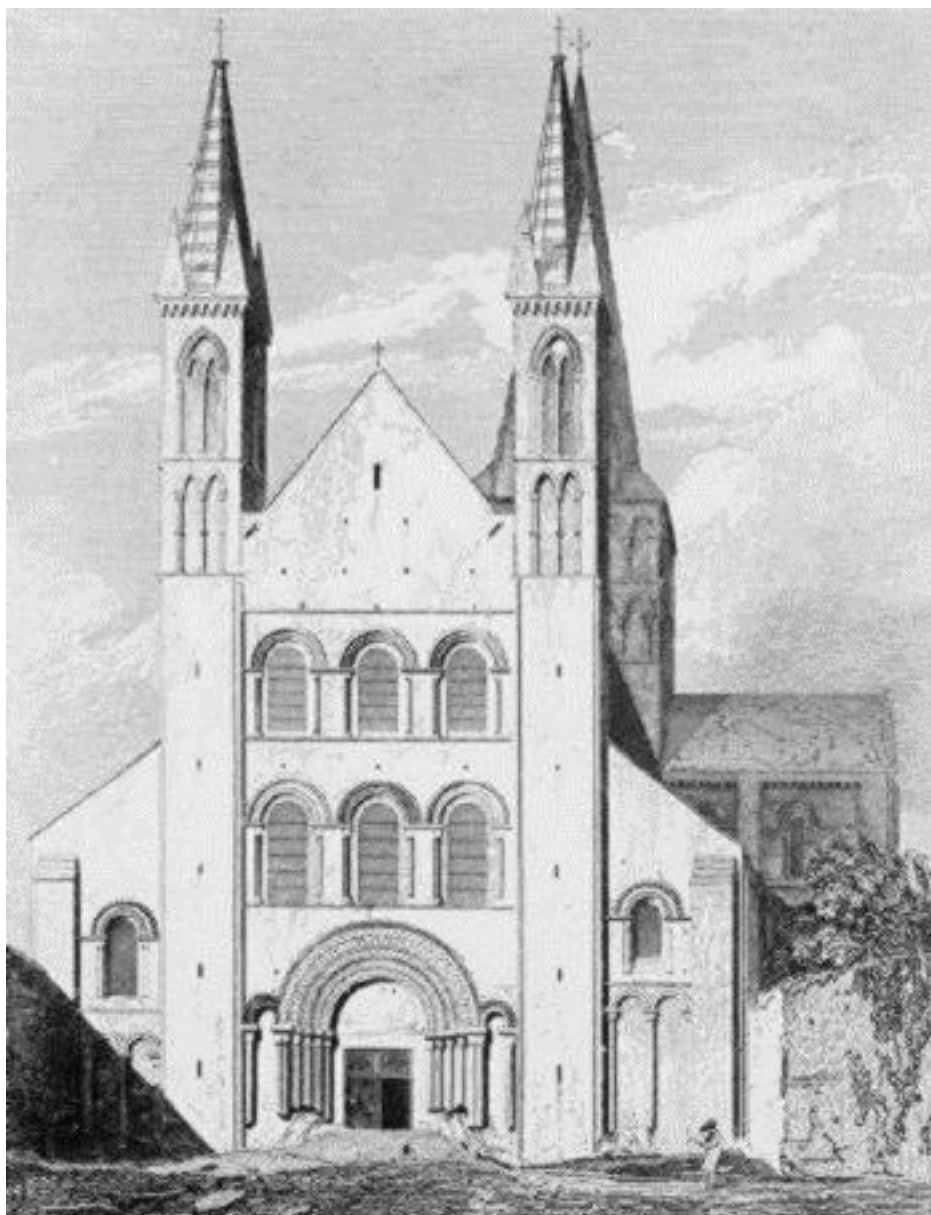

Фото 5. Церковь аббатства Святого Георгия де Бочервилля.
Западный фронт.

В работе, подобной настоящей, специально посвященной изучению архитектурных памятников Нормандии и, в частности, призванной проиллюстрировать тот стиль архитектуры, который преобладал в то время, когда провинцией управляли ее собственные герцоги, оказалось

желательным выбрать один или два объекта и показать их, насколько это возможно, в различных деталях.

Согласно этой идее, церковь аббатства Святого Георгия де Бочервилля была перенесена из верхнего округа провинции, а церковь Святой Троицы в Кане - из нижнего. Оба они представляют собой благородные сооружения; оба находятся почти в том же состоянии, в каком их оставили нормандские архитекторы; и оба они представляют собой здания, даты которых можно привести с полной уверенностью.

Аббатство Сен-Жорж располагалось на возвышенности на правом берегу Сены, в двух лье ниже Руана. Своим происхождением он был обязан Ральфу де Танкарвиллю, лорду деревни, примерно в 1050 году. В тот период по всей Нормандии царила страсть к строительству и пожертвованиям монастырских учреждений; и этот дворянин, который в юности был наставником герцога Вильгельма, а впоследствии был его камергером, не желая уступать своим коллегам в благочестивых и величественных деяниях, основал этот монастырь и построил церковь в честь Богородицы и Святого Георгия. И завоеватель, и его королева помогали благочестивому труду, жертвуя монастырю; и Ордерик Виталис рассказывает, как после кончины монарха монахи монастыря Сен-Жерве в Руане, где он скончался, совершили торжественное шествие к церкви Святого Жоржа де Бочервиля, чтобы вознести там молитвы за душу своего усопшего государя.

Во время революции аббатской церкви посчастливилось стать приходской, и таким образом она избежала разорения, в которое в то время были вовлечены почти все монастырские постройки по всей Франции. Его предыдущая удача в том, что он так мало подвергался травмам или изменениям, вызывает еще большее удивление.

Фото 6. Церковь аббатства Сен-Жорж де Бочервиль.

Общий вид.

Общий вид церкви (*фото 6*), за рисунок которого автор благодарен мисс Элизабет Тернер, рассчитан на то, чтобы точно передать впечатление от целого. Все, что здесь видно, чисто нормандское, за исключением шпиля; а по поводу шпиля антиквары далеки от согласия: одни считают их сравнительно современным изобретением, в то время как другие, напротив, полагают, что их использование можно отнести к очень отдаленному периоду. Полукруглый восточный фасад с высокой крышей, окна, разделенные неглубокими контрфорсами или стройными цилиндрическими колоннами, и гротескный поясной столик - все это характерные черты раннего нормандского стиля: еще одна особенность нынешнего здания, которая действительно встречается лишь в немногих других, заключается в небольших полукруглых часовнях, пристроенных по бокам трансептов.

Западный фасад (*фото 5*) демонстрирует отклонение от общего стиля церкви в виде двух башен, которыми он окружен. Форма этих арок явно указывает на более позднюю эпоху; но это ранние образцы остроконечной архитектуры. Парадный вход изображен в увеличенном масштабе на *седьмой* табличке. Украшения этого дверного проема богаты и разнообразны, и в Нормандии очень мало порталов более изысканного вида. Но по образцам, подобным этому описанию, герцогство далеко от того, чтобы выдерживать сравнение с Англией. Было бы трудно, возможно, невозможно, назвать удовлетворительную причину этого обстоятельства; и все же факт настолько очевиден, что он не мог не прийти в голову каждому, кто обращал хоть какое-то внимание на архитектуру двух стран.

Во внутреннем убранстве церкви вряд ли можно обнаружить какую-либо архитектурную аномалию. Единственные изменения - это те, которые оказались необходимыми из-за повреждений, нанесенных зданию во время религиозных войн в шестнадцатом веке; и ремонт по этому случаю распространился только на часть крыши и верхнюю часть стены с южной стороны нефа. В качестве удовлетворительного образца, отражающего характер всей внутренней части, южный трансепт был выбран для сюжета *восьмой* плиты. Однако в этом, как и в противоположном, есть особенность, на которую необходимо обратить внимание; внутри церкви, на расстоянии нескольких футов от торцевой стены, установлена колонна, от которой с обеих сторон отходят арки, занимающие всю ширину трансепта и образующие, таким образом, открытый экран. Вверху экран заканчивается простой плоской стеной, которая проходит на очень небольшое расстояние выше арок, так что находится почти на одной линии с трифорием. Такое же устройство существует и в некоторых других церквях Нормандии; например, в королевском аббатстве Святого Стефана в Кане, в церкви аббатства в Серизи, в церкви аббатства в Фекане и в соборе в Сезе. В двух последних упомянутых зданиях это связано с остроконечной архитектурой. В Серизи, церкви, возведенной в 1030 году Робертом, отцом Завоевателя, экран увенчан рядом из семнадцати полукруглых арок, которые поднимаются примерно на половину высоты колонн трифория и образуют элегантный парапет. Вполне возможно, что первоначально в Сен-Жорже было какое-то украшение такого же рода. В Фекане ширма поднимается на крышу тремя ярусами, каждый из которых состоит из трех арок; и сделанное таким образом углубление до сих пор используется как часовня с алтарем в восточном конце и древней купелью в центре. Возможно, первоначально так было в Сен-Жорже; и таким образом мы можем объяснить небольшие полукруглые пристройки к трансептам, одна из которых видна на общем виде церкви. Г-н Котман, однако, выдвигает

другую идею, которая, возможно, пришла в голову архитектору Сен-Жоржа; что с помощью этого экрана в конце трансептов проходы нефа получили бы видимую длину, поскольку колонны, образующие экран, расположены на одной линии с колоннами внешних стен церкви. Среди наших английских церковных зданий есть похожие экраны в трансептах Винчестерского собора [2], где часть церкви, которая остается в своем первоначальном состоянии, очень напоминает по своей архитектуре церковь Святого Георгия де Бочервиля, и, как известно, была возведена почти в ту же дату [3].

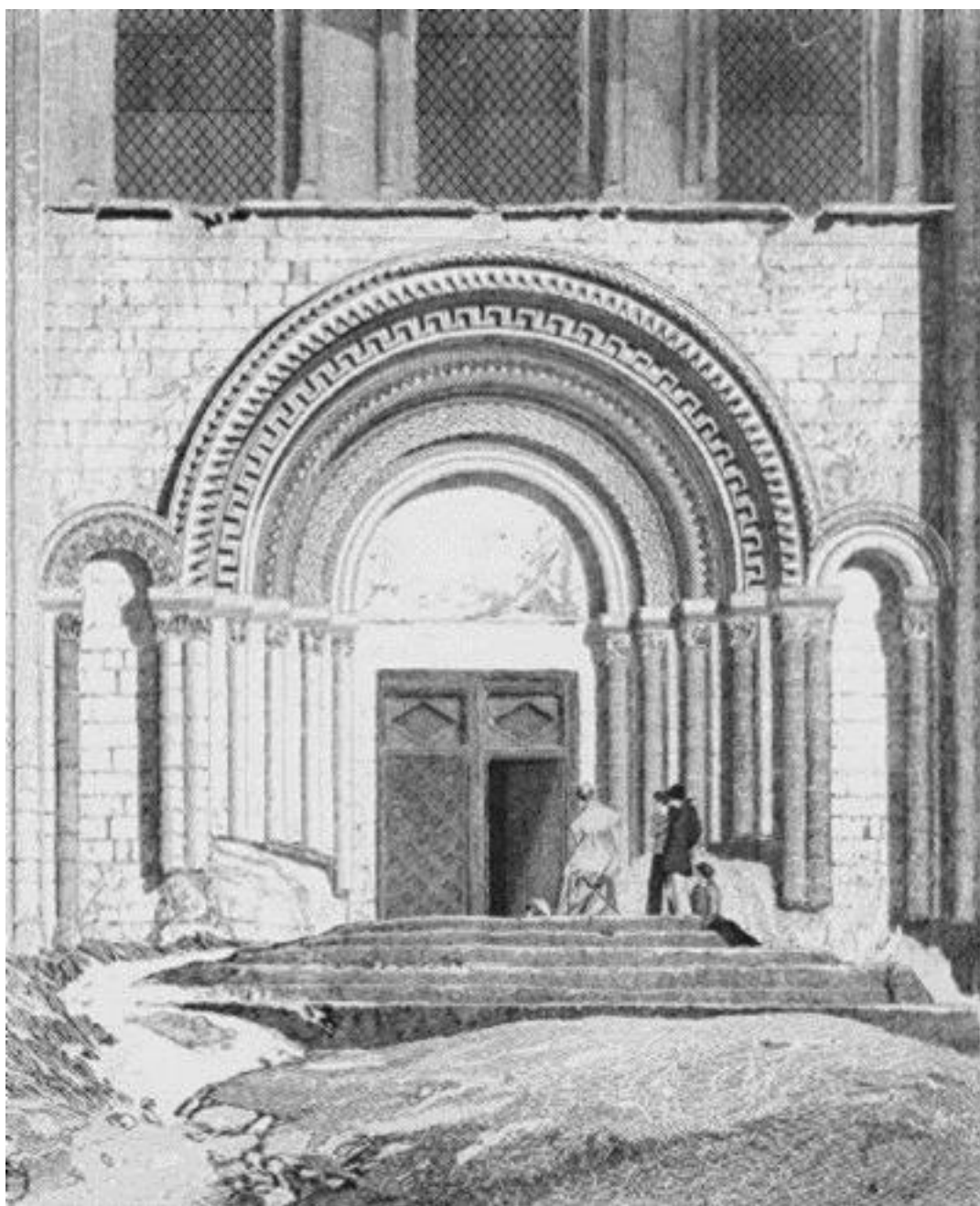

Фото 7. Церковь аббатства Святого Георгия де Бочервиля.
Западный вход.

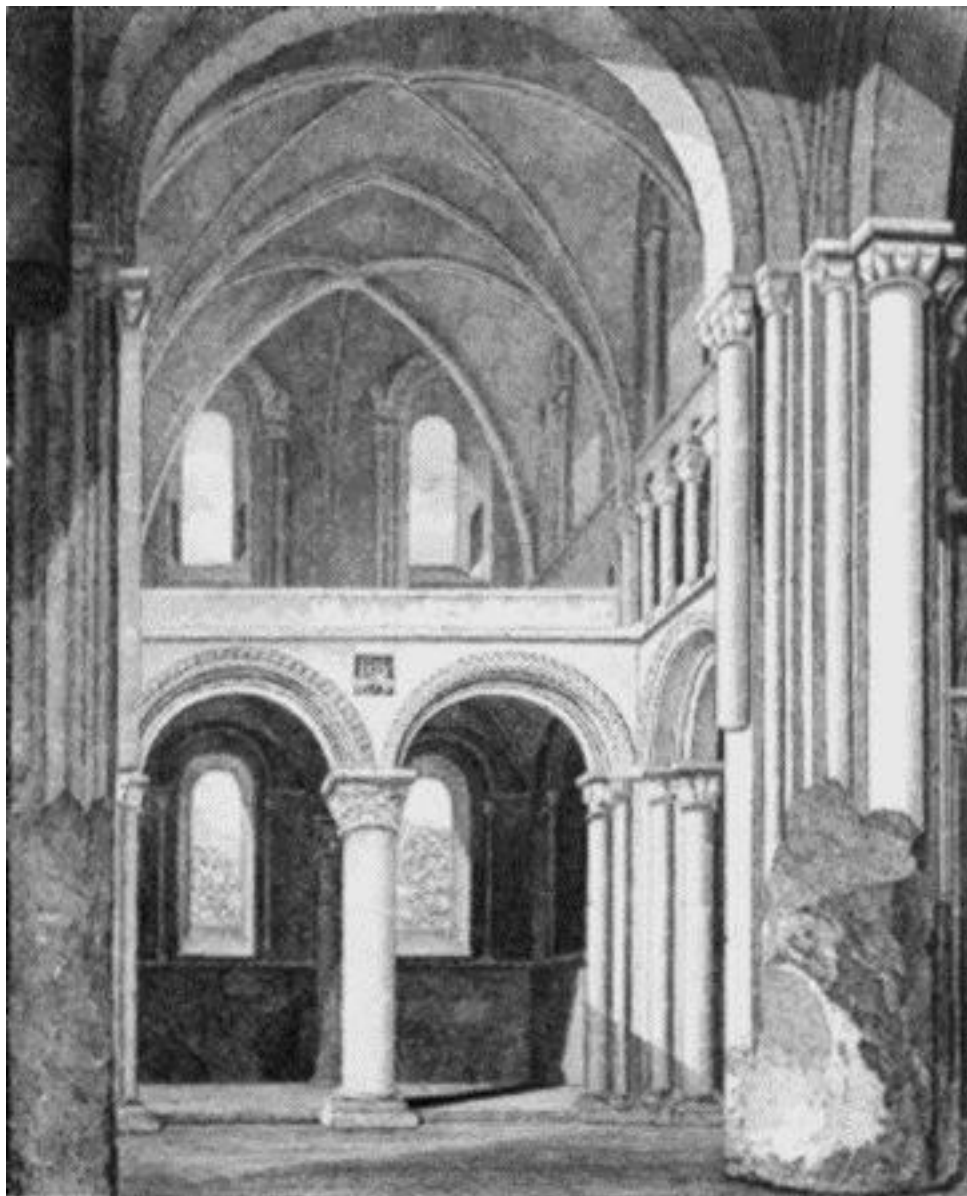

Фото 8. Церковь аббатства Святого Георгия де Бочервиля.
Южный трансепт.

Фото 9. Церковь аббатства Сен-Жорж де Бочервиль.
Скульптурные капители.

В шпангоутах только что упомянутых арок находятся два в высшей степени любопытных барельефа, изображенных здесь на десятой пластине, обозначенные буквами А и В. Они нанесены на квадратные таблички, вырезанные из цельного камня тем же способом, что и блоки для гравировки на камне; края оставлены приподнятыми, чтобы образовать грубые рамки. Одна из них изображает прелата, который держит посох в левой руке, в то время как первые два пальца правой подняты для благословения. Под ним изображены две маленькие головы; но было бы так же трудно догадаться, что они символизируют или почему они помещены там, как и сформулировать смысл, который имел в виду художник, изобразив все свое облачение состоящим из параллельных диагональных линий. На противоположном барельефе изображены два рыцаря верхом на рыцарском поединке; скульптура настолько грубая, особенно в том, что касается размера и формы коней, насколько это можно себе

представить; и все же она обладает силой духа, достойной лучшего века. Щиты у всадников продолговатые; их наклоненные копыа бессмысленны; их конические шлемы заканчиваются внизу носовым отверстием, как у фигур на гобеленах Байе. “Это совпадение”, как было замечено в другом месте [4], “интересно, поскольку в какой-то момент определяет древность этой знаменитой реликвии, не вызывая сомнений в том, что такие шлемы использовались до завоевания; поскольку несомненно, что эти барельефы ровесники здания, в котором они находятся”.

Неф церкви Святого Георгия по своей высоте разделен на три отделения: самое нижнее состоит из ряда квадратных массивных опор, отличающихся лишь несколькими небольшими колоннами, прикрепленными по углам и соединенными широкими арками, которые, как правило, лишены каких-либо других украшений, кроме простой рифленой лепнины; второе отделение, или трифорий, состоит из равномерного ряда небольших арок, прерываемых через определенные промежутки усеченными колоннами; которые, поддерживая выступы крыши вверху, резко заканчиваются внизу, почти на уровне капителей из самых нижних арок; в верхнем этаже арки также простые и без украшений; их размеры почти промежуточны между размерами первого и второго ярусов. Почти нет необходимости упоминать, что в идеальном здании такого типа все арки полукруглые. То же самое относится и к хорам; но эта часть здания значительно богаче своими архитектурными украшениями; и благородная арка, отделяющая ее от нефа, окружена широкой полосой зубчатой лепнины, охватывающей две другие с шевронной лепниной. Струнный ход необычного размера, сформированный из так называемого канатного орнамента, проходит по всему внутреннему пространству здания.

Общий эффект полукруглой формы ист-энда указывает на поразительное сходство между церковью Святого Георгия и Норвичским собором; и тем, кто получает удовольствие от исследований, подобных этому описанию, не мешало бы проследить точки сходства в других частях зданий. Оба королевства едва ли могут похвастаться более благородными или более совершенными зданиями в нормандском стиле; и есть еще одно преимущество, заключающееся в том, что разница между периодами их возведения весьма невелика. Наш английский кафедральный собор возник в начале правления Уильяма Руфуса, когда его последователь Герберт де Лосинга, который, не удовлетворившись покупкой епископства за 1900 фунтов стерлингов, купил также аббатство Винчестера для своего отца за 1000 фунтов стерлингов, предстал перед папой за этот двойной акт симонии и с трудом сохранил свою митру при условии строительства различных церквей и монастырей. Норвич действительно имеет преимущество в своей башне, в отношении которой его можно смело ставить в конкуренцию любому зданию того же стиля в Нормандии или в Англии. По красоте, богатству, разнообразию и чистоте орнамента нет ничего подобного. С другой стороны, Норвич претерпел различные изменения, как в своем интерьере, так и снаружи [5], и у него нет декора того же описания, сравнимого с капителями в церкви Святого Георгия. Они настолько любопытны, что было сочтено правильным посвятить им *девятый* и *десятый* листы этой работы [6]. Капители у западного торца церкви сравнительно просты: по мере продвижения к хорам они становятся значительно более сложными; и наиболее интересно наблюдать за ними, как нормандские архитекторы, по-видимому, в некоторых случаях стремились скопировать римскую модель или даже добавить к ней роскошь орнамента, которой она никогда не знала, но все же сохранили классическое чувство и стиль красоты, которых не должны стыдиться самые гордые эпохи архитектуры; в то время как в других случаях грубость дизайна и исполнения такова, что едва ли можно представить, что они были созданы по римскому образцу. казнен варварским народом,

только что вышедшим из своих гиперборейских лесов, и в равной степени чуждым искусству и более тонким чувствам человечества. И все же, даже в некоторых из тех, что относятся к последнему описанию, внимательное наблюдение может привести к появлению следов классических басен или представлений о святынях христианства. Таким образом, одна из заглавных [7], по-видимому, предназначена для изображения доброго Пастыря и Ягненка; другая [8], по-видимому, ссылается на битву между последователями Энея и Гарпии. Возможно, не будет преувеличением сказать, что многие другие имеют отношение к северной мифологии, а некоторые из них, вероятно, к скандинавской истории.

Рисунок 10. Капители в церкви аббатства Сен-Жорж де Бочервиль.

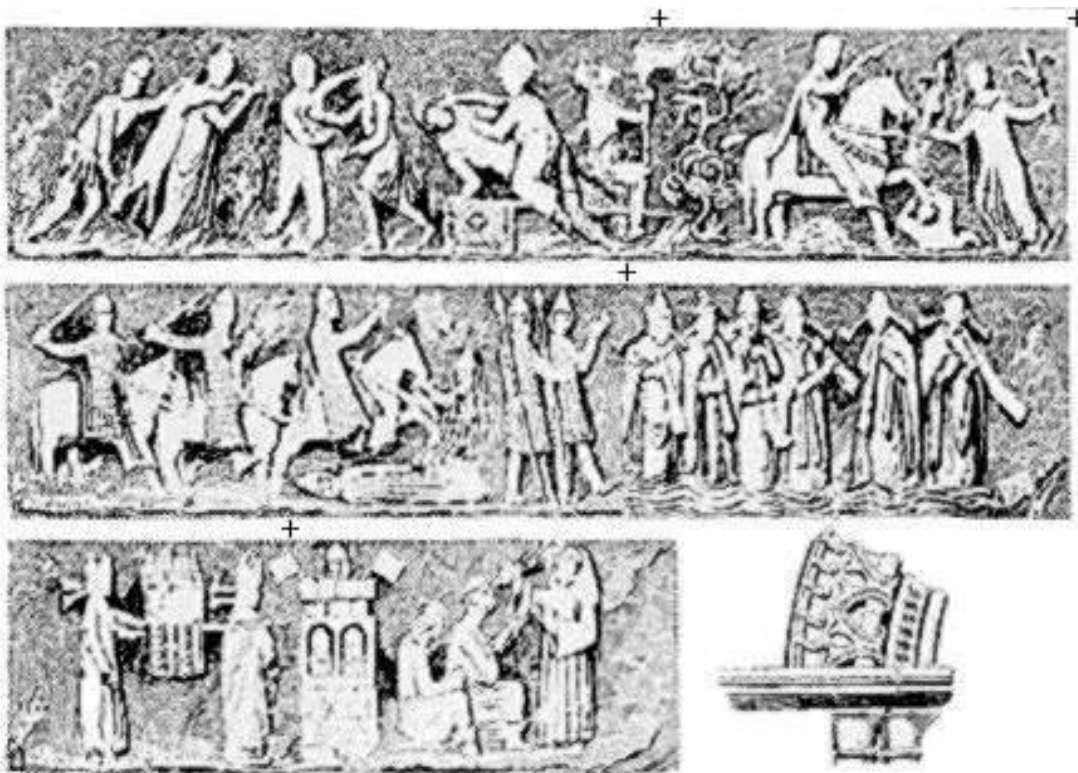

Фото 11. Церковь аббатства Сен-Жорж де Бочервиль.
Скульптура в монастырях.

В здании капитула, которое стоит между церковью и монастырскими зданиями, капители явно исторические и демонстрируют очевидную связь, весьма необычную в подобных случаях. *Одиннадцатая* табличка содержит некоторые из этих [9]. Другой, представляющий наибольший интерес, ныне утраченный, был сделан во время путешествия мистера Тернера по Нормандии по рисунку месье Ланглуа, очень способного и неутомимого художника из Руана. Он представляет собой серию королевских менестрелей, играющих на различных музыкальных инструментах. Известно, что эта часть здания была возведена в конце двенадцатого века и, следовательно, находится на сто лет позже церкви. Сейчас она чрезвычайно обветшала и используется как мельница. Капители, изображенные здесь, взяты из трех арок, которые образовывали западный фасад. Скульптура в верхней строке и в части второй, скорее всего, отсылает к некоторым из легенд нормандской истории: остальная часть, по-видимому, предназначена для изображения чудесного перехода через Иордан и взятия Иерихона израильтянами под командованием Иисуса Навина. Отдельно стоящая лепнина на той же плите скопирована с архивольта одной из этих арок: стиль ее орнамента совершенно своеобразен. К столбам, поддерживающим те же арки, прикреплены фигуры в полный рост, выполненные горельефом, меньшего, чем натуральный размер. Две из них изображают женщин; третья - мужчину; и у одной из первых волосы заплетены в длинные косы, которые доходят с обеих сторон до пояса. Все они держат в руках этикетки с надписями, которые ниспадают к их ногам спереди. Заплетенные в косу локоны и общий стиль скульптуры указывают на сходство между этими статуями и теми, что стоят на порталах церквей Сен-Дени и Шартра, а также теми, что раньше стояли у входа в Сен-Жермен-де-Пре в Париже, все они изображены Монфоконом в его *Памятниках французской монархии*, и им отнесены к монархам династии Меровингов; но

последующие авторы полагают, что это произведения одиннадцатого или двенадцатого века, мнение, которого придерживается большинство исследователей. статуи в Сен-Жорже можно считать подтверждением.

СНОСКИ:

[2] Смотрите *Винчестерский собор Бриттон*, план местности и табличка 12.

[3] *Винчестер Милнера*, I. р. 194.— Мне хорошо известно, что другие авторы, обладающие большим весом, много говорили о *саксонской работе* в Винчестере; но, хотя я с некоторой тщательностью изучил само здание и различные публикации, посвященные ему, признаюсь, я не встретил ни одной статьи, которая не была бы опубликована в для меня быть настоящим нормандцем.

[4] *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 10.

[5] Полное единообразие стиля во всей церкви Святого Георгия в сочетании с отсутствием каких-либо экранов или других предметов, которые могли бы преградить обзор с запада на восток, производит эффект не только грандиозный, но и в целом обманчивый. Невозможно не признать превосходство французов в том, что они таким образом сохранили свои религиозные здания свободными от обременений; также едва ли возможно не быть убежденным в том, что нормандская церковь больше английской, хотя их соответствующие размеры в действительности следующие:

	НОРВИЧ.	СЕНТ-ДЖОРДЖЕС.
Длина нефа	200 футов	135 футов
— — хоры	183	92
— — трансепты	180	102
Ширина нефа с проходами	70	64 ½

[6] На первой из этих табличек заглавными буквами обозначен номер . 1, 6, 8, 9, 10, и 12 взяты с внешней стороны восточного конца; № 2, 6 и 7 - со стороны нефа; и № 3, 4 и 11 - со стороны входа. На последней плите внешняя сторона восточного конца снабжена номерами 1, 2, 3, 6, 7, 8, и 10; неф - номерами 4 и 9; и дверной проем - номером 5.

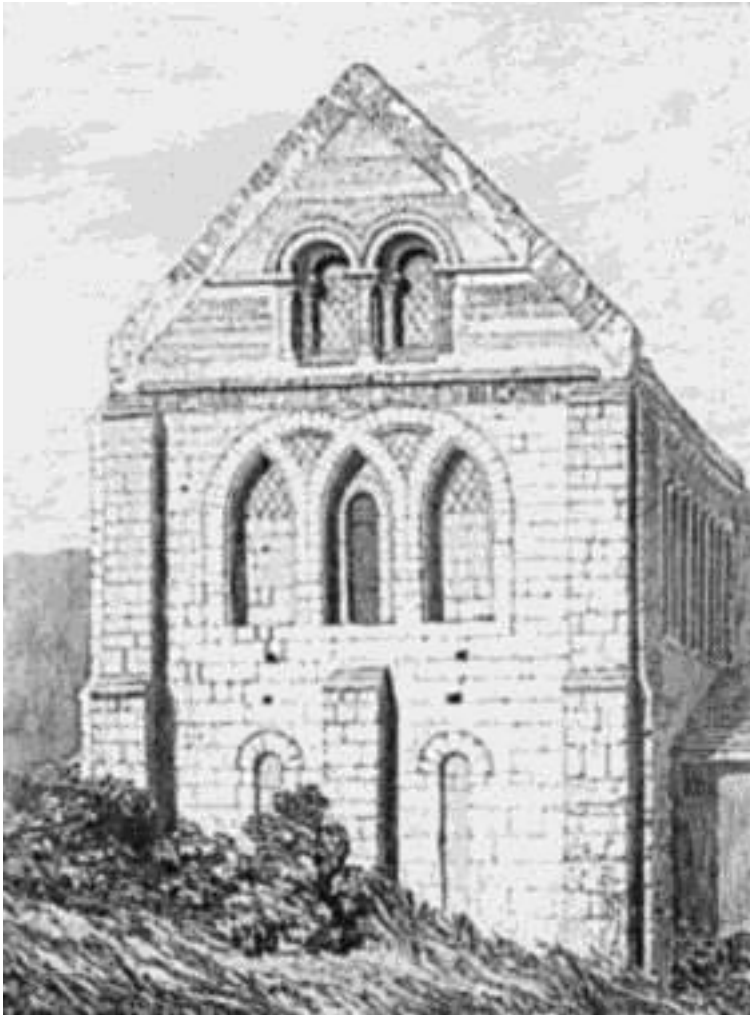
[7] *Табличка 10*, № 8.

[8] *Табличка 10*, № 5.

[9] Следует отметить, что эта табличка содержит пять заглавных букв, протяженность каждой из которых можно различить по маленьким крестикам вверх.

ТАБЛИЧКА XII.

ГРЕВИЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ. (КОНЕЦ СЕВЕРНОГО ТРАНСЕПТА.)

Табличка 12. Церковь Гревилля.

Церковь Гревилля, как и церковь Святого Жоржа де Бочервиля, хотя и является ныне приходской, до революции была монастырской, поскольку принадлежала одноименному приорату, прекрасно расположенному на возвышенности недалеко от устья Сены, на расстоянии полумили от Гавр-де-Грас. Происхождение этого монастыря упоминается в *Нейстрия Пиа* [10] примерно к 1100 году; но с уверенностью ничего не известно об этом до 1203 года, когда Вальтер, архиепископ Руана, подтвердил своим одобрением основание регулярных канонов, установленных здесь Уильямом Мале, лордом деревни, которая называлась на латыни тех времен, *Вилла Джирарди*, или *Вилла Джеральди*. Предполагается, что современное название Grâville является сокращением от них. Каноны, установленные здесь таким образом, были привезены из Сен-Барба в Оге и были подарены основателем всеми землями, которыми он

владел в Нормандии и Англии. В последующих актах, один из которых датируется концом пятнадцатого века, разные члены одной и той же семьи продолжали делать пожертвования монастырю. Последним упоминался Луи Мале, адмирал Франции, чье имя также можно найти среди благотворителей Руанскому собору, поскольку он подарил большой колокол весом в шестьсот шестьдесят шесть фунтов, который до революции висел в центральной башне.

Уильям Мале, основатель Гревилля, был одним из нормандских вождей, сражавшихся под началом Завоевателя в битве при Гастингсе [11]; и говорят, что он был выбран своим принцем по этому случаю, чтобы позаботиться о теле Гарольда и проследить за его достойным захоронением. Писатели, однако, расходятся во мнениях по этому вопросу: Найтон, опираясь на авторитет Хиральда Камбрэнсиса, утверждает, что, хотя Гарольд пал в битве, он не был убит; но, спасаясь, удалился в келью возле церкви Святого Иоанна в Честере и умер там отшельником, как признал он сам в своей последней исповеди, когда лежал при смерти; в память о чем они показали его могилу, когда Найтон писал. Рапен, с другой стороны, в своей *Истории Англии* отмечает, что древний манускрипт из Коттонской библиотеки сообщает, “что тело короля было трудно узнать из-за того, что оно было покрыто ранами; но в конце концов оно было обнаружено женщиной, которая была его любовницей, с помощью определенных личных знаков, известных только ей; после чего герцог отправил тело своей матери без выкупа, хотя она, как говорят, предложила ему его на вес золота”. Почти та же история рассказана в *Книге "Gesta Gulielmi Ductis"* [12], написанной Уильямом, архидиаконом Лизье, современным автором. Ордрик Виталис [13] упоминает Уильяма Мале два года спустя как командующего войсками Завоевателя в Йорке, осажденном датчанами и большим отрядом союзников под командованием Эдгара Ательинга и других вождей; и мы обнаруживаем, что его сын Роберт получил от того же короля честь Ока, в Саффолке, вместе с двумястами двадцатью одним лордством в том же графстве; и многими другими в Хэмпшире, Эссексе, Линкольне, Ноттингеме и Йорке. Этот Роберт занимал должность великого камергера Англии в начале правления Генриха I; но только на второй год правления он примкнул к делу Роберта Кертоза, за что был лишен наследства и изгнан. С ним, похоже, закончилось величие семьи в Англии.

Церковь Гревилля была посвящена святой Гонорине, деве-мученице, чьи мощи хранились там во времена, предшествовавшие вторжению норманнов, но затем были перевезены в Конфлан на Марне. Питер де Наталибус, как бы обильен он ни был в своей Агиологии, не замечает Онорину, чье влияние, тем не менее, было самым выдающимся в освобождении узников от оков; и чьи алтари были соответственно обвешаны множеством цепей и орудий пыток. Автор *"Нейстрийской Пии"*, свидетельствующий о многих чудесах, подобных этому описанию, рассказывает, что ее святость распространилась даже на лошадь, на которой она ездила, до такой степени, что, когда тело животного после его смерти было брошено собакам как падаль, все они отказались прикасаться к нему; и монахи в память о чуде использовали шкуру для покрытия церковных дверей, где она оставалась до середины семнадцатого века.

За исключением вест-энда, который находится в руинах и полностью утратил портал и башни по бокам от него, церковь Гревиль все еще остается относительно целой: по своему стилю и общим очертаниям, но особенно по центральной башне и шпилью, она имеет значительное сходство с церковью Святого Жоржа де Бочервиля. Однако с архитектурной точки зрения он сильно уступает этому благородному сооружению; но конец северного трансепта, выбранный для описания настоящей таблички, с точки зрения интереса вряд ли уступит какому-либо другому зданию в Нормандии. Ряд скульптур непосредственно над окнами, вероятно, уникален: среди

них очень отчетливо изображен Стрелец; а рядом с ним - животное, вероятно, предназначенное для лошади, хвост которого заканчивается решительной лилией, в то время как он держит во рту то, что, по-видимому, должно изображать другого. Фигура Стрельца повторяется также на одной из капителей нефа, которые в целом выполнены в том же художественном стиле, что и самые варварские в Сен-Жорже, и не менее причудливы. Переплетающиеся арки с плоскими поверхностями, которые закрывают окна непосредственно под скульптурами, могут сочетаться с аналогичными рядами снаружи церкви аббатства Святого Стефана в Кане и в конце северного трансепта Норвичского собора. Аналогичным образом, из работы мистера Картера о *ранней английской архитектуре* (фото 23) следует, что другие, похожие на них, расположены на нижнем этаже церкви ист-энд-оф-Тикенкоут в Ратлендшире. Это обстоятельство здесь скорее упомянуто, поскольку этот способный антиквар считает церковь образцом истинно саксонской архитектуры; тогда как можно с уверенностью утверждать, что в ней нет такой части, как он изобразил, но она может быть точно повторена нормандской. То же самое можно сказать и почти о каждом отдельном случае, который он привел в качестве иллюстрации стиля, используемого нашими саксонскими предками. В Гревиле ряд подобных арок продолжается вдоль западной стороны северного трансепта; и, судя по общему виду церкви, можно полагать, что она датируется более ранней, чем любая из других, только что упомянутых.

Значительная часть монастырских построек сохранилась до наших дней, но они сравнительно современные.—Литографическая табличка с изображением этого монастыря была опубликована в Париже издательством Bourgeois в 1818 году.

СНОСКИ:

[10] Стр. 861.

[11] *Список вымерших пэров Бэнкса*, I. p. 126.

[12] *Дюшен, Scriptorum Normanni*, стр. 204.

[13] Там же. стр. 512.

ТАБЛИЧКА XIII.

ЗАМОК СЕН-СОВЕР-ЛЕ-ВИКОНТ. [14]

Происхождение замка, изображенного здесь, относится ко времени основания норманнами провинции, которая сейчас носит их имя. Описание древнего баронства Сен-Совер показывает, что в 912 году, когда Карл Простой уступил Нормандию Ролло, новый герцог даровал это великое владение в соответствии с общими обязательствами феодального владения Ричарду, одному из главных вождей, которые сопровождали его из Норвегии. В 913 году Ричард основал в своем замке часовню, которая в следующем году была посвящена Святой Троице Гербертом, епископом Кутанса. Многие из потомков Ричарда носили имя Неэль; и именно первому из так называемых герцог Вильгельм Лонг Эпе присвоил титул виконта примерно в 938 году. В 998 году Ричард, второй носитель этого имени, основал в своем замке Сен-Совер с санкции Гуго, епископа Кутанса, коллегиальную церковь, состоящую из четырех пребендий. В начале

правления Вильгельма Завоевателя Неэль де Сен-Совер поднял оружие против оспариваемого титула этого государя, вследствие чего его земли были конфискованы, а сам он был вынужден искать убежища в Бретани. Предполагается, что это произошло в 1047 году; но гнев оскорбленного герцога был недолгим; уже на следующий год есть отчет о том, что Вильгельм вернул Неэлю титул лорда Сен-Совера “в знак уважения к услугам, которые он ему оказал”. Такая же снисходительность, однако, не была проявлена в отношении титула лорда Неэля в Неху; поскольку оно было навсегда отчуждено и было предоставлено семье Ривье, или Редверов, которые несколько лет спустя стали могущественными в Англии, где они получили грант на владение землей. остров Уайт, в Фи, и были созданы Генрихом I. Графы Девонширские. Коллегиальная церковь, основанная в замке Сен-Совер в предыдущем столетии, была упразднена в 1048 году из-за некоторого оскорбления, нанесенного вождем поведению каноников; и он основал в их комнате монастырь бенедиктинцев, преемники которого, выйдя за пределы крепости, возвели аббатство, о котором пойдет речь на следующей табличке.

Табличка 13. Замок Сен-Совер-ле-Виконт.

Имя Сен-Совера можно найти в списке офицеров, сопровождавших Завоевателя в Англию; и записи тех времен также хранят память о некоем Нееле, который был убит при Кардиффе в 1078 году. Однако войсками Котантена, участвовавшими в завоевании, командовал Роберт, граф де Мортен, сводный брат герцога, который, скорее всего, был обязан этому близкому родству столь гордым знаком отличия. Семья Неэль недолго владела Сен-Совером: владелец замка умер в 1092 году, оставив только дочь по имени Летиция, которая вышла замуж за Журдена Тайссона, или Тессона, и принесла ему эти владения в качестве своего приданого. По истечении примерно столетия подобное событие лишило Тайссонов Сен-Совера. Джейн, последняя из этой семьи, заключила союз с Харкуртами, и у них светлость оставалась до середины четырнадцатого века, когда владения Жоффруа д'Аркура были конфискованы за уголовное преступление, и замок перешел бы в руки нового хозяина, если бы не успехи нашего государя Эдуарда III. вмешался и остановил последствия конфискации.

История, начиная с этого времени, более определенно говорит о силе крепости: во время битвы при Пуатье Жоффруа д'Аркур удержался здесь во главе многочисленного гарнизона, состоящего из войск Англии и Наварры, и не только бросил вызов превосходящим силам французских генералов, но и распространил свои опустошительные действия на всю Нижнюю Нормандию. Аббатство Лессе и кафедральный собор Кутанса особенно пострадали от его нападков. Что касается последнего, то он фактически осадил его, когда отряд, посланный против него регентом и штатами королевства, вынудил его повернуть свое внимание домой; и его войска были разбиты, а он сам убит. Замок, в данном случае, предоставил беглецам надежное убежище; и, вследствие смерти Харкорта, перешедший в руки короля Англии, был им снабжен гарнизоном в четыреста человек под командованием Джехана Лайла, и почти сразу же после этого был пожалован Эдуардом сэру Джону Чандосу в награду за его выдающиеся заслуги. Укрепления, находящиеся под присмотром этого способного капитана, подверглись тщательному ремонту в 1360 году; и считается, что по этому случаю цитадель была в основном, если не полностью, перестроена; та же самая широкая квадратная башня, которая стоит сейчас и является главной особенностью руин. Труд, оказанный таким образом Сен-Соверу, сделал его одним из главных постов герцогства. Раймер, который неоднократно упоминает об этом, прямо заявляет, что наши соотечественники содержали в нем многочисленный гарнизон, который после битвы при Оре безудержно господствовал над соседними частями и был виновен в таких бесчинствах, что в 1374 году Карл V, тогдашний король Франции, был вынужден направить против них мощное вооружение, как на море, так и на суше, под командованием сэра Джона Вьенского, адмирала королевства, которому помогали все бароны и рыцари Бретани и Нормандии. Сен-Совер в то время находился в руках сэра Джона Вьенского, адмирала королевства. Алейн Боксхалл, которому Эдуард подарил его, после смерти сэра Джона Чандоса; но сам он тогда находился в Англии; и, согласно Фруассару [15], он оставил там в качестве губернатора оруженосца по имени Карентон, или Катрингтон, с сэром Томасом Корнетом, Джоном де Бургом и тремя братьями Молевриер, с которыми там могло быть около шести десятков товарищей, все вооруженные и готовые к обороне. Эта горстка людей оказала долгое и упорное сопротивление, которое, в конце концов, закончилось шестинедельным перемием, сопровождавшимся условием, что, если не будет обеспечена предварительная сдача крепости, она должна быть сдана в определенный июльский день 1375 года. Время пришло; помощь не прибыла, и французы овладели Сен-Совером, хотя и не без многочисленных возражений со стороны осажденных, которые утверждали, что Брюггский мирный договор, подписанный тем временем двумя государями и установивший общее перемирие, также должен был иметь силу замены всех частичных договоров.

По этому случаю упоминается значительная сумма денег, которая должна была быть выплачена гарнизону после того, как они покинут замок. Факт, хотя и незамеченный Фруассаром и Холиншедом, не мог не быть печально известным; ибо, по-видимому, Иоанн Вьенский собрал три штата провинции в Байе с целью сбора денег; и Раймер сообщает нам, что соответствующие стороны назначили папских легатов хранителями как денег, так и замка до тех пор, пока не будут выполнены все условия. В этом обстоятельстве мы находим объяснение смерти Катрингтона, на котором Холиншед останавливается довольно подробно, давая наиболее любопытный и занимательный отчет о сопутствующих этому обстоятельствах [16]. Сэр Джон Эннесли, который женился на племяннице сэра Джона Чандоса и по этой причине претендовал на наследство Сен-Совера с землями, прилегающими к замку, обвинил Катрингтона в государственной измене в связи с капитуляцией; и после значительных трудностей на третьем

году его правления убедил короля Ричарда II уступить место единоборству. Мероприятие, проводимое в рамках конкурса, было сочтено оправдавшим возложенные на него обязанности. По словам Холиншеда, Катрингтон, который был очень сильным человеком, в то время как его противник был совсем наоборот, был так тяжело ранен в бою, что скончался на следующий день. Дагдейл и Фабиан, однако, утверждают, что его отволокли в Тайберн и там повесили за государственную измену.

Король Франции, вернув себе владение Сен-Совером, передал это владение Бюро де ла Ривьеру, своему камергеру: от него оно перешло в 1392 году в руки Джона Карла, лорда Эври, который все еще владел им в 1417 году, когда наш король Генрих снова передал его под власть английского скипетра. Во время последующего неудачного правления этот замок в 1450 году разделил судьбу всех других британских владений в Нормандии; и, как и большинство остальных, он оказал лишь слабое сопротивление победоносному оружию Франции. Несколько дней осады было достаточно, чтобы заставить сдаться его гарнизон из двухсот человек, который, по признанию современных историков, был одним из лучших и укрепленных мест в герцогстве. Сен-Совер с этого времени больше не прославляется в истории как крепость; более того, он даже, кажется, не упоминается как таковой, за исключением Мемуаров маршала де Матиньона, где утверждается, что было выдвинуто требование о тридцати человеках для его гарнизона. По всей вероятности, перемена, произведенная в военном искусстве появлением пушек, привела к тому, что оно незаметно отошло на второй план, а затем постепенно пришло в свое нынешнее жалкое состояние ветхости. Ближе к концу семнадцатого века в его стенах была основана больница; и она существует до сих пор, но в большой бедности из-за того, что средства были отчуждены или потеряны во время революции.

Из древних укреплений замка большая часть сохранилась либо целиком, либо в достаточной степени, чтобы ее можно было проследить. Самая важная из всех, крепость, идеальна снаружи, но внутри была настолько полностью разрушена, что первоначальное расположение полов и балок обнаружить не без труда. Также сохранились две баллии: большая, которая защищала крепость; меньшая, в форме полумесяца, предназначенная для противодействия приближению врага со стороны города. На севере небольшая река Уве образовывала естественную защиту. На юге до сих пор видны двое ворот, из которых те, что вели в подземелье, были значительно прочнее. Он был защищен сооружениями, обычно применявшимися с четырнадцатого по шестнадцатый век для защиты входов в крепости; и под ним все еще сохранились, с обеих сторон, скамьи из свободного камня, предназначенные для стражи, способные вместить от пятнадцати до двадцати человек. Остальные надворные постройки, которых было много, теперь исчезли; но в городе все еще живут люди, которые помнят, что видели ямы, наполненные водой. В настоящее время они уничтожены, а на их месте расположены жилые дома и сады.

Ниже приведен список лордов Сен-Совера с 1450 года до революции.—Карл VII. когда он впервые отвоевал замок у англичан, он передал его вместе с обширными владениями Эндрю де Вилькье и его наследникам мужского пола; и он оставался в этой семье до 1536 года, когда из-за отсутствия таких наследников он вернулся к короне и находился в руках Франциска I и его преемников до 1572 года. В то время Карл IX пожаловал его Кристоферу де Бассомпьеру, от которого оно перешло к Франсису де Бассомпьеру, маршалу Франции. В 1612 году он снова вернулся на трон, который затем заняла Мария Медичи, вдова Генриха IV. чей сын, Людовик XIII. в 1620 году передал его Джону Фелипо де Вильсави, и он владел им до 1631 года. После него семьи Де ла Гиш и Жеран в течение тридцати восьми лет были владельцами Сен-Совера. По

истечении этого срока светлость вновь вошла в состав королевских владений, пока Людовик XIV в 1698 году не передал ее своему незаконному сыну, графу Тулузскому, сын которого, Луи Жан Мари де Бурбон, герцог де Пентьевр, не унаследовал ее по наследству в 1727 году. Вскоре после этого он передал его, как часть ее наследства, своей дочери, которая вышла замуж за Луи Филиппа Жозефа Орлеанского, герцога Шартрского; и с тех пор он оставался во владении орлеанской семьи до периода революции.

СНОСКИ:

[14] Автор должен выразить свою признательность, и он просит сделать это в самых решительных выражениях, доброте М. де Жервиля из Валони за очень много сообщений, направленных на продолжение этой работы; но особенно за те, которые касаются церкви и аббатства Сен-Совер-ле-Виконт, которые были настолько обильными, что мало что потребовалось, кроме как перевести их. на английский.

[15] *Перевод Джонса*, правка октаво. IV. с. 268.

[16] Редактировать кварто. II. с. 726.

ФОТО XIV.

ЦЕРКОВЬ АББАТСТВА СВЯТОГО ВИКОНТА. (ВИД НА СЕВЕРО-ВОСТОК.)

Табличка 14. Церковь аббатства Сен-Совер-ле-Виконт.

Остатки аббатства Сен-Совер-ле-Виконт расположены недалеко от одноименного замка в департаменте Ламанш, недалеко от западной оконечности Нормандии, примерно в восемнадцати милях к югу от Валони и в пятидесяти милях к северу от Кутанса. Добавление термина *виконт* к названию этого домена, возможно, было вызвано двоякой причиной; - для обозначения важности его владельца и для отличия монастыря от других религиозных учреждений герцогства, также посвященных Святому Спасителю, особенно женского монастыря Сен—Совер в Эвре.

В соответствии с предыдущей статьей было необходимо кратко упомянуть об основании этого монастыря, который возник из коллегиальной церкви, основанной в 998 году в замке Сен-Совер Ричардом Неелем, вторым виконтом; основание, которое всего пятьдесят лет спустя было упразднено и заменено обществом бенедиктинцев из Жюмьежа. Изменения, подобные этому описанию, ни в коем случае не были редкостью в те беспокойные времена: действительно, что касается характера вождей и духовенства, скорее удивительно, что они происходили не чаще; и еще большее удивление может вызвать то, что виконт де Сен-Совер позволил группе людей, от природы властных и неизбежно руководствующихся интересами, отличными от его собственных, оставаться около столетия под его крышей, чем то, что он впоследствии переселил их на то место, которое они впоследствии продолжали занимать. Оригинальный устав, выданный Неэлем монахам из Джумьезеса, сохранился среди документов в *Христианской Галлии*. Говорят, что его брат Роже руководил возведением нового монастыря, в этом благочестивом деле ему помогала Летиция, его племянница, единственная наследница Нееля, а ныне замужем за Журденом Тайссоном, который по праву стал сеньором Сен-Совера. Этот Журден со своей женой и тремя сыновьями присутствовал при освящении церкви, так что ее строительство можно смело отнести к началу двенадцатого века. Г-н де Жервиль, опираясь на Мемуары семьи Харкорт, утверждает, что некоторые из этих последних также помогали в строительстве; и все же он не желает признавать, что какая-либо ее часть была возведена в следующем столетии, когда поместьем завладели Харкортсы. Он утверждает, что “весь стиль здания указывает на период, приближающийся к 1100 году; в то время шла борьба между остроконечной и полукруглой архитектурой”. Оставляя в стороне давно оспариваемый вопрос о дате возведения стрельчатой арки, я, со своей стороны, не могу не подозревать, что часовня Пресвятой Богородицы была возведена позднее и, вероятно, эпохи Харкортсов. Его узкие окна в виде трилистников вверху и более простые внизу, по-видимому, решительно указывают на такой период; а глубокие контрфорсы представляют собой еще один, не менее позитивный признак. Нижняя часть этой части церкви демонстрирует архитектурную особенность, заслуживающую внимания: стена значительно шире в том месте, где она соединяется с землей; после чего она постепенно уменьшается в размерах последовательными ярусами на несколько футов вверх, а затем поднимается перпендикулярно.

То, что осталось от западного портала, выполнено в более раннем стиле. Вход в него осуществлялся через полукруглую арку, окаймленную выступом лепнины в виде шляпки гвоздя. В нефе нижние арки с колоннами и их капителями, а также ложный ряд арок в трифории полностью выполнены в нормандском стиле; в то время как окна верхнего этажа и сопутствующие им украшения столь же полностью готические. Трансепты и хоры представляют собой подобную смесь.

Харкортсы, владевшие Сен-Совером до середины четырнадцатого века, приложили немало усилий для сохранения аббатства; но едва умер последний представитель этого благородного

рода, как монастырь подвергся всем бедствиям войны. Он неоднократно подвергался разграблению противоборствующими сторонами и, наконец, был почти разрушен по приказу короля Эдуарда III. который, исходя из неблагоприятного положения дел, предвидел, что французы, вероятно, вскоре возьмут замок в осаду, желал, по крайней мере, лишить их преимущества, которое они могли бы извлечь из обладания монастырем. Неоднородный характер архитектуры церкви объясняется повреждениями, полученными по этому случаю, и теми, которые были нанесены во время войн следующего столетия. Нижняя часть здания, скорее всего, долгое время оставалась в том же разрушенном и заброшенном состоянии, в каком она была оставлена после исполнения приказов Эдуарда III.; этажерка и арки над ней не были пристроены до возвращения спокойной эпохи.

Действительно, исторически известно, что финансы монастыря в тот период находились в таком же плачевном состоянии, как и стены; настолько, что Томас дю Бигар, который был избран аббатом в 1376 году и занимал этот пост четырнадцать лет, все это время находился под папским запретом за неуплату своих аннатов; и его преемник, Дени Локе, не отваживался принять посох, пока не совершил поездку в Авиньон и не получил его от Климента VII. освобождение от того, что было причитающимся, как в связи с избранием его предшественника, так и в связи с его собственным избранием. В 1422 году три государства Нормандии, собравшиеся в Верноне с согласия герцога Бедфорда, поручили чиновнику Валони провести расследование убытков, понесенных аббатством. Его отчет по этому вопросу представляет собой любопытный исторический документ, малоизвестный и, к сожалению, почти двадцати футов длиной. Г-н де Жервиль любезно предоставил следующие выдержки из него. “Сильвестр де ла Сервель, Ивон де Галль и Бертран де Глескен вместе с адмиралом Джоном де Вьеном командовали армией при осаде замка Сен-Совер в 1375 году н.э. Англичане перед осадой разрушили аббатство и прилегающие к нему здания, чтобы их враги не обосновались там и не досаждали им. Монахи Сен-Совера сначала нашли убежище в аббатстве Обет близ Шербура, а затем в Джерси, где у монастыря было некоторое имущество: некоторые из них также удалились в зарубежные монастыри в поисках средств к существованию, которые их собственные больше не могли им обеспечить.—По возвращении настоятель и духовенство обнаружили, что их здания разрушены; и в период инквизиции, несмотря на все их усилия и деньги, которые они могли собрать, они все еще были вынуждены совершать богослужение в трапезной. Монахи и аббат, искавшие убежища на Джерси, были вынуждены покинуть это убежище, потому что король Англии наложил арест на их тамошнее имущество. Те, кто вернулся в монастырь первыми, построили себе навесы у стены и там развели костер, чтобы одеться, съестные припасы, в то время как в качестве ночлега они воспользовались некоторыми хранилищами, которые еще оставались.—Так велика была их бедность, что один из свидетелей заявил в своих показаниях, что у них не было средств купить *хлебную муку, которую можно было бы использовать для карниума*.—Другой показывает, что во время осады французы обстреливали одну из башен с такой силой, что она была разрушена, *fuertunque combustæ novæ campanæ, quarum una habebat octo buccellos ad mensuram Sti. Salvatoris*.”

После окончательного изгнания англичан Джон Кайо, назначенный аббатом в 1451 году, “восстановил”, по выражению *Христианской Галлии*, монастырь, разрушенный нашими соотечественниками; и надо отдать ему должное, он постарался сделать свои пристройки в стиле, соответствующем оригиналу. Но разница в мастерстве очевидна для глаза; и были добавлены различные украшения, несовместимые с простотой прежних времен.

Длина церкви составляла около двухсот французских футов. Список сорока трех аббатов приведен в *"Галлия Христианская"*; [17] и с момента публикации этой работы до начала революции было еще двое, из которых М. де Николаи был последним.

СНОСКИ:

[17] XI. стр. 923.

ФОТО XV.

ДОМ В ГРЕЙТ-АНДЕЛИС.

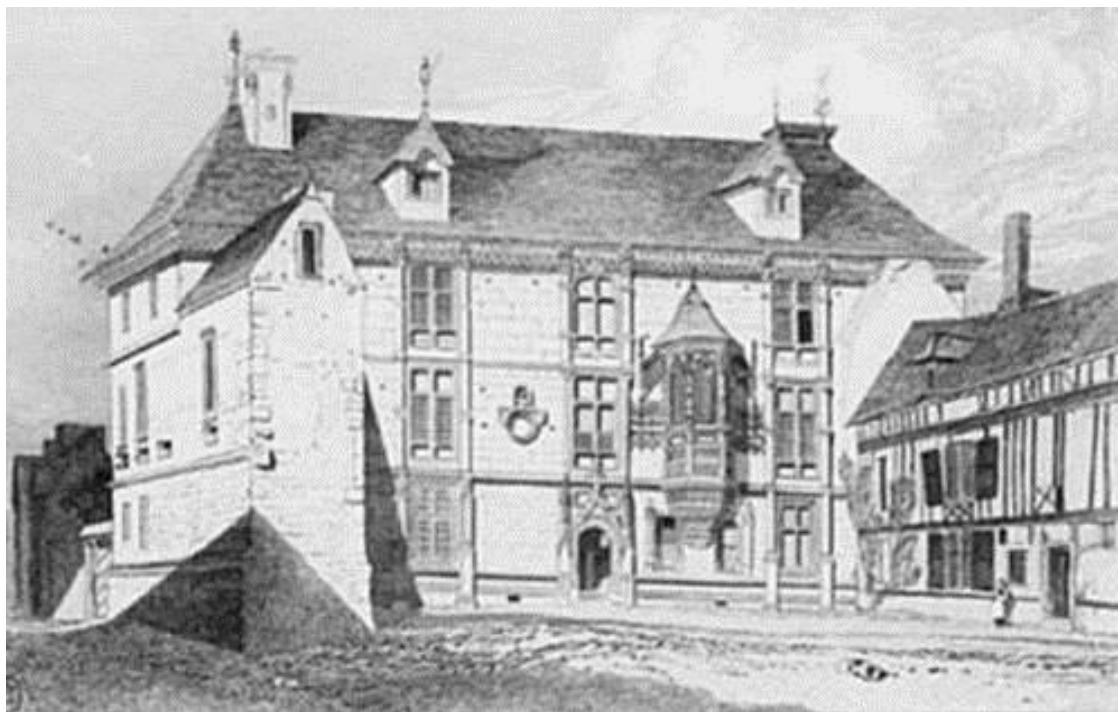

Фото 15. Большой дом.

Анделис.

Примерно в сорока милях к юго-западу от Руана, на правом берегу Сены, на западных границах древнего герцогства Нормандия, стоит город Грейт-Анделис, названный так не из-за его собственной величины, а для того, чтобы отличать его от одноименной деревни, расположенной в непосредственной близости от него.

В прежние времена немногие места могли похвастаться в большей степени “запахом святости”, чем Анделис. Своей известностью и, вероятно, также своим существованием он был обязан женскому монастырю, основанному здесь святой Клотильдой, который в седьмом веке, во времена Беды достопочтенного, пользовался высочайшей репутацией. Но его слава была недолгой: он пал во время вторжений норманнов и, в отличие от большинства других, похоже,

не обладал фениксовой силой возрождения. Впоследствии на его месте возникла коллегиальная церковь, которой г-н де Харле, архиепископ Руана, официальным актом, датированным 1634 годом, присвоил звание первой коллегиальной церкви епархии. Полученное таким образом отличие объяснялось не только его древностью, но и необычным количеством его духовных лиц, особенно тех, кто составлял его капитул.

Однако, хотя монастырь Святой Клотильды был разрушен, жители Анделиса продолжали пользоваться ее особым покровительством. Церковь находилась под ее покровительством, но в большей степени ее благосклонность была оказана древней часовне и примыкающему к ней фонтану, которые носили ее имя. Последний с древнейших времен славился своими чудодейственными свойствами при лечении различных расстройств; и это продолжает оставаться таковым по сей день. Святая Клотильда во время возведения монастыря превратила его воду в вино для помощи падающим в обморок рабочим. Духовенство Анделиса в память о чуде ежегодно, до революции, по возвращении ее праздника, выливало в источник большие кувшины вина. Во время революционного порыва святая Клотильда вместе с остальной римской иерархией потеряла свой авторитет во Франции. Сейчас она быстро поправляется: в ее святилище снова творятся чудеса; и, по всей вероятности, недалеко то время, когда вера будет такой же сильной, процессии такими же великолепными, толпа приверженцев такой же большой, а исцеления такими же надежными, как и прежде. Остается только надеяться, что здравый смысл и высшая мораль нашего времени смогут предотвратить повторение тех непристойных и скандальных сцен, которые, по словам очевидцев, раньше слишком часто повторялись по этому поводу. Человеческая природа должна странным образом измениться, прежде чем разум человека перестанет предпочитать избыток суеверий здоровой диете здоровой религии: никто, кроме дурака или плута, никогда не посоветовал бы ему прибегнуть к голодной смерти в виде неверия.

В конце XI века Анделис приобретает некоторую историческую известность в хорошо известном обмене, заключенном между Ричардом Львиным и Вальтером, архиепископом Руанским; когда король, желая, как он утверждает, предотвратить вторжения врага в свое герцогство, купил у прелата город и поместье Анделис, уступив города Дьепп, Бутей и Лувье вместе с лесом Альермон и руанскими мельницами. Сделка была трудной, но возведение замка Гайяр в непосредственной близости от Анделиса доказало правильность взглядов монарха. Последующий договор, [18], заключенный в 1200 году между королем Иоанном и тем же архиепископом, подтвердил обмен.

В наше время Анделис прославляется только как место рождения Пуссена и Адриана Турнебюса и как место захоронения Корнеля.

The *Большой дом* в Анделисе, изображенный на этой табличке, существовал в 1818 году, как он здесь представлен, действительно, лишенный большей части своего древнего великолепия, превращенный из резиденции дворянина в зернохранилище и, скорее всего, уменьшенный на целых две трети от своих размеров, поскольку сохранил, по-видимому, немногим больше той части площади, которая выходила во внутренний двор, вместе с небольшой частью одного из его крыльев. Сейчас (в 1821 году) о нем можно говорить только как о здании, которое действительно существовало: в прошлом году его сравнивали с землей. Следующее описание взято из *тура мистера Тернера по Нормандии*: [19] “В Анделисе находится ценный образец старинной домашней архитектуры. *Большой дом* - самый роскошный особняк, очевидно, эпохи

Франциска I. Но я не смог получить никаких сведений ни о его прежних обитателях, ни об истории. Я должен снова позаимствовать что-то из словаря моего друга и сказать, что он построен в 'бургундском стиле'. По своим общим очертаниям и характеру он напоминает дом на *площади Пусель* в Руане. Его стены, действительно, не покрыты таким изобилием скульптур, но, возможно, его простота сопровождается большей элегантностью.—Окна расположены в трех секциях, образованных тонкими контрфорсами, которые доходят до крыши. Они имеют квадратную форму и разделены цоколем и фрамугой. Портал находится в центре: он образован аркой в стиле тюдор, украшенной глубокой лепниной, и увенчан высоким карнизом, заканчивающимся черепичной башенкой, которая пересекает карниз непосредственно над ним, а также подоконник окна, а затем соединяется со средником последнего.—Крыша имеет очень высокий уклон.—Фигурный карниз, на который она опирается, смело украшен листвой.—Дымоходы украшены угловатыми контрфорсами. Все эти части здания более или менее напоминают нашу готическую архитектуру шестнадцатого века; но самое великолепное эркерное окно, которое заполняет все пространство между центральным и левым отделениями, является образцом остроконечной архитектуры в ее лучшем и чистейшем стиле. Арки высокие и острые. Каждый угол образован двойным контрфорсом, а прикрепленные к ним дарохранительницы заполнены статуями. Цокольный этаж эркера, выступающий из плоской стены дома, по бартизанской моде разделен на отсеки, украшенные медальонами и украшенные самыми разнообразными и красивыми узорами. По обе стороны залива вдоль стены тянутся парящие контрфорсы с искусно выполненными скульптурами.— Поскольку, сравнительно говоря, хорошие образцы старинной домашней архитектуры очень редки, я бы особенно рекомендовал обратить внимание на это в Анделисе каждому архитектору, которого случайность может привести в Нормандию.— Это здание, как и слишком многие другие такого же класса в наших собственных графствах Норфолк и Саффолк, пришло в упадок из-за своего положения. *Большой дом* используется просто как зернохранилище, хотя за очень небольшие деньги его можно было бы отремонтировать для жилья. Камень сохраняет свою чистую и отполированную поверхность, а массивные деревянные балки не поддаются гниению.— Внутреннее убранство соответствует внешнему виду по своему великолепию: каминные трубы большие и тщательно продуманные, а на потолках и других частях, допускающих орнамент, в изобилии изображена скульптура”.

СНОСКИ:

[18] Копии обоих этих документов сохранились в *Христианской Галлии*, XI век. *Инст.* стр. 27 и 30.

[19] II. стр. 55.—В примечании к этому отрывку мистер Тернер заявляет о намерении мистера Котмана посвятить этому зданию вторую пластинку, чтобы отдать больше должного красоте и тщательно продуманному оформлению эркерного окна; и очень хотелось бы, чтобы так оно и было; но есть опасения, что количество и важность других сюжетов могут преувеличиться. , будет препятствовать реализации намерения.

ТАБЛИЧКА XVI.

ЦЕРКОВЬ ТХАНА. (ВЫСОТА И ДЕТАЛИ.)

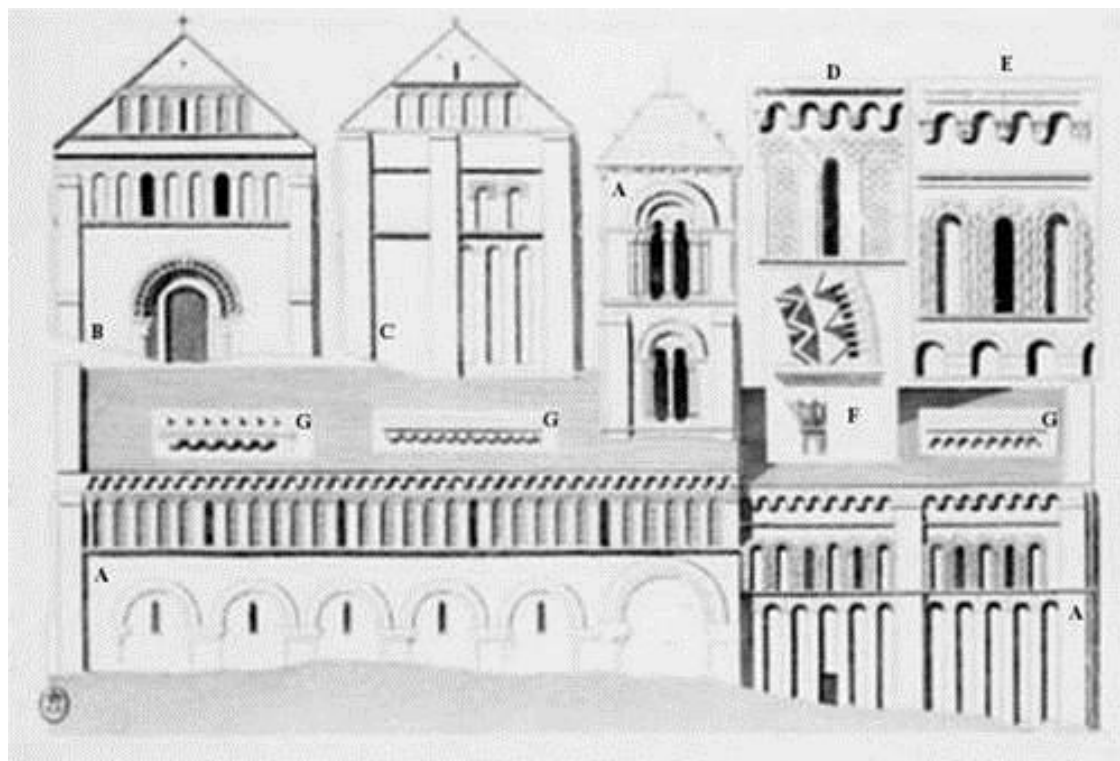

Фото 16. Церковь Тана.

Высота и детали.

Маленькая деревушка Тан находится примерно в десяти милях от Кана, в северо-восточном направлении, в долине, омываемой небольшим ручьем Меу, немного севернее дороги, ведущей в Байе. Из его “кратких и простых летописей” лишь немногие стали известны автору этой статьи; и этими немногими он всецело обязан доброте г-на де Жервиля, который в прошлом году обнаружил в Мортене книгу, содержащую уставы аббатства Савиньи, во многих из которых упоминается церковь Тан. Ниже приводится выдержка из наиболее важных из них: сам акт не проставлен датой, но явно относится ко времени правления Генриха I. Его существование до 1135 года отчетливо подтверждается титулом графа Мортена, который он присвоил Стефану Блуа.—“In nomine Ste et individue trinitatis, notum sit universis tam presentibus quam futuris, qd. ego Guillelmus de Sto Claro, concedente Hamone fratre meo et cis, dono et concedo in perpetuam elemosinam ecclie Ste trinitatis de Savigneio et monachis ibidem Deo servientibus totam possessionem de Thaun, quam ego et antecessores mei, sive in terra dominica sive in hominibus sive in quibuslibet aliis rebus, unquam habuimus omnino quietam, ab omni consuetudine absolutam, perpetuo jure ab eadem ecclesia possidendam. Predictam autem donacionem concessit et ab omnib. consuetudinibus absolutam подтверждает, что Стефан Приходит Моритоний, и объявляет о праве собственности на будущее и т. Д.”— В дополнение к информации, содержащейся в

вышеупомянутой хартии, остается только добавить, что кардинал Ле Муан, будучи настоятелем Байе, в конце XIII века основал здесь часовню, посвященную святому Иоанну; и что лорд Тан был среди соратников Завоевателя во время его вторжения в Англию.

Церковь была выбрана мистером Котманом как образец религиозного сооружения в истинно нормандском стиле, неизмененного и также не пострадавшего, за исключением утраты южного придела; и его удаление является настолько удачным, поскольку дает возможность продемонстрировать форму и расположение колонн и арок нефа, которые видны такими, какие они есть, в нижней части левой стороны плиты, встроенной в современную стену, которая теперь составляет внешнюю часть здания. Подобные сюжеты, какими бы необходимыми они ни были для работы, специально посвященной архитектурным древностям, очевидно, не оставляют места для живописной красоты или для попытки художника произвести то, что называется *эффектом*. К ним вполне применима фраза Горация о том, что

“Ornari res ipsa negat, contenta doceri.”

Мы возлагаем большие надежды на то, что они могут быть сделаны понятными; и мы надеемся, что это будет достигнуто с помощью следующих ссылок; хотя множество частей, которые казалось необходимым ввести, могло создать видимость путаницы, которой автор мог избежать, только подвергнув своих подписчиков расходам на дополнительный лист.

А.А.А. Высота башни, нефа и алтаря.

Крыша башни каменная; углы облицованы тонкими цилиндрическими колоннами, как в части ниже, заканчивающимися в обоих случаях маленькими крючками, под которыми колонны прикреплены к прилегающей части. Этот вид отделки, или, как его можно было бы назвать, украшения, сам по себе примечателен и, возможно, уникален; но он становится значительно более интересным, если рассматривать его как вероятное происхождение крокета, одного из самых выдающихся украшений в украшенном стиле остроконечной архитектуры. Дата появления крокета и источник, откуда он взялся, были предметом многочисленных расспросов антикваров: ни м-р Котман, ни автор этих замечаний не припоминают, чтобы видели какой-либо другой подход к нему в нормандских зданиях; хотя башни многих церквей в Нижней Нормандии увенчаны каменными крышами аналогичной формы и несомненной древности. Таковы, в частности, церкви Верхнего Аллеманя, Нижнего Аллеманя и Сен-Мишель-де-Вос в Кане; такова также крыша в восточном конце церкви Святого Николая в том же городе; и в трех последних упомянутых образцах углы обрамлены такими же маленькими колоннами с помощью лепнины.

Далее следует отметить, что окна башни просты, смелы и по элегантности своих пропорций едва ли уступают окнам любого другого нормандского здания; что капители колонн по всей церкви лишены скульптуры; и что стены верхнего этажа вообще лишены контрфорсов. Эта последняя особенность также заметна в нефе церкви в Толлевасте, здании самой простой и ранней архитектуры. При Этом верхний этаж внешне украшен двадцатью девятью арками, из которых каждая шестая (считая с запада) уже остальных и пронизана окном. Поверхность заготовок разрезают на квадраты, на которые поочередно вдавливают. На карнизах изображены не только гротескные головы, но и некоторые из простейших геральдических знаков, таких как главный, с главным углублением, бледный, изгиб, бендлеты унди, фесс,

солтые, кресты различных видов, шеврон и т.д. Подобные обычаи иногда возникают в аналогичных ситуациях и в других нормандских религиозных сооружениях, но только в самых древних. Их можно увидеть в Толлевасте, Мартинвасте, церкви Святого Круа в Сен-Ло, Сен-Матье и Октевиле. В Сент-Матье они находятся в сочетании с другими скульптурами, пригодными только для храма, посвященного Приапу; а в Октевиле - с тем, что, вероятно, является самым ранним изображением Вечери Господней, которое, как известно, существует от руки нормандского художника.

Б. Возвышение западного фронта.

Нижняя часть дверного проема значительно утоплена в землю.

С. Возвышение ист-энда.

Необходимо обратить внимание на неправильность архитектуры этой части здания. В двух нижних отсеках южная часть оставлена довольно простой, в то время как северная украшена двойным рядом арок, очень похожих на те, которые все еще существуют во внешней стене алтаря и которые, скорее всего, первоначально были продолжены вдоль стены нефа, которая сейчас разрушена. Широкий неглубокий контрфорс, разделяющий восточную часть на две части, расположен не в центре. Здесь, как и во всем здании, каждая маленькая арка высечена из цельного каменного блока. Один из верхних этажей фасада увенчан широкой квадратной лентой, выполненной в виде капельного камня, состоящего из четырехлистников, формы, о существовании которой в нормандской архитектуре неизвестно, хотя она часто встречается в последующем стиле.

Д. Часть верхнего этажа в нефе.

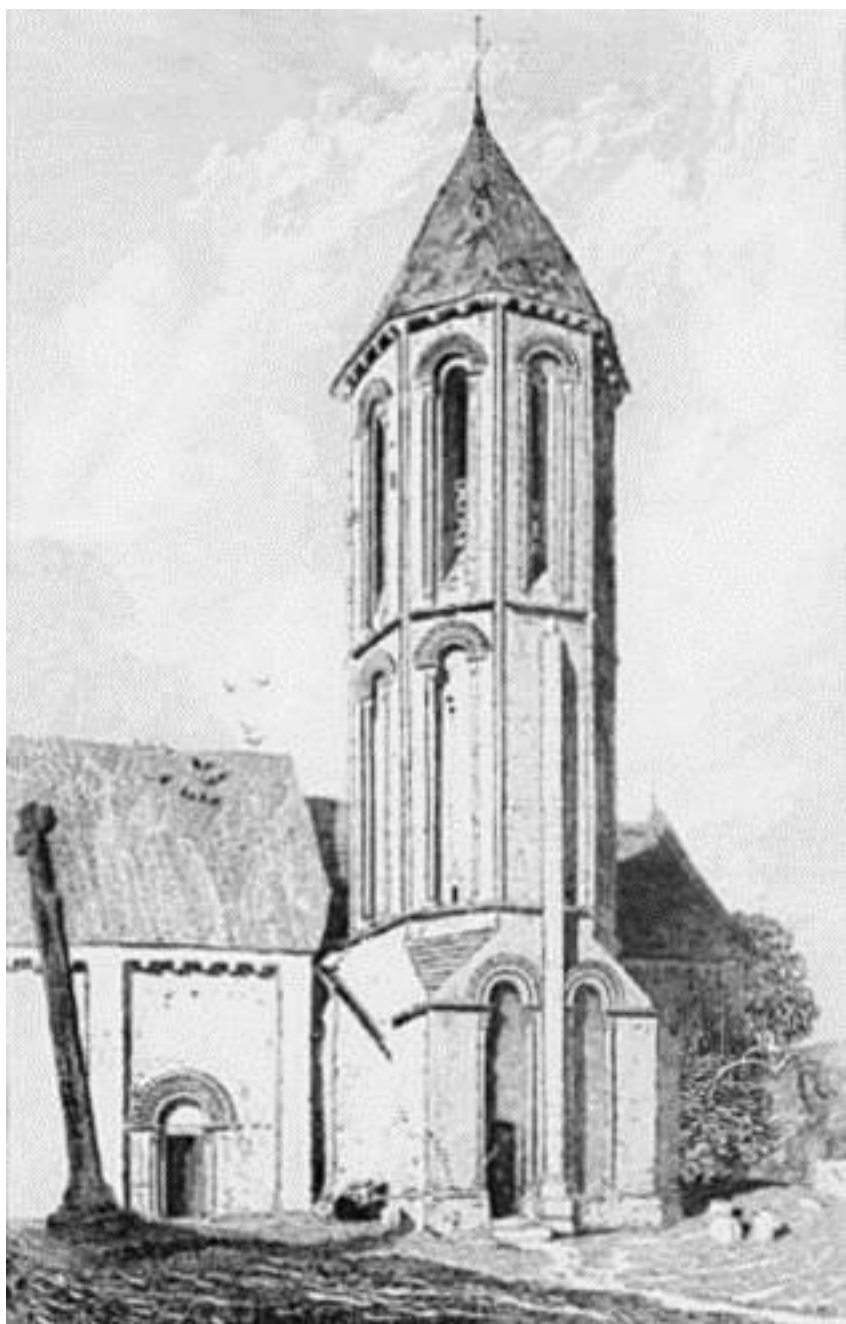
Е. Часть истории в алтаре.

Ф. Капитель и часть арки западного дверного проема.

Г.Г.Г. Струнные молдинги.

ТАБЛИЧКА XVII.

ЦЕРКОВЬ ТАМЕРВИЛЛЯ.

Табличка 17. Церковь Тамервилля.

Эта церковь расположена на расстоянии полумили от города Валонь, недалеко от дороги, которая ведет в Барфлер и Ла-Уг.

Все здание старинное, за исключением западного портала и часовни к северу от хоров. Его общий архитектурный стиль, колонны, поддерживающие башню, контрфорсы, карнизы и маленькие окна нефа, особенно те, что выходят на север, - все это указывает на создание в первые дни нормандского правления и, вероятно, на период, непосредственно предшествующий нашествию на Англию. Этот период сравнительного мира и безмятежности был временем, когда, выражаясь языком двух почти современных историков, "дворяне

Нормандии подражали друг другу в возведении церквей в своих владениях: таким образом они заполнили свою континентальную территорию; и вскоре то же самое они сделали в Англии”.

Шпиль, изображенный на табличке, прекрасно сохранился: он прекрасных пропорций; и для архитектора особенно интересен цилиндрическим контрфорсом, который доходит почти до верха первого этажа с южной стороны и, вероятно, является единственным известным экземпляром подобного рода. [20] Английскому антиквару, однако, может быть разрешено претендовать на больший интерес из-за его общей формы и пропорций. В этом отношении он сильно напоминает церкви с круглыми башнями в Норфолке и Саффолке, большинство из которых увенчаны восьмиугольными фонарями. Две церкви бывшего графства, в Тофт-Монкс и в Бокенхеме, [21] сохраняют восьмиугольную форму до основания; но в обоих случаях это сочетается с ранней остроконечной архитектурой; и есть опасения, что церкви Тамервилля самой по себе, как изолированного образца, было бы недостаточно, чтобы оправдать присвоение нормандского происхождения церкви Тамервилля. те, о ком только что говорилось. Насколько автору известно, в Нормандии еще не было церквей с круглыми башнями; и все же их, безусловно, можно было ожидать в герцогстве, если есть хоть капля правды в предании, приписывающем датчанам построенные в Англии церкви. С другой стороны, если предположить, что такое сообщение совершенно лишено оснований, кажется совершенно необъяснимым, что, вероятно, не существует ни одного из них, который не сохранил бы каких-либо следов нормандской архитектуры.

В прежние времена бароны этой великой провинции редко, если вообще когда-либо, использовали фамилию. Подобно вождям шотландских кланов наших дней, они обычно брали в качестве своей фамилии фамилию своего прихода или феода. Феод, или поместье Тамервилл, еще до завоевания носило название Кифреваст, или Сифреваст (Sifredi Vassum), и вплоть до периода революции владельцы этого феода были покровителями адвоката приходской церкви. Один из них, и, вероятно, тот самый, кто построил церковь, стоящую сейчас, последовал за Завоевателем в Англию и получил от него значительные субсидии в Оксфордшире и в Дорсетшире. В последнем графстве семья долгое время продолжала процветать. Хатчинс утверждает, что их ветвь, основанная в Мор-Кричеле, носила на своем гербе, *серебро, три полосы гемелей лазурного цвета*; и он цитирует эпитафию одного из них, умершего в 1581 году, выдержкой из которой является следующее:

“Здесь действительно лежит один Кифреваст,
Которого природа послала смертью воздать должное.

.....

Он был лордом Мор-Кричела в течение ...
трехсот лет, которым владел по линии и происхождению.”

Другой представитель той же семьи, по имени Джон Сайфреваст, представлял Дорсетшир в парламенте в течение седьмого, шестнадцатого и восемнадцатого лет правления Эдуарда II.; и Роберт Сайфреваст удостоился такой же чести в восемнадцатый и двадцатый годы следующего правления. Около 1424 года поместье Шиффреваст в Тамервилле перешло в результате брака к

дому Анневиллей, который также снабдил Завоевателя компаньоном; и эта семья продолжала владеть им до момента революции, эпохи отмены всех феодальных прав.

На кладбище в Тамервилле было найдено много гробов, сделанных из вулканического туфа: подобные гробы отнюдь не редкость по всей епархии Кутанса; но их никогда не встречают, за исключением мест, которые раньше пользовались особым почитанием.

СНОСКИ:

[20] Читатель заметит, что эта колонна, вероятно, несовершенна; из-за этого есть основания полагать, что первоначально она была увенчана капителью, которая соединялась с лепниной выше.

[21] Смотрите книгу Котмана *"Архитектурные древности Норфолка"*, лист 37.

ТАБЛИЧКИ XVIII. И XIX.

ЦЕРКОВЬ СЕН-МИШЕЛЬ ДЕ ВОС В КАНЕ. (ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАШНЯ И СЕВЕРНОЕ КРЫЛЬЦО.)

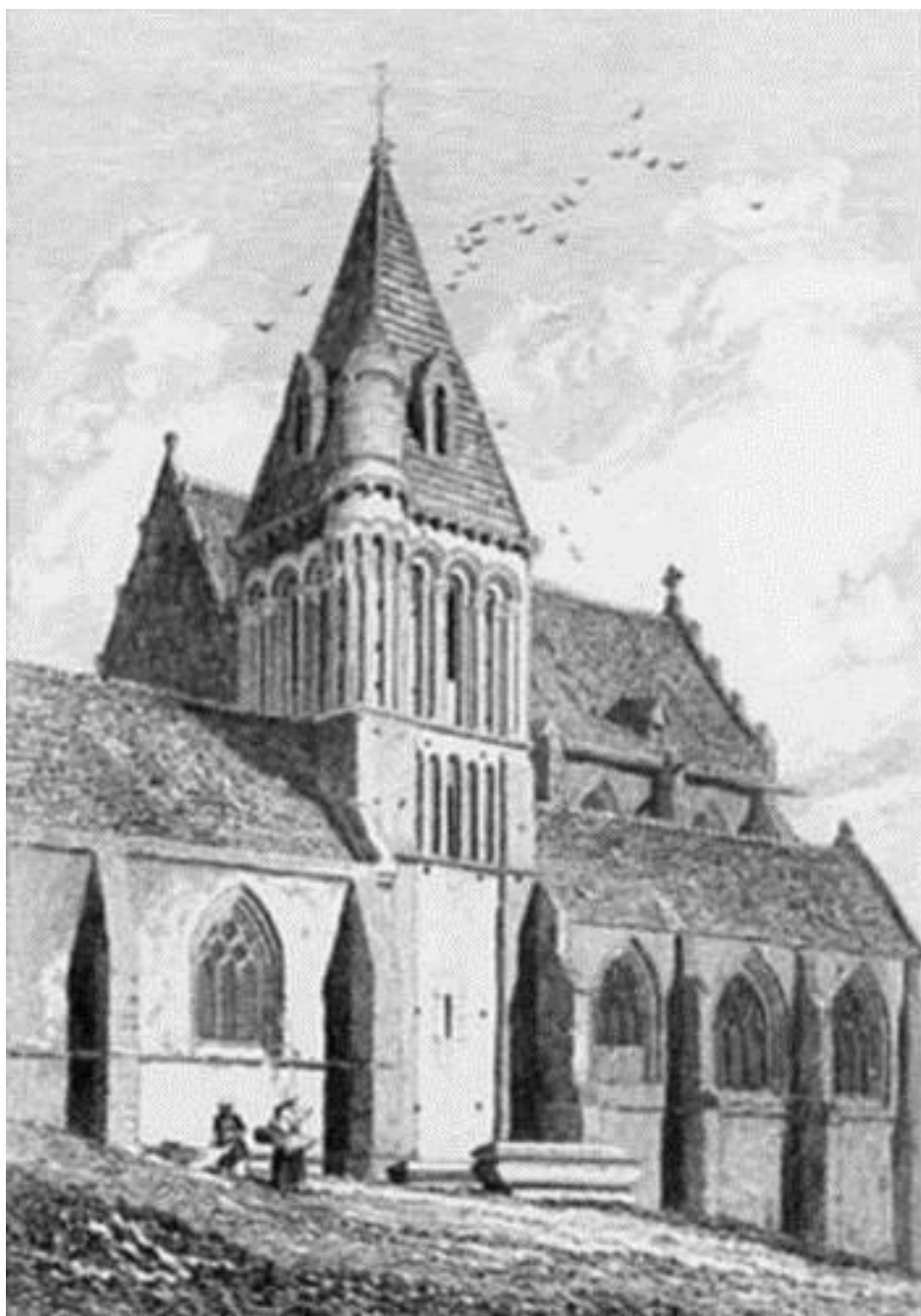

Фото 18. Башня церкви Сен-Мишель де Вос, Кан.

Аббат Де ла Рю в своей превосходной публикации о городе Кан, [22] не предоставляет удовлетворительной информации, на которую можно было бы надеяться, относительно даты возведения церкви Святого Михаила в пригороде Вос. Он довольствуется замечанием, [23], что это произведение разных эпох: что башня и поддерживающие ее колонны принадлежат примитивной церкви, о которой не сохранилось никаких сведений; что часть нефа, судя по круглой форме арок, явно измененной на заостренную, принадлежала той же церкви; что хор был возведен и увеличен в течение шестнадцатого века; что башня и поддерживающие ее колонны принадлежат примитивной церкви. нефы частично относятся к тому же веку, а

частично - к предыдущему; и что другая часть нефа и новая башня являются произведениями наших дней.

Во всем этом нет ничего определенного; и, к сожалению, наши знания о нормандской архитектуре не таковы, чтобы оправдать нас в попытке установить точные размеры различных ее образцов, которые нам остались. Однако, насколько можно судить по соответствующим зданиям, м-р Тернер, по-видимому, прав в своем мнении, что “арки с круглыми головками в короткой квадратной башне и в маленькой круглой башенке, пристроенной к ней, относятся к *ранненормандскому типу*”. [24] Он присоединяет наблюдение, что “они примечательны своими пропорциями, будучи такими же длинными и узкими, как стрельчатые окна следующего поколения”. Коническая пирамида с каменной крышей, за исключением ее окон в стиле люкарн, скорее всего, относится к тому же времени. Что касается притвора, [25] тема *девятнадцатой таблички*, ее общее сходство по стилю с южным притвором церкви Сент-Уэн и наличие внутреннего архивольта, окаймленного подвесными трилистниками, являются обстоятельствами, которые также были указаны в только что упомянутой работе. Оба подъезда, вероятно, датируются почти одним и тем же временем - последней половиной четырнадцатого или началом пятнадцатого века. В Кане, но незадолго до революции, находился еще один очень похожий архитектурный образец - западный портал церкви Сен-Совер-дю-Марш, [26] теперь вход заменен совершенно современным. Нэф церкви Сен-Совер был построен, по словам Де ла Рю, в четырнадцатом веке; и можно справедливо предположить, что портал тоже датировался тем же временем; но на этом крыльце отсутствовали подвесные трилистники, и оно было в целом менее украшено, чем у Святого Михаила, как и у последнего в Руане. Однако оба здания в Кане сошлись в том, что стена над аркой переходит в треугольный фронтон, покрытый волнистым ажуром, - очень своеобразный и очень красивый стиль оформления.

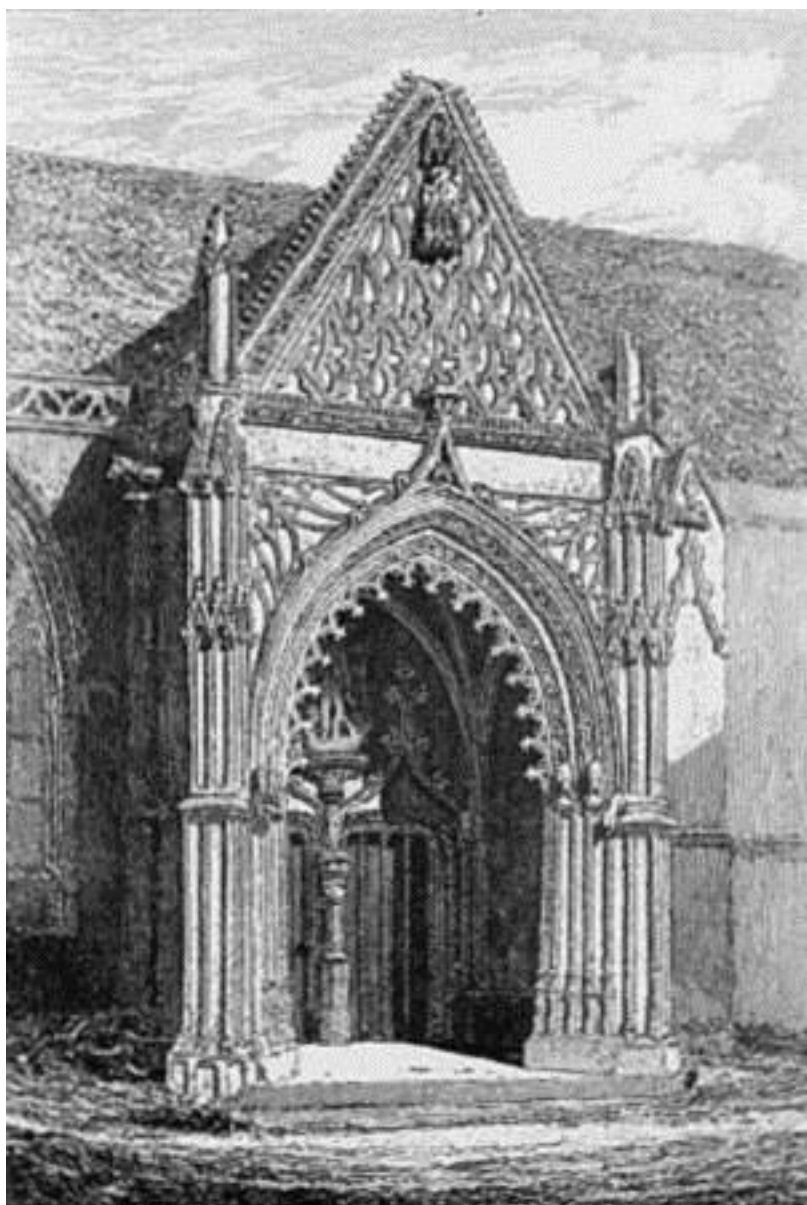

Фото 19. Церковь Сен-Мишель де Вос, Кан.
Северная паперть.

В настоящее время Вос является крупнейшим из пяти приходов, составляющих пригороды Кана. Он отделен от города большим каналом Орн, образование которого несколько очертило его границы, поскольку раньше они простирались до улицы Сен-Жан и включали больницу, называемую Отель-Дье, а также ту, что получила свое название в честь Завоевателя. В течение одиннадцатого и двенадцатого веков представление жизни Воцелля проходило попеременно между двумя королевскими аббатствами Кана. Королева Матильда незадолго до 1066 года приобрела часть патронажа и тайтов вместе с мельницей в Монтегю и передала их своему аббатству Святой Троицы; а примерно одиннадцать лет спустя Ральф, викарий из Воцелля, наследственный владелец другой половины, уступил свою долю аббатству Святого Стефана при условии, что сам будет принят в этот монастырь. Последнее заведение менее чем за сто пятьдесят лет получило исключительное покровительство, при условии, что они будут

выплачивать монахиням ежегодную выплату в размере двадцати солей и девяноста шести бушелей ячменя.

В одиннадцатом и двенадцатом веках приход Вос находился в руках собственных лордов, среди которых наиболее заметными были Фиц-Герберты. Незаконнорожденный сын принца Генриха, впоследствии Генриха I. от дочери Роберта Корбета, был родоначальником этой семьи. К своему собственному имени Герберт он добавил имя Фиц-Генри: его сыновья стали Фиц-Гербертами; и каждый из их потомков в каждом последующем поколении обычно принимал при крещении имя своего соответствующего отца в качестве фамилии; пока к концу XIII века все они не согласились на Фиц-Герберт в качестве отчества. Их владения в Кане и окрестностях были обширны, и в записях тех ранних времен часто упоминается об их богатстве и щедрости. Таким образом, согласно аббату Де ла Рю, от которого почерпнуты эти исторические сведения, эта благородная семья, до сих пор представленная в нашей стране графами Пембрук, происходила не только из города Кан, но и имела происхождение, отличное от того, которое приписывают ей Дагдейл, Коллинз и Эдмондсон. [27] Первый представитель семьи, замеченный в Англии, по-видимому, жил во времена короля Стефана. В 1302 году Вос, по-видимому, был освобожден от всех феодальных условий. Именно в тот год Филипп Красивый отправил Уильяма де Гилли в Кан, чтобы освободить своих собственных вассалов и вассалов лордов и предоставить им все привилегии бюргеров.

Среди служителей этого прихода был Роджер, один из самых выдающихся наших британских прелатов во времена правления норманнов. Традиция повествует, что во время войн за престолонаследие между сыновьями Завоевателя Генрих, случайно войдя в Кан со своей небольшой армией в воскресенье, остановился послушать мессу в церкви Вос; и что Роджер исполнил службу с таким воодушевлением и быстротой, что офицеры были единодушны в своем желании, чтобы он сопровождал армию. Приглашение было соответственно передано, и священник согласился; и он настолько полностью завоевал доверие принца, рекомендуя экономию как самое надежное средство достижения своей цели, что вскоре был назначен управляющим финансами, а в 1102 году удостоился митры Солсберийской. В последующий период он был назначен канцлером Англии, а во время отсутствия короля в Нормандии постоянно исполнял высокий пост регента королевства. Уильям Малмсберийский, который с не меньшим удовлетворением останавливается на его истории, утверждает, что многие из наших самых благородных зданий возникли благодаря его щедрости. В этом отношении его величайшие работы были созданы в Солсбери и Малмсбери: первое давно сровняли с землей; второе, все еще прекрасное и почитаемое в своих руинах, и даже в наши дни представляет собой один из самых благородных образцов нормандской архитектуры.

СНОСКИ:

[22] *Essais Historiques sur la Ville de Caen et son arrondissement. Caen, 1820. В 2-х т. 8в.*

[23] I. стр. 279.

[24] *Тур по Нормандии*, II. стр. 181.

[25] Над дверью этого крыльца высечена фигура святого Михаила в горельефе, датируемая, по-видимому, тем же временем, что и крыльцо.

[26] Выгравировано в *Турне Дюкореля по Нормандии*, стр. 74.

ПЛАСТИНА XX.

СТАТУЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ.

Изображенная здесь статуя была введена в эту работу в целом как исторический курьез; и, хотя может показаться, что она несколько неуместна в публикации, посвященной освещению архитектурных древностей Нормандии, есть надежда, что единственное отклонение в пользу такого предмета может быть не только признано допустимым, но и может быть приемлемо для читателя.

В то время, когда Де Бургвиль писал свои *Древности города Кан*, ближе к концу шестнадцатого века, эта статуя была прикреплена к воротам, примыкающим к церкви Святого Стефана: с тех пор она была перенесена на стену самой церкви. Почтенный старый судья говорит о нем, что “на нем изображен Вильгельм Завоеватель верхом на лошади, как будто въезжающий в город, с телом молодого человека под ногами его лошади; в то время как перед ним на коленях стоят мужчина и женщина, очевидно, требующие объяснений относительно смерти их сына”. Он добавляет, что “это замечательный образец древности, но он не может рассказать о ее истории ничего большего, чем представлено рисунками”. Из приведенного выше отчета, единственного, по-видимому, дошедшего до нас, ясно, насколько сильно статуя, или, скорее, группа, пострадала в наше время; но в какой именно период или по какому поводу, неизвестно. Столь же очевидно, что предположение о том, что он предназначен для изображения величайшего из герцогов, правивших нормандским скипетром, ни в коем случае не является выдумкой наших дней. Однако это обстоятельство, а также его возраст в последнее время часто оспаривались. Основные мнения по этим вопросам были собраны мистером Тернером, [28] который склонен думать, что это действительно относится к периоду нормандского владычества и на самом деле было разработано для герцога Уильяма. Он проводит параллель с очень похожей скульптурой из капитула аббатства Сен-Жорж де Бочервиль, [29] произведение несомненной древности. Его замечания по этому поводу следующие: “Один из самых образованных антикваров современности нашел прототип предполагаемой фигуры герцога среди скульптур колонны Траяна. Но это, при всем моем уважении, далеко не является решающим доказательством того, что статуя, о которой идет речь, не предназначалась Уильяму. Подобные адаптации античного образца, ‘mutato nomine’, часто встречаются среди работ художников средневековья; и есть, по крайней мере, вероятность того, что, если бы лицо было оставлено нам, мы могли бы проследить какую-то попытку создания портрета нормандского герцога. Я не осмеливаюсь высказать свое мнение ни о дате создания скульптуры, ни о стиле изготовления. Я знаю, что есть антиквары (и люди, достаточно компетентные, чтобы судить), которые считают его римским: я слышал, как из уст высокого авторитета было объявлено, что он относится к одиннадцатому веку; другие подозревают, что это итальянский, тринадцатого или четырнадцатого веков; в то время как г-н Ле Прево и г-н Де Жервиль самым настойчивым образом утверждают, что он не предшествовал пятнадцатому. Де Бургвиль, конечно, называет это “une antiquité великого ремарка”; но все мы знаем, что любой

предмет, которому более ста лет, становится образцом старины в глазах не критичного наблюдателя; и таким был добрый судья ".

Фото 20. Статуя Вильгельма, герцога Нормандии.
Южная сторона приходской церкви Святого Этьена в Кане.

Приход Святого Стефана в Кане обычно отличается эпитетом *старый*, откуда обычно преобладало мнение, что его церковь была одной из тех, что были основаны святым Регнобертом в середине четвертого века; и что нынешнее здание, если и не является частично таким же, по крайней мере, построено на его фундаменте и, безусловно, является одним из самых древних в Кане. Это убеждение в какой-то мере поддерживалось Де Бургевилом и Юэ, опираясь на то, что, по-видимому, было неточным переводом Роберта Сеналиса [30] Но, напротив, из аббата Де ла Рю следует, что автор, о котором идет речь, вообще не упоминает этот приход, и что название было впервые дано ему Завоевателем, путем отличать его церковь от более роскошной, возведенной им самим и также посвященной первомученику; обстоятельство, из которого аббат справедливо замечает, что нельзя сделать ничего большего, кроме того, что церковь существовала здесь задолго до его времени; но отнюдь не обязательно большой древности. Нынешнее здание относится к четырнадцатому и пятнадцатому векам; смесь обветшалой готики и испорченного римского стиля.

СНОСКИ:

[28] *Тур по Нормандии*, II. стр. 174.

[29] См. [таблицу 11](#) этой работы, рисунки справа в верхней строке; см. Также *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 11, с рисунком.

[30] *Исторические очерки в Кане*, I. стр. 225.

ЛИСТЫ XXI.—XXIII.

ЦЕРКОВЬ АББАТСТВА СВЯТОГО СТЕФАНА. (ЗАПАДНЫЙ ФАСАД И ВОЗВЫШЕНИЕ ОТСЕКОВ НЕФА.)

Листы 21-22. Церковь аббатства Сент-Этьен, Кан.

Два королевских аббатства Кана, долгое время являвшиеся гордостью города, в то время как Франция, еще не совершившая революцию, позволяла им существовать во всей их красе, и в то время как ее сыновья чувствовали себя польщенными памятниками благочестия и величия

своих предков, все еще, в их нынешнем состоянии упадка, являются одними из самых интересных зданий, которыми может похвастаться провинция или королевство, их здание и приданое часто с восхищением упоминаются историками-монахами Нормандии, один из которых, Вильгельм де Жюмьеж, дает следующий отчет об их происхождении.

Брак герцога Вильгельма с Матильдой, дочерью Болдуина, графа Фландрии, сына сестры его отца, [31] находился в пределах запрещенных степеней кровного родства и сильно шокировал духовенство герцогства. Они часто упрекали своего государя по этому поводу, и в конце концов им это удалось настолько, что он был вынужден отправить послов в Рим для консультаций с папой относительно шагов, которые необходимо предпринять. Его Святейшество, благоразумно рассудив, что за разводом, по всей вероятности, последует война между фламандцами и норманнами, решил прибегнуть к более мирному средству и согласился даровать им отпущение грехов при условии исполнения ими епитимьи. Епитимьей, предписанной по этому случаю, было возведение двух монастырей; по одному для монашествующих обоего пола. — Как нам говорят, благородная пара с благодарностью приняла предложенные условия и немедленно приступила к выполнению своей задачи.

Аббатство, начатое герцогом, о котором идет речь на этих табличках, как утверждает Хьюэт и авторы в целом, было завершено в 1064 году, за два года до завоевания Англии: [32] согласно Ордерiku Виталису, оно было посвящено только в 1077 году. Но по этому последнему пункту авторы расходятся во мнениях: одни говорят, что посвящение состоялось в 1073 году, а другие - в 1081-м. Как бы то ни было, представляется несомненным, что хартия основания была выдана впоследствии, в 1066 году; ибо в ней Вильгельм принимает титул короля, и среди его многочисленных королевских пожертвований перечислены различные владения и привилегии в разных частях Британии; решающие доказательства того, что в то время он владел островом и считал себя прочно закрепленным на его троне. Возведенное таким образом аббатство на протяжении всей жизни монарха пользовалось его особой благосклонностью; и после своей смерти он завещал ему другие земли вместе со своим скипетром, короной, которую он надевал в самых торжественных случаях, своей рукой правосудия, чашей из драгоценного камня, своими золотыми подсвечниками и всеми королевскими украшениями, которые обычно прилагаются к короне. Чтобы еще больше проявить свое благосклонное отношение, он распорядился, чтобы аббатская церковь стала хранилищем его бранных останков; и чтобы фонд, столь богатый мирскими благами, мог не испытывать недостатка в более ценных предметах святости, он купил, как нам сообщают ранние авторы, [33] *по немалой цене*, часть мощей святого. протомученик, состоящий из части его руки, которая сохранилась в городе Безансон, и небольшого пузырька, содержащего несколько капель крови, предположительно вытекшей из той же конечности. В последующее время король добавил к ним прядь волос Святого вместе с частью кожи его головы и камень, которым он был убит. [34] Волосы были белыми и такими свежими, как будто их только что срезали; и они хранились в прекрасном хрустальном сосуде; так что, используя слова современной рукописи, “тотум пульхрум: капилли альби и пульхри; ляпис этиам и перкуссус фуит альбус; ваш пульхрум и альбом; и т. д.” *аспициентибус рем адео пульхрам, великий человек, восхищенный нами*”.

Первым настоятелем монастыря был Ланфранк, уроженец Италии, который обосновался в соседнем монастыре Бек, где слава о его талантах принесла ему самую широкую известность; а усердие, с которым он посвятил себя задаче образования, [35] возросло до такой степени, о которой в наши дни мы имеем мало представления. Но он занимал пастырский пост очень

недолго, поскольку уже в 1070 году был переведен на более важный пост архиепископа Кентерберийского; и его преемнику, Уильяму де Бонне Аму, выпала честь возглавить общину в тот период, когда Иоанн Авраншский, архиепископ Руана, при содействии своих епископов-суфражисток, а также самого Ланфрана, с Томасом, его братом митрополитом, и многими аббатами, и замечательной толпой людей, совершил церемонию посвящения. [36]

Сыновья Завоевателя подтвердили различные пожертвования, сделанные аббатству их родителями. Старший из них, Роберт, его преемник на престоле герцога, добавил привилегию проведения ярмарки и еженедельного рынка в Ше. Уильям Руфус, второй, вступил в переговоры с монахами о повторной покупке королевских украшений своего отца в обмен на приход Кокер в Сомерсетшире; но он умер до завершения договора; и это, наконец, было приведено в действие Генрихом I. с одной лишь разницей, что Бридетон (ныне называемый Бертон) в Дорсетшире был заменен Кокером. Согласно аббату Де ла Рю, именно Генри, [37] кто воздвиг превосходный памятник над останками своего отца; но Ордерик Виталис явно приписывает эту работу Уильяму Руфусу. [38] Уважая его великолепие, все авторы единодушны: усыпальница, установленная на мавзолее, была “памятником мирификума, источником естественного, аргентинского и жемчужного великолепия”. Забота о строительстве гробницы была возложена на ювелира из Кана по имени Отто, который получил от Завоевателя земельный надел в Эссексе; и чьи потомки под фамилией Фиц-Отон руководили английским монетным двором до смерти Томаса Фиц-Оттона, последнего представителя семьи, в 1282 году.

Генрих II. в очень длинной хартии подтвердил различные дары и привилегии, ранее дарованные монастырю, и добавил другие свои собственные. С этого времени его богатство и могущество продолжали увеличиваться. В 1250 году его доходы в Нормандии составляли четыре тысячи ливров, что эквивалентно восьмидесяти двум тысячам шестнадцати ливрам на сегодняшний день. В 1668 году, когда деньги во Франции составляли примерно половину их нынешней стоимости, аббат и монахи разделили доход в размере шестидесяти четырех тысяч четырех ливров, а в 1774 году этот доход увеличился до ста девяноста двух тысяч ливров, несмотря на огромные убытки, понесенные в результате подавления иностранных монастырей в Англии. Таким образом, примерно за пятьсот двадцать лет сумма увеличилась почти на сто десять тысяч ливров. Церковное покровительство аббатству во время революции распространялось на двенадцать церквей. Его монахи, принадлежавшие к ордену Святого Бенедикта, продолжали до 1663 года принадлежать к классу бенедиктинцев, называемых *нереформированными*; но герцогиня де Лонгвиль, жена тогдашнего аббата, представила в тот период братьев конгрегации Святого Мора.

Привилегии и иммунитеты, предоставленные монастырю Святого Стефана, довольно подробно описаны Дю Мустье, [39] который также тщательно собрал сведения о жизни Ланфранка и составил каталог, сопровождаемый краткими биографическими примечаниями, остальных настоятелей. Гораздо большее число из них были людьми, выдающимися своим положением или талантами; и некоторые из них впоследствии были повышены до более высоких должностей. Уильям де Бон Ам, второй аббат, сменил Джона де Байе на столичном престоле Руана; Хью де Койи, внук короля Стефана, после избрания настоятелем этого монастыря, был почти сразу переведен в архиепископство Йоркское; [40] и Шарль де Мартиньи, аббат монастыря Святого Стефана в пятнадцатом веке, были последовательно удостоены двух орденов. епископальные митры. Именно благодаря ему прелатство впервые было *одобрено*, пример слишком соблазнительный, чтобы ему не следовать; и аббатство, таким образом,

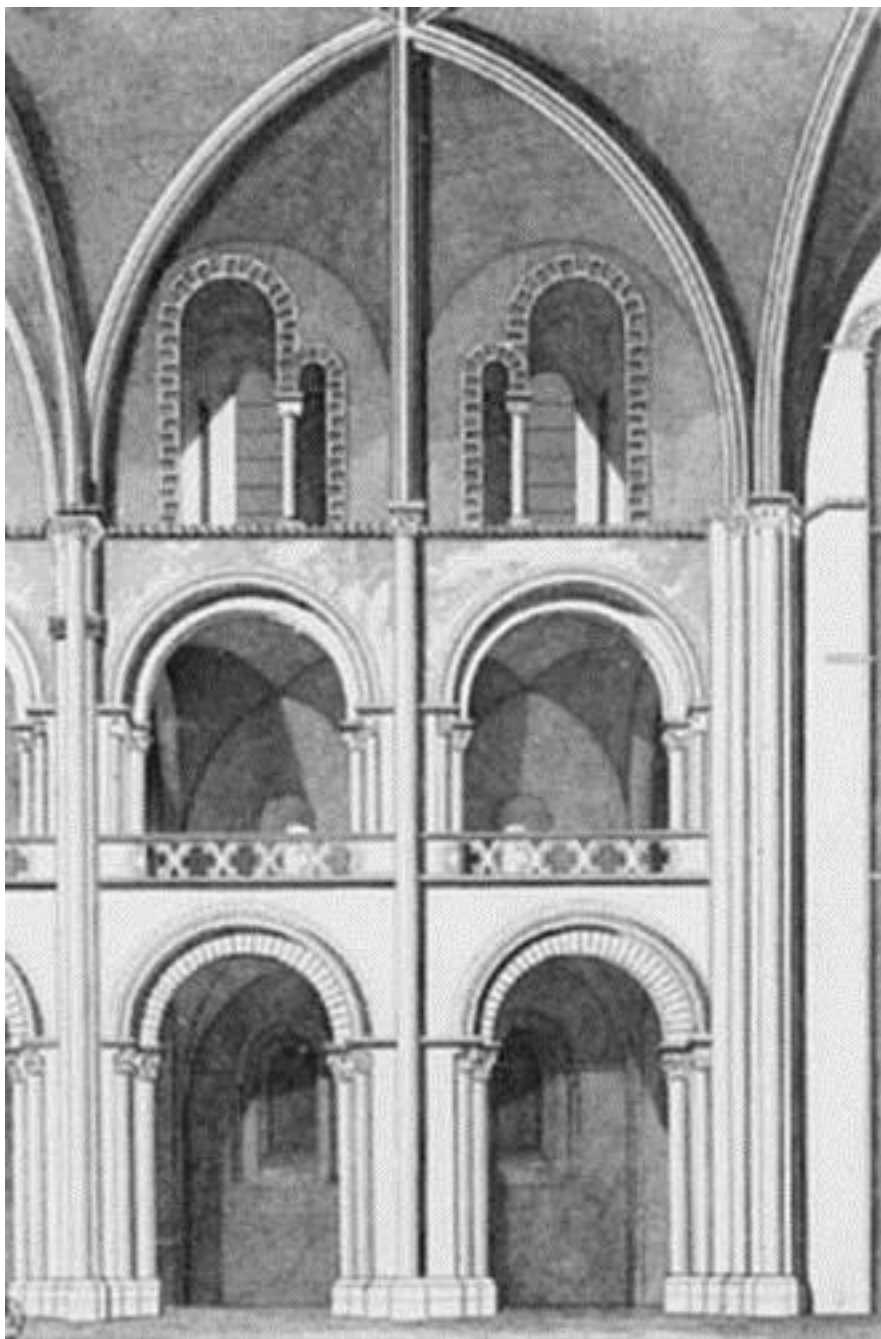
постоянно повышая достоинство своих настоятелей, столь же постоянно теряло их реальную ценность. Семь кардиналов (среди которых были знаменитые кардиналы Ришелье, Мазарини и Флери) были побочными сыновьями короля Генриха IV. архиепископ Лионский, два архиепископа из Экса и один из Руана были одними из самых современных его настоятелей. Другой из них, Джон Ле Гот, [41] присутствовал при отречении Генриха IV. в церкви Святого Дениса двадцать пятого июля 1593 года; и в силу своей должности апостольского протонотария подписал своим именем письмо епископов Папе Римскому, в котором заявлял, что в сделке не произошло ничего, несовместимого с почтением, подобающим его святейшеству. Можно было бы также составить довольно длинный список монахов монастыря, тех, кто был облагорожен своими талантами или достоинствами.

Строительство монастырских построек, относящихся к аббатству Святого Стефана, было начато в 1704 году и завершено через двадцать два года. В настоящее время они прикреплены к королевскому колледжу Кана, учреждению которого они были присвоены во время революции; и, поскольку они были снабжены благородными садами, они были чрезвычайно важным дополнением к этому учреждению. Но ценность подарка за последние десять лет значительно уменьшилась из-за того, что муниципалитет отобрал у колледжа большую часть садов с целью превратить их в открытую площадь. План зданий был составлен братом-мирянином бенедиктинского ордена по имени Уильям Де ла Трамбле, который также возвел здания сестринского монастыря Святой Троицы в Кане и аббатства Сен-Дени. К счастью, во время революционных бурь аббатская церковь мало пострадала. Несмотря на то, что она потеряла свое достоинство и была низведена до приходской, она все еще стоит почти целой. Не в том виде, в каком она вышла из рук нормандского архитектора, а в том, в каком была оставлена гугенотами в шестнадцатом веке, когда с жестокостью, характерной для той эпохи, двери, окна, полы, изделия из дерева, свинца, железа, мрамора, рукописи и книги были преданы без разбора уничтожению: были разбиты колокола, сорваны крыши, осквернены алтари, вскрыты даже гробницы; и, как будто ничего не было достигнуто, пока что-то оставалось, центральную башню подрывали в надежде, что ее падение повлечет за собой руины. всего здания. И падение, действительно, произошло, но, к счастью, унесло с собой лишь часть восточной оконечности. Однако из-за этого обстоятельства возникли расхождения в стиле, которые было бы трудно объяснить без таких знаний. Неф и трансепты - единственные чистые остатки первоначального здания: хоры и нефы имеют остроконечную архитектуру и, следовательно, не имеют одинаковой древности. Даже западный фронт в какой-то мере состоит из той же смеси. Все, вплоть до верхушек башен, является подлинно нормандским и относится к одиннадцатому веку: шпили с окружающими их башенками относятся к более поздней эпохе. [42] В то же время можно обоснованно усомниться в том, насколько аббат Де ла Рю прав, относя их к четырнадцатому веку. Расходиться с таким способным антикваром и таким компетентным судьей в вопросах подобного рода всегда опасно; но автору этой статьи, тем не менее, должно быть позволено колебаться, прежде чем он даст полное согласие. Известно, что хоры были расширены, а апсида построена в том виде, в каком она существует сейчас, во времена прелатства Симона де Тревьера, которое длилось с 1316 по 1344 год; но история умалчивает о каких-либо других пристройках, сделанных в тот период к церкви; и стиль архитектуры шпилей определенно кажется более ранним, чем у только что упомянутых частей. Общий вид здания не вызывает никаких возражений; ибо так велико совершенство канского камня, и он так мало пострадал в атмосфере, не загрязненной угольным дымом, и в климате, вероятно, превосходящем наш собственный, что все детали кажутся одинаково хорошо сохранившимися,

а целое выглядит таким свежим, как будто только вчера было вырублено в каменоломне. Обычно преобладало мнение, что эпитафия, все еще видимая на внешней стороне апсиды, принадлежит строителю церкви. Факсимиле этого были предоставлены Дюкарелем, [43] и Гофом, [44] первый из которых, похоже, не сомневается в этом факте. Однако этого не может быть; сама форма символов в достаточной степени опровергает это: они совершенно не похожи на те, что использовались на гробнице королевы Матильды, реликвии, подлинность которой никогда не подвергалась сомнению. Характер архитектуры часовни создает еще более решительное противоречие. Действительно, после того, что уже было сказано, едва ли нужно добавлять, что само здание не существовало в период, указанный Дюкарелем для эпитафии, которая, скорее всего, принадлежит человеку, воздвигшему апсиду и внесшему другие изменения в четырнадцатом веке.

Западный фасад церкви демонстрирует два разных характера: внизу все просто, почти до скудости: верхняя часть изобилует орнаментом; и здесь здравый смысл архитектора, который добавил башенки и шпили, заслуживает похвалы за то, что они так хорошо сочетаются в своем убранстве с башнями. Табличка в достаточной степени объясняет все, что можно сказать об этой части здания, за исключением более мелких украшений дверных проемов, которые заслуживают того, чтобы их показали подробно. Архитрав состоит из нескольких полос простейшей лепнины, заключенных в три полосы разного стиля; две крайние выполнены из шевронного орнамента с необычно острыми углами; внутренняя - из лепнины-заготовки. Капители колонн украшены маленькими головками, расположенными под ионической спиралью, что демонстрирует смесь классического и варварского вкуса, который также можно найти в Серизи и на одной из капителей церкви аббатства Святой Троицы.

По внешней стороне верхней части нефа проходит ряд из двадцати четырех полукруглых арок с выступами и основаниями, и все они одинаковы, за исключением того, что в восьми из них прорезаны окна. Эта часть здания полностью лишена контрфорсов. На конце северного трансепта находятся три очень неглубоких контрфорса, которые поднимаются от земли до основания окон верхнего этажа, не нарушенных никакими перерывами, но здесь переходят в струнный ход, за которым два внешних контрфорса продолжают, неизменные по форме и внешнему виду, до вершины концов фронтона, в то время как центральный контрфорс, хотя и поднят на равную высоту, теряет более половины своей ширины, а также значительно уменьшается в глубину. Над этим последним контрфорсом находится окно, а между контрфорсами - шесть других, расположенных в двойной ряд. Каждая пара отличается по размеру от остальных: те, что ближе всего к земле, самые большие, а те, что непосредственно над ними, - самые маленькие. Самая нижняя пара с каждой стороны заключена в просторную арку, которая занимает почти две трети фронтона. К востоку от трансептов находится ряд глухих пересекающихся арок, замечательных своими лепными украшениями, которые состоят из плоской, широкой и очень неглубокой полосы; [45] и здесь начинается смешение заостренной архитектуры с полукруглой. Эта часть здания в целом напоминает собор Кутанса по расположению своих частей.

Табличка 23. Церковь аббатства Сент-Этьен, Кан.
Возвышение купола нефа.

Было бы трудно описать внутреннее убранство церкви в более четких или исчерпывающих терминах, чем это было сделано г-ном Козном в Туре г-на Тернера, [46], из работы которого, следовательно, взят следующий отчет. — “Без сомнения, архитектор был знаком с римскими зданиями, хотя он нормализовал их черты и приспособил линии базилики к *варварскому* храму. Колизей обеспечивал возвышение нефа; — полукруглые арки, увенчанные другим ярусом равного пролета и выступающие почти на такой же высоте из основания опорных колонн. Наличники, соединяющие нижние ряды колонн, четко очерчены. Арки, которые поднимаются от них, украшены простой смелой лепниной. Опоры между каждой аркой имеют значительную

ширину. В центре каждой опоры находится колонна, которая, как обычно, поднимается к своду. Эти столбцы бывают попеременно простыми и составными. Последние представляют собой квадратные пилястры, каждая из которых увенчана цилиндрической колонной, которая, конечно, выступает дальше вглубь нефа, чем простые колонны; и таким образом, неф разделен на пролеты. Этой системе подражают в готическом соборе на Сенс . Квадратная пилястра заканчивается примерно на четырех пятых своей высоты: затем от нее отходят две цилиндрические колонны, так что с этой точки колонна становится сгруппированной. К основанию этих производных колонн прикреплены угловые кронштейны, украшенные узлами, гротескными головами и листвой. Смелая лепнина с двойными заготовками продолжается под этажом, окна которого адаптируются к двойному расположению отсеков. Более высокая арка примыкает к арке поменьше справа или слева, в зависимости от ситуации. Они поддерживаются короткими массивными колоннами: окна обрамлены рельефной лепниной.— На хорах арки становятся заостренными, но с нормандской лепниной: апсида - это реконструкция. В той части хора, которая кажется оригинальной, есть стрельчатые окна, образованные переплетением круглых арок: они освещают галерею.—Эффект, создаваемый перспективой интерьера, величественный. Заслуживает внимания древняя каменная кладка снаружи. Все камни небольшие, возможно, не превышают девяти-двенадцати дюймов: стыки составляют около трех четвертей дюйма ”.

К этому описанию, возможно, стоит добавить следующие сведения о размерах церкви, взятые с внешней стороны:—

	Ножки.
Длина с востока на запад	871
Высота западных башен	145
----со шпилями	262
— неф на западном фасаде, до острия фронтона	98
— северные трансепты	84
Ширина то же самое	42

Также не лишним будет заметить, что неф с обеих сторон разделен на девять отсеков, второй и третий из которых, если считать с запада, с южной стороны, составляют предмет *двадцать третьей таблички*. Остальные, хотя и разнообразны по своему убранству, одинаковы в плане, за исключением только одной с обеих сторон, непосредственно примыкающей ко входу: каждая из них содержит тонкую неглубокую арку, не прорезанную до трансептов и поднимающуюся от тротуара почти до верха верхних окон. В этой части церкви нельзя не отметить две особенности: большую ширину арок трифория, чем у нижележащих; и балюстраду из четырехлистников, которая продолжается по всей этой части здания. Сразу же при входе в церковь невольно возникает сомнение, насколько эта балюстрада не может быть дополнением сравнительно современного типа. Но, в целом, кажется, нет причин считать это таковым. Точно такой же орнамент найден на могиле Беренгари, жены Ричарда Львиного княжества, которую мистер Стотхард недавно изобразил и считает ровесницей королевы, в память о которой он установлен.

Памятник Вильгельму Завоевателю, установленный посреди хоров этой церкви, был осквернен и разбит на куски кальвинистами, а его содержимое бессмысленно уничтожено ближе к концу

шестнадцатого века. Отчет о совершенных тогда безобразиях подробно и с большой наивностью, а также чувством дан Де Бургевилем, [47], который присутствовал на мероприятии; и недавно они были переведены на английский, [48] с добавлением некоторых интересных деталей, сопровождавших смерть и похороны монарха. Почти за сто лет до этого один кардинал, посетив Кан, из любопытства вскрыл гробницу. После того как беспорядки, вызванные гугенотами, утихли, монахи монастыря, которым досталась одна из бедренных костей, сохраненных виконтом Фалезским, перезахоронили ее и из благодарности своему основателю воздвигли в 1642 году новый памятник из черного мрамора, обошедшийся им в большие деньги. На одной стороне была оригинальная метрическая эпитафия, сочиненная Томасом, архиепископом Йоркским, начинающаяся следующей строкой: —

“Qui rexit rigidos Normannos atque Britannos;”

на другой стороне была надпись [49] в память об обстоятельствах, связанных с гробницей; но эта вторая гробница также была убрана в 1742 году на основании приказа Людовика XV. наделение губернатора Кана полномочиями перенести останки монарха в святилище как препятствующие церковным церемониям в их первоначальном положении. На смену памятнику пришел плоский камень перед главным алтарем, но даже его демократы 1793 года разорвали. Однако он был заменен генералом Дюгуа, в то время префектом Кана, и до сих пор сохраняет свое положение. [50] В церкви нет других памятников любого рода.

К аббатству Святого Стефана были пристроены обширные здания; и, среди прочего, то, что обычно считалось королевским дворцом и обычно проходило под названием Дворца Завоевателя. Поскольку все, что было связано с аббатством, публика, естественно, относилась к этому монарху, не покажется удивительным, что и это здание было таким же, как бы мало оснований ни было для такого наименования. То, что он был назван дворцом, возникло, вероятно, из-за того, что французские монархи всегда проживали в этом монастыре во время своих визитов в Кан. Имена Людовика Святого, Иоанна, Генриха V. и Франциска I. можно найти в списке тех, кто почтил его своим присутствием. Большая часть дворцовых построек была разрушена гугенотами; но некоторые из них стояли в 1752 году, когда Дюкарель совершал свое турне по Нормандии; и он их вычислил. Среди них была самая интересная часть всего этого - большой зал, место, в котором государства Нормандии собирались так же часто, как они созывались в Кане; и где Казначейство неоднократно проводило свои заседания после отвоевания Нормандии королями Франции у ее древних герцогов. Этот зал даже избежал ярости революционеров, а также кальвинистов; но в 1802 году генерал Каффарелли, тогдашний префект, переделал его в помещения для колледжа; и его великолепные расписные окна были уничтожены вместе с полом из глазурованной плитки, украшенным геральдическими надписями. Изразцы долгое время давали простор для познаний и изобретательности антикваров, некоторые из которых считали их ровесниками Завоевателя; в то время как другие, которые не решались зайти так далеко, рассматривали их как гербы его товарищей. В *Христианской Галлии* их размещение приписывается Роберу де Шамбре, который, как утверждается, был аббатом с 1385 по 1393 год, факт, которому аббат Де ла Рю совершенно не верит. Он, однако, придерживается мнения, что плитки датируются почти той же датой или немного раньше; и он считает, что они принадлежат семьям, которые поставляли аббатов и монахов в монастырь.

СНОСКИ:

[31] Дюшен, *Scriptores Normanni*, стр. 277 и 282.

[32] Так утверждает Хьюэт в своей книге "*Происхождение Кана*", стр. 175, опираясь на Хронику аббатства Бек; и не предпринималось никаких попыток оспорить этот факт до недавней публикации "*Исторических очерков*" аббата Де ла Рю, в которой это пытаются доказать различными косвенными методами. свидетельства о том, что строительство могло быть закончено только после 1070 года; более того, что оно даже не могло быть начато во время, установленное Хьюэтом для его завершения, поскольку в уставе основания, который должен быть датирован более поздним 1066 годом, используется следующее выражение.—“Ego Guillelmus, Anglorum Rex, Normannorum et Cœnomanorum princeps, Cœnobium in honorem Dei ac Beatissimi prothomartyris Stephani, intra Burgum, quem vulgari nomine vocant, Cadomum, pro salute animæ meæ, uxoris, filiorum ac parentum meorum, *disposui construendum*.”

[33] См. *Neustria Pia*, стр. 639.

[34] Дом Бланшар, монах-бенедиктинец, оставивший неопубликованную историю этого монастыря, говорит, “что Завоеватель примерно в то же время получил из Константинополя череп святого Стефана; и что перенос его в аббатскую церковь отмечался ежегодным праздником восьмого октября”. Кафедральный собор Суассона хвастался обладанием той же реликвией, а также тем, что он также приобрел ее в Константинополе. — “Нельзя слишком полагаться на подлинность этих реликвий, - благоразумно замечает католический писатель по этому поводу, - которые не могут быть отнесены ко времени святого Григория Турского, шестому веку!”

[35] Ланфранк, некоторое время руководивший в Беке первой школой, когда-либо созданной в Нормандии, после своего перевода в Кан открыл еще одну в этом городе. В "*Жизнеописаниях аббатов Бека*", написанных латинскими стихами в двенадцатом веке Петром, монахом монастыря Сен-Пьер-сюр-Див, Ланфранку уделяется особое внимание в связи с его школой в Кане, которая выпустила многих людей, выдающихся своими познаниями в священной и светской литературе, и в то время процветала. Аббат Де ла Рю приводит их длинный список. *Essais Historiques*, II. p. 70.

[36] Ордерик Виталис, в "*Нормандских скрипториях*" *Дачезне*, стр. 549.

[37] *Исторические очерки*, II. стр. 64.

[38] *Дачезне*, *Scriptores Normanni*, стр. 663.

[39] *Neustria Pia*, стр. 640.

[40] *Галлия Христианская*, II. стр. 425.

[41] Его имени нет в списке настоятелей, приведенном в *Neustria Pia*; но авторы *Gallia Christiana* говорят (XI. стр. 480), “что он был выдвинут на пост прелата после отставки тридцать четвертого настоятеля Шарля д'О. и был утвержден в нем штатами Блуа. Однако признается, что, несмотря на его назначение в 1596 году, его предшественник продолжал получать служебное вознаграждение до 1624 года и пользовался большой пенсией, вытекающей из этого, до своей смерти в 1627 году”.

[42] Говоря об этом, аббат Де ла Рю пользуется случаем, чтобы установить общее правило (*Исторические очерки*, II. стр. 61), согласно которому “по новому порядку в Нормандии полукруглые аркады танцуют без ограничений. siècles; au contraire, les arcades en pointes des nefs, des fenêtres et des portes des églises, autrement les arcades en ogive, n'ont eu lieu chez nous que dans le XIIIe. siècle et les suivans. On trouve également ces deux styles en Angleterre et aux mêmes époques, et leur différence est une des principales règles qui servent aux antiquaires Anglois, pour discerner les constructions Normandes et Anglo-Normandes, des constructions d'un autre genre.”—Но мистер Тернер в своих исследованиях, касающихся бывшего собора Лизье (*Экскурсия по Нормандии*, II. стр. 131), по-видимому, доказал, что стрельчатая арка должна была существовать во Франции в значительно более ранний период; и ожидается, что некоторые примеры, которые будут приведены в продолжении работы, подтвердят его мнение.

[43] *Англо-нормандские древности*, стр. 57.

[44] *Надгробные памятники*, I. стр. 247, т. 30.—Эпитафию, которая в оригинале изобилует сокращениями, как предполагает аббат Де ла Рю, следует читать следующим образом:—

“Guillelmus jacet hic, petrarum summus in arte:
Iste novum perfecit opus; det premia Christus.
Аминь”.

[45] Аналогичный ряд арок находится на северном трансепте Норвичского собора, между первым и вторым ярусами окон.—Смотрите *Норвичский собор Бриттон*, фото 10.

[46] II. стр. 195.

[47] *Древности Кана*, стр. 171.

[48] *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 203.

[49] См. *Neustria Pia*, стр. 656.

[50] Надпись на ней, в которой подробно описываются различные события, произошедшие с гробницей, приведена в *Туре Тернера по Нормандии*, II. стр. 197.

ЛИСТЫ XXIV.—XXXIII.

АББАТСТВО СВЯТОЙ ТРОИЦЫ В КАНЕ.

Фото 24. Церковь аббатства Святой Троицы, Кан.
Западный фронт.

В рамках предыдущей темы уже упоминалось о происхождении монастыря Святой Троицы, церковь которого, хотя и не является таким же обширным зданием, как церковь монастыря Святого Стефана, бесконечно богаче по своему убранству и почти полностью сохранилась в своем первоначальном виде. Более совершенного примера нормандской аббатской церкви, пожалуй, нигде нельзя найти; и, поскольку это здание имело еще одно преимущество, заключавшееся в том, что оно было возведено в период, когда провинция находилась на пике своего могущества, было возведено человеком высочайшего ранга и обязано своим существованием случаю, специально рассчитанному на проявление предельной щедрости и великолепия, было решено, что цель работы, подобной настоящей, не могла быть лучше решена, чем показ такого здания во всех деталях.

Имея перед собой церкви Святой Троицы и Святого Георгия, читатель лучше всего сможет судить о том, какой на самом деле была нормандская архитектура: никаких трудностей или сомнений не может возникнуть относительно истории или даты ни того, ни другого; и он может быть удовлетворен тем, что все, что было выбрано из них, находится, насколько может судить человеческое наблюдение, именно в том состоянии, в котором его оставил первоначальный строитель.

Аббатство Святой Троицы было основано в 1066 году Матильдой Фландрской, женой Вильгельма II. Герцог Нормандии; и его церковь была освящена восемнадцатого июня того же года Маурилиусом, архиепископом Руана, при содействии епископов и аббатов провинции и в присутствии герцога и герцогини вместе с их главными баронами. Государь в тот же день представил к алтарю свою малолетнюю дочь Цецилию, посвятив ее служению Богу в этом монастыре, в котором она получила соответствующее образование и была его первой монахиней и второй настоятельницей. История сохранила имя первой настоятельницы, Матильды, и сообщает, что она происходила из одной из самых знатных семей герцогства; но больше никаких подробностей о ней неизвестно. Учредительные грамоты этого монастыря, датируемые 1066 и 1082 годами, полны пожертвований во всех отношениях королевского происхождения; и они сделаны не только со стороны государя, но и его знати, чьи подписи также приложены к документам. Королева также при смерти оставила монастырю свою корону, скипетр и государственные украшения; [51] таким образом, подавая пример, которому вскоре последовал ее королевский супруг, в отношении аббатства Святого Стефана. Роберт, преемник Завоевателя в герцогстве, не отставал от своего отца в его щедрости по отношению к монастырю Святой Троицы. Последний в своей хартии, датированной 1083 годом, сохранил за собой право рыболовства на реке Орн вместе с различными владениями за пределами городских стен, в направлении пригорода Воге. Все это было передано новым герцогом своей сестре; и из различных пожалований со стороны отца и сына было образовано то, что получило название *Бург-л'Аббатство*, или *баронство Сент-Джайлс*. Герцог Роберт сделал еще больше; ибо, отличившись при взятии Иерусалима и отказавшись от короны Святой Земли, он по возвращении во Францию привез с собой и поместил в аббатской церкви, основанной его матерью, великое знамя сарацин, отнятое у них его доблестью на поле Аскалона.

Среди привилегий, предоставленных аббатству Троицы нормандскими князьями, было право проводить ярмарку в Троицкое воскресенье и в дни, непосредственно предшествующие ему и следующие за ним. Настоятельница в те дни имела право на все городские сборы; и, чтобы не оставалось сомнений в ее праве, у нее вошло в привычку посылать нескольких своих служителей во время вечерни в пятницу прикреплять ее гербы к каждому входу в город. Те же офицеры прикрепили к воротам свои собственные ящики для получения таможенных платежей вместо ящиков главного фермера. Без уплаты пошлины можно было ввозить только воду. Пока длилась ярмарка, аббатисе также оказывались воинские почести; комендант гарнизона, независимо от его звания, был обязан лично обратиться к ней за условно-досрочным освобождением. Аббат де ла Рю, из работ которого извлечено большинство исторических фактов, касающихся этого монастыря, утверждает, что он сам видел, как маршал де Харкурт, в то время губернатор Нормандии, прислуживал аббатисе с этой целью; и он придерживается мнения, что этот обычай существовал с самого основания монастыря.

Неудивительно, что заведение, столь одаренное и выдающееся, было арендовано детьми тех, кто внес свой вклад в благотворительный фонд. Имена дочерей и племянниц главных

нормандских баронов можно найти в каталоге первых монахинь. Однако таково было в тот период состояние общества, что даже аббатство, основанное таким образом, обеспеченное и заселенное, было обречено представлять собой замечательный пример капризного варварства того времени. Как только стало известно о смерти Завоевателя, те самые дворяне, которые всего несколько лет назад были главными благодетелями монастыря, приняли противоположный характер и сделали все, что было в их силах, чтобы разграбить и разрушить его. Они сами подписали следующий донос: “Si quis verò horum omnium, quæ prædictæ S. Trinitatis ecclesiae data ostensa sunt, обвиняемый в совершении аликвандо, (в случае абсолютного) фактического нарушения, в случае бесстыдного упрямства: Никогда не признает анафему фактом Домино, свято соблюдает всеобщее доверие, частное Божественное правосудие, вечная сущность совершенства”. — Но никакие соображения, человеческие или божественные, не могли сдержать их алчность: они грабили земли; захватывали зерно и скот, принадлежащие монастырю; сажали в тюрьму некоторых арендаторов и вассалов, а других предавали мечу. Эти и многие другие факты, наиболее любопытно иллюстрирующие нравы той эпохи, можно найти в собрании уставов аббатства. Они неопровержимо доказывают (если такой факт нуждается в доказательстве), что времена рыцарства были далеки от того, чтобы быть днями честности. Но они также показывают то, к чему читатель, возможно, не готов в равной степени, что среди этих грабителей был сам Генрих, младший сын Завоевателя, который без колебаний опустошал земли, подаренные аббатству его матерью; и который, как замечает аббат де ла Рю, вероятно, уже в тот ранний период вынашивал намерение захватить территорию своего отца и, возможно, был занят накоплением тех денежных средств, с помощью которых он в конечном итоге преуспел в узурпации трона.

Среди владений аббатства Святой Троицы было несколько поместий [52] и advowsons в Англии; для лучшего управления которыми иногда требовалось присутствие настоятельницы по эту сторону моря. Известны имена более чем одной из святых дам, которые почтили наш остров своим присутствием. В дневнике путешествия настоятельницы Жоржетты дю Молли Бэкон говорится, что шестнадцатого августа 1570 года она с пятнадцатью людьми в свите села в Кане, высадилась в Лондоне и направилась в свое поместье в Фелстеде, в Эссексе, откуда вернулась в Нормандию только в Троицкое воскресенье следующего года.

Отсюда можно легко сделать вывод, что правила монастыря были не самыми строгими. Заведение действительно с самого начала находилось под управлением ордена Святого Бенедикта, но монахини, хотя и жили под одной крышей, не были связаны обетами: они привыкли принимать своих друзей в своих собственных покоях; и у многих из них были племянницы или другие родственники, которых они воспитывали. Трапезная была общей, и они ели мясо несколько дней в неделю. Было также указано время, в которое им разрешалось выходить подышать свежим воздухом в сад, расположенный недалеко от монастыря. У самой настоятельницы был загородный дом в Ойстреме, где она часто проживала; и по случаю тех праздников, которые сопровождаются публичными шествиями, вся община обычно ходила процессией в каждую из различных церквей Кана. Иногда настоятельница также присутствовала с группой своих монахинь на представлении какой-либо мистерии или подобного сценического представления. Отчет о доходах монастыря за 1423 год показывает, как Николь де Рупалли, тогдашняя настоятельница, присутствовала при разыгрывании *Чуда Святого Винсента* и вознаградила исполнителей чаевыми в размере десяти солей, суммы, эквивалентной в то время десяти бушелям пшеницы.

Примерно в 1515 году настоятельница Изабелла Бурбонская предприняла попытку ограничить поправки сестричеству, сделав их более строгими, увеличив количество постных дней и в целом введя систему большей строгости. Но монахини протестовали против этого нововведения и обратились к епископу Байе, заявляя о несправедливости того, что их заставили подчиняться правилам, под которыми они изначально не подписывались. Прелат, считавший этот вопрос деликатным, отказался принимать решение; и дело закончилось обращением к папе римскому, который, в конце концов, разрешил монахиням удалиться в другие монастыри, где они могли пользоваться свободой, на которую претендовали.

Когда после взятия Кана Эдуардом в 1346 году жители решили заново укрепить город, аббатства Святого Стефана и Святой Троицы, оба находившиеся в пригородах, были исключены из линии обхода; и следствием этого стало то, что они подвергались оскорблениям и разграблению. Поэтому монахи и монахини были вынуждены позаботиться о собственной защите; и восемь лет спустя, когда король Иоанн прибыл в Кан, они получили от него патент, разрешающий им окружать свои монастыри собственными стенами, башнями и рвами. Отсюда и возникла странная аномалия - крепость и женский монастырь на одной территории. Сестричество, встревоженное своим положением, продало свою утварь и даже святыни со своими реликвиями, чтобы обеспечить их сохранность; и впоследствии им было предоставлено разрешение взимать взносы со своих вассалов с целью ускорения и завершения этой задачи. —В правление Генриха VI. во время ослабления британской власти во Франции монарх отдал приказ о демонтаже форта Троицы, чтобы он не был захвачен жителями окрестностей, которые пытались завладеть Каном. Но аббатиса воспротивилась королевскому эдикту; и, опасаясь, что попытка привести его в исполнение побудит ее открыть ворота повстанцам, ее сопротивлению позволили быть действенным. —Король Карл неоднократно размещался в этом монастыре, пока его армия осаждала Кан в 1450 году, и упоминания о крепости продолжают появляться до начала следующего столетия; но после этого времени она, по-видимому, пришла в упадок.

Г-н Де ла Рю отвергает как необоснованное заявление епископа Авраншского, получившее всеобщее признание, о том, что шпили западных башен аббатства были разрушены в 1360 году Карлом Плохим за то, что они использовались для обнаружения приближения врага. Его главный аргумент против этого факта состоит в том, что король Наварры в то самое время находился в мире с Францией; и поэтому, предполагая, что они были снесены этим принцем, он придерживается мнения, что их снос, должно быть, был отдан по приказу, чтобы они не служили ориентирами для англичан. В то же время он, очевидно, склонен думать, что башни вообще никогда не были увенчаны шпилями; и он замечает, с большой очевидной справедливостью, что, если они действительно были и если они действительно были разрушены в указанный период, башни, должно быть, долгое время оставались в разрушенном состоянии, поскольку известно, что их нынешнее завершение относится к XVIII веку.

Первоначальные хартии и титулы аббатства Святой Троицы были утрачены во время революции. Они погибли из-за чрезвычайной заботы последней настоятельницы, которая, беспокоясь об их сохранности, упаковала их в сундуки и спрятала под потолком церкви. Но в те катастрофические времена свинец, которым были покрыты церкви, был одним из первых объектов разграбления; и следствием этого было то, что крыша была сорвана, ящики выставлены под дождь, дерево и бумага полностью уничтожены, а жестяные ящики, в которых хранились хартии, были настолько изъедены ржавчиной, что их содержимое стало неразборчивым. Именно в таком состоянии они были найдены аббатом Де ла Рю, который владел тайной и который по возвращении во

Францию, после прекращения беспорядков и смерти настоятельницы, получил разрешение префекта на проведение поисков.

Церковь аббатства Святой Троицы имела свои особые обряды; и до периода революции община имела привычку ежегодно печатать свою литургию на латыни. Очень красивый том в кварто, содержащий ритуал, был издан в Кане в 1622 году по заказу Лоранс де Будос, тогдашней настоятельницы. Вероятно, именно из гордости за подобную привилегию и уверенности в своих силах монахини упорствовали в праздновании нелепого или, если можно так выразиться, богохульного *Праздника* в течение ста лет после того, как Базельский собор постановил запретить его во всем христианском мире. В подражание Мальчикам-епископам Байе, Солсбери и других церквей у монахинь Святой Троицы были свои настоятельницы. В древних монастырских ведомостях под заголовком "Расходы" за 1423 год упоминается о шести солах, пожертвованных в качестве пожертвования в День невинных "*для святых настоятельниц*". В этот день была избрана Девушка-настоятельница: настоятельница монастыря уступила ей аббатский жезл на вечерне, как только они дошли до строфы из *Магнификата*, начинающейся "*Deposuit potentes de sede*"; и фарс продолжался до того же часа следующего вечера. Аббат Де ла Рю, упоминающий этот факт, справедливо замечает, что другое обстоятельство, которое вытекает из этих отчетов, еще более необычно; что даже в 1546 году настоятельница имела обыкновение ежегодно выплачивать пять солей кафедральному собору Байе за его Мальчика-епископа. Запись сделана в следующих выражениях: "*О маленькой деревне в Байе, для нашего пансиона, о том, что я не имею права на жилье, против вас.*" В начале предыдущего столетия аббат Святого Стефана также имел обыкновение выплачивать двадцать солей в год на тот же счет; но его выплата, вероятно, была прекращена сразу же после эдикта Базельского собора, хотя церемония посвящения Мальчика-епископа в Байе не отменялась до 1482 года. Действительно, всего за шесть лет до этого в описи ризницы собора среди прочих ценностей были перечислены

- Две митры для Мальчика-епископа,
посох, принадлежащий Мальчику-епископу,
рукавицы мальчика-епископа,
И четыре маленьких платка из алого атласа для использования
мальчиками-певчими в День памяти невинных.

Настоятельница Кана через своего чиновника осуществляла духовную юрисдикцию над приходами Сент-Джайлс, Карпике, Ойстреам и Сент-Обен-д'Аркене в силу привилегии, предоставленной епископами Байе, как ей самой и ее монахиням, так и вассалам нескольких приходов. Эта привилегия, однако, простиралась не дальше освобождения от определенных денежных штрафов, которые епархиальные власти в средние века взимали со своей паствы; и даже при таком ограниченном признании она не раз становилась предметом судебных разбирательств между монастырем и престолом. Аналогичным образом, гражданская и уголовная юрисдикция, на которую претендовала настоятельница в отношении тех же приходов, иногда приводила ее к спорам с судебным приставом и виконтом Канским: ее права неоднократно подвергались сомнению, и она была вынуждена обращаться в судебные инстанции для их установления. Следующий весьма необычный судебный процесс одновременно иллюстрирует этот факт и характер времени: В 1480 году *bestia porcina* съела младенца в колыбели на территории прихода Сент-Джайлс. Офицеры настоятельницы схватили преступника и возбудили процесс о его осуждении перед сенешалем монастыря. Однако за то

время, пока этот вопрос находился на рассмотрении, вмешался генеральный прокурор короля. Он вызвал настоятельницу к верховному бейлифу и, утверждая, что преступление было совершено в пределах компетенции бейливика, заявил права на зверя и потребовал, чтобы суд над ним состоялся в одном из королевских трибуналов. Немедленно возникли дебаты относительно пределов их соответствующей юрисдикции: были начаты расследования; были представлены меморандумы и контрмеморандумы; и аббатисе, наконец, удалось отстоять свою точку зрения, только доказав, что несколькими годами ранее она сожгла молодую женщину на *площади Кампьюновза* убийство мужчины в том самом доме, где свинья сожрала ребенка.

Среди обязанностей, первоначально возложенных на этот монастырь, было ежегодное проведение обеда в Троицкое воскресенье для тех жителей прихода Во-сюр-Сол и их прислуги, которые прожили там год и один день. Трапеза была накрыта в стенах аббатства следующим образом: После того, как гости вымыли руки в бадье с водой, они уселись на землю, и перед ними расстелили скатерть. Затем каждому дали по буханке весом в двадцать одну унцию, а вместе с ней по ломтику вареного бекона площадью шесть дюймов. К этому был добавлен ломтик жареного бекона; и завершилось пиршество миской хлеба и молока для каждого человека, причем все они выпили столько пива и сидра, сколько могли выпить. Обед, как можно естественно предположить, длился от трех до четырех часов; и также нетрудно представить, что прием такой разношерстной толпы в такой день не мог не вызвать большого раздражения монахинь и различных неудобств. Таким образом, монастырь с самого начала пытался освободиться от этого обязательства путем выплаты определенной суммы денег; и во время войны город Кан время от времени вмешивался и заставлял людей принять композицию из опасения, что враг завладеет фортом Троицы, представившись в нем в числе официальных гостей. Оказывается, в 1429 году настоятельница приобрела освобождение по цене тридцати ливров, что эквивалентно тридцати семи с половиной четвертакам кукурузы, в то время как пшеница продавалась по два сола за бушель; а двадцать два года спустя Карл VII. затем король Франции выдал патент на свои письма, полностью отменив обед при условии ежегодной выплаты такой же суммы в приходскую казну.

К церкви аббатства Троицы было пристроено несколько часовен, как снаружи, так и внутри его стен: самой замечательной из них была часовня Святого Томаса, широко известная под именем *Святого Томаса Абатту*, в пригороде Сент-Джайлса. В своем первоначальном состоянии это была больница, и называлась она больницей Святого Фомы Мученика в полях, откуда Де ла Рю делает вывод, что она была построена в память о Томасе-а-Бекете и, вероятно, была возведена сразу после его канонизации в 1173 году. Хьюэ, напротив, говорит нам, что он существовал “с незапамятных времен”; и Дюкарель, который описал и вычислил его, [53], по-видимому, также считал его очень древним. Постепенное исчезновение проказы привело к тому, что она уже давно отошла от своего первоначального предназначения. В 1569 году он был разграблен гугенотами; и, поскольку не было предпринято никаких усилий для исправления нанесенных тогда повреждений, он продолжал находиться в состоянии упадка, незаметно приходя в упадок, до периода революции, когда он был продан вместе с другим национальным достоянием; и даже его руины теперь исчезли.

К счастью, аббатской церкви Святой Троицы в то время повезло больше: ей позволялось оставаться невостребованной до тех пор, пока после учреждения ордена Почетного легиона Наполеон не применил ее для некоторых целей, связанных с этим органом, которым она была несколько лет назад передана под его нынешний объект - рабочий дом для департамента.

Только хоры сейчас используются как церковь: неф служит рабочими комнатами; и, чтобы сделать его более пригодным для этой цели, поперек него был перекинут пол, который делит его на два этажа.

В недавней публикации было отмечено, [54] что “более прекрасный образец цельного величия нормандской архитектуры вряд ли можно найти где-либо, кроме как на западном фасаде этой церкви” (тема *двадцать четвертой таблички*). “Соответствующая часть конкурирующего аббатства Святого Стефана бедна по сравнению с ним; и Жюмьеж и Сен-Жорж в равной степени не выдерживают сравнения. Во всех них есть какая-то архитектурная аномалия: в Троице - ни одной, за исключением балюстрады на вершине башен; и это настолько очевидное дополнение современности, что оно никого не может ввести в заблуждение. [55] Эта балюстрада была возведена в начале семнадцатого века, когда появились овальные отверстия и завитки, изображенные на гравюре Дюкареля, [56].” — Это может быть было бы неплохо воспользоваться настоящей возможностью и сделать общее замечание, что, хотя, говоря об этой и других церквях, термин “*западный фронт*” обычно может применяться к части, содержащей главный вход; однако этот термин следует воспринимать с определенной степенью широты. Религиозные сооружения норманнов далеко не так регулярны по своему положению, как английские. При общем наклоне к западу они изменяются в зависимости от направления компаса. [57] Церковь аббатства Святой Троицы выходит фасадом на северо—запад - Архитрав центрального дверного проема состоит из множества поверхностей большой глубины: две трети из них плоские и незамысловатые и отступают так мало, что дают лишь небольшую возможность для света и тени. Его украшения немногочисленны и просты, почти полностью состоят из заготовок и шевронной лепнины, причем первые занимают внешние, а вторые - внутренние круги. На самой внешней полосе заготовки образуют один ряд и повторяют изгиб арки; следующий круг демонстрирует их необычное расположение, расположенные составно, и все они направлены к центру двери. Они, с добавлением четырехлистников и нескольких гротескных голов, которые служат ключевыми элементами лепнины над окнами трифориума, являются единственными украшениями, которыми может похвастаться этот фасад. Капители на всем его протяжении имеют простейшую форму, являясь, как правило, немногим больше перевернутых конусов, слегка усеченных для того, чтобы они соответствовали нижеприведенным колоннам. Некоторые из них имеют дополнительные небольшие выступающие выступы непосредственно под углами импоста; в то время как квадратные башни образованы коротким цилиндром, диаметр которого превышает диаметр стержня, увенчанного квадратным блоком, выполненным в виде счетов. Башни и контрфорсы уменьшаются в размерах кверху. Архитектурная особенность, заслуживающая внимания на этом фасаде, заключается в треугольной лепнине, которую можно увидеть на шпандрелах арок верхнего этажа. То же самое иногда, хотя и редко, встречается в других зданиях бесспорно нормандского происхождения, таких как церковь в Фалезе и Норвичский собор [58] в нашей собственной стране. Здесь на них обращено более пристальное внимание, поскольку они служат иллюстрацией того, что считалось аномалией в архитектуре некоторых церквей с круглыми башнями в Норфолке и Саффолке, [59], где окна образованы главами такой формы. Антиквары, не желающие признавать, что *плоская арка*, как ее называли из-за искажения терминов, была завезена в Англию до четырнадцатого века, потрудились доказать, что такие окна были переделаны в тот период, вопреки свидетельствам каждой части здания.

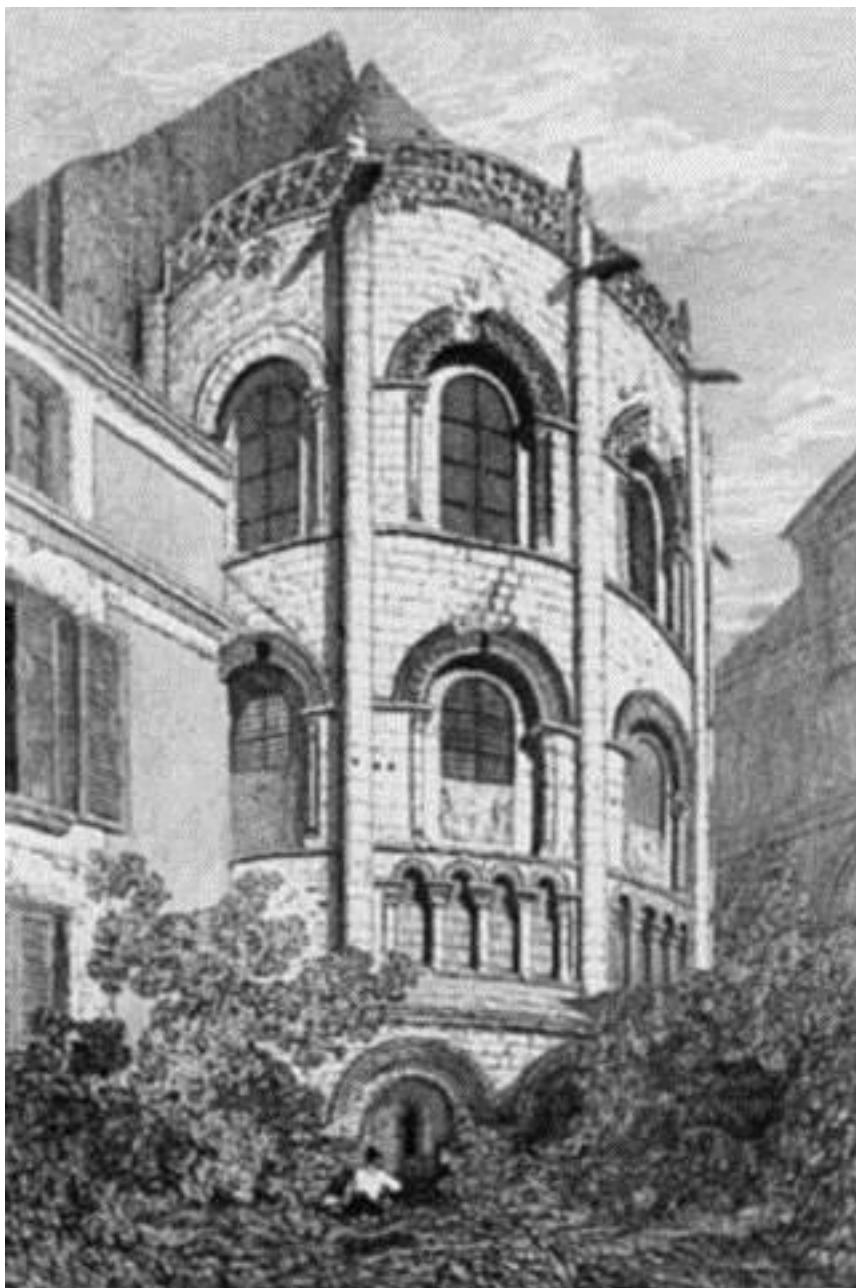

Фото 25. Церковь аббатства Святой Троицы, Кан.
Ист-Энд.

Восточный конец хора (*пластина [двадцать пятая](#)*) представляет собой смелое завершение, пронизанное десятью просторными окнами, которые пропускают свет на хоры, каждое из которых окружено широкой полосой, состоящей из тех же орнаментов, что и на остальной внешней части здания. Эта часть церкви разделена по высоте на три отделения, нижнее из которых содержит ряд небольших глухих арок, в то время как в каждом из двух верхних есть окно необычного размера для нормандского здания, но по-прежнему без средников или ажурных украшений. Окна разделены толстыми цилиндрическими колоннами, которые возвышаются непосредственно над рядом окон, пропускающих свет в склеп. Верхушки этих окон находятся на одном уровне с поверхностью земли, а стена в этой подземной части здания значительно толще, чем наверху. Вышеприведенная балюстрада из четырехлистников кажется ровесницей

остальным и может рассматриваться как свидетельство оригинальности балюстрады в нефе аббатской церкви Святого Стефана. [60]

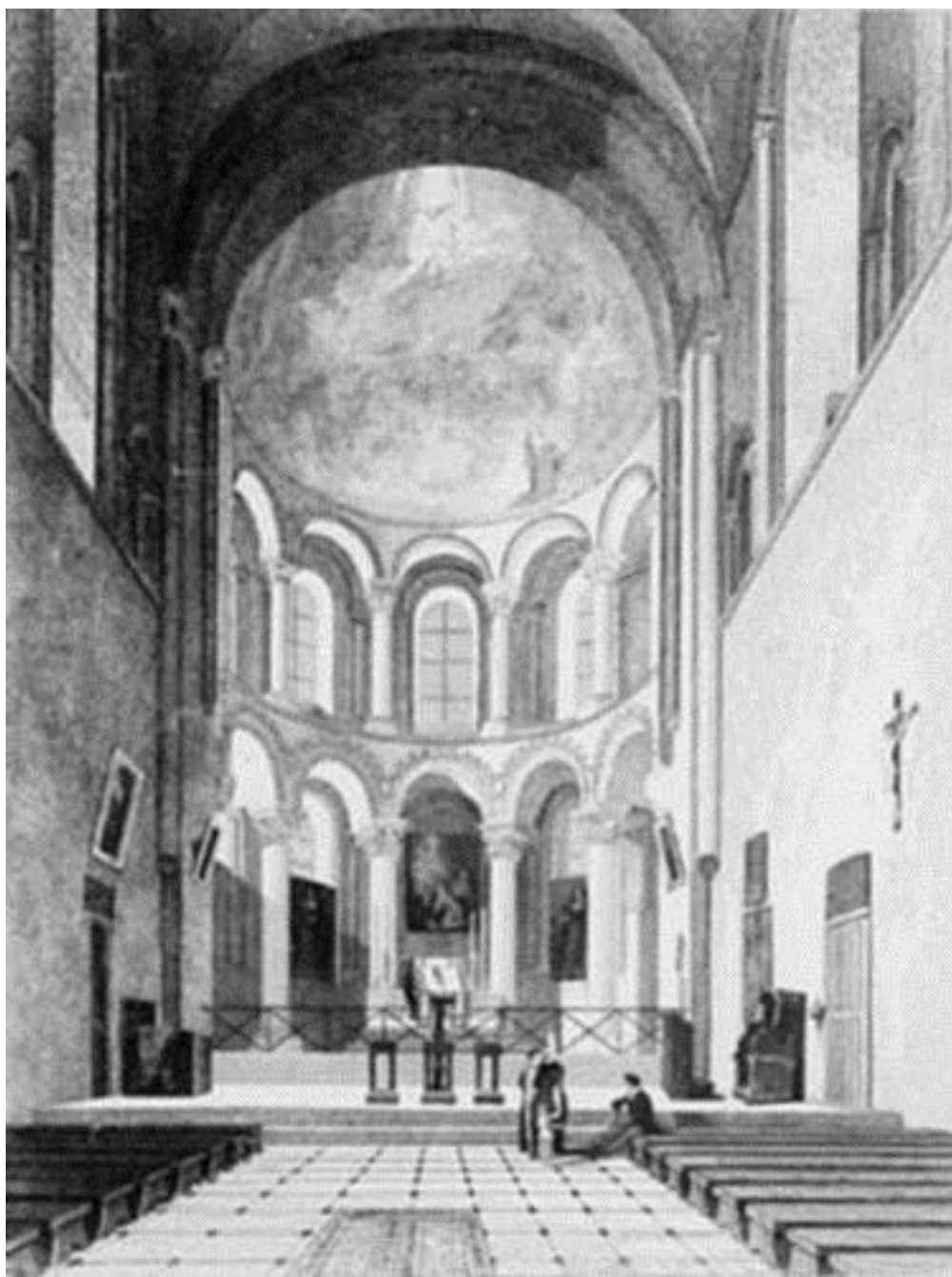

Фото 26. Церковь аббатства Святой Троицы в Кане.
Ист-энд, интерьер.

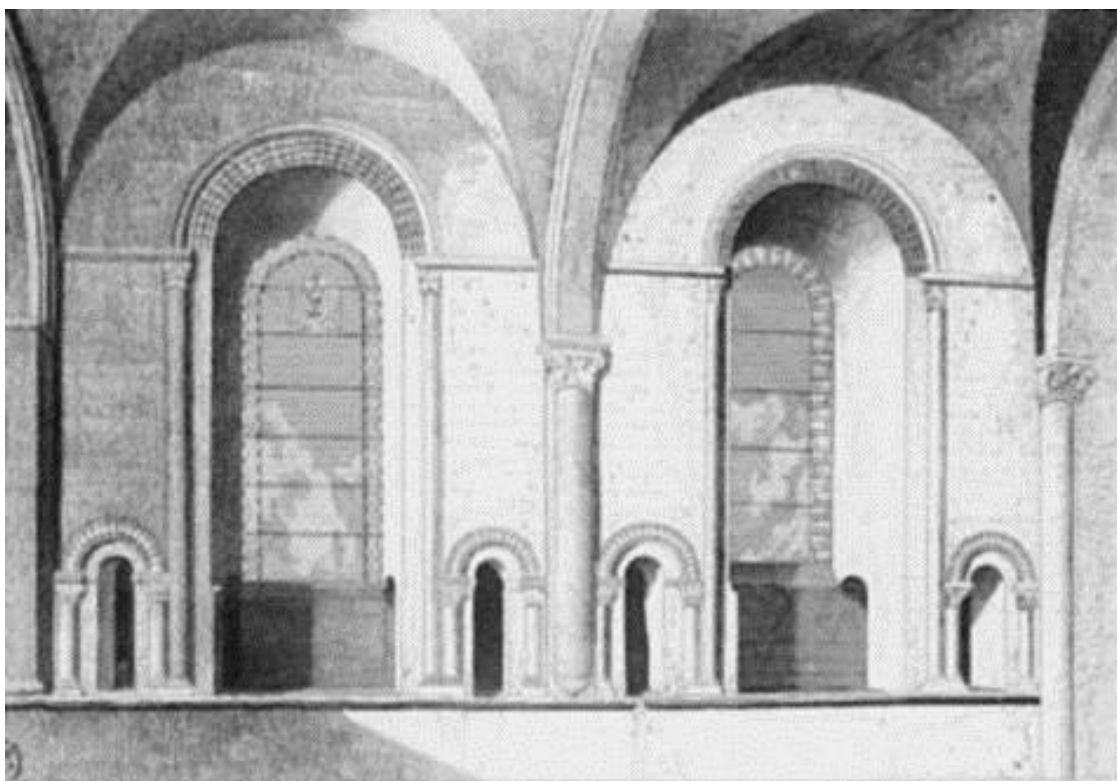

Фото 27. Церковь аббатства Святой Троицы в Кане.
Северная сторона хоров, верхнее отделение.

На *двадцать шестой* и *двадцать седьмой* пластинах изображен интерьер хора, а на *тридцать третьей* - самая примечательная из его капителей. Эта часть церкви по своему общему расположению очень напоминает ту же часть в Сент-Джорджесе и Норвичском соборе. Второе, однако, из этих зданий сохранило оригинальные выступы крыши, которые в нашей английской церкви были принесены в жертву, чтобы освободить место для больших стрельчатых окон; в то время как в церкви Святой Троицы они уступили место просторному куполу, расписанному изображением Успения Пресвятой Богородицы. На переднем плане этой картины изображена королевская особа-основательница аббатства; и, согласно общепринятой традиции, портрет женщины, одетой в одеяние монахини, на северной стороне главного алтаря, также предназначен для нее. Но традиции такого рода слишком расплывчаты, чтобы на них можно было полагаться. Сам по себе алтарный предмет является *Предметом Поклонения Пастухов*, не лишенным достоинств. Простые арки с их усеченными колоннами, видимые в верхней части *фото 26*, спереди с обеих сторон, и повторяющиеся на следующей фотографии, являются теми, которые завершают плоскую часть хора. Широкая однообразная пустая поверхность под ними объясняется современными каменщиками, которые заполнили и перекрыли арки без милосердия или осмотрительности и заново проделали в стенах простые дверные проемы. Окна высокие и прекрасных пропорций. Их остекление, вероятно, относится ко временам Людовика XIV. когда великолепное великолепие расписного стекла уступило место менее красивым и менее уместным украшениям, созданным фантазией сантехников. [61] Узкий проход, образованный в толще стены, с небольшими арками, украшенными по-разному, окружает все здание; хоры, неф и трансепты. В архитектурном устройстве этой части здания, где каждая большая арка окон обрамлена двумя меньшими окнами-трифориями, церковь Троицы согласуется с оксфордским собором, как показано в работе г-на Картера по древней

архитектуре [62] и там рассматривается как подлинное саксонское здание, возведенное королем Этельредом после разрушения монастыря римлянами. датчане в 1004 году. Но капители колонн в двух церквях имеют лишь незначительное сходство друг с другом. Те, что в Оксфорде [63] являются одними из самых красивых, оставленных нам ранними архитекторами, состоящими в основном из листвы; и, в одном случае, из очень элегантной имитации короны. В аббатской церкви в Кане они демонстрируют ту же смесь греческого и варварского вкуса, ту же красоту, те же чудовища и ту же очевидную направленность на сказочную или символическую историю, что уже отмечалось ранее в Сен-Жорже. По углам одного из них, на котором изображены четыре аиста, расположенных парами, можно найти очевидное изображение геральдической лилии. Под ним, на *пластине*, изображена голова двух львов, которая, как принято считать, предназначалась для портрета Завоевателя.

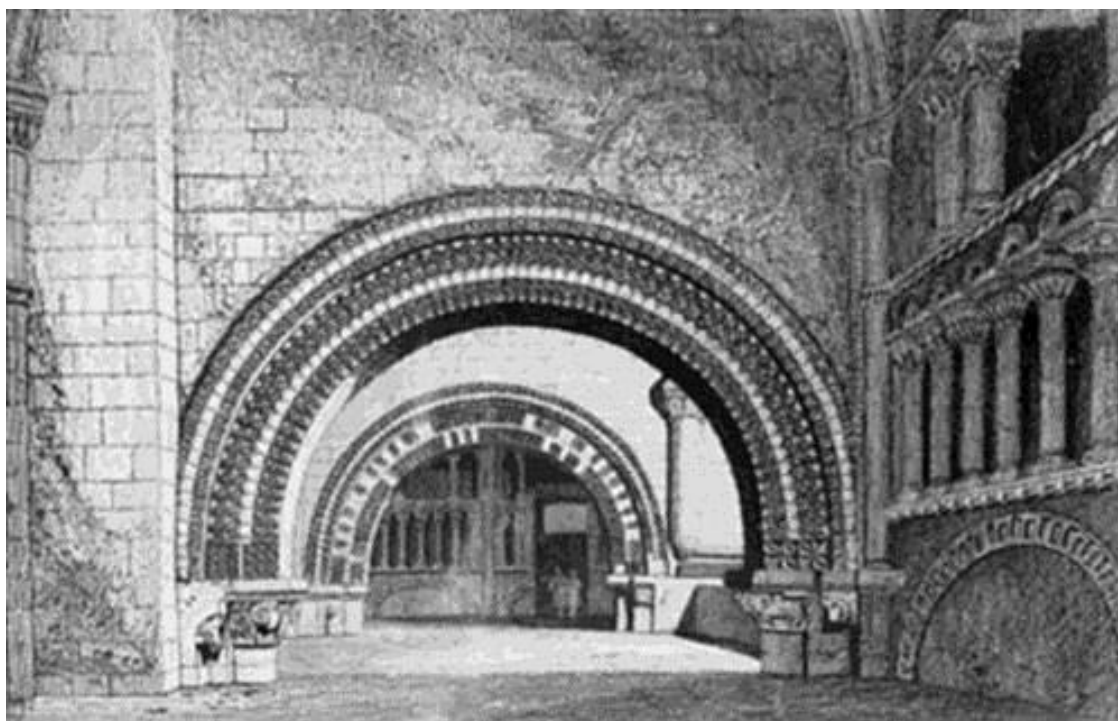
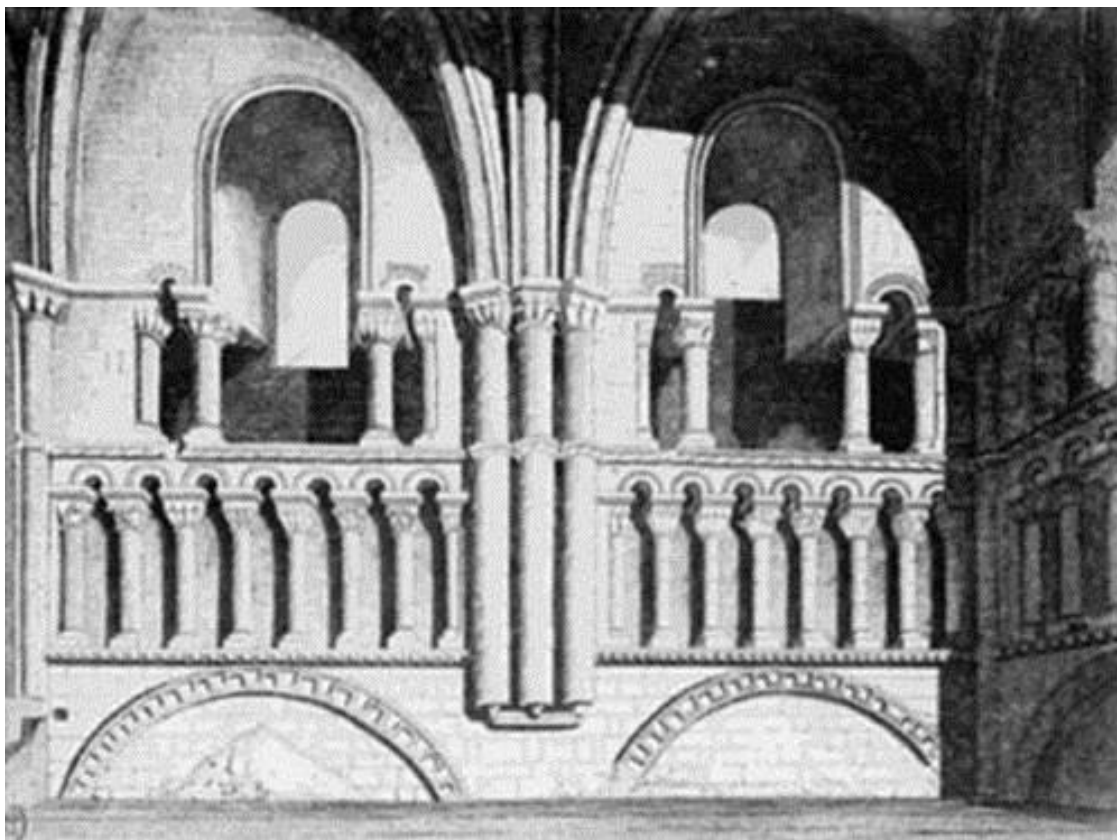

Фото 28. Церковь аббатства Святой Троицы в Кане.
Арки под центральной башней, смотрящие с Южного трансепта.

Табличка 29. Церковь аббатства Святой Троицы в Кане.
Восточная сторона Южного трансепта.

На *двадцать восьмой* и *двадцать девятой* табличках изображены трансепты: на первой из них изображены две арки, поддерживающие центральную башню. Более прекрасные образцы такого рода едва ли можно увидеть в Нормандии; и украшение их очень своеобразное, состоящее в целом из многочисленных полос четырехлистников в виде барельефа. Скульптура капителей также примечательна: скульптура одной из них представляет целых баранов; в то время как на противоположной изображены только головы того же животного по углам, сопровождаемые орнаментом, который автор этой статьи, насколько я помню, нигде не встречал. Арка, отделяющая башню от нефа, [64] возвышается выше всех остальных и имеет тупую заостренную форму; но ее украшения соответствуют украшениям других, и, похоже, она того же времени. [65] С целью более эффективного обозначения соединения *двадцать восьмой таблички* с предыдущей, может быть полезно заметить, что линия струн, видимая на первой арке и примыкающая к основанию усеченной колонны, та же, что на *табличке двадцать седьмой*, образует основание - линия окон. Тот же струнный ход на хорах проходит непосредственно под галереей; но в трансептах эта галерея находится на другой линии, будучи приподнятой за счет очень красивого ряда маленьких глухих арок между большими арками внизу и окнами верхнего этажа; и эти последние, в сочетании с маленькими арками, занимают только то же пространство, что и окна хора. Южный трансепт был выбран здесь для публикации как наиболее совершенный. Если бы противоположный вариант был столь же верен, он был бы предпочтительнее из-за любопытного характера его заглавных букв, многие из которых взяты из истории Священного Писания. Но они, к сожалению, сильно изуродованы.

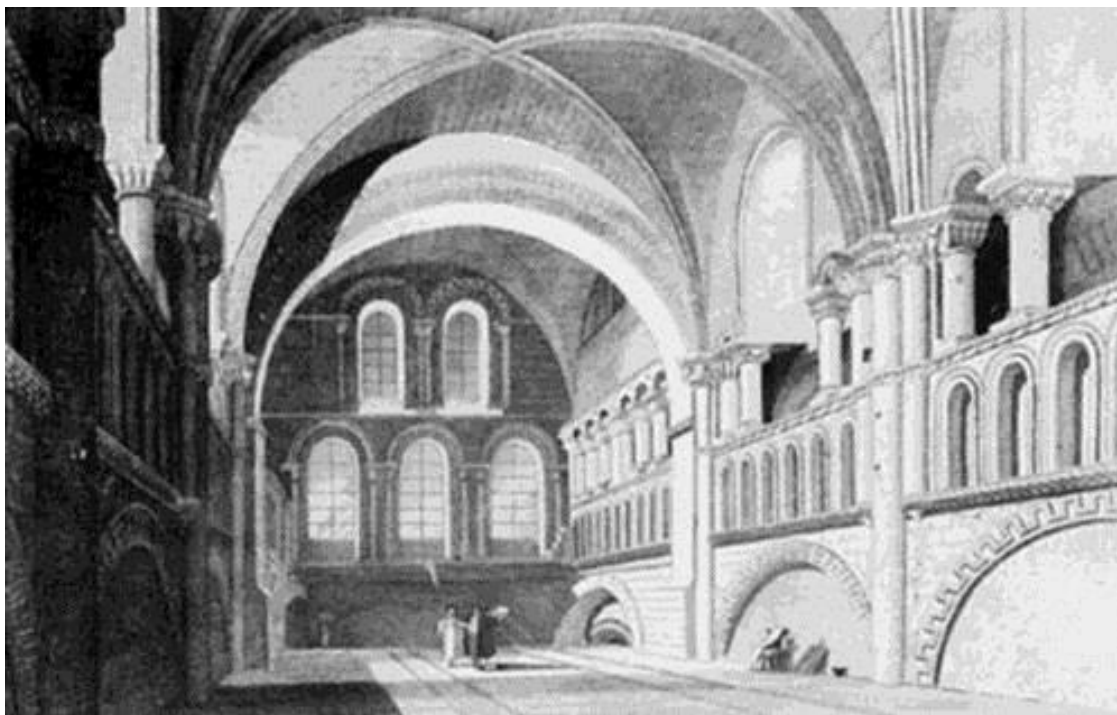
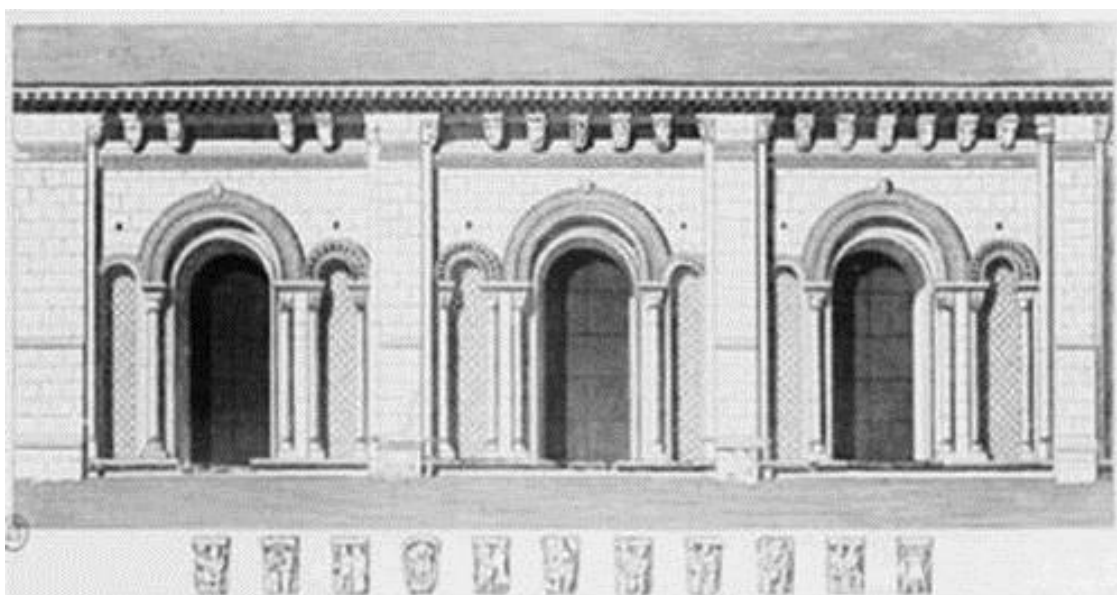

Фото 30. Церковь аббатства Святой Троицы в Кане.
Внутренняя часть нефа смотрит на запад.

На *тридцатой* табличке дан общий вид верхней половины внутреннего пространства нефа, показывающей западную оконечность с тремя ближайшими к ней отделениями по обе стороны; и здесь, как и на двух предыдущих табличках, невозможно не пожалеть о существовании пола, который, разделяя церковь на разные этажи, сильно портит впечатление от целого. Ни в этой, ни в какой-либо другой части здания нет приделов или нефов. Архитектура нефа по своему общему расположению напоминает трансепты, за исключением арок второго ряда, которые являются своеобразными. При внимательном рассмотрении также обнаружится, что, несмотря на кажущееся единообразие, нет двух совершенно одинаковых отделений, в то время как заглавные буквы бесконечно различаются. Эта игривость орнамента примечательна в здании, архитектор которого, как кажется на первый взгляд, имел в виду только величие и солидность. В дальнем конце нефа видны пять окон главного фасада вместе с частью большой входной арки. Оставшаяся часть этой арки, как и остальных частей нижнего яруса, с поддерживающими их колоннами скрыта полом. Следует отметить, что галерея опускается в западном конце, как и на хорах, и соединена с боковинами лестницей. Крыша состоит только из обрешетки и штукатурки, окрашенной в имитацию каменной кладки.

Табличка 31. Церковь аббатства Святой Троицы в Кане.
Южная сторона нефа, снаружи.

На [тридцать первой](#) табличке изображены три из восьми отсеков верхнего этажа на южной стороне нефа, если смотреть снаружи. Галереи и монастырские постройки скрывают всю противоположную сторону церкви; и, какой бы совершенной ни была изображенная здесь часть, внизу ничего не видно; ибо ряд мастерских и сараев загораживают вид снаружи так же эффективно, как пол соответствующей части внутри. Поясной столик с его всевозможными чудовищами представляет собой любопытный образец скульптуры того времени. Струнное поле над ним богато и красиво. То же самое относится и к оформлению окон, а также глухих арок, которыми они обрамлены, в то время как выступающие плоские контрфорсы, окаймленные тонкими цилиндрическими пилястрами, также указывают на степень тщательности и вкуса, что очень приятно и тем более примечательно, если рассматривать их в сочетании с архитектурой экстерьера современного аббатства Святого Стефана.

Табличка 32. Церковь аббатства Святой Троицы в Кане.

Склеп.

Крипта (плита *тридцать вторая*) занимает пространство под хорами. Аббат Де ла Рю, который называет это “часовней Святой Жолы”, говорит, что в пятнадцатом веке оно называлось подземной часовней Святого Николая, но до революции носило название часовни Святой Троицы. Первоначально в него вели две узкие лестницы из трансептов. Его длина с востока на запад составляет около тридцати футов, а ширина - около двадцати семи. Простая сводчатая крыша поддерживается тридцатью двумя тонкими колоннами, шестнадцать из которых наполовину вмурованы в стену и поднимаются из каменной скамьи, которой окружен этот склеп, точно так же, как и в церкви Сен-Жерве в Руане. До недавнего времени эта часовня была вымощена тщательно отполированными остекленными кирпичами, каждый площадью около двух дюймов, окрашенными в очень яркие цвета, но по описанию совершенно непохожими на те, что были во дворце Завоевателя. Он освещен узкими окнами, которые значительно расширяются внутрь, поскольку стена здесь очень толстая; и, по всей вероятности, первоначально их было одиннадцать, хотя большая часть сейчас закрыта. Один из них недавно был заполнен костями и замурован. На месте, которое он занимал, можно увидеть следующую надпись, помещенную между двумя вазами античной формы: *“Трувы Оссеменов, танцующих в старинном капитуле дам Тринити, и их потомки, танцующие вместо ЧЕТВЕРТОГО. Марс, MDCCCXVIII.”*

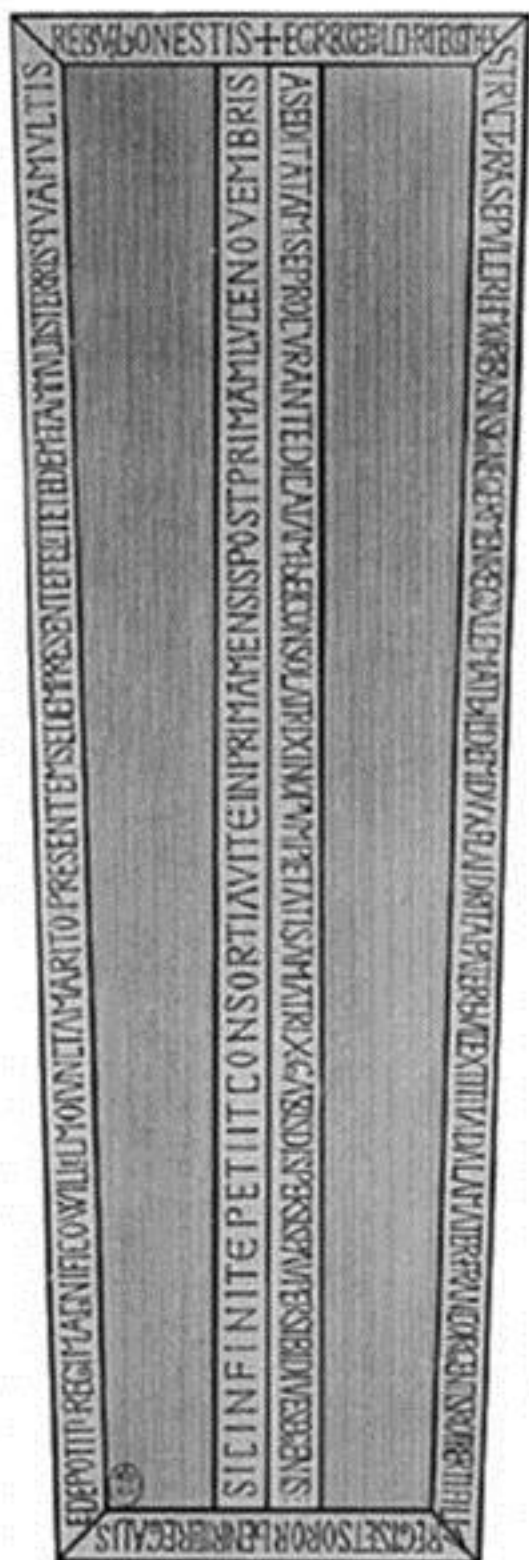

Табличка 33. Церковь аббатства Святой Троицы в Кане.
Капители на клиросе.

В том же году, в то время, когда были сделаны эти рисунки, в церкви Святой Троицы вообще не существовало гробниц. Раньше здесь их было много, но революция смела их всех. [66] Среди остальных были портреты королевской основательницы, ее дочери Цецилии, первой аббатисы, и двух других дочерей английских королей, которые также носили герцогскую корону Нормандии. Самой знаменитой из всех была статуя Матильды: по словам Ордерика Виталиса, она была изысканной работы и богато украшена золотом и драгоценными камнями. Но кальвинисты снесли его в 1562 году и, не удовлетворившись разграблением памятника всего ценного, вскрыли гроб королевы и разбросали ее останки. Ближе к концу того же столетия Анна де Монморанси, тогдашняя аббатиса, распорядилась собрать королевские кости и снова поместить их в первоначальный каменный гроб; и все продолжалось в таком состоянии до 1708

года, когда аббатиса Габриэль Франсуаза Фронле де Тессе воздвигла второй алтарь-гробницу из черного мрамора, изображение которого сохранил Дюкарель. В дополнение к этому, она поместила кости принцессы для большей сохранности в свинцовую шкатулку, которую положила в гроб; и они, к счастью, избежали надругательства в 1793 году, когда революционеры разрушили памятник, потому что герб Нормандии, которым он был украшен, противоречил доктринам свободы и равенства людей. Франция вновь установила монархическую форму правления, и в марте 1819 года префектом департамента в присутствии епископа епархии и мистера Спенсера Смайта были начаты новые поиски останков Матильды; они были найдены, проверены и повторно захоронены в их первоначальном положении.— Над ними также возвышается другая могила, похожая на ту, что была разрушена во время революции. Выгравированный камень на *пластине двадцать шестой* отмечает место, которое он занимает. На нем установлена оригинальная плита с эпитафией, которая, по великой удаче, невредимой ускользнула из рук как демократов, так и гугенотов; и, поскольку многие подписчики этого труда выразили желание, чтобы в него было вставлено его точное сравнение, иллюстрирующее форму писем, а также манеру письма, использовавшуюся в тот период, г-н Котман имел удовольствие удовлетворить их пожелания, в то же время он не считал его в достаточной степени относящимся к публикации, чтобы оправдать то, что он сделал его объектом критики. заряжайте. Надпись, разделенная на строки и написанная современными буквами, выглядит следующим образом:—

“Egregie pulchri tegit hec structura sepulcri
Moribus insigne germen regale Matildem
Dux Flandrita pater huic extitit Adala mater
Francor gentis Rotberti filia regis
Et soror Henrici regali sede potiti
Regi magnifico Wlllelmo juncta marito
Presentem sedem presente fecit et edem
Tam multis terris quam multis rebus honestis
A se ditatam se procurante dicatam
Hec consolatrix inopum pietatis amatrix
Gazis dispersis pauper sibi dives egenis
Sic infinite petiit consortia vite
In prima mensis post primam luce Novembris.”

Табличка 33*. Точная копия надписи на могиле королевы Матильды в церкви аббатства Святой Троицы в Кане.

СНОСКИ:

[51] “Завещание королевы” было напечатано аббатом Де ла Рю (*Исторические очерки* II. стр. 437) по рукописи из королевской библиотеки в Париже; но автору настоящей статьи неизвестно, что оно когда—либо появлялось в каком-либо английском издании; и поэтому он считает желательным перепечатать его здесь для своих собственных антикваров страна.- “Эго Матильды Регины до Святой Троицы в Кадоми Казулам, где апуд Винтониам [Винчестер] оперирует на Альдерети, и многие другие оперируют вне закона в поисках истины перед камерой и на виду у всех, в битве за лигатуру золотого креста на кресте солнца, в поисках эмблемы на скульптуре, в подвешенном к лампаде корабле, на Святом алтаре, в канделябрах”. высочайший вопрос изготовления Священной настойки, короны по праву и скипетра, калического венца, алиудового венца для оперирования в Англии, и всеохватывающего орнамента, и всеохватывающего ваза mea, за исключением разве что вопроса о дедушке аликуби в жизни mea; и Четехульм [Quetehou en Cotentin] в Норманнии, и два человека в Англии до Святости Тринитати Кадоми. Næc omnia concessu domini mei Regis facio.

“Ex cartulario Sanctæ Trin. Библия. Рег. Париж. № 5650.”

[52] Годовой доход, получаемый от них, согласно заявлению Одона Риго, архиепископа Руанского, в *протоколе* его визита в это аббатство в 1250 году, составил сто шестьдесят фунтов стерлингов; сумма, почти эквивалентная восьмидесяти тысячам ливров на сегодняшний день.

[53] *Англо-нормандские древности*, стр. 75, т. 7.—На этом рисунке, который представляет южную сторону здания, будет наблюдаться поразительное сходство с архитектурой церкви Тан, изображенной в этой работе, *смр. 16*.—Дюкарель, говоря о колоннах внутри церкви. часовня, говорит, что они необычной конструкции и сильно отличаются от всех других, попавших в поле его зрения; но, к сожалению, он не предоставил их гравюр и даже не упомянул, в чем заключалась их особенность.

[54] *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 184.

[55] Еще меньше может быть таковым изменение входных арок в современных окнах, о котором мистер Тернер не счел нужным упоминать.

[56] *Англо-нормандские древности*, лист 5.

[57] *См. Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 171.

[58] *См. Собор Бриттон в Норвиче*, фото 4, стр. 32.

[59] Церковь Хадиско, изображенная в *книге Котмана "Архитектурные древности Норфолка"*, фото 38, представляет собой превосходный образец этих окон.

[60] *См. табличку 23*.

[61] Смотрите *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 252, под главой собора Байе, окна которого примечательны сложными узорами свинцовой работы.—*См. также книгу Картера "Древняя архитектура"*, I. лист 79, стр. 54, где этот кропотливый автор заявляет, что собрал почти все остатки этого описания искусства в Англии. Он склонен относить это к тринадцатому и четырнадцатому векам.—Во втором томе того же труда, лист 27, рис. F. 2, изображен один из

бордюров западного окна нефа Йоркского собора, который почти в точности напоминает одно из таких окон в Кане.

[62] I. таблица 28, рис. А.

[63] См. *Оксфордский собор Бриттон*, фото 4.

[64] В *турне мистера Тернера по Нормандии*, II. стр. 186, эта арка, по ошибке, называется восточной вместо западной.

[65] Г-н Котман полагал, что он мог обнаружить видимые следы того, что она изначально была полукруглой, а впоследствии поднятой и заостренной: и, безусловно, наиболее вероятно, что так оно и было.

[66] Рисунки их всех, к счастью, сохранились у аббата Де ла Рю; и есть надежда, что какой-нибудь французский антиквар окажется достаточно патриотичным, чтобы сделать их гравировку.

ТАБЛИЧКИ XXXIV.—XXXVI.

ЗАМОК И ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО Иакова В ДЬЕППЕ.

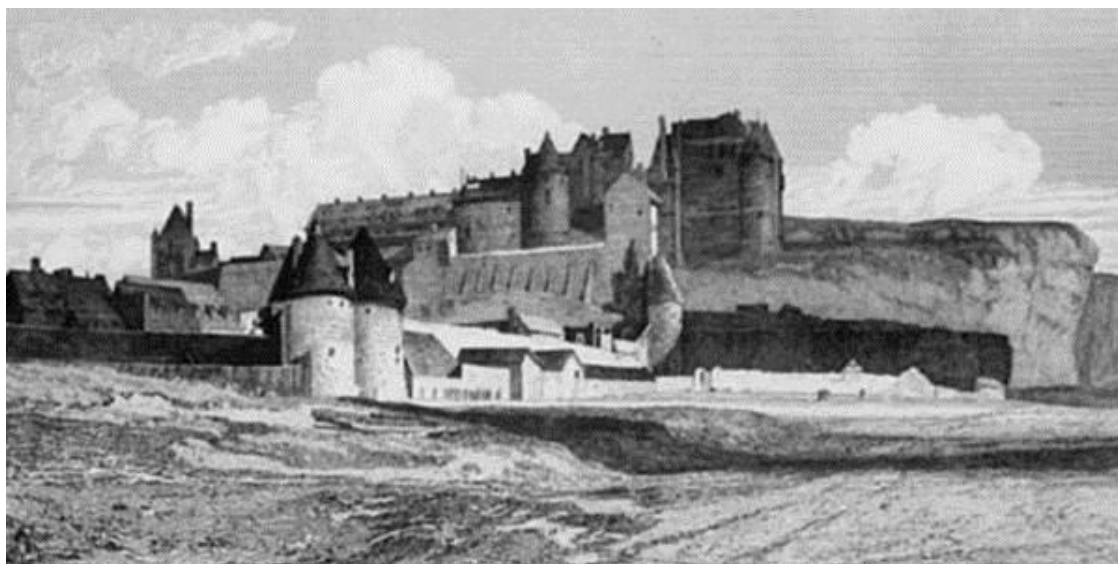

Фото 34. Замок в Дьеппе.

Анонимный автор "*Истории Дьеппа*", [67], опубликованной в конце прошлого века, прослеживает происхождение города вплоть до 809 года, когда Карл Великий посетил эту часть побережья своей империи и, заметив, насколько сильно она подвергалась вражеским атакам, приказал построить форт на пляже. Форт был удостоен имени дочери императора Берты; и

поскольку предоставляемая таким образом защита в сочетании с выгодным характером расположения привела к тому, что крепость за короткое время была окружена домиками соседних рыбаков, незаметно выросло заведение, получившее название Бертевиль.

Но вторжения норманнов ближе к концу того же или началу следующего столетия придали новую окраску делам в Нейстрии: города меняли названия вместе со своими хозяевами; и, поскольку императору или его потомкам не оказывалось никакого уважения, Бертевиль перестал быть известен под каким-либо другим наименованием, кроме *Дурре*, нормандского слова, обозначающего глубину воды в его гавани. Нам говорят, что при Ролло Дьепп стал главным портом герцогства. Этот политический монарх был слишком хорошо сведущ в морских делах, чтобы не осознавать важности такой станции; и он слишком близко к сердцу принимал интересы своей недавно приобретенной территории, чтобы не трудиться над ее благоустройством. Именно в Дьеппе он посадил на корабль войска, которые отправил в 913 году на помощь своим соотечественникам, датчанам, в их попытках завоевать Англию; и город процветал под его властью, а затем заложил фундамент того морского величия, которого он впоследствии достиг.

С этого времени Дьепп часто упоминается в истории: Вильгельм Завоеватель почтил его своим присутствием в 1047 году и лично принял почтение его жителей по возвращении из Арки, когда сдача этой важной крепости его дядей Тело положила конец неприятностям, вызванным незаконнорожденностью его рождения. Тот же монарх во время подготовки к своему высадке в Британии обратился с особым призывом к жителям Дьеппа вооружить свои суда для перевозки его войск. Они подчинились призыву и хвастаются, что их корабли были первыми, кто прибыл к месту встречи. Ни один порт в Нормандии не извлек равной выгоды из завоевания: сношения между братскими странами, естественно, осуществлялись через этот канал; и так продолжалось до 1194 года, когда Ричард Львиный Кер-де-Леон, разбитый под стенами Арка, был вынужден оставить эту часть провинции добычей победоносного оружия Филиппа-Августа. В этом случае французский монарх, по-видимому, выбрал Дьепп в качестве объекта особой мести и повел себя по отношению к нему с жестокостью, для которой было бы трудно найти адекватную причину. Не удовлетворившись сожжением города и его судоходства, он перевез жителей в отдаленные районы Франции, чтобы они никогда не смогли собраться заново и возродить его из пепла. Брито, хотя и умалчивает о наиболее вопиющей части сделки, рассказывает достаточно, чтобы не оставлять сомнений в ее правдивости; и его высказывание по этому вопросу заслуживает внимания, особенно как решающее в отношении состояния Дьеппа в тот период:

“Haud procul hinc portus famâ celeberrimus atque
Villa potens opibus florebat nomine *Deppen*.
Hanc primùm Franci sub eodem tempore gazis
Omnibus expoliant, spoliata denique totam
In cinerem redigunt; et sic ditatus abivit
Cœtus ovans, quòd tot villâ non esse vel urbe
Divitias aut tam pretiosas diceret unquam.”—

В течение следующего года Гайонский мирный договор вернул Дьепп и Арк с их зависимостями Ричарду, который почти сразу же после этого передал бывший город Вальтеру, архиепископу

Руана, в качестве одной из статей компенсации за ущерб, нанесенный этому прелату возведением замка Гайяр на его территории. Дьепп, по-видимому, оправился с удивительной быстротой: в 1250 году была возведена новая церковь, названная в честь Святого Иакова, церкви Святого Реми было уже недостаточно для размещения ее жителей; и они, как бы жестоко ни пострадали от Филиппа-Августа, были одними из первых в своей демонстрации верности ему как своему суверену, когда хладнокровная тирания Иоанна лишила его нормандской диадемы. В один из первых лет следующего столетия Джон Бальоль, более правильно называемый Де Байоль, беглец из Шотландии, искал убежища в Дьеппе и, наконец, удалился во владения своего отца в долине реки Яулн, в пяти лье от порта. Остаток своих дней он провел здесь, в деревне, носящей его имя; и приходская церковь, в которой до сих пор хранится его прах, до недавнего времени была украшена его могилой с надписью, повествующей о различных событиях его жизни.

Во время войн Эдуарда III. корабли из Дьеппа возглавили крупное морское сражение 1337 года, и их адмирал Беше настолько отличился, что навлек на себя явное негодование этого принца. Сам он был взят в плен и повешен, а отряд англичан и фламандцев был послан разрушить гавань. Однако нанесенные теперь увечья были устранены с той же быстротой, что и прежде: Филипп показал себя не менее готовым вознаградить за оказанные услуги, чем его противник был негодовать на оскорбления. Его патент, датированный февралем 1345 года, освобождал жителей от уплаты всех налогов и повинностей, чтобы дать им возможность восстановить свои стены.—Дьепп в 1412 году снова подвергся нападению англичан, и на этот раз как с суши, так и с моря; но жители оказали доблестное и эффективное сопротивление.

Их сопротивление, хотя и безуспешное, ничуть не уменьшилось в последующее царствование, когда они были вынуждены вместе с остальной Францией признать власть Генриха пятого. Но они снова отделились от английской короны в 1431 году, после того как оставались в ее подчинении в течение одиннадцати лет; и последующая осада, проведенная лично самим Тальботом в 1442 году, только усилила их военный характер. Во время этой длительной осады английский генерал воздвиг в пригороде Полле грозную крепость, известную под названием Бастилия. В следующем году французы, в свою очередь, стали нападавшими на Людовика II. затем дофин присоединился к войскам графа де Дюнуа в Дьеппе, и Бастилия пала после самого кровопролитного нападения. Впоследствии, в 1689 году, он был сровнен с землей, хотя через сто двадцать лет после того, как он был первоначально взят и разобран, гугеноты снова превратили его в укрепленное место, а при Генрихе IV он был еще больше укреплен. Благочестивый дофин, который приписывал взятие этого почти неприступного замка особой милости Девы Марии, не покинул бы Дьепп, не оставив после себя столь же красноречивого знака благодарности со своей стороны. Соответственно, он лично отправился в церковь Святого Иакова, чтобы передать город под ее особую защиту; и, не довольствуясь этим, он учредил Гильдию Успения, обязав членов ежегодно отмечать день своего освобождения торжественным праздником. [68]

По прошествии этого времени Дьепп, по-видимому, больше не подвергался военным бедствиям, за исключением того, что он перенес, как и большая часть Франции, во время религиозных смут, а также за исключением бомбардировки английским флотом в 1694 году. С самого раннего подъема кальвинизма во Франции жители Дьеппа отличились в поддержке реформации; и они уже были готовы пойти на все ради ее поддержки, когда Джон Нокс, один из самых преданных апостолов новой веры, высадился там в 1560 году по пути из Шотландии в

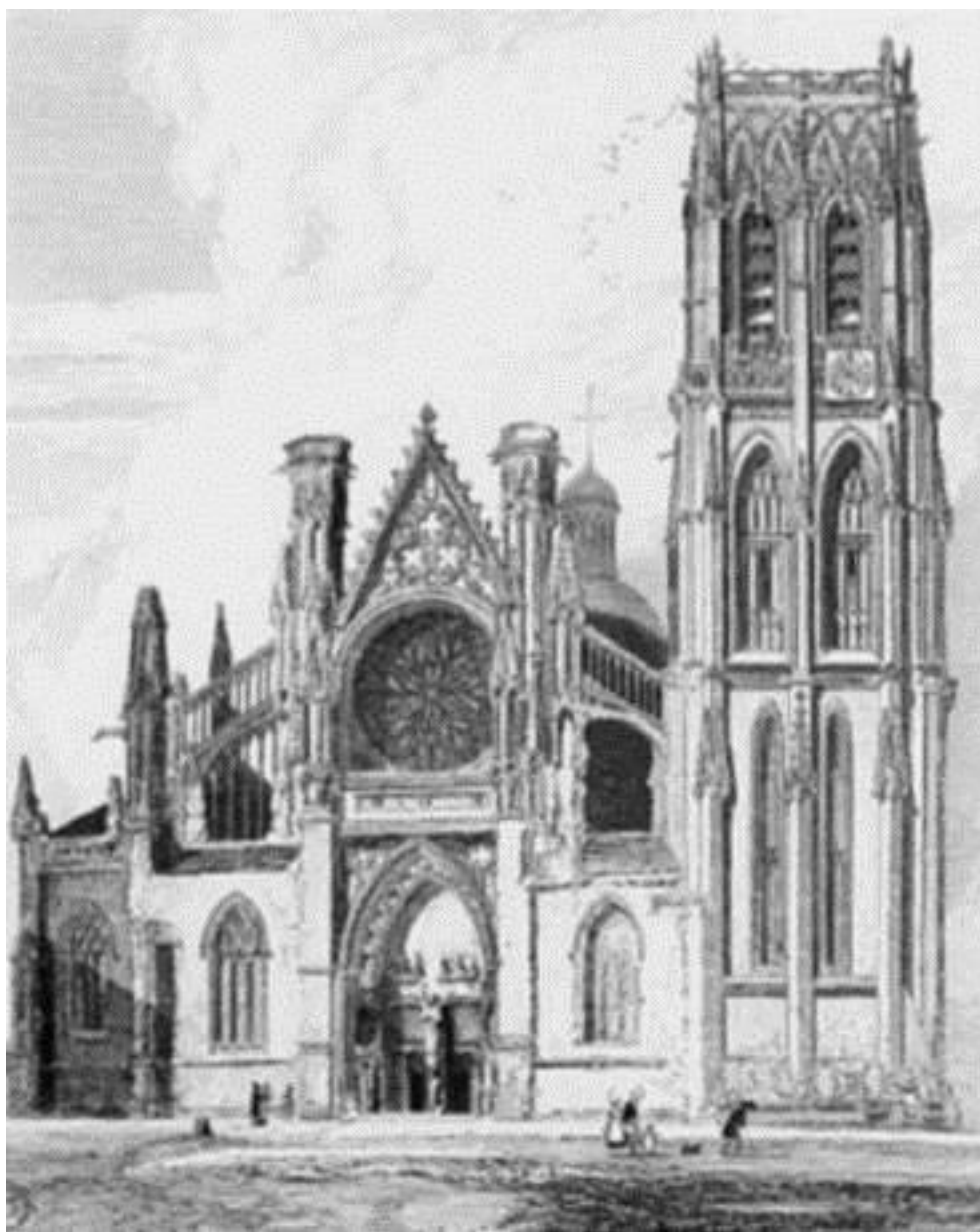
Женеvu. Присутствие такого человека произвело эффект, которого, естественно, можно было ожидать, - разожгло искру в пламя, и в течение двух лет Дьепп продолжал открыто бунтовать против двора. Жители в 1562 году, встревоженные взятием Руана, согласились принять гарнизон нашей королевы Елизаветы, но не согласились отказаться от своей веры; но в течение того же года они были вынуждены сдаться королевским войскам. Несмотря на все это, протестанты Дьеппа, благодаря мудрости и умеренности губернатора, остались невредимыми во время Варфоломеевской резни. Тем не менее, город был одним из первых во Франции, провозгласивших в 1589 году свою поддержку Генриху IV. когда, преследуемый победоносными войсками лиги, он укрылся в этих стенах и здесь собрал горстку войск, с которыми почти сразу же после этого одержал важную победу при Аркесе. Тот же принц также удалился сюда три года спустя и оставался десять дней среди *добрых дьеппа*, как он имел обыкновение называть их, чтобы излечиться от ран, полученных в битве при Омале.

Среди различных королевских особ, чьим присутствием Дьепп удостоивался чести по разным поводам, были Мария де Гиз, вдова Якова V Шотландского и мать несчастной принцессы с тем же именем, сменившей ее на шотландском престоле. Она высадилась здесь в 1549 году, и к ней немедленно присоединился Генрих II. который в то время находился в Руане. В 1564 году сюда прибыла Екатерина Медичская в сопровождении своего сына Карла IX. с целью заживления ран, нанесенных религиозными разногласиями; и в 1618 году Людовик XIII, проведя ассамблею штатов Нормандии в столице герцогства, отправился в Дьепп, чтобы посетить один из самых важных морских портов своего королевства. Такое же внимание было проявлено к городу двадцать девять лет спустя Людовиком XIV. затем в меньшинстве, в сопровождении королевы-регентши; и в наши дни этим в равной степени отличился Наполеон.

В этом кратком изложении основных событий, связанных с историей Дьеппа, не было уделено внимания чести, оказанной его морякам, которые, однако, во всех случаях отличались. Особенно они поступили так в 1555 году, когда без помощи своего короля или какой-либо другой части Франции вооружили свои торговые суда и атаковали, разгромили и почти уничтожили фламандский флот, состоявший из двадцати четырех боевых кораблей. Во все времена они считались одними из лучших моряков французского военно-морского флота, так что президент де Ту объявил, что они заслуживают высшей славы в морском деле. Они претендуют на честь того, что первыми установили знамя христианства на побережье Гвинеи, где они основали поселение в четырнадцатом веке; что они были первыми, кто открыл великую реку Амазонку; а также первыми, кто поплыл вверх по реке Святого Лаврентия. Даже по сей день они ведут значительную торговлю небольшими украшениями из слоновой кости, униженным напоминанием об их связи с Сенегалом; но вся остальная их торговля сводится к рыболовству и небольшой части каботажной торговли.

Замок (изображенный на *табличке тридцать четвертой*) стоит на крутом холме и при приближении к городу со стороны моря имеет величественный вид. Его стены, обрамленные башнями и бастионами, придают ему вид крепости, реальность которой давно утрачена. Самая ранняя часть здания, вероятно, представляет собой высокую четырехугольную башню с высокими заостренными панелями в четырех стенах. Однако даже это сооружение не могло быть возведено ранее 1443 года; поскольку известно, что сьер де Марет, первый губернатор этого места, затем начал строить здесь замок, чтобы защитить город от любых дальнейших нападений со стороны английской армии. Жители во время правления Генриха IV. получили

разрешение пристроить к нему цитадель; но почти сразу после этого все здание пришло в упадок.

Табличка 35. Церковь Сен-Жак в Дьеппе.
Западный фасад.

Табличка 36. Церковь Сен-Жак в Дьеппе.

Ист-Энд.

Церковь Сен-Жак, изображенная на *тридцать пятой* и *тридцать шестой* табличках, является самой большой и, несомненно, самой интересной из двух приходских церквей этого места. Ему посчастливилось спастись вместе с замком, почти не пострадав от бомбардировки во время правления нашего третьего Вильгельма, превратившей город в пепелище. Он был начат примерно в 1260 году, но в начале следующего столетия был мало продвинут вперед; и его девятнадцать часовен, творения благочестивых людей, не были завершены до 1350 года. Крыша хора оставалась несовершенной еще девяносто лет спустя, в то время как крыша трансепта была построена совсем недавно, в 1628 году. Таким образом, это ценный образец церковной архитектуры последующих эпох. В линиях трансептов заметны следы раннего остроконечного стиля, по-видимому, ровесника церкви в Эу: фризы украшены маленькими пронзенными четырехлистниками, как и в том здании; и порталы, ныне изуродованные,

выполнены в том же стиле.—Неф имеет гораздо более позднюю дату; и своды, хотя и готические, украшены греческими элементами и свитками.—Трифорий на хорах украшен элегантным перпендикулярным ажуром. Часовня Богоматери, возможно, является одним из последних образцов готического искусства, но все еще очень чистой, за исключением некоторых небольших элементов, таких как ниши в дарохранительницах, которые заканчиваются раковинами-гребешками, вместо того чтобы заканчиваться балдахином с вырезами в паху. Выступы рифленой крыши выполнены тончайшей нитью обработкой, а свод также украшен узелками, свисающими с ребер.—Облицовка часовни имеет круглые оконечности в каждой панели, но изнутри украшена элегантным узором, заканчивающимся акантом.—Окна часовни заостренные.—Горизонтальные стойки (необычная особенность французской архитектуры) снаружи украшены овалами. Неф поддерживается летящими контрфорсами, каждый из которых украшен ажурным орнаментом в восемь стоек. Башня в южном углу западного фасада высокая и выполнена в *перпендикулярном стиле*. В северном проходе хоров находится элегантная ширма, которая, вероятно, ограждает часовню и, как и часовня Богоматери, демонстрирует необычное сочетание заостренных форм с вкраплениями римских элементов: некоторые ее части напоминают гробницу епископа Фокса в Винчестере.

СНОСКИ:

[67] *Mémoires Chronologiques pour servir à l'Histoire de Dieppe et à celle de la Navigation Française, Paris, 1785.*—(2 vols. 8vo.)

[68] Этот фестиваль сопровождался церемониями самого абсурдного описания, которые продолжались до времен революции. Они подробно описаны в "*Истории Дьеппа*", стр. 68; и недавно был дан краткий отчет о них на английском языке в "*Type Тернера по Нормандии*", стр. 24.

ФОТО XXXVII.

БАШНЯ ЦЕРКВИ В ВЕРХНЕЙ АЛЛЕМАНИ, НЕДАЛЕКО ОТ Кана.

Деревня Верхняя Аллемань расположена примерно в лиге к югу от Кана. Упоминание о нем можно найти в латинских хартиях одиннадцатого и двенадцатого веков под названием *Аламания* или *Алеманния*; и более старые историки утверждают, что оно получило это название от того, что было местом колонии *аланов*, скифского племени, которое razорило часть Галлии в первые годы пятого века, а затем, с согласия римских императоров, обосновалось в различных частях страны. Это мнение, по мнению аббата Де ла Рю, подтверждается тем обстоятельством, что в окрестностях Валанса существовала другая деревня под названием *Аллемань*, где, как известно, была сосредоточена группа тех же людей; и, возможно, в качестве еще одного доказательства его правильности можно привести тот факт, что деревня Аллемань близ Кана раньше занимала значительно большую территорию.

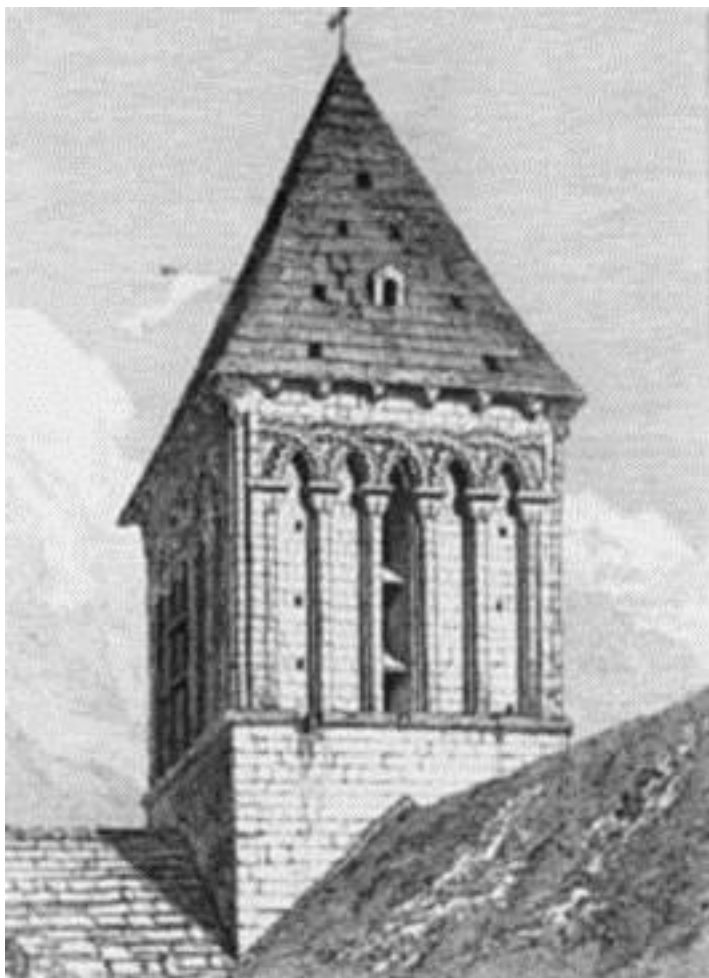

Фото 37. Башня церкви Верхнего Аллеманя близ Кана.

Аллемань была одним из владений, пожалованных Завоевателем своему аббатству Святого Стефана; и в хартии он заявляет, что уступает ее “вместе с ее зависимостями”. Значение этого последнего термина объясняется в последующей хартии его сына Генриха, в которой прямо говорится, что четыре соседние деревни *зависят от Allemagne*. Сам Аллемань также был разделен на два прихода, *верхний* и *нижний*.

В настоящее время он примечателен только своими карьерами, из которых добывают камни, известные во Франции под названием *Carreaux d'Allemagne*, и обычно используемые для полов в комнатах не только в провинции Нормандия, но и по всему королевству. Существует также значительный объем их экспорта с той же целью. Именно в этих карьерах в 1817 году был обнаружен ископаемый крокодил, который, будучи необычайно совершенным и первым экземпляром, когда-либо найденным с чешуей, вызвал необычайный интерес среди натуралистов.

Об истории прихода Аллемань ничего не известно. Изображенная здесь часть церкви была выбрана для гравировки как образец нормандской башни несомненной древности и в наилучшем состоянии. Пирамидальная каменная крыша, похожая на крышу церкви Сен-Мишель де Вос в Кане, кажется, сохранилась вполне в своем первоначальном состоянии. Даже

маленькое окно *lucarne* в нем выглядит ровесником остальным. Ряд пересекающихся арок внизу красив и своеобразен.

ТАБЛИЧКИ XXXVIII.—XLI.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ХИЛЬДЕБЕРТА В ГУРНЕ.

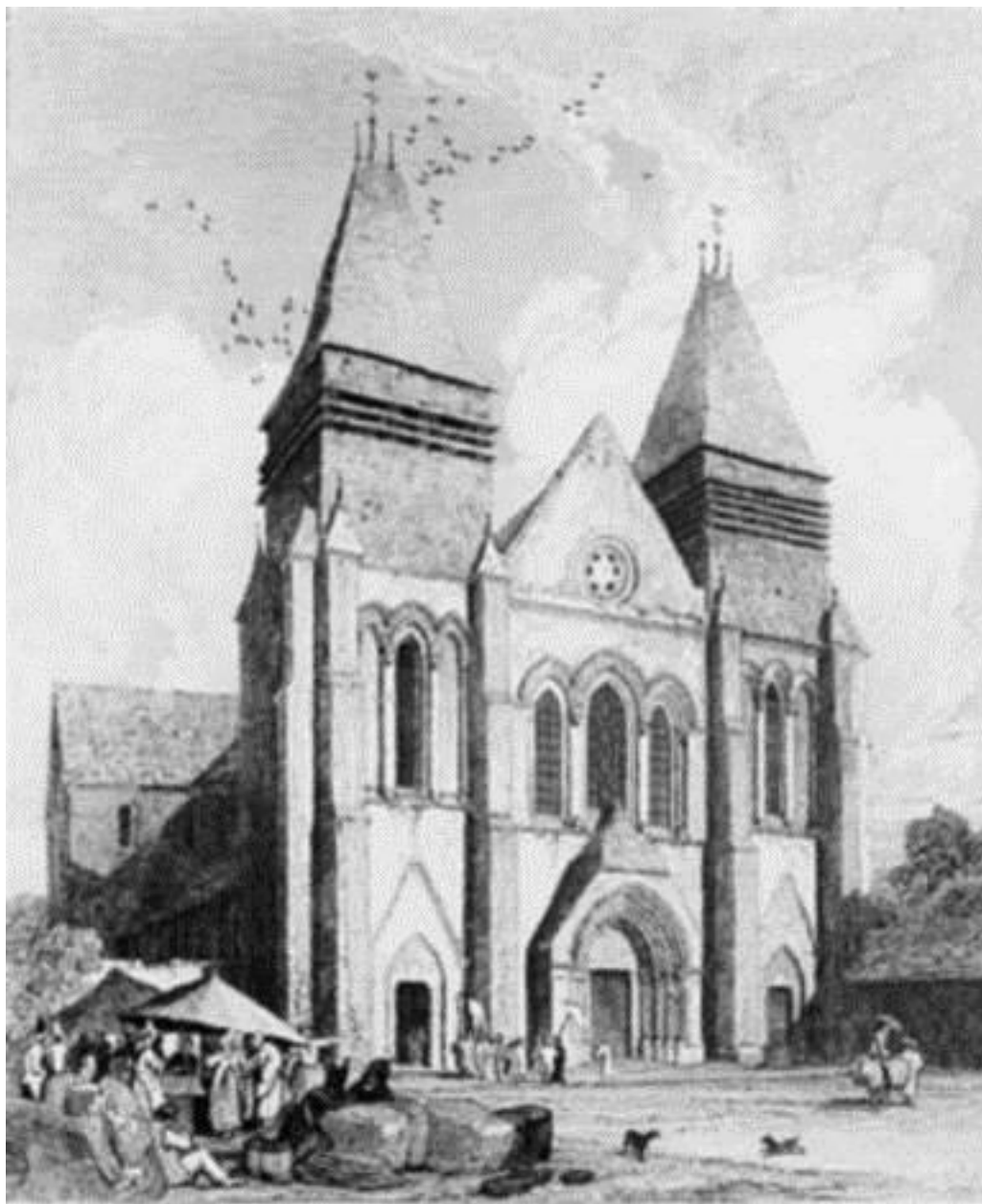

Фото 38. Коллегиальная церковь Святого Хильдеберта в Гурне.
Западный фронт.

Обычно считается, что город Гурне по древности соперничает почти с любым другим в этой части Франции. Традиция относит его происхождение ко временам Юлия Цезаря, во время последнего периода правления которого в Галлии вспыхнул опасный заговор среди белловаков, калетов и веллиокассов, которым помогали жители других соседних округов. Предполагается, что эта конфедерация дала начало Гурне.

Город расположен на границе территорий двух только что упомянутых первых племен, нынешних обитателей Пэй-де-Ко и Бовези, в болотистом месте, подверженном частым разливам из-за двух небольших рек, Эпте и Сент-Обена, воды которых протекают под стенами этого места. Отсюда естественным образом возник вывод, что необходимость общения между людьми, столь близкими по положению и в то же время столь эффективно разделенными, впервые подсказала преимущества, которые можно извлечь из моста через Эпте в месте, иначе непроходимом; и что вскоре за мостом последовала дамба, которая, в свою очередь, привлекла поселенцев, так что город незаметно вырос из вызванного этим движения.

Историческая известность, приобретенная Гурне, намного превосходит то, чего можно было ожидать, исходя из его размеров или важности, и в целом обусловлена могуществом и высоким военным характером его нормандских лордов. Ролло, в то время, когда он разделял земли своего недавно приобретенного владения среди своих товарищей по оружию, пожаловал Гурне вместе со всем нормандским подразделением Пайс-де-Брей вождю по имени Эд, который будет удерживаться как феодал герцогства на обычном военном праве; обязав его и его преемников предоставить принцу во время войны двенадцать своих вассалов и вооружить всех своих иждивенцев для защиты прилегающей границы. У Юда был сын по имени Хью; и именно он, как сообщается, первым обратил свое внимание на то, чтобы превратить Гурне в место силы. Древние летописи приписывают ему возведение цитадели в непосредственной близости от церкви Святого Хильдеберта, окруженной тройной стеной и двойным рвом; и дополнительно защищенной башней, которая была названа его именем *ла Тур Хьюэ*, и которая просуществовала до начала семнадцатого века. Сведения о силе этой крепости были таковы, что Брито, летописец, но, следует помнить, поэт, заявляет, что она была способна противостоять вражеской атаке, даже если в стенах не было ни одного солдата! Весь его рассказ об этом месте во времена Филиппа-Августа и о его захвате этим монархом в шестой книге его *Филиппиады* любопытен.

Второй Хью де Гурне, родившийся примерно через столетие после смерти сына Эда, обычно считается главой семьи, потому что именно от него прослеживается правильная последовательность их происхождения. Это был человек, о военной доблести которого известно множество примеров: среди других его подвигов предполагается, что он был вождем, который, вторгшись со своим оружием в округ Бове, стал хозяином четырех тамошних деревень, которые с момента своего подчинения ему сохранили название *Les Conquêts* и которые на протяжении многих веков находились под управлением лордов Гурне. Он также сопровождал Завоевателя в Англию, где был вознагражден за свои услуги земельным пожалованием, полученным им от этого принца *в капите*. Ранее он занимал у него весьма доверенное место, будучи назначен командовать совместно с Тайлефером, сводным братом герцога, и тремя другими нормандскими дворянами флотом, отправленным на защиту Эдуарда Исповедника от притязаний Гарольда. Его имя также встречается в 1059 году среди предводителей нормандской армии, которая разгромила французские войска при Куппегеле, недалеко от Мортимера. В конце концов, испытав отвращение к земным делам, он удалился в аббатство Бек

и там, в монашеском одеянии, закончил жизнь, посвященную занятиям самого противоположного толка.—У этого Хью де Гурне был сын по имени Джиральд, который женился на сестре Уильяма, графа Уоррена, и сопровождал Роберта, герцога Нормандии, в Святую Землю. Третий и последний Хью де Гурне, внук Джиральда, был в числе тех, кто последовал за Ричардом Львиным куренем в аналогичной экспедиции, и был назначен его уполномоченным для получения английской доли добычи после битвы при Акре. Он также был среди баронов, восставших против короля Иоанна. Но его приверженность делу Англии в конечном счете лишила его владений в Нормандии; ибо как только Филипп-Август овладел Гурне, он объявил его предателем и изгнал из Франции.

Филипп пристроил к укреплениям новый замок в направлении Ферьерса. Это, однако, было давно разрушено; и действительно, существует вероятность, что стенами и башнями Гурне пренебрегли и они пришли в упадок вскоре после присоединения герцогства к Франции. Не может быть никаких сомнений в том, что первоначально город был обязан своим значением как крепость своему положению на границах Франции и Нормандии; и поэтому естественно вытекало бы, что, как только герцогская и королевская короны были объединены на одной голове, он перестал бы использоваться как место силы. Примерно через сто лет после захвата Гурне Филиппом-Августом Филипп Смелый, правнук этого монарха, пожаловал город и лордство своему младшему сыну, Карлу Валуа, после смерти которого город стал частью приданого его вдовы, Матильды Шатийонской. Опять же, подобным образом, после смерти Филиппа Валуа в 1350 году Гурне был отделен от короны и передан овдовевшей королеве Бланш Наваррской. Эта принцесса владела им сорок восемь лет, когда он снова вернулся к королевским владениям. Но в начале следующего столетия город пал вместе с остальной Францией под победоносным оружием нашего государя Генриха V. и после его кончины он был в третий раз отобран в качестве части приданого королевской вдовы Екатерины, дочери французского монарха Карла VI. Ее смерть в 1438 году вернула его Англии, но лишь для того, чтобы он удерживался в течение короткого одиннадцатилетнего периода, в течение которого неудачи, понесенные британскими войсками, привели к изгнанию наших монархов из их континентальных владений. С того периода и до революции титул графа Гурне постоянно добавлялся французскими королями к титулам какой-либо из главных фамилий королевства; и таким образом он последовательно переходил через различные ветви домов Харкуртов, Орлеанских, Лонгвилей и Монморанси.

Табличка 39. Коллегиальная церковь Святого Хильдеберта в Гурне.
Вид через Неф на Северный трансепт.

Церковь Святого Хильдеберта, [69] Тема этих табличек до революции была как приходской, так и коллегиальной. Предполагается, что его основание относится к очень глубокой древности. Однако здесь нет доказательств точного периода основания капитула. Самые ранние записи на эту тему датируются 1180 годом и просто упоминают о том, что он существовал в то время; но, согласно традиции, впервые он был установлен в соседней деревне Брефмутье и был перевезен в Гурне Хью, последним из нормандских графов. Обычно сообщается, что тот же самый Хью начал возведение нынешней церкви; но достаточно известно, с какой малой точностью ранние историки имели обыкновение высказываться по этим вопросам. Термин “перестраивать” часто означает не что иное, как ремонт; так что во многих случаях более безопасно судить о стиле самого здания, чем о сохранившихся до нас записях о нем. Архитектура церкви Святого Хильдеберта наводит на предположение, что значительная ее часть стояла в своем нынешнем состоянии, по крайней мере, на сто лет раньше времен Хью; и, даже допуская, что так оно и

было, в остальной части здания все еще имеется достаточное несоответствие, объясняющее хорошо засвидетельствованное обстоятельство, что в конце тринадцатого века церковь все еще оставалась незавершенной. Несовершенное состояние здания не помешало ему удостоиться чести посвящения: эта церемония была проведена в один из последних лет двенадцатого века Уолтером, архиепископом Руанским, лично, при участии, как это обычно бывало, большого стечения знати и духовенства провинции; а в первый год следующего столетия Герберт, архиепископ Кентерберийский, прибыл из Англии специально для того, чтобы своим присутствием почтить перевод мощей святого Хильдеберта. Изгнание Хью де Гурне и конфискация его имущества, произошедшие вскоре после этих событий, лишили каноников их либерального и могущественного благодетеля. Бедность привела к приостановке строительства; и только с помощью неоднократных индульгенций, дарованных папами и архиепископами, [70] строительство было наконец завершено. Две западные башни относятся к значительно более позднему периоду: в их нынешнем виде они были возведены из дерева, покрытые шифером, в середине семнадцатого века. Древесину поставляла герцогиня де Лонгвиль, муж которой в то время был графом де Гурне; а остальная часть расходов была покрыта продажей материалов для разрушенной часовни, посвященной святому Юлиану, и небольшой центральной башни, единственной, которая изначально была пристроена к зданию.

Церковь имеет форму креста; состоит из нефа с нефами, хорами и трансептами. Западный фасад (*табличка [тридцать восьмой](#)*) выполнен в самом раннем стиле остроконечной архитектуры и, очевидно, относится к периоду правления того же Хью де Гурне, который, как говорят, возвел все здание. Если сравнить с той же частью церквей, которые, как известно, были возведены в аналогичный период в Англии, то между ними прослеживается самое близкое сходство. Собор в Солсбери, самый благородный экземпляр подобного рода в Британии, более поздний и бесконечно богато украшен. Но в этом доме в Гурне окна - единственная часть, которая полностью избежала увечий или изменений. Очевидно, что боковые порталы в их первоначальном состоянии были украшены верандами, которые сейчас исчезли. То же самое было и с входными арками; и уже упоминалось о более поздней дате постройки башни.

На *табличке [тридцать девятой](#)* представлена часть старой части интерьера церкви и представлен архитектурный стиль, значительно предшествовавший периоду, назначенному для ее перестройки; так что никто не может сомневаться в том, что, как было указано выше, хотя можно сказать, что она обязана своим существованием Хью де Гурне, это утверждение следует воспринимать только в ограниченном смысле. Эта плита содержит последнее отделение северной стороны нефа, а также пропускает часть трансепта. По обе стороны от нефа расположен ряд из семи колонн, поддерживающих шесть арок. Едва ли самый случайный наблюдатель, сразу же войдя в здание, не был бы поражен чрезвычайной массивностью и основательностью опор. Они по большей части квадратные и различаются только полуцилиндрическим стержнем, прикрепленным к каждой из четырех сторон. Подобные опоры можно найти во многих деревенских церквях на побережьях Сассекса и Суррея, той части нашего острова, которая, благодаря своему расположению ближе всего к Нормандии, скорее всего, сохранила подлинные образцы древнейшей и чистейшей нормандской архитектуры. Но наиболее примечательным элементом, присутствующим на опорах в Гурне, является то, что скульптура на них, вместо того, чтобы ограничиваться, как обычно, капителями колонн, также продолжается по плоской промежуточной поверхности опор, простираясь на ту же глубину, что и капители, как будто намереваясь, образуя ленту вокруг всего здания, теснее соединить его в своего рода архитектурное единство. Однако рисунок, как правило, варьируется в зависимости

от того, нанесен он на плоские или круглые стороны. Арки нефа церкви имеют форму, промежуточную между тем, что обычно называют полукруглой аркой, и аркой в виде подковы; их центр находится несколько выше, чем пружина, но это не так уж и заметно. Все окна верхнего этажа выполнены в нормандском стиле; то же самое относится и к большим аркам, первоначально предназначенным для поддержки центральной башни; за исключением, конечно, той, что на севере, которая, очевидно, претерпела изменения.

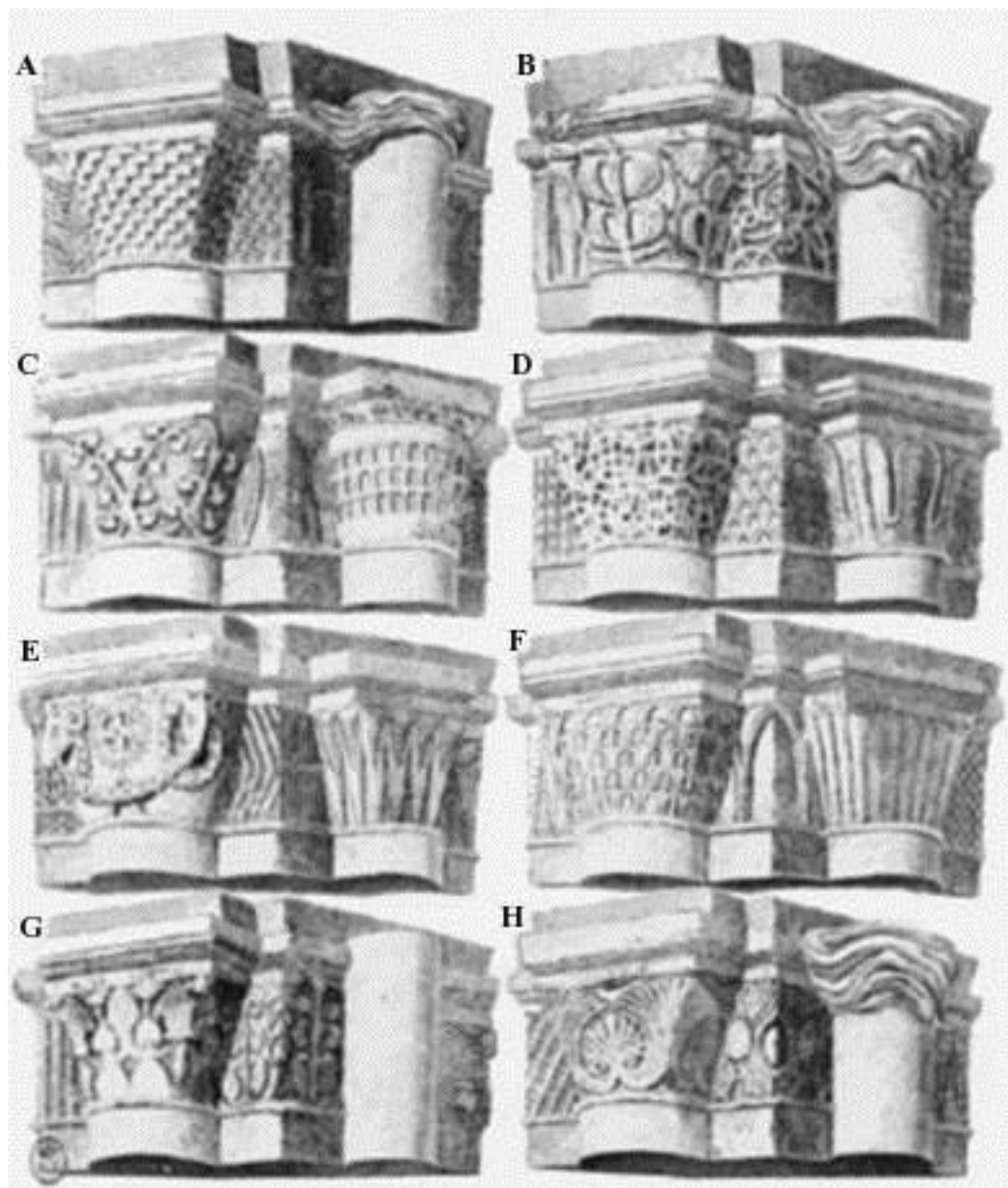

Фото 40. Коллегиальная церковь Святого Хильдеберта в Гурне.
Капители.

Табличка 41. Коллегиальная церковь Святого Хильдеберта в Гурне.
Капители.

Таблички [сорок](#) и [сорок одна](#) [71] посвящены капителям, наиболее характерной черте здания. Более примечательного или более интересного набора нельзя увидеть ни в одной церкви во всей Нормандии. Их характер ни в коем случае не совсем такой, как у храмов Сен-Жоржа или аббатской церкви Святой Троицы в Кане. Среди них действительно есть чудовища, но они встречаются нечасто; и, если можно так выразиться, они не столь чудовищны. Они также не имеют такого описания, которое, по-видимому, имело бы какое-либо отношение к мифологии или истории. Напротив, скульптуры на них по большей части великолепны, а узоры демонстрируют плодотворный и элегантный, если не классический, вкус архитекторов. Самая большая особенность среди них, которая, как полагают, полностью присуща этой церкви, заключается в том, что семь или восемь колонн имеют в качестве капителей узкий выступающий обод, вырезанный волнистыми линиями. Столь частое повторение одного и того

же орнамента, и столь необычного, устраняет идею случайности. Поэтому предполагалось, что намерение скульптора состояло в том, чтобы изобразить своего рода иероглифическое изображение воды. “Возможно”, как было замечено в другом месте, [72] “это палата Стрельца; или, возможно, это *фесс-волнистый*, которому герольды присвоили то же значение.—Если эта интерпретация верна, символ намекает на древнее положение города, построенного на болоте, пересеченном двумя ручьями”.

Приделы церкви во всех частях старинные: их своды напоминают своды Норвичского собора, из каждой капители вырастает арка. —В восточном торце церкви и на конце южного трансепта были вставлены большие окна, оформленные в английском стиле и, следовательно, сравнительно современные; но в обеих этих частях сохранилось достаточно, чтобы показать оригинальный замысел архитектора. В последнем, очевидно, когда-то были, как и до сих пор остаются в противоположном трансепте, четыре окна с полукруглым изголовьем, расположенные, выражаясь языком геральдики, 1, 2 и 1; в то время как в первом их было семь, расположенных 1, 2 и 4. Из четырех нижних, два крайних давали свет в проходы. Каждое окно было отделено от остальных неглубоким неразделенным нормандским контрфорсом, построенным из квадратного свободного камня и прерывающим каменную кладку из селедочной кости, которая занимает остальную часть ист-энда, на высоте около пяти футов от земли.

СНОСКИ:

[69] Святой Хильдеберт - имя, редко встречающееся в агиологии. Он был епископом Мо в седьмом веке, но не был удостоен места в календаре примерно через триста лет после своей кончины; в это время его мощи были перевезены в разные части Франции и, наконец, преданы земле в Гурне. Церковь по этому случаю сменила своего покровителя, что обычно происходило в те века, и отдала себя под защиту нового святого, вместо протомученика, которому она была первоначально посвящена. Питер де Наталибус в своем “*Святом каталоге*” говорит, что святой Хильдеберт закончил свою жизнь архиепископом Тура; и что он умер в этом городе и был там похоронен “*ibique jacens in miraculis vivit*”. Он также говорит о нем как об элегантном ученом и авторе труда “*о современной жизни*”, написанного частично стихами, а частично прозой.

[70] Копия последнего из них, датированная 1278 годом, переведенная из Архиепископских архивов, напечатана в *Concilia Normannica*, (II. стр. 85,) и вставлена сюда не только из—за информации, которую она предоставляет о церкви, но и как любопытный образец подобных сочинений:—

“Guillelmus de Flavacuria Indulgentias Ecclesiæ Gornacensi concedit anno Christi mclxxviii.

“Guillelmus permissione divinâ Rotomagensis Archiepiscopus, universis præsentis literas inspecturis, salutem in Domino Jesu Christo. Cum, sicut accepimus, Ecclesia de Gournayo nostræ Diocesis, in qua Corpus B. Hildeverti requiescit, ita graviter sit oppressa, quòd ad sustentationem pauperum Clericorum ibi deservientium, necnon et ad reædificationem dictæ Ecclesiæ propriæ facultates non suppetant nisi fidelium subventionibus adjuvetur, maximè cùm prædicta Ecclesia amiserit redditus quos in Anglia solebat percipere annuatim. Nos de omnipotentis Dei misericordia et B. Mariæ semper Virginis genitricis ejus, beatorum Petri et Pauli, ac beatorum Confessorum Romani et Audoëni, et omnium Sanctorum meritis et intercessione confisi: Omnibus verè pœnitentibus et confessis, qui ad dictam Ecclesiam causâ peregrinationis Dominicâ in qua canitur: *Isti sunt dies*, et

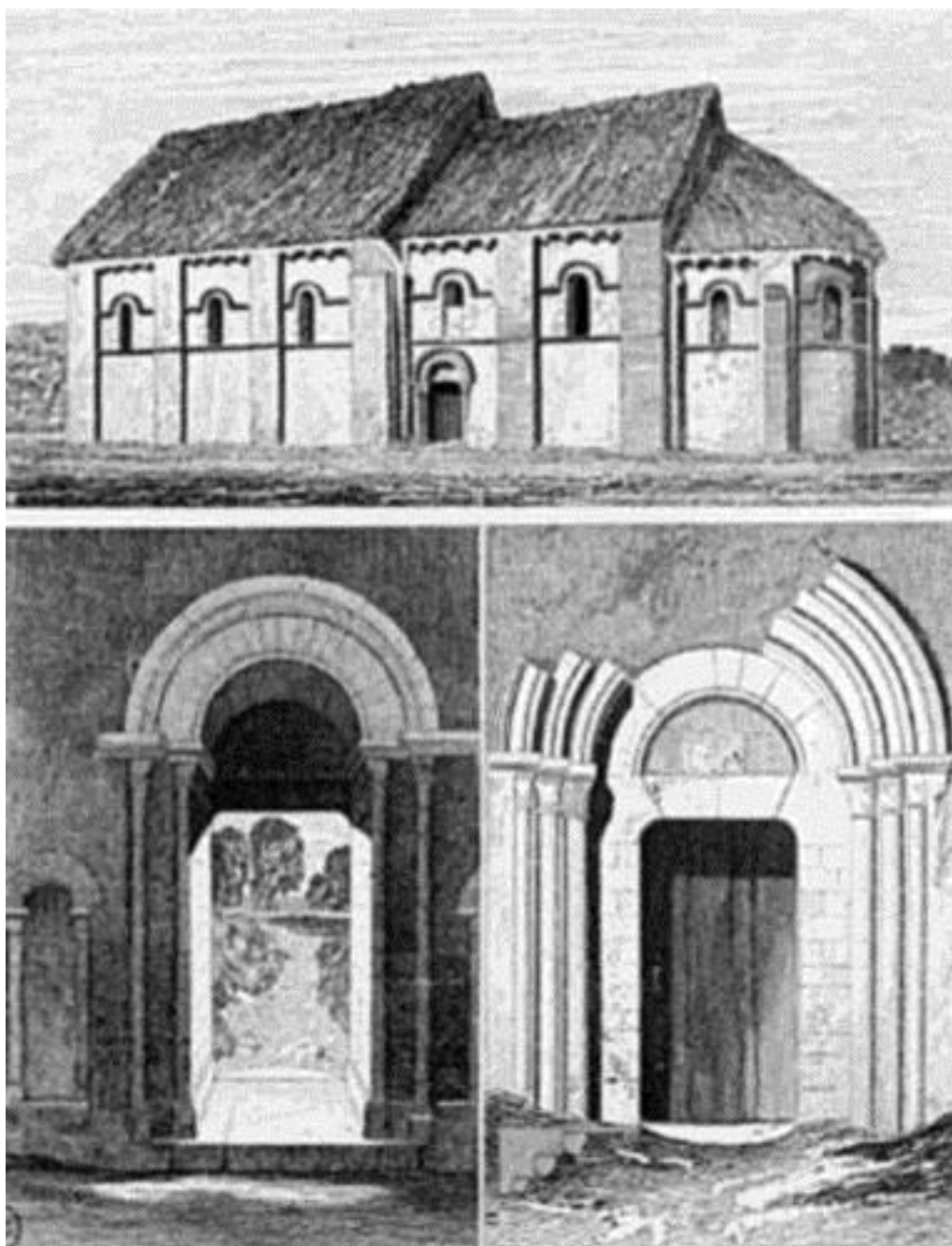
die Sabbathi et die Veneris immediatè præcedentibus accesserint, vel prænominatæ Ecclesiæ manum suam porrexerint, adjutorium dictis diebus vel aliis eleemosynas largiendo, 40 dies de injunctis sibi pœnitentiis misericorditer relaxamus. Datum Gournaii anno Domini 1278, die Veneris ante Festum B. Dionysii.”

[71] Все капители на первой из этих табличек выбраны из нефа; на последней те, что отмечены Е, Н, М, взяты с колонн, расположенных на пересечении трансептов; а G, I, K и O - с хора. L и N обозначают крепления к ребрам в проходах.

[72] *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 44.

ТАБЛИЧКИ XLII. И XLIII.

ЧАСОВНЯ БОЛЬНИЦЫ СЕН-ЖЮЛЬЕН, НЕДАЛЕКО ОТ РУАНА.

Табличка 42. Часовня больницы Сен-Жюльен, недалеко от Руана.
Южная сторона.

Часовня, изображенная на этих табличках, - это все, что сейчас осталось от монастыря, который в период революции был одним из самых великолепных в окрестностях Руана. Тогда он также был почти совершенно новым: Фарин в своей "Истории города", напечатанной в 1731 году, утверждает, что в то время, когда он писал, монахи ордена Шартре, тогдашние обитатели монастыря, только начали перестраивать большой монастырь по очень простому и великолепному проекту. [73] Но революционные волнения сравняли все с землей, пощадив только скромную часовню, которая с тех пор служила дровяным сараем для соседнего фермера.

Сам монастырь неоднократно менял владельцев. Первоначально он был основан в 1183 году Генрихом II. Король Англии и герцог Нормандии, как приорат, по призыву Святого Жюльена, для приема незамужних знатных женщин, которые, имея несчастье заболеть проказой, посвятили себя религиозной жизни. Эта ужасная болезнь, к счастью, почти неизвестная в наши дни, за исключением традиций, была в те времена настолько частым явлением, что неоднократно требовались законодательные акты для сдерживания ее разрушительных последствий. В истории соборов нормандской церкви часто встречаются намеки на этот предмет. Прокаженным запрещалось мигрировать даже из одного лазарета в другой; им не разрешалось переступать порог какого-либо города или крепости; и в случае нарушения ими этого приказа и жестокого обращения в результате такого неповиновения им не предоставлялось никакой компенсации. Они не могли остановиться ни в одной гостинице, даже для того, чтобы подкрепиться. [74] По особому распоряжению церкви Байе никто не мог подавать милостыню прокаженному под страхом отлучения от церкви; [75] и церковь Кутанса пошла еще дальше, предписав им никогда не появляться без определенного вида одежды, в знак отличия, и никогда не пытаться избавиться от свиней, которых они имели обыкновение откармливать, за исключением тех, которые страдали той же болезнью. Неподчинение этому последнему распоряжению подвергло как покупателя, так и продавца наказанию, которое в настоящее время звучит довольно странно, поскольку является *ad boni viri arbitrium*. [76] В другом случае, и почти во время основания монастыря Сен-Жюльен, согласно документам, прокаженным были предъявлены обвинения в ужасном преступном общении с евреями. Последние были изгнаны из Франции в 1321 году под предлогом того, что они были виновны в том, что давали людям ядовитые снадобья; а прокаженных обвинили в том, что они служили орудиями в пособничестве. [77]

В уставе основания монастыря Святого Жюльена Генрих выделяет ему ежегодную ренту в размере двухсот ливров на одежду и содержание монахинь; и он дарит им, кроме того, луг Кевилли, в приходе которого располагался монастырь, вместе с привилегией рубить им дрова и пасти их скот в тамошнем лесу. Поэтому монастырь был без разбора известен под названиями *Саль-дю-Руа*, *Саль-де-Пусель*, *Нотр-Дам-дю-Кевильи* и *Сен-Жюльен-дю-Парк*.

В 1366 году Карл V, король Франции, находясь в то время в Руане, передал, согласно своему патенту, монастырь Сен-Жюльен со всеми его принадлежностями, которые к тому времени значительно расширились, большой городской больнице под названием "Магдалина". Настоятелю последнего заведения было предписано взять на себя заботу о монахинях и навещать их ежедневно, чтобы рекомендовать душу короля их молитвам в память о великих благах, дарованных им монастырю. Вплоть до времен революции этот обычай в определенной степени сохранялся. Священник, дежуривший в течение недели, был обязан ежедневно произносить громким голосом в конце вечерней службы: "*За Карла против короля Франции и за тех, кто не виноват в торжестве*"; за этим следовали сто двадцать девятый псалом и соответствующая молитва. Та же церемония была в то же время совершена одной из монахинь, среди женщин.

После объединения монастыря Святого Жюльена с монастырем Магдалины у настоятеля больницы вошло в привычку держать монаха в монастыре в качестве надзирателя за религиозными обязанностями жильцов и мирским имуществом фонда; и такое положение вещей сохранялось до 1600 года, когда после разрушения аббатства на Мон-Сент-Катрин монахи последнего учреждения добились от больницы передачи заброшенного монастыря и

занимали его в течение шестидесяти семи лет. Затем они, в свою очередь, также отказались от него, и он попал в руки картузианцев Гайона, которые, объединившись со своими братьями того же ордена в Руане, образовали очень богатую общину и проживали здесь до того периода, когда все монашеские учреждения прекратили свое существование по всей Франции.

С архитектурной точки зрения часовня представляет большой интерес. [78] Более чистого или совершенного образца нормандской эпохи, возможно, нигде не найти. Без шпиля или башни, разделенный на три части неодинаковой длины и высоты : неф, хоры и круглую апсиду, он напоминает одну из самых убогих наших приходских церквей в Англии. По своей конструкции он внешне довольно правильный, разделен по всей длине на небольшие отсеки рядом неглубоких контрфорсов, которые поднимаются от земли до карниза крыши, без какого-либо разделения на пролеты. Те, что на южной стороне (см. *табличку сорок два*), все, кроме самой восточной, все еще находятся в своем первозданном состоянии; но контрфорсы более поздней, хотя и не очень недавней даты, были возведены почти против каждого из первоначальных контрфорсов на северной стороне в качестве опоры здания. Каждое отделение содержит единственное узкое окно с круглым выступом, под которым находится простая лепнина, непрерывно продолжающаяся как на контрфорсах, так и на стене. Другая простая лепнина проходит почти на одном уровне с верхушками окон и имеет ту же круглую форму; но она ограничена пространствами между контрфорсами. Других нет. Вход был через двери с круглой головкой в западном конце и на южной стороне, обе они были очень простыми, но особенно последняя. Немногие украшения вестерна столь совершенны и отточены, как будто все это было сделано вчера. Однако эта часть церкви подверглась значительным повреждениям из-за того, что была присоединена к монастырским зданиям.

Фото 43. Часовня больницы Сен-Жюльен, недалеко от Руана.
Интерьер. Хор и часть нефа.

Внутреннее убранство часовни, как бы оно ни отличалось от своего первоначального назначения, остается, как и экстерьер, почти совершенным; но оно гораздо богаче, сочетаясь с обычными украшениями капителей нормандской архитектуры, выполненных с большим трудом. Потолок покрыт картинами на библейские сюжеты, которые сохранились до сих пор. Это несоответствие стиля между внешней частью здания и внутренней могло бы навести на подозрение, что они были возведены в разное время; но на самом деле, по-видимому, нет достаточных оснований для такого мнения. Тем, кто пытается установить датировку нормандских зданий, исходя из характера их орнамента или сравнительного изобилия украшений, не мешало бы задуматься о том, что почти каждое здание содержит в себе смесь варварского и классического, в то время как никакие две церкви не могут так сильно различаться по количеству своих украшений, как две аббатские церкви в Кане; и все же обе они, бесспорно, были порождениями одной и той же эпохи. -Заслуживает также замечания, что были выдвинуты две теории противоположных тенденций, обе из которых, возможно, одинаково правдоподобны. Этот момент. Сторонники одного из них утверждают, что норманны, прибыв в более южные районы Европы, обнаружили богато украшенные здания и, будучи сами совершенно несведущими в искусстве, довольствовались копированием того, что уже существовало; так что их прогресс в искусстве шел в обратном направлении, от классического стиля к сравнительно варварскому. С другой стороны, утверждается, что эти предполагаемые дикари действительно привезли с собой архитектуру, ныне широко известную под их именем; и по мере того, как они росли в богатстве, роскоши и утонченности, они все больше приближались к римскому образцу, либо благодаря своим собственным наблюдениям, либо благодаря импорту итальянских художников. На первый взгляд кажется, что соотношение вероятностей склоняется в пользу последнего из этих мнений, как наиболее созвучного общему

ходу человеческих дел. Возможно, однако, что при более внимательном рассмотрении первое может показаться более близким к истине: несомненно, что стиль в архитектуре, который сразу же пришел на смену тому, что обычно называют нормандским, еще дальше удален от римского или греческого; и столь же несомненно, что сам нормандский стиль имеет разные черты в разных частях Европы. Язык Англии в определенной степени отличается от того, что можно увидеть в Нормандии: последний еще в большей степени отличается от немецкого, а немецкий - от языка юга Франции; в то время как на севере Италии и на Сицилии снова встречаются черты, непохожие на другие страны и в равной степени непохожие друг на друга. В целом, расхождения, скорее всего, проистекают из стилей, характерных для нескольких народов, ранее вызванных вторжениями северных орд. Во всяком случае, этот вопрос заслуживает изучения и осмысления.

СНОСКИ:

[73] Том V. стр. 370.

[74] *Норманнистский консилиум*, II. стр. 72.

[75] *Там же*, стр. 239.

[76] *Там же*, стр. 545.

[77] *Там же*, I. стр. 175.

[78] Большая часть последующего заимствована из *Турне Тернера по Нормандии*, I. p. 128.

ТАБЛИЧКИ XLIV.—XLVI.

ЦЕРКОВЬ ЛЕРИ.

Фото 44. Церковь Лери, недалеко от Пон-де-Л'Арш.
Общий вид с видом на юго-восток.

Любознательный путешественник не должен искать самые интересные остатки ранней церковной архитектуры в провинции ни в окрестностях Руана, ни вообще в какой-либо части округа, ранее известного под названием *Верхняя Нормандия*. Деревенские церкви по всей этой части герцогства по большей части малы и незначительны и построены сравнительно недавно; в то время как в окрестностях Кана, да и во всех департаментах Кальвадос и Ламанш, значительная их часть, несомненно, относится ко временам нормандского владычества и представляет собой одни из чистейших образцов настоящего нормандского искусства. Решение этого вопроса, по всей вероятности, следует искать в политическом состоянии провинции; и, по-видимому, не представляется более очевидного ответа, чем ссылка на местный характер двух ее крупных подразделений, из которых Верхняя Нормандия, состоящая в значительной степени из пограничной страны, подверженной постоянным опустошительным военным действиям со стороны своего более могущественного соседа, с трудом сохранила те из своих общественных зданий, которые были защищены стенами крепостей; и часто для их безопасного существования с радостью приносились в жертву урожай, коттедж и приходская церковь.

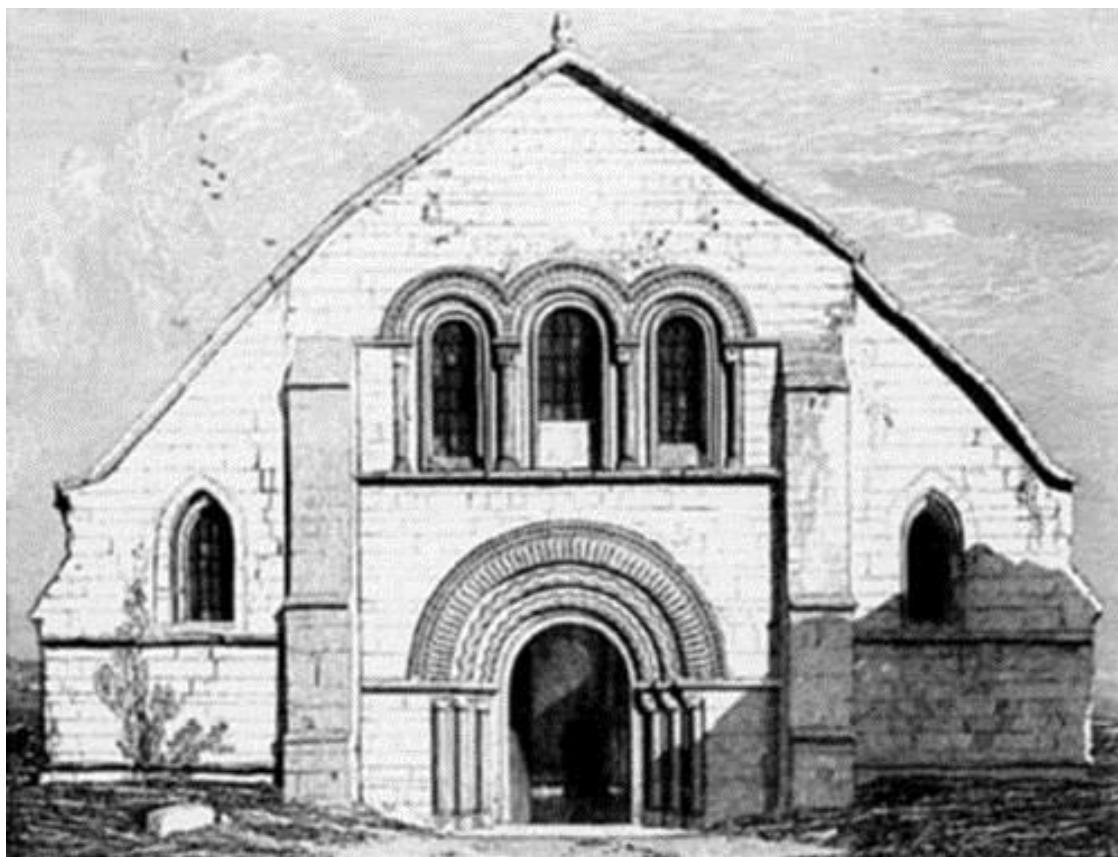
Однако даже здесь некоторые церковные здания избежали воздействия времени и насилия; и среди них лишь немногие, если вообще какие-либо, сохранились в большей сохранности, чем в Лери, деревне, расположенной на правом берегу Эра, на расстоянии около двух миль от Пон-де-л'Арш и почти столько же от Лувье.

Лери дал свое название соседней *коммуне*; и можно разумно предположить, что в прежние времена это было место более важное, чем можно было бы представить по его нынешнему виду. Изобретательный и уважаемый М. Ланглуа из Руана в работе [79], которую он начал с изучения древностей Нормандии и в которой он изобразил западный фасад этой церкви, сообщает нам, что всего несколько лет назад Лери мог похвастаться несколькими образцами домашней архитектуры необычных размеров и украшений. Об одном из них недавно была сделана гравюра М. Виллемина в его изысканных *Памятниках истории Франции*. Он был известен под названием Дворца королевы Бланш; и если под Бланш, о которой идет речь, следует понимать принцессу Наваррскую, супругу Филиппа VI. который умер в 1350 году, во внешнем виде здания нет ничего, что мешало бы отнести его к этой эпохе. В него входили через плоскую дверь под широкой, заостренной, украшенной черепицей аркой; фрамуга украшена лепниной в виде трилистника, а весь портал увенчан балюстрадой из четырехлистников. Но, к сожалению, сейчас о здании нельзя сказать ничего большего, чем указано на табличке, о которой идет речь. В прежние времена он неоднократно страдал от последствий пожаров, и подобное бедствие довершило его разрушение в июне 1814 года. Нижняя часть стен и готический портал - это все, что осталось стоять, чтобы подтвердить первоначальные размеры и величие дворца.

Г-н Ланглуа относит церковь Лери к эпохе правления династии Карловингов, периоду, который длился с середины седьмого века до последних лет десятого. Его претензия на столь необычайно высокую степень древности основана, по его мнению, на сходстве колонн и капителей западного фасада, особенно окон, с теми же частями крипты аббатства Сен-Дени, которые обычно считаются совместной работой Пипина и Карла Великого. Но эти последние определенно в большей степени соответствуют характеру классической модели, [80] в то время как каждый член церкви по всему фасаду Лери (см. *Фото сорок пятый*) может найти параллель в других нормандских церквях; или, если нужно сделать исключение из столь радикального утверждения, это может быть сделано только в пользу второго и самого большого молдинга в архивольтепортала, что очень своеобразно. Два боковых стрельчатых окна, очевидно, относятся к более позднему периоду; и, возможно, также могут возникнуть сомнения относительно контрфорсов. Этот фасад действительно небольшой, но элегантный: он украшен более богато, чем часовня в замке Кан; [81] и, хотя он меньше, чем у церкви аббатства Сен-Жорж де Бочервиль, все же вряд ли можно сказать, что он уступает по красоте. Недавний турист [82] с большой долей вероятности отметил, что церкви Сен-Жорж и Лери, исходя из общего соответствия стиля обеих, могут быть разумно отнесены к почти одной и той же эпохе — времени нормандского завоевания; и далее он добавляет, что благодаря им английский антиквар сможет установить дату для образца древней архитектуры в его собственной стране, а также для других церквей. более великолепная, чем любая из них, - церковь Касл-Райзинг, [83] в Норфолке, западный фасад которого настолько повторяет план, что вряд ли он был возведен в совсем другой период.

Церковь Лери (см. *табличку сорок четыре*) построена в форме креста с короткой квадратной башней в центре, к которой в наше время пристроен ветхий деревянный шпиль. Это мистер Котман очень благоразумно опустил, как ничего не добавляющее к интересу плиты, а просто имеющее тенденцию деформировать то, что в остальном можно увидеть почти в том же состоянии, в каком оно вышло из рук первоначальных строителей. На карнизе, который можно увидеть непосредственно под вершиной башни, а также в некоторых частях хоров и трансептов, изображены те же чудовища, что и в церкви Святого Павла в Руане, Святой Троицы в Кане и

других нормандских религиозных сооружениях.—Две особенности внешнего вида церкви заключаются в том, что восточный конец плоский и что трансепты полностью лишены контрфорсов.

Табличка 45. Церковь Лери, недалеко от Пон-де-Л'Арш.
Западный фасад.

Табличка 46. Церковь Лери, недалеко от Пон-де-Л'Арш.

Интерьер.

В интерьере (*тарелка сорок шесть*) невозможно не поразиться необычайной простоте и солидности всего. Единственной целью архитектора, по-видимому, было возвести здание, которое должно было простоять вечно. Двойной ряд колонн и арок разделяет неф на три части неодинаковой ширины; и еще одна арка большего пролета отделяет его от алтаря. Арки во всех случаях лишены лепнины; на капителях полностью отсутствует какая-либо декоративная скульптура, а колонны даже не поддерживаются основаниями. Действительно, колонны представляют собой не что иное, как закругленные опоры; и они не менее замечательны своими пропорциями, чем своей простотой, поскольку их диаметр равен полным двум третям их высоты. Следовательно, едва ли возможно не питать подозрения, что пол, возможно, был приподнят; но во внешнем виде церкви нет ничего, что оправдывало бы такую идею. Едва ли нужно упоминать, что все фигуры святых, размещенные на кронштейнах у шпангоутов арок, являются современными. Их исполнение плачевно, и его несовершенство становится еще более очевидным из-за того, что они были написаны в подражание живой природе. Трасса, которая проходит прямо над их головами, находится в очень необычном положении. Он состоит из орнамента в виде шляпки гвоздя, что само по себе является достаточным доказательством его древности; а также, как заметил мистер Котман, такой редкости в Нормандии, что он не припоминает, чтобы встречал другой такой экземпляр.

Окна церкви Лери раньше были заполнены расписным стеклом, изображавшим очень любопытные сюжеты из жизни Людовика Святого; но теперь все следы подобного рода исчезли. С церковного двора, расположенного на значительном возвышении, непосредственно над берегами Эвра, видны на противоположном холме за рекой развалины некогда знаменитого женского монастыря, известного под названием *Приорат двух влюбленных*.

СНОСКИ:

[79] *Recueil de quelques vues de sites et Monumens de la France, spécialement de Normandie, et des divers Costumes des Habitans de cette Province*. Первый номер этого произведения, содержащий восемь табличек, появился в Руане в 1816 году; но, к сожалению, он не встретил достаточного поощрения, чтобы за ним когда-либо последовал второй.

[80] Смотрите *План Хаулетта и виды Королевского аббатства Сен-Дени*, фото 6.

[81] См. [табличку 48](#).

[82] *Тур Тернера по Нормандии*, I. р. 188.

[83] *"Архитектурные древности Норфолка"* Котмана, фото 35.

ТАБЛИЧКА XLVII.

ЦЕРКОВЬ КОЛОМБИ.

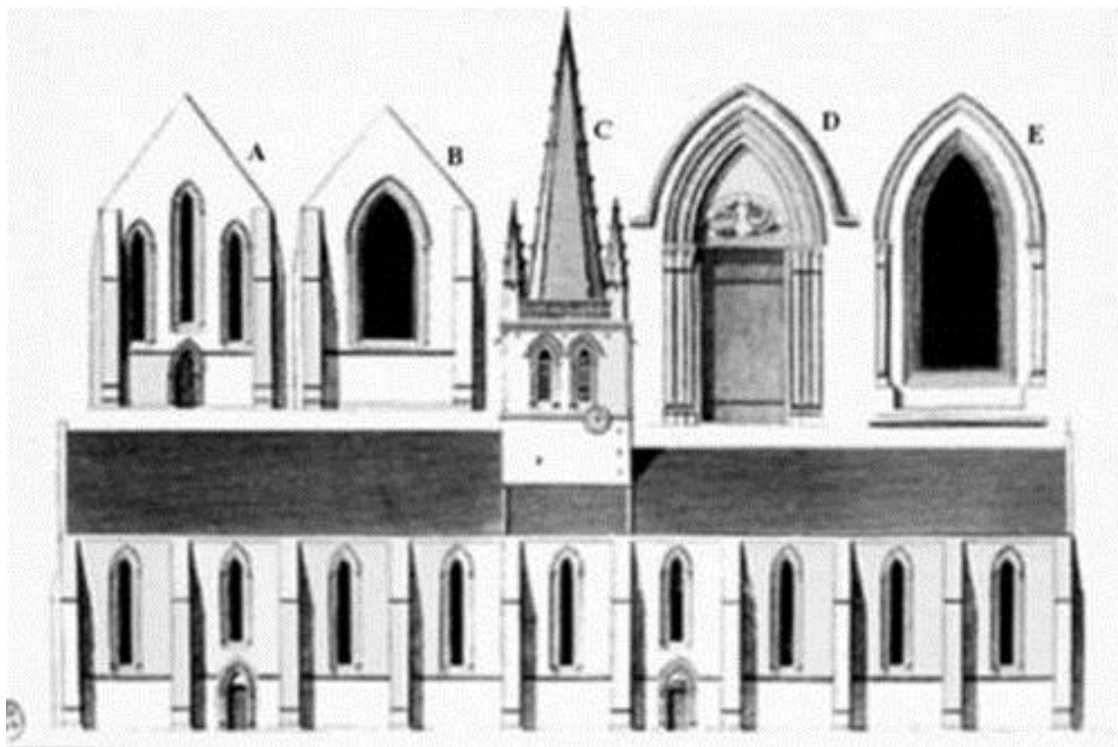

Фото 47. Фасады церкви Коломби близ Валони.

Церковь Коломби, выражаясь языком г-на де Жервиля, является одним из последних религиозных сооружений, построенных этими могущественными баронами, чья власть в равной

степени распространялась на Нормандию и Англию. Действительно, не сохранилось никаких записей ни о фактическом времени его возведения, ни об имени его основателя. Что касается первого, то стиль архитектуры является достаточно решающим; и столь же мало причин для колебаний в том, чтобы приписывать его происхождение дворянину, состоящему в родстве с семьей Завоевателя.

Балдуин де Брионис, или де Молис, который сопровождал этого монарха в его походе против Англии и впоследствии был женат на его племяннице, был вознагражден им за свои услуги баронством Окхэмптон, где он проживал, а также опекуном графства Девон и управлением замком Эксетер в гонораре. Графство того же графства вместе с пожалованием острова Уайт было пожаловано Генрихом I. сыну Болдуина, Ричарду де Редверсу; и либо в том же, либо в следующем поколении эта могущественная семья получила еще большее приращение своих богатств и почестей, получив во владение Неу, значительную часть баронства Сен-Совер-ле-Виконт, которого Неэль, виконт Котантен, лишился в 1047 году. Владения Неу включали коллегиальную церковь; и один из ее предместий был пристроен ко второй части церкви Коломби.

Из трех расследований, проведенных в разное время епископами Кутанса с целью установления ценности средств к существованию в их епархии, следует, что в 1255, 1666 и 1737 годах Коломби находился под руководством двух отдельных священников; один из них был назначен господом, другой - аббатством Монбур. [84]

Почти все дворяне семьи Редверс, которые после завоевания Англии обычно брали дополнительное имя Вернон, отличались именем при крещении Болдуин, Уильям или Ричард. Первый из Ричардов заложил фундамент монастыря Монбур. Он умер там в 1107 году, обогатив свой растущий монастырь многочисленными пожертвованиями и, среди прочего, второй частью Коломби. Болдуин, его сын и преемник, подтвердил пожертвования: он поднял оружие против короля Стефана и был вынужден этим монархом бежать из Англии в 1136 году; вскоре после этого он завершил строительство аббатства, начатого его отцом, и распорядился о его освящении в 1152 году: три года спустя он умер. Второй Ричард, сменивший его в своих почестях на посту графа Девоншира и лорда Неу, умер в 1162 году; и третий с тем же именем - в 1184 году. Этот последний, не удовлетворившись простым подтверждением пожертвований, сделанных его предками Монбур, существенно увеличил их: он также добавил к коллегиальной церкви Неу пятую пребенду, которую он возложил на одного из священников Коломби; и именно им, по мнению г-на де Жервиля, была построена церковь, о которой идет речь в настоящей статье.

Прошло всего несколько лет после кончины этого вождя, прежде чем Нормандия была вновь присоединена к короне Франции; и одним из первых действий Филиппа-Августа, который тогда восседал на троне, была регистрация феодальных владений своей новой провинции, нескольких их владельцев и заслуг каждого. Это произошло в 1207 году; и Неху, который должен был снабдить монарха пятью конными солдатами, находился в то время во владении Ричарда Вернонского, дворянина, о котором нет упоминания в генеалогии лордов острова Уайт. Реестр фиксирует этот факт в следующих выражениях: — “Рик. де Вернон тенет барониям де Неаху за военную службу. *Guillelmus de Vernon tenet inde duo feoda et dimidium.*” —

Церковь Коломби находится в идеальном состоянии, нетронутая современными изменениями или пристройками, за исключением крыльца на западной оконечности. По простоте и

единообразие его невозможно превзойти; и ни одно здание не может быть более подходящим для того, чтобы служить образцом религиозной архитектуры того времени. Несмотря на отсутствие трансепта и проходов, башня занимает центральное место: восточный конец упирается в плоскую стену. Колонны внутри собраны в группы и легкие; они сделаны из камня, который в значительной степени сочетает в себе преимущество большой прочности с тем, что он легко поддается резцу, и который добывается в каменоломнях Ивето, недалеко от Валони. Из тех же карьеров была добыта основная часть камня, использованного при строительстве собора в Кутансе. Табличка представлена на С. возвышении с южной стороны церкви; к ней были добавлены, для более полного понимания предмета,

А. Западный фасад.

В. Ист-энд.

Д. Южная дверь, ведущая в алтарь.

Е. Единственное окно.

СНОСКИ:

[84] Слова, использованные по этому поводу в инквизиции 1255 года, сделанные Жаном д'Эсси, тогдашним епископом Кутанса, следующие: “*Ecclia de Colombeo patronus Abbas Montisburgi pro medietate et percipit duas garbas de portione sua. Rector percipit terciam cum altalagio. Gulielmus de Rivers patronus pro alia medietate. Ректор перципит омния*”. — Две последующие инквизиции недвусмысленно заявляют, что первая часть находилась под покровительством господ.

ТАБЛИЧКА XLVIII.

ЧАСОВНЯ В ЗАМКЕ В КАНЕ.

Замок в Кане был построен Вильгельмом Завоевателем, чей сын Генрих I. хотя обычно считается его основателем, на самом деле он ограничился возведением стен и пристройкой крепости, которая была сровнена с землей на основании декрета Национального собрания от 6 августа 1793 года. Тем же указом было еще предписано снести сам замок; но мудрость представителей суверенного народа подвела в этом, как и во многих других случаях, из-за того, что они не оценили должным образом трудностей, связанных с исполнением их указа: они оказались настолько велики, что рабочие были вынуждены прекратить работу, когда в разрушительных работах был достигнут сравнительно небольшой прогресс.

В *Нормандской хронике* прямо указано, что замок, хотя и меньших размеров, ранее существовал на том же месте. Однако в противовес этому утверждению Роберт Уэйс сообщает нам, что в то время, когда Генрих I Французский в своей экспедиции против Завоевателя в 1054 году продвинулся со своей армией до берегов Севильи, он прошел город Кан без сопротивления: “это был *город без шастель*, и герцог еще не окружил его стенами”. Но не может ли это очевидное противоречие быть устранено путем признания того, что слова историка следует воспринимать только в сравнительном смысле? Возможно, Уэйс не имел в виду ничего большего, чем то, что город тогда не был укреплен, как в его время; и такое предположение привело бы к исчезновению всех трудностей.

Замок еще в одиннадцатом веке был передан под надзор констебля; и в 1106 году эта должность стала наследственной в семье Роберта Фиц-Хамона, лорда Креули, которым и его наследниками он оставался до конца того же столетия. При правлении последнего из нормандских герцогов у крепости был свой губернатор, отличный от управляющего замком; и он был удостоен титула *констебля Канской башни*; но после упразднения провинции Филиппом-Августом сам Кан, вместе с замком и его подземельем, был передан в ведение одного офицера, именуемого *капитаном*. Подобное, по-видимому, продолжалось и раньше, за исключением периода правления Людовика XI. когда записано, что некий Раймон д'Аржо был *партикулярным гвардейцем Донжона*. Робкая политика подозрительного принца, естественно, могла бы натолкнуть на мысль о большей безопасности, поскольку нельзя допустить, чтобы власть над столь важной крепостью перешла в чьи-либо руки.

Фото 48. Часовня в замке в Кане.

Замок в Кане был местом, от которого прямо или косвенно зависели различные лордства, связанные с достоинством виконта Кана. Почти все они удерживались при условии внесения некоторого ежегодного взноса, состоящего либо из стрел, либо из колчанов, либо из луков, либо из мечей, либо из кирас, либо из другого описания древних доспехов. Во время войны вассалы этих различных лордов также были обязаны нести охрану замка; но большинство приходов выкупили освобождение от этой службы посредством денежной выплаты. Таким образом, достоверно известно, что в 1383 году приход Мери приносил пятьдесят шесть ливров в год, а приход Клевиля - тридцать два ливра десять солей. По словам г-на де Бургевиля, в соответствии с правом владения другими зависимыми лицами бейливика было предусмотрено, что они должны снабжать замок провизией на случай войны.

Суммы, полученные от этих различных взносов, использовались для оплаты труда и содержания гарнизона: в 1369 году жалование губернатора Кана было установлено в размере тысячи ливров ежегодно; половина его поступала из доходов виконтия Кан, другая часть - из доходов виконтия Байе. В четырнадцатом веке гарнизон в мирное время состоял из шести оруженосцев и десяти арбалетчиков. Даже в течение короткого периода английского могущества губернатору было разрешено защищать это место всего тридцатью тяжеловооруженными солдатами и девятью лучниками, половина из которых была верхом. После взятия Кана Карлом VII в 1450 году этот монарх оставил в замке гарнизон численностью почти в триста солдат; и это число не было сокращено ниже ста сорока после заключения мира.

Приведенные выше сведения, переведенные почти дословно из недавней публикации аббата Де ла Рю о Кане, [85] не выставляют замок как крепость в том важном свете, которого можно было бы разумно ожидать, учитывая его предполагаемую мощь и огромные масштабы. Монстреле, [86] говоря о нем в свое время, говорит: “это самый сильный город во всей Нормандии, укрепленный высокими бастиями из очень твердого камня, расположенный на скале и включающий в себя по площади такой же, как весь город Корбей”. Де Бургевиля [87], как и следовало ожидать, более подробно описывает тему. Его описание полно и интересно. [88]

Незадолго до революции, когда Дюкарель посетил Кан, [89] большая часть замка была сильно не в порядке, поскольку находилась в полном запустении; но подземелье тогда недавно подверглось основательному ремонту и использовалось как место заключения для государственных заключенных и для таких других, как *lettres de cachet*, полученные в по совместной просьбе их семьи они были лишены свободы, чтобы не навлечь на себя позор после того, как подверглись несчастью бедности.

Что касается его нынешнего состояния, мы узнаем от мистера Тернера, [90] что, “несмотря на то, что оно по своему характеру ухудшилось из-за современных инноваций, оно больше заслуживает внимания как историческая, чем архитектурная реликвия; но что оно по-прежнему претендует на статус места обороны, хотя и сохраняет лишь немногие из своих первоначальных черт. Просторные, высокие круглые башни, обрамлявшие его крепостные стены, известные под названиями “черная”, “белая”, “красная” и “серая лошадь”, были опущены до уровня платформы. Башня-темница разрушена; и все величие нормандского замка утрачено, хотя ширина его рвов и толщина стен все еще свидетельствуют о его древней силе”. —Далее тот же автор утверждает, что “есть основания предполагать, что Кан, когда он был впервые основан, занимал только место нынешнего замка; и что, когда стало целесообразно превратить старый город в крепость, жители переселились в долину ниже”. — Он добавляет, ссылаясь на авторитет Де Бургевиля, что “шесть тысяч пехотинцев могли быть выстроены в боевой порядок”. , во внешнем баллиуме; и что количество домов и жителей, расположенных в пределах этого района, было настолько велико, что было сочтено целесообразным построить в нем приходскую церковь, посвященную святому Георгию, помимо двух часовен”.

Предполагалось, что одна из этих часовен изображена на настоящей [табличке](#); но высокий авторитет аббата Де ла Рю [91], по-видимому, делает такое предположение по меньшей мере сомнительным. Действительно, преподобный автор перечисляет не менее шести часовен на территории замка, не вдаваясь, однако, в описание останков ни одной из них. В то же время он особо обращает внимание на изображенное здесь религиозное сооружение, очевидно, считая

его ранее служившим приходской церковью. В настоящее время он осквернен и отведен под военный склад. Месье Де ла Рю считает его не только старейшей архитектурной реликвией в Кане, но и сооружением десятого века. Он основывает это мнение на его конструкции, лишенной какой-либо башни; на круглых арках его дверей и окон; на его зигзагообразной лепнине; на чудовищах его кокошника; и, прежде всего, на особенности его расположения: хоры обращены на запад, а фасад - на восток. По его словам, именно в одиннадцатом веке впервые была введена повсеместно принятая ныне практика размещения церквей в противоположном направлении. Неправильность ранних нормандских религиозных сооружений в этом последнем отношении уже была отмечена в предыдущей статье. [92]

СНОСКИ:

[85] *Исторические очерки*, II. стр. 272.

[86] *Хроники*, (Перевод Джонса) III. стр. 472.

[87] *Recherches et Antiquitez de la Ville de Caen*, p. 19.

[88] Indeed, so detailed and curious is this account, that, though rather long, it appears desirable here to insert it.—“Reste à present à descrire la situation de ce superbe chasteau, lequel est apparent et haut eslevé comme une couronne et propugnacle à ceste grande ville, il a esté de tout tems l'un des premiers de ce royaume en beauté, grandeur, et forteresse pour estre assis sur un roc naturel, venteux, non sujet à la mine, ny escalade, accompagné de son donjon, au mitan duquel est esleevee une tour carree d'une admirable grosseur et hauteur, circuye de fortes murailles, et aux coings quatre grosses et hautes tours rondes à plate forme à plusieurs estages, que l'on a nommees, l'une le cheval blanc, l'autre le cheval noir, la tierce le cheval rouge, et la quatre le cheval grix, lesquelles seruent par aucunes fois pour enfermer les plus insignes voleurs, les fossez de ce donion sont à fonds de cuue comme ceux de ce chasteau d'une epouuantable profondeur, tellement qu'ils ne sont suiets à l'escalade, le belle ou basse court de ce chasteau est de si ample estendue qu'on y peut mettre en ordre de bataille pour combatre cinq ou six mil hommes de pied, et y peut on loger nombre de caualerie pour faire des saillies sur un camp adverseire, les croniques contiennent qu'il y a plusieurs villes en France moindres que ce chasteau, comme Corbeil et Mont Ferant, i'y aiousterai Quarantan en basse Normandie, il y a si bon nombre de maisons et habitans, qu'il contient une eglise parrochiale en son circuit fondee de saint George, et deux chapeles, l'une de saint Gabriel, et l'autre de saint Agnen, son contour contient un bon nombre de carneaux de visieres et de tours, et l'enclos du donion contient aussi nombre de carneaux, et quatre grosses tours sans celle du parmy, il y a encores au de là du donjon une grande terrasse, qu'on appelle la Roqueste d'une admirable forteresse de rampars, puis une grande place que l'on appelle la garenne à connins, où l'on peut mettre en seureté un bon nombre de bestaux pour la fourniture de viures de ce chasteau durant un siege. Et à la verité les grands seigneurs et chefs de guerre qui ont veu cette place, la remarquent, et tiennent comme inexpugnables, d'autant même qu'elle est fortifiee de rampars de trente ou quarante pieds de largeur, et ne se peut vaincre sans trahison, faute de cœur ou de viures, aussi noz Rois y ont tousiours pourueus de vaillans seigneurs et capitaines.”

[89] *Англо-нормандские древности*, стр. 49.

[90] *Тур по Нормандии*, II. стр. 170.

[91] *Essais Historiques sur la Ville de Caen*, I. p. 83.

[92] Смотрите Описание церкви аббатства Святой Троицы в Кане, [стр. 30](#).

ТАБЛИЧКИ XLIX.—LII.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР В РУАНЕ.

Листы 49-50. Кафедральный собор Нотр-Дам в Руане.
Южный трансепт от площади Календаря.

Заслугу первого распространения света христианства в той части Франции, которая впоследствии была известна под различными названиями Вестрия, Нейстрия и Нормандия, обычно приписывают святому Никезу; поэтому его имени обычно разрешается стоять во главе прелатов архиепископской кафедры Руана. Святой Никез, согласно традициям нормандской

церкви, жил примерно в середине III века и был отправлен из Рима вместе с более прославленным Сен-Дени по специальному заданию папы Климента проповедовать Евангелие в Руане, тогдашней столице галльского племени велокассов. Но все признают, что он так и не добрался до места своего назначения. Кстати, многие чудеса, которые он сотворил, состоящие в основном из уничтожения драконов [93] и обращения языческих священников, сделали его неприятным Фескеннину, римскому губернатору провинции; и, следовательно, святой был обречен терпеть муки, не без того, чтобы получить пальму первенства, мученичества.

Листы 51-52. Кафедральный собор Нотр-Дам в Руане.
Западный фасад от площади Нотр-Дам.

Никезу наследовал святой Мелло, уроженец Англии, который при исполнении своего долга по доставке ежегодной дани из Британии римскому императору, был обращен понтификом; и, если верить легендам, рассказанным Поммерайе, [94] был в присутствии папы облечен ангелом с небес пастырский посох; и в то же время повелел взять на себя духовную юрисдикцию над Руаном и его окрестностями. Миссия, составленная таким образом и еще более подтвержденная даром чудес, не могла не достичь желаемой цели. Святому Мелло не только удалось обратить низший класс язычников, но он также причислил многих знатных граждан к своим ученикам; и один из них, по имени Прекордиус, уступил ему свой дом, на месте которого было построено первое христианское богослужение, известное в Руане. Следовательно, в следующем отрывке Ордрик Виталис, полностью обходя стороной Никез, ставит святого Мелло во главе линии нормандских прелатов: —

“Antistes sanctus Mellonus, in ordine *primus*,
Excoluit plebem doctrinâ Rothomagensem.”—

О продолжительности или истории возведенной таким образом церкви ничего не известно; но несомненно, что с того времени христианство продолжало укрепляться в Нормандии, и летописи престола сохранили непрерывный список епископов. Действительно, обращение Константина, произошедшее всего через несколько лет после смерти святого Мелло, неизбежно придало новый аспект религии Римской империи.

Утверждается, что последующие прелаты в общих чертах проявили свое рвение в строительстве новых церквей, а также в расширении и украшении столицы; и Поммерейе предполагает, [95] но только с большой долей вероятности, что второй собор был возведен Виктрисом или кем-то из его непосредственных преемников в пятом веке. С равной или даже большей степенью вероятности был сделан вывод, что, допуская возведение новой церкви, она не могла не быть разрушена во время вторжений язычников-норманнов, чей путь по Нейстрии всегда был отмечен огнем и мечом, и чья алчность побудила их, не менее сильно, чем их суеверия, сделать религиозные сооружения главными объектами своей мести. До прибытия этих варваров архиепископскую кафедру занимали четыре прелата, выдающихся своей святостью: Сен-Годар, Сен-Претекстат, Сен-Ромен и Сент-Уэн. Второй из них, убитый перед алтарем по наущению Фредегонды, королевы Хильперика, занимает почти такое же место в мартирологе галликанской церкви, как Томас-а-Бекет в мартирологе английской. Сент-Оуэн был прелатом, у которого было мало соперников в щедрости и великолепии. Многочисленные монастыри по всей провинции и, прежде всего, великолепный монастырь, носящий его имя, свидетельствуют о величии его ума, а также о масштабах его власти: его государь, Дагоберт, почтил его своей дружбой и присвоил ему звание канцлера королевства.

Но слава Сент-Уана и всех остальных была затмеваема славой Сен-Ромена, в силу *привилегии* которого, как ее обычно называли, капитул собора продолжал до революции ежегодно осуществлять право выдавать преступника, какое бы преступление он ни совершил, за исключением государственной измены, из рук светской власти. Эта исключительная привилегия, согласно общему преданию, была заслужена уничтожением дракона по имени *Гаргуй*, который долгое время наводил ужас на соседнюю страну; и в своем походе святой не

смог заручиться никакой другой помощью, кроме помощи убийцы, уже приговоренного к смертной казни. Следовательно, прелат обычно считался немногим меньшим, чем божество-покровитель города. Его портреты, все они обозначены сопровождающими их драконом и преступником, можно было увидеть на знаменитых витражных окнах в церкви Сен-Годар, а также на въезде в город через *ворота Буврей* и, вероятно, во многих других местах: здание наверху лестницы, ведущей в суконный зал, называлось его часовней; другая часовня и по сей день посвящена ему в самом соборе; северная башня того же здания носит его имя; его святыня до сих пор хранится среди отборных сокровищ города. ризница; и даже основания некоторых колонн нефа вырезаны в причудливом подобии сказочного *Гаргуя*.

Дом Поммерайе, более суеверного и легковверного автора, чем он, в то время как он называет эту привилегию одним из самых ценных и благородных прав церкви Руана, [96] признает, что ее происхождение теряется во мраке. Он приводит, однако, исторический документ, подтверждающий его существование во времена правления нормандских герцогов; и, хотя он откровенно заявляет о разнице во мнениях среди ученых людей по этому вопросу, некоторые из которых рассматривают эту историю как аллегорическую, другие полностью отвергают ее и рассматривают привилегию просто как особый акт благодати, дарованный церкви в честь Вознесения, в годовщину праздника которого она была осуществлена, он заботится о том, чтобы зафиксировать свою собственную твердую веру в чудо, и он призывает всех благочестивых христиан объединиться с ним в поддержку его подлинности.

После обращения Ролло в христианство и последующего превращения Нормандии в отдельное герцогство, Руан, как метрополия нового государства, неизбежно приобрел дополнительное значение, а его церковь - дополнительный блеск. Возникли вопросы относительно места, где была построена первая церковь, но не подлежит сомнению существование собора во времена правления Ролло на том же месте, которое он занимает в настоящее время; поскольку сам принц был похоронен в нем, как и его сын Уильям Лонге-Эпе, и их останки хранятся там до сих пор [97]. Ричард I. сын Вильгельма, и его преемник на герцогском престоле, как прямо утверждает Дудо из Сен-Квинтена, значительно пристроил "замечательную церковь" (*mirabile monasterium*) в Руане, посвященную Святой Деве. [98] Тот же автор говорит в выражениях, не допускающих неправильного толкования, что Роберт, сын этого герцога, который был архиепископом Руана и великолепием своих работ заслужил себе эпитет *великолепного*, "завершил церковь, пристроив весь хор и выполнив работы на восточной стороне".

Церковь, возведенная Робертом, была освящена архиепископом Маурилиусом в 1063 году; но срок ее существования, по-видимому, был необъяснимо коротким; поскольку записано, что по прошествии менее чем столетия духовенство собора обратило свое внимание на строительство нового; и что не успел наступить 1200 год, как уже был достигнут некоторый прогресс в исполнении их плана. Однако все точные даты, связанные с этим предметом, утеряны: различные войны, опустошавшие эту часть Франции; многочисленные осады, которым подвергался сам город Руан; и неоднократные смены хозяев, которым он подвергался; все это, с добавлением случайных повреждений от пожаров и грабежей, фактически уничтожило архивы города и собора.

Авторы странным образом расходятся во мнениях относительно остатков церкви, возведенной нормандскими герцогами. Некоторые из них, и даже большее число, утверждают, что немалая часть существующего ныне строения принадлежала зданию, освященному Маврилием; другие

утверждают, что от этого последнего не осталось камня на камне. Истина, по-видимому, заключается в том, что небольшая часть восточной стороны нынешней северной башни, известная под названием башни Сен-Ромена, действительно выполнена в нормандском стиле, но больше ничего подобного во всем соборе нет, за исключением, возможно, боковых дверных проемов на западном фасаде. Вся только что упомянутая башня, вплоть до самого высокого яруса окон, очевидно, является самой древней частью здания и, по-видимому, построена во второй половине двенадцатого века. Церковь, рассматриваемая в совокупности, настолько очевидно является творением разных эпох, что не может быть большого риска в утверждении, что она создавалась по частям в различных случаях, как могло быть либо предложено благочестием властителей и прелатов, либо, возможно, этого требовало состояние религии или само здание.

Что известно о датах строительства, так это то, что строительство южной башни было начато в 1485 году и завершено в 1507 году; что первый камень центрального портала был заложен в 1509 году; и что часовня Богоматери, хотя строительство было начато в самые ранние годы четырнадцатого века и закончено в середине пятнадцатого, содержит работы 1538 года. В этот последний период кардинал Жорж д'Амбуаз восстановил крышу хора, которая пострадала в 1514 году в результате разрушения шпиля. Квадратная короткая центральная башня была возведена в 1200 году н.э.: она заменила ту, которая была повреждена восемьдесят лет назад, когда в первоначальный каменный шпиль церкви ударила молния. С тех пор не предпринималось никаких попыток восстановить шпиль, за исключением использования дерева, из которого в настоящее время изготавливается второй существующий материал. Первый был уничтожен пожаром, вызванным халатностью сантехников, в начале шестнадцатого века; нынешний получил материальный ущерб в результате аналогичного несчастного случая в 1713 году и чудом избежал полного разрушения.

Западный фасад собора, представленный на фотографии [пятьдесятдин](#), представляет собой *рекламный ансамбль* самого внушительного характера. Само несоответствие в разных частях, увеличивая разнообразие, усиливает эффект целого. Все, за исключением северной башни, богато, даже чрезмерно; и простота этого здания, в то же время, когда оно, кажется, претендует на определенное достоинство само по себе, выставляет в более ярком свете великолепие остального. Противоположная башня, построенная знаменитым кардиналом Жоржем д'Амбуазом и ранее служившая вместилищем большого колокола, носившего его имя, обычно называется *Tour de Beurre*. Традиция гласит, или, используя слова дома Поммерея, “каждый знает”, что он получил это название потому, что был построен на деньги, собранные от индульгенции, предоставленной кардиналом Вильямом д'Эстутевилем благочестивым католикам во всех епархиях Руана и Эвре, разрешающей им употреблять молоко и масло во время Великого поста, когда в противном случае масло можно было использовать только в качестве соуса к овощам и рыбе. Булла, изданная по этому случаю папой Иннокентием VIII. утверждает, что она все еще существует. [99] Архитектуру этой башни можно считать почти совершенством того, что было названо украшенным английским стилем: она обильно украшена башенками и статуями и завершается красивым восьмиугольным венцом из открытой каменной кладки. Его высота составляет двести тридцать французских футов. [100]

Центральный портал, возведением которого собор также обязан своему великому благодетелю Жоржу д'Амбуазу, красиво и смело выделяется, подобно крыльцу, перед остальными: каждая его сторона заполнена нишами, ярус за ярусом, заполненными бесконечными фигурами святых

и мучеников. В середине его возвышается пирамидальный навес из открытой каменной кладки; а на широкой фрамуге над дверью изваяно генеалогическое древо Христа, происходящее от корня Иессея. Резьба над северным входом еще более своеобразна и, очевидно, намного древнее. На нем изображено обезглавливание Крестителя, при этом “Саломея танцует в позе, которую, возможно, часто принимали *гробовщики* древних времен; благодаря своей позе она является графическим комментарием к англосаксонской версии текста, в которой говорится, что она *упала* перед царем Иродом”. [101] Четыре башни обрамляют центральный портал: только одна из них сейчас увенчана шпилем: вершины оставшихся трех были снесены штормом, который на значительной территории прошел по Нормандии двадцать пятого июня 1683 года, отметив его продвижение разрушениями, которые трудно себе представить. [102]

Шпиль центральной башни, как бы его ни превозносили и которым восхищались сами французы, на непредвзятый взгляд выглядит убого; и главным образом из-за того, что он сделан из дерева, что плохо сочетается с кажущейся прочностью остального здания.

Входы в трансепты, хотя и уступают по великолепию большому западному фронту, все же не таковы, чтобы позорить его; а при внимательном рассмотрении их скульптурных медальонов они кажутся еще более любопытными. К северному входу ведет проход, вдоль которого выстроились ряды самых убогих домов, бывших мастерскими переписчиков и каллиграфов; отсюда и своеобразный проход, окружающий двор, который обычно называют *Порталом Библиотек*. Противоположный трансепт (см. *табличку сорок девятую*) называется *Порталом Календ*, название заимствовано у *Площади Календ*, на которую он выходит; и который, хотя на самом деле далеко не просторный, по сравнению с ней кажется именно таким. По обе стороны от входов в оба трансепта расположены высокие квадратные башни, “такие, какие обычно можно увидеть только в западной части собора; верхний этаж прорезан гигантским окном, разделенным единственным цоколем или центральной колонной, не превышающей одного фута в окружности и почти шестидесяти футов в высоту. Эти окна полностью открыты; архитектор никогда не предполагал, что они должны быть застеклены. В результате такой конструкции получается необычайная игра света и тени”. [103] Окна-розы, которые расположены как над входами в трансепты, так и над большим трансептом на западе, не менее великолепны по своим размерам, прекрасны по своим узорам и великолепны по своим цветам. Большая часть витражей собора также очень богата.

Мистер Дибдин в своем великолепно иллюстрированном туре, [104] справедливо отмечает, что “человек, входящий в церковь через западную дверь, не может не быть поражен длиной и возвышенностью нефа и легкостью галереи, которая проходит вдоль верхней его части и продолжается также по всему хору”. Далее он добавляет: “Возможно, неф слишком узкий для своей длины. Фонарь центральной большой башни удивительно светлый и бросающийся в глаза. Он поддерживается четырьмя массивными колоннами, около сорока футов в окружности; но взгляд, устремленный вниз, поражается безвкусному отделению хоров от нефа так называемой *греческой ширмой*; и интерьер трансептов также подвергся столь же безвкусной реставрации”.

Кафедральный собор в Руане был местом захоронения многих выдающихся людей. Ролло и Уильям Лонг Эпе уже упоминались как похороненные здесь. В церкви также хранились львиное сердце первого английского Ричарда и останки его старшего брата Генриха; вместе с останками Уильяма, сына Джеффри Плантагенета; регента герцога Бедфорда; и французского короля

Карла V. Поммерейе подробно описывает могилы этих и многих других высокопоставленных лиц; но бесчинства кальвинистов и демократов, добавленные к сносу, вызванному изменениями, произведенными в разное время в здании, в настоящее время уничтожили почти все из них, за исключением тех, что были возведены в честь двух кардиналов Д'Амбуаз, оба из которых были архиепископами Руана, и того, что увековечивает память Луи де Брезе, великого сенешаля Нормандии. Эти памятники расположены по разные стороны часовни Пресвятой Богородицы; первые так же бросаются в глаза своими многочисленными роскошными украшениями, как и вторые своей целомудренной простотой.

Архиепископ Руанский до революции носил титул *примаса Нейстрии*; затем его духовная юрисдикция распространилась на шесть суффражисток, епископов Байе, Авранша, Эвре, Сезе, Лизье и Кутанса. Не так много лет назад она также охватила канадские церкви вместе со всей французской Северной Америкой; но назначение епископа в Квебеке лишило ее трансатлантического влияния; а конкордат во времена Наполеона сократил число прелатов-суффражисток до четырех, отобрав митры у Авранша и Лизье. Еще более важное изменение, вызванное современным временем, произошло в архиепископских доходах. До недавних изменений во всей Франции было принято, говоря о Руанском престоле, обозначать его эпитетом "*богатый*"; название, которое сейчас употребляется прискорбно неправильно. Архиепископ тогда обладал, в дополнение к обычным источникам церковного дохода, особой привилегией, именуемой правом *депортации*; в силу чего он требовал получения доходов за первый год от каждого пособия, которое могло стать вакантным в его епархии, будь то в связи с отставкой или смертью должностного лица. [105]

Столь завидный пост, как пост архиепископа Руанского, почти всегда находился в руках какого-нибудь человека, принадлежащего к одной из знатных семей королевства. Среди прочих, его последовательно проводили жители Люксембурга, Бурбона, Д'Эстутевиля, Д'Амбуаза, Жуаеза, Харлея, Кольбера и Трессана. Подводя итог каталогу, по словам Поммерея, "собор представил многих святых для небес, одного папу на апостольскую кафедру и тринадцать кардиналов церкви; девять из его прелатов принадлежали к королевской семье Франции; и многие другие, выдающиеся по своему происхождению, стали еще более выдающимися за свои собственные заслуги и за услуги, которые они оказали католической церкви и государству".

СНОСКИ:

[93] Уничтожение драконов, или огненных змей, или подобных чудовищ, по-видимому, было самым распространенным из всех чудес в ранние века христианства. После подвигов святого Михаила, святой Маргариты и Святого Георгия церковная история изобилует подобными легендами. Святой Ромен, Святой Марсель, святой Юлиан, Святой Марциал, святой Бертран, святая Марта и святой Климент составляют лишь малую часть святых, отличившихся этими актами благочестивого героизма. Драконы Руана и Меца были достаточно знамениты, чтобы получить отдельные названия *Гаргуй* и *Грауйли*. Обычно предполагалось, что эти различные чудеса были аллегорическими и должны были символизировать ограничение рек в их руслах или ограничение вторжений моря. Другие авторы были склонны объяснять их распространенность тем, что они связаны с солнцем или астрономическими явлениями; но, несомненно, наиболее простой и удовлетворительный способ их объяснения заключается в рассмотрении дракона как эмблемы зла, а различные победы, одержанные над драконами, -

как многочисленных побед, одержанных добродетелью над пороком. Значительный объем любопытной информации по этому вопросу можно найти в *Журнальной энциклопедии* за январь 1812 г., стр. 1-24, в статье месье Эузебе Сальверте, озаглавленной "*Легенд моего века*".

[94] *Histoire des Archevêques de Rouen*, p. 40.

[95] *Histoire de la Cathédrale de Rouen*, p. 19.

[96] *Histoire de la Cathédrale de Rouen*, p. 625.

[97], однако, не в том месте, в котором они были первоначально размещены: сначала они были установлены в непосредственной близости от главного алтаря, но перед концом XI века были перенесены в места, которые они занимают сейчас, в часовнях на противоположных сторонах верхнего конца нефа. The following account of their tombs, with the statues and inscriptions, is transcribed from *Gilbert's Description Historique de l'Eglise de Notre Dame de Rouen*, p. 57:—"Le tombeau de Rollon est placé dans un enfoncement cintré, pratiqué dans le mur de la chapelle; il consiste en un sarcophage de stuc, marbre de Portor, sur lequel se voit la statue couchée de ce prince, dont la tête est appuyée sur un coussin. Rollon est vêtu d'une longue tunique, par-dessus laquelle est un manteau couleur de pourpre, ou espèce de chlamyde attachée à l'épaule droite; il porte sur sa tête une couronne. Cette statue a été un peu mutilée. Au-dessus de l'arcade dans laquelle est le tombeau, on lit l'inscription suivante, gravée en lettres d'or sur un marbre noir:

HIC POSITUS EST
ROLLO
NORMANNIÆ A SE TERRITAE VASTATÆ
RESTITUTÆ
PRIMUS DUX CONDITOR PATER
A FRANCONI ARCHIEP. ROTOM.
BAPTIZATUS ANNO DCCCCXIII
OBIIT ANNO DCCCCXVII
OSSA IPSIUS IN VETERI SANCTUARIO
NUNC CAPITE NAVIS PRIMUM
CONDITA,
TRANSLATO ALTARI, COLLOCATA
SUNT A B. MAURILIO ARCHIEP. ROTOM.
AN. MLXIII.

Au-dessus de cette inscription est une urne en stuc, marbre de Portor. L'archivolte de l'arcade est en stuc blanc veiné de gris, ainsi que le lambris qui décore le pourtour de la chapelle. Tous ces ouvrages sont modernes, à l'exception de la statue du duc Rollon, qui paroît avoir été exécutée dans le treizième siècle.

Dans la chapelle de Saint-Anne, située de l'autre côté de la nef, se voit le tombeau de Guillaume *Longue-Epée*, fils de Rollon, et second duc de Normandie, mort victime de la plus infâme trahison, dans l'entrevue qu'il eut à Pecquigny, le 18 Décembre, 944, avec Arnoul, comte de Flandres. Le corps du duc Guillaume fut apporté à Rouen et inhumé dans la cathédrale. [Voyez Servin, *Hist. de Rouen*, tom. I. стр. 118 и 119.]

Sur le sarcophage en stuc, marbre de Portor, est placée la statue du duc, vêtu d'une longue tunique, et tenant à la main un sceptre qui a été mutilé. Au-dessus de l'arcade enfoncée, dans laquelle est la sépulture du prince, on lit l'inscription suivante, gravée en lettres d'or sur un marbre noir:

HIC POSITUS EST
 GUILLELMUS DICTUS LONGA SPATA
 ROLLONIS FILIUS
 DUX NORMANNIÆ
 PRODITORIE OCCISUS DCCCCXXXIV
 OSSA IPSIUS IN VETERI SANCTUARIO,
 UBI NUNC EST CAPUT NAVIS PRIMUM
 CONDITA, TRANSLATO ALTARI, HIC
 COLLOCATA SUNT A B. MAURILIO
 ARCHIEPISC. POTOM.
 ANNO MLXIII.”

[98] “Rotomagensi namque urbe in honore genetricis Dei ampliavit mirabile monasterium, longitudinis, latitudinisque, atque altitudinis honorificæ exspatium incremento.”—*Duchesne, Scriptores Normanni*, p. 153.

[99] *Поммерейе, История Руанского кафедрального собора*, стр. 36.

[100] Ниже приведены размеры основных частей собора по французским меркам, скопированные из *тура мистера Тернера по Нормандии*, I. стр. 147:—

	Ножки.
Длина интерьера	408
Ширина то же самое	88
Длина нефа	210
Ширина то же самое	27
То же самое в проходах	15
Длина хора	110
Ширина то же самое	35-½
То же самое в трансепте	25-½
Длина то же самое	164
То же самое в Часовне Богоматери	88
Ширина то же самое	28
Высота шпиля	380
То же самое в башнях на западном конце	230
То же самое в нефе	84
То же самое в проходы и часовни	42
То же самое с интерьером центральной башни	152
Глубина часовен	10

[101] *Тур Тернера по Нормандии*, I. стр. 139.—Упоминание этой скульптуры дает возможность указать на то, что представляется исключительной ошибкой со стороны покойного М. Миллена в его *Путешествии по Южному департаменту Франции*. В атласе к этой работе он изобразил двенадцатую тарелку, барельеф XI века, изображающий убийство графа Далмаса руками его зятя Роберта I. герцога Бургундского; а в нижнем отделении, где находится банкетный зал, он объясняет, что одна из фигур (I. р. 190) изображает графа, падающего со стола; тогда как сравнение со скульптурой в Руане едва ли оставит сомнение в том, что она была создана для танцовщицы, представленной для развлечения компании.

[102] *Pommeraye, Histoire de l'Eglise Cathédrale de Rouen*, p. 33.

[103] *Тур Тернера по Нормандии*, I. стр. 144.

[104] *Библиографический, антикварный и живописный тур по Франции и Германии*, I. стр. 50.

[105] *Pommeraye, Histoire des Archevêques de Rouen*, p. 22.

ТАБЛИЧКА LIII.

СКЛЕП В ЦЕРКВИ СЕН-ЖЕРВЕ В РУАНЕ.

Из молчания Юлия Цезаря был сделан вывод, и с большой долей вероятности, что гордая столица Нормандии либо вообще не существовала во времена этого полководца, либо была, самое большее, незначительным местом. Однако среди историков Руана не было недостатка в тех, кто, ревнуя, как обычно, к чести своего города, приписывает ему древность, превосходящую времена всемирного потопа, и доверяет второй половине его классического названия, подтверждающей их утверждение, что его основы были заложены Магусом, сыном и преемником Самога, первого короля Галлии. Другие, более умеренные, довольствовались верой в то, что, хотя Цезарь и не упоминает Ротомагус, все же нет причин сомневаться в его существовании до христианской эпохи или сомневаться в том, что тогда это был главный город велокассов, поскольку Лилебон принадлежал соседнему племени калетов, жителей нынешнего *Пай-де-Ко*. По крайней мере, достоверно известно, что при разделении Галлии, которое произошло вскоре после этого на семнадцать провинций, Руан стал метрополией *Второго Лугдунства*; и что с тех пор он продолжал постепенно возвышаться, пока провозглашение Нейстрии независимым государством не закрепило за ним титул столицы нации.

В настоящее время в Руане едва ли можно найти какие-либо остатки римской древности: “обширная пустота всепожирающих лет” стерла те следы, которые этот могущественный народ редко упускал из виду везде, где когда-то было прочно установлено его владычество. Маленькая церковь Сен-Жерве, таким образом, представляет особый интерес как демонстрирующее доказательства, достаточно очевидные, хотя и далеко не важные, связи с Италией. Эти доказательства основаны главным образом на римских кирпичах и других обломках, некоторые из них грубо обработаны, которые использовались при возведении опор крипты, и на скульптуре капителей некоторых колонн на внешней стороне апсиды.

Церковь Сен-Жерве расположена недалеко от стен Руана, на небольшом возвышении, примыкающем к римской дороге, ведущей в Лилебон, и недалеко от возвышенности, обычно называемой *Мон-о-Маладес*, поскольку в одиннадцатом веке здесь находился монастырь, предназначенный для приема прокаженных. По словам Фарина, [106] первоначально церковь была аббатством и прямо признана таковой в хартии герцога Ричарда II. датированной 1020 годом н.э.; в которой, среди других пожертвований своему любимому монастырю в Фекане, он перечисляет: “пункт *Abbatiam Sancti Gervasii, quæ est juxta civitatem Ротомагум*, и очень быстро, и по-настоящему”. Авторы ГИПЕРССЫЛКИ на *Галлию Христианскую* добавляют, что “в то время, когда это аббатство было передано Фекану, оно было отобрано у монахов монастыря Святого Петра в Шартре”. Два столетия спустя Сен-Жерве, по-видимому, опустился до ранга простого монастыря, находящегося под непосредственным контролем монахов Фекана, которые приняли титул его настоятелей. Со временем от приходской церкви остались только более скромное название и достоинство; но период, в который произошло это последнее изменение, не зафиксирован. Однако аббат Фекана продолжал до периода революции осуществлять духовную юрисдикцию над тем, что называлось баронством Сен-Жерве, включая не только этот единственный приход, но и некоторые другие, зависящие от него. Он назначал на жизнь, руководил религиозными учреждениями, полностью контролировал тюрьмы и имел право на все привилегии, вытекающие из ярмарки Сен-Жерве, которая ежегодно проводилась в Руане, в предместье Кошуаз, двадцатого июня. Зафиксировано даже, что в 1400 году аббат отважился на смелый эксперимент, запретив Вильгельму де Вьену, тогдашнему архиепископу Руана, нести свой крест или давать свое благословение в пределах своей юрисдикции; но столь дерзкое присвоение власти было недопустимо, и вопрос, соответственно, был передан в парламент Парижа, который в данном случае вынес решение против аббата.

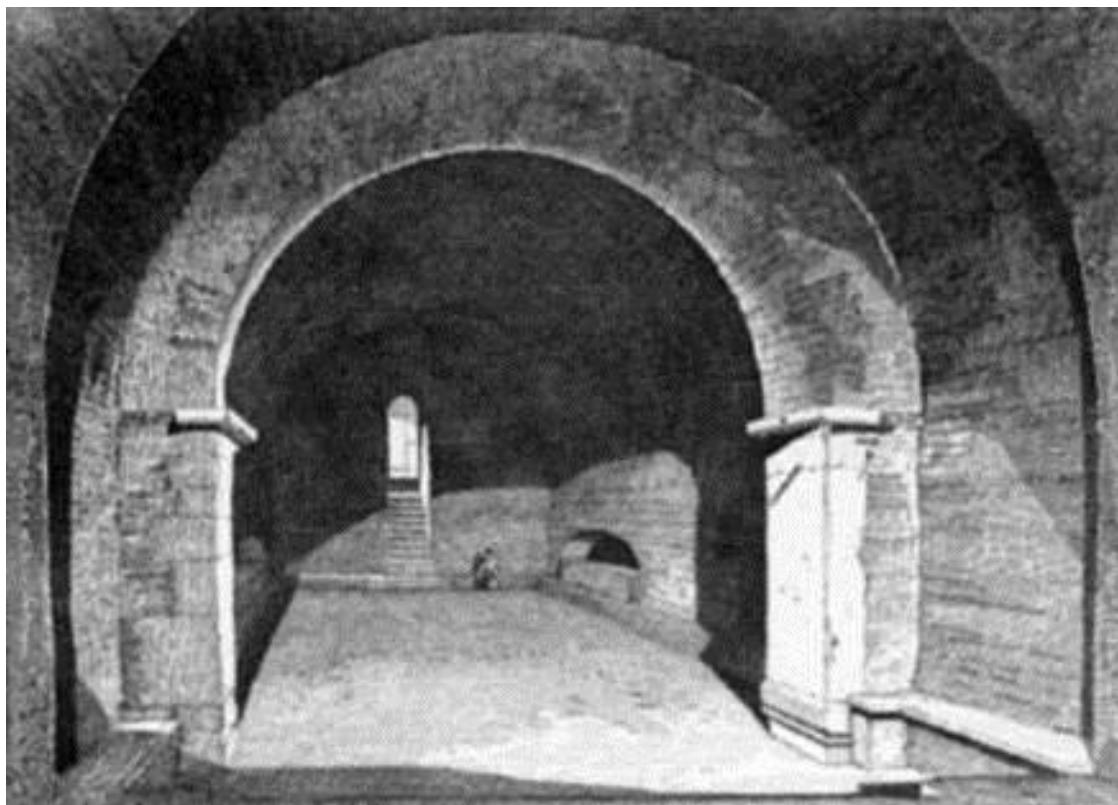

Фото 53. Склеп в церкви Сен-Жерве в Руане.

Рядом с церковью Сен-Жерве первоначально стоял один из дворцов нормандских герцогов, и именно к этой [108] Вильгельм Завоеватель заставил перенести себя, когда на него напала смертельная болезнь, после того, как он бессмысленно превратил город Мант в пепелище. Здесь же этот могущественный монарх испустил дух и оставил печальное предупреждение будущим завоевателям; покинутый своими друзьями и врачами в тот момент, когда его не стало; в то время как его слуги разграбили его имущество, а его тело лежало обнаженным и покинутым в зале.

Герцогский дворец и монастырские постройки в настоящее время полностью разрушены. Однако, к счастью, церковь все еще сохранилась и сохранила некоторые части первоначального строения, более интересные по своим особенностям, чем по размерам. Внешний вид апсиды очень любопытен: она тупо угловата и по углам облицована большими грубыми колоннами, капители некоторых из которых дорические и коринфские, другие столь же дикие, как фантазии нормандских лордов, правивших страной. Ни один из них не достигает такой высоты, как карниз крыши; по замыслу первоначального архитектора, часть работ должна располагаться между вершинами капителей и этим элементом. Столица к северу примечательна вырезанными на ней орлами, словно с каким-то намеком на римское могущество.

Но самой необычной частью этой церкви является склеп под апсидой, представленный на [табличке](#); помещение около тридцати футов в длину, четырнадцати в ширину и шестнадцати в высоту, чрезвычайно простое и очень древнее. Вокруг нее тянется простая каменная скамья; и она разделена на две неравные части круглой аркой, лишенной колонн или каких-либо украшений вообще. Здесь, согласно Ордерiku Виталису, [109] было погребено тело святого Мелло, первого архиепископа Руана и одного из апостолов Нейстрии; и здесь его гробница и гробница его преемника Авитьена видны и по сей день в простых нишах по разные стороны стены. Останки святого Мелло, однако, не были оставлены в покое; ибо примерно через пятьсот семьдесят лет после его смерти, которая произошла в 314 году, они были перенесены в замок Понтуаэ, чтобы норманны-язычники не надругались над канонизированным телом. Существование этих гробниц и древность склепа, зафиксированная историей и подтвержденная стилем его архитектуры, придали значение традиции, которая указывает на него как на единственный храм, где первобытные христиане Нейстрии осмеливались собираться для совершения богослужения. В окрестностях церкви также было обнаружено множество каменных гробов. Эти саркофаги служат подтверждением общей традиции; они простейшей формы и, по-видимому, такие же древние, как склеп; и они были так зарыты в землю, что головы трупов были повернуты на восток - положение, указывающее на то, что умершие были погребены по-христиански.

СНОСКИ:

[106] *История города Руан*, v. p. 1.

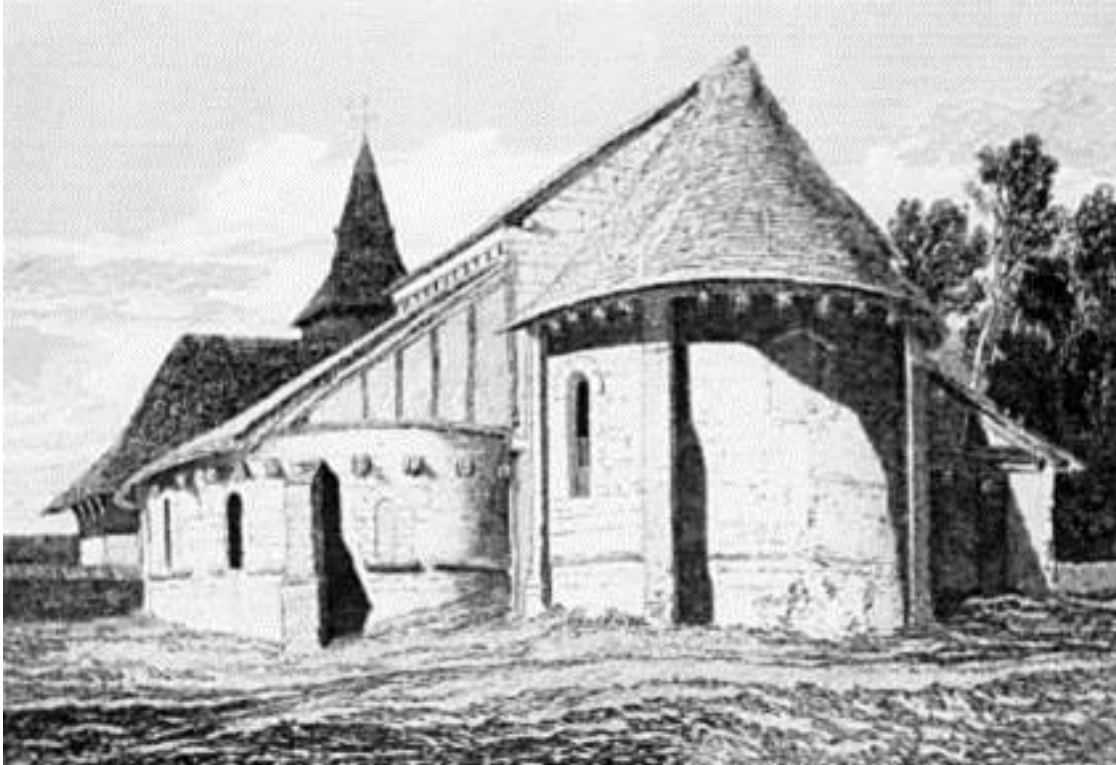
[107] XI. p. 124. A.

[108] Вся оставшаяся часть этой статьи взята из *Турне Тернера по Нормандии*, I. стр. 125.

[109] *Дюшен, Scriptorum Normanni*, стр. 558.

ТАБЛИЧКА LIV.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ПАВЛА В РУАНЕ.

Табличка 54. Церковь Святого Павла в Руане.

Ист-Энд.

Рядом с церковью Святого Жерве находится церковь Святого Павла - самая интересная реликвия древней архитектуры среди церковных зданий Руана. Действительно, ее можно рассматривать как единственную постройку более раннего периода; круглая башня, пристроенная к аббатской церкви Сент-Уэн [110] будучи совершенно незначительной, своим главным интересом обязана своей связи с аббатством, обладающим такими обширными владениями и одаренным, о котором так много говорят, святостью.

Основание церкви Святого Павла относится к очень отдаленной древности: говорят, что оно было заложено святым Романом в память о его великой победе над язычеством, когда, торжествуя, он водрузил знамя креста на пепелище храма Венеры. Impure was the goddess, and most impure were her rites; so that, to use the words of Taillepié, in speaking of this same temple, “là dedans la jeunesse, à bride avallée, souloit se souiller et polluer par ordre luxure et paillardise abominable, ne ayant égard qu'auprès de ce lieu y avoit un repaire de malins esprits qui faisoient sortir une fumée tant puante et infecte que la mortalité s'en ensuyvoit par après.”

Само это замечание относительно заразных испарений кажется решающим в отношении подножия церкви Святого Павла, занимающей место языческого храма. Он стоит вне городских стен, на возвышенности, на очень небольшом расстоянии справа от барьера ниже горы Сент-Катрин, по дороге в Париж, в непосредственной близости от нескольких минеральных источников, сильно пропитанных железом. До революции церковь находилась в ведении монастыря Монтивилье. Настоятельница имела право назначать на вакантную должность бенефиция; и до середины семнадцатого века у нее была привычка считать собор Святого Павла монастырем и устраивать там колонию своих монахинь. Но все они были отозваны в 1650 году, и впоследствии им так и не наследовало новое учреждение.

Говоря о различных изменениях в здании, Фарин ограничивается кратким замечанием, “что оно неоднократно разрушалось во время войн и восстанавливалось благодаря щедрости нормандских герцогов”. [111] Восточная часть того, что сейчас стоит, очевидно, нормандского времени; и с архитектурной точки зрения это самый любопытный образец, вероятно, единственная из существующих церквей, которая заканчивается на востоке тремя полукруглыми отсеками. Из них центральное отделение является значительно более высоким, а также наиболее заметным; и расположение столика-пояса, который одинаково установлен вокруг всех них, доказывает, что так было всегда. Скульптура этого столика рассматривается норманнскими антикварами с особым интересом: некоторые головы с широко раздутыми челюстями, усеянные зубами огромного размера, изображают волков; предполагается, что другие, с человеческими чертами лица и усами верхними губами, предназначались врагу-саксу, который, как нам говорят, во время нормандского вторжения был склонен, из-за гладких лиц своих противников, ошибочно полагать, что приближающееся войско было всего лишь армией священников. У мистера Котмана, который наблюдал в подобных ситуациях во многих других частях Нормандии лица, столь же затененные бакенбардами, возникло подозрение, что это было сделано в насмешку над саксами.

Внутренне тройное круглое завершение церкви больше не просматривается. Оба боковых отделения разделены на концах и образовали отдельные помещения: южное используется как ризница, в то время как северное служит просто кладовой. Неф, который в три раза шире алтаря и явно построен сравнительно недавно, отделен от более восточной части здания полукруглой аркой. Скульптура на капителях выполнена в римском стиле: на одной из них изображен ряд изящных фигур в чистом классическом стиле, сосредоточенных на каком-то действии, но настолько изуродованных, что теперь было бы нелегкой задачей угадать цель художника. Проходы алтаря отделены от центрального отделения двойными арками, большая и меньшая из которых соединены вместе, все они полукруглые и выполнены в нормандском архитектурном стиле. Пристроенный к восточному торцу церкви, в только что упомянутом чулане, стоит фрагмент римской скульптуры, который, по предположению М. Ле Прево, первоначально служил алтарем. Мистер Тернер изобразил его во время своей экскурсии; и он предполагает, что он был изготовлен в четвертом веке; предположение, основанное на сходстве его украшений с украшениями на пьедестале обелиска, воздвигнутого Феодосием на Ипподроме в Константинополе, как это представлено в подробном издании покойного М. Серу д'Агинкура. [112]

СНОСКИ:

[110] Фигурировал в турне Тернера по Нормандии, I. р. 127.

[111] *Histoire de la Ville de Rouen*, v. p. 8.

[112] *История развития искусства*, стр. 10, *Скульптура*, илл. 4-7.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ДРЕВНОСТИ НОРМАНДИИ,

АВТОР: ДЖОН СЕЛЛ КОТМАН;

СОПРОВОЖДАЕТСЯ ИСТОРИЧЕСКИМИ И ОПИСАТЕЛЬНЫМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ
ДОУСОНА ТЕРНЕРА, ЭСКВАЙРА, Ф.Р. и А.С.

ТОМ ВТОРОЙ.

ЛОНДОН:

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ ДЖОНА И АРТУРА АРЧЕЙ, КОРНХИЛЛ;
И ДЖ. С. КОТМАНА, ЯРМУТ.

MDCCCXXII.

ЛИСТЫ Во ВТОРОМ ТОМЕ.

ТАРЕЛКА.

55.	Церковь Святого Николая в Кане, Вест-Энд	на первой странице 59
56.	---- Ист-Энд	60
57.	Церковь в Ше, недалеко от Кана, с северо-востока	62
58.	Церковь в Бивиле, с северо-запада	63

59.	-Фасады и детали	64
60.	Церковь в Фонтен-ле-Анри, недалеко от Кана, северная сторона алтаря	65
61.	-----Высоты	66
62.	Замок в Фонтен-ле-Анри, недалеко от Кана	67
63.	----- Высота центрального отделения	68
64.	Дом на площади Пусель, по адресу Руан,	69
65.	Дом на улице Сен-Жан, по адресу Кан,	70
66.	Башня церкви в Трепорте, недалеко от Кана	71
67.	Церковь Анисий, недалеко от Кана	73
68.	Церковь Перье, недалеко от Кана	74
69.	Замок Лилебон	75
70.	Замок Брикбек	77
71.	Церковь Святого Стефана, в Фекане,	79
72.	Экран в церкви Святого Лаврентия, в Ес,	81
73.	} Церковь Святого Петра в Лизье, Западный фасад	83
74.		
75.	-----Южный трансепт	86
76.	Церковь аббатства Сент-Уэн в Руане	87
77.	Фонтан Каменного Креста в Руане	90
78.	Дворец правосудия в Руане	91
79.	Церковь Лувье, Южный подъезд	93
80.	Замок Гайяр, вид с северо-востока	95
81.	-Вид с юго-Запада	96
82.	Церковь аббатства Монтивилье, Вест-Энд	97
83.	Церковь Сен-Сансон-сюр-Риль	99
84.	Церковь Фуллбек, Западный вход	100
85.	Замок в Танкарвилле	101
86.	Вход в замок в Танкарвилле	103
87.	Церковь Святого Креста в Сен-Ло, Западный вход	104
88.	-----Скульптура	106
89.	Фалезский замок, вид с северо-запада	107
90.	-Вид с Севера	109
91.	Интерьер церкви Крелли	110
92.	} Кафедральный собор Нотр-Дам в Кутансе, Западный фасад	111
93.		
94.	----- Высота нефа	115

95.	Гора Святого Михаила, на подходе со стороны Понторсона	116
96.	-Интерьер Рыцарского зала	120
97.	Церковь аббатства Церизи, Интерьер хора	121
98.	Церковь в Эстрахаме, Западный фасад	122
99.	Кафедральный собор Нотр-Дам в Сезе, Западный фасад	123
100.	----- Высота нефа	125

Рисунок, упомянутый в Примечании, [стр. 117](#), помещен в начале Предисловия.—В качестве виньетки в конце Предисловия представлен вид на [церковь Керквилья](#), недалеко от Шербура, здание несомненной древности, изображенное здесь как единственный в Нормандии или, возможно, существующий экземпляр церкви, трансепты которой, так же как и алтарь, имеют полукруглую форму. В этих частях стены выполнены из каменной кладки из селедочной кости, чего нельзя сказать о башне или нефе, которые являются более современными. Башня, однако, вероятно, относится к нормандской эпохе; и своеобразная каменная кладка, отличающая алтарь, все еще видна на несколько футов выше его соединения с нефом. Его орнаменты можно сравнить с украшениями церкви Святого Петра в Бартоне-на-Хамбере и церкви Эрлс-Бартон в Нортгемптоншире, оба они фигурируют в *пятом* томе *"Архитектурных древностей"* Бриттона, и оба явно нормандского происхождения. Церковь Керквилья не имеет контрфорсов. Его длина с востока на запад составляет сорок восемь футов и шесть дюймов; с севера на юг - сорок три фута и четыре дюйма; ширина нефа составляет девять футов и девять дюймов.

ТАБЛИЧКИ LV. И LVI.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО. НИКОЛАЯ В КАНЕ.

Фото 55. Церковь Святого Николая в Кане.

Вест-Энд.

Аббат Де ла Рю в своих *исторических очерках о Кане* довольствуется замечанием относительно церкви Святого Николая, что это единственный образец настоящей нормандской архитектуры, который в настоящее время сохранился в городе; поскольку аббатская церковь Святой Троицы, здание того же периода и стиля, была настолько замаскирована изменениями, произведенными с целью приспособления ее к ее нынешнему назначению, что, рассматриваемая в целом, она больше не может быть признана типом религиозных сооружений норманнов. В таком случае, тем более следует сожалеть о том, что церковь, о которой здесь идет речь, должна была не только быть отклонена от своего первоначального применения, но и

должна была быть присвоена объекту, в высшей степени способному причинить ей вред. Сейчас оно используется как конюшня для кавалерии; но, к счастью, ему все еще сохранили целостность; и питаются надежды, что когда-нибудь его снова можно будет использовать как место поклонения.

Внешний вид здания не остался полностью нетронутым. На западном фасаде (см. [табличку пятьдесят пятой](#)) обе боковые башни утратили свои первоначальные окончания и были сведены до уровня крыши нефа. Один из них до сих пор находится в полуразрушенном состоянии: к другому была пристроена квадратная башня довольно элегантных пропорций, увенчанная небольшой черепичной башенкой, выполненной, вероятно, в четырнадцатом веке. Остальная часть этой части церкви находится в том виде, в каком она была построена впервые, за исключением того, что огромные входные арки полностью загорожены. Все это отличается чрезвычайной простотой и соперничает в этом отношении с той же частью соседней церкви аббатства Святого Стефана; различные части этих двух почти одинаковы, хотя и расположены по-разному.

Центральная башня церкви Святого Николая квадратная, небольшая и настолько низкая, что пропускает только один ярус окон с полукруглыми головками, по четыре с каждой стороны. Она заканчивается ребристой крышей и, по-видимому, никогда не была выше; хотя, насколько можно судить по аналогии, архитектор, вероятно, спроектировал более высокое возвышение. По бокам церкви, непосредственно под крышей, проходит смелый выступающий карниз старинного образца, образованный многочисленными горизонтальными лепными украшениями; а под ним поясной столик представляет собой всего лишь ряд простых шишечек вместо чудовищ, обычно встречающихся в нормандских зданиях. Нижний этаж, как в нефе, так и на хорах, заполнен узкими арками, поочередно прорезанными для окон и оставленными пустыми. Все эти арки, а также окна трансептов и выступающих ниже нефов не сопровождаются колоннами или какими-либо орнаментами, за исключением широкой плоской лепнины самого простого вида, которая полностью окружает их. Расположение окон в нижней части нефа отличается от расположения окон наверху тем, что они отделены друг от друга неглубокими контрфорсами, которые заменяют глухие арки. Простая струнная дорожка также продолжается по всей длине церкви под окнами, как и на западном фасаде. С южной стороны находится дверь, единственная, которая сейчас используется в церкви, в которую ведет очень благородная нормандская арка, состоящая из большого количества цилиндрических лепных элементов, расположенных тремя широкими полосами, но без колонн или капителей, и без каких-либо других изменений, кроме изменения размера и добавления лепнины к внешнему ряду. Облицовочный камень этой арки, несомненно, ровесник самой арки, скульптура каменной кладки переплетена с ней. К восточной стороне обоих трансептов примыкает круглая часовня, как в церквях Святого Георгия, Святого Таурина в Эвре, Фекана, Серизи и в нескольких других древних религиозных сооружениях Нормандии. Англия также не лишена образцов того же рода: похожая часовня, ныне находящаяся в полуразрушенном состоянии, и названная Бломфилдом "пономарем, или древней ризницей", примыкает к северному трансепту Норвичского собора; а у восточной оконечности той же церкви находятся еще четыре. Но главной характеристикой часовен Святого Николая является чрезвычайно высокий наклон каменной крыши, особенность, в равной степени наблюдаемая на крыше хора; и отсюда следующие замечания со стороны мистера Тернера [113]: — "Здесь мы имеем точную копию ирландских часовен с каменными крышами, самая знаменитая из которых, часовня Кормака в соборе Кашел, появляется со всех сторон. по рисункам и описаниям, которые я видел, это

полностью нормандское здание. Ледвич утверждает, что "эта часовня действительно саксонская и была возведена до появления нормандского и готического стилей". [114] Если мы согласимся с ним, мы только получим доказательство того, что между нормандской и саксонской архитектурой нет существенной разницы; и это утверждение, я полагаю, скоро будет общепризнано. Теперь мы знаем, что на самом деле является нормандским; и небольшое внимание к зданиям на севере Германии может положить конец давно обсуждаемым вопросам, касающимся саксонской архитектуры и часовен с каменными крышами на сестринском острове".

Фото 56. Церковь Святого Николая в Кане.

Ист-Энд.

В восточном торце церкви Святого Николая (см. *табличку [пятьдесятшестой](#)*) можно заметить заметное приближение по стилю к той же части церкви Святой Троицы. Круглая апсида разделена на отсеки тонкими цилиндрическими колоннами; и каждое межколонье заполнено парой окон сравнительно большого размера, расположенных одно над другим, в то время как ряд узких глухих арок занимает нижнюю часть. Верхушка каждой из этих меньших арок высечена из цельного камня. Высота крыши в этой части церкви настолько больше, чем на хорах, что почти оправдывает подозрение, что она не была частью первоначального плана, а была пристройкой к последующей, хотя, конечно, и не отдаленной эпохе. Если бы линия его

была продолжена до центральной башни, она полностью загораживала бы находящиеся там окна. Несоответствие, наблюдаемое в стиле его архитектуры, также, возможно, можно рассматривать как подтверждение того же мнения. Но, действительно, как уже неоднократно отмечалось в этой работе, никакие выводы, сделанные на основе стиля, не должны приниматься без крайних колебаний. Очень разумная дискуссия по этому вопросу, проиллюстрированная самой церковью Святого Николая и двумя соседними церквями Троицы и Святого Стефана, недавно появилась в одном из самых популярных английских периодических изданий, вышедшем из-под пера писателя, обладающего глубочайшими знаниями предмета и одаренного наиболее всеобъемлющими и ясными взглядами [115]. Было бы несправедливо по отношению к читателям этого труда не извлечь его по данному случаю. Это отменяет необходимость в каком—либо трудоемком описании внутреннего убранства здания.-

“Когда наблюдается четкая градация стиля, естественно заключить, что эти архитектурные разновидности, исходящие от одного прототипа, каждое из которых четко различимо, но переходящие в другое незаметными оттенками, последовательно развивались через определенные промежутки времени. Это рассуждение, хотя и основывается на законных предпосылках, может быть ошибочным, что доказано в Кане, где три церкви—ровесницы, вероятно, возведенные одним и тем же архитектором, отличаются такими замечательными изменениями норманнско-романского стиля, что, если бы мы не были знакомы с фактами, мы вполне могли бы предположить, что они ознаменовали прогресс архитектуры на протяжении трех с половиной столетий. Николас, первое из этих зданий, было построено монахами аббатства Святого Стефана где-то между 1066 и 1083 годами. Первоначальные линии отличаются простотой и правильностью. Все капители колонн, вделанных в боковые стены, выполнены одного порядка; и капители опорных колонн, которые почти похожи друг на друга, столь же однородны. Восточный конец заканчивается апсидой, фасад которой напоминает внешний вид Пизанского собора. Три круглые арки, поддерживаемые пилястрами в коринфском стиле, образуют западный портал. Первоначальные поперечные своды боковых проходов сохранились до сих пор: они лишены переключин и имеют римскую конструкцию, и весь интерьер показывает, что архитектор пытался воссоздать модели великого города.—Если мы перейдем отсюда к соседней церкви аббатства Святого Стефана, возведенной в тот же период, мы заметим, что концепция архитектора более нормандская, чем в церкви, которую мы покинули. Неф разделен на отсеки опорами, чередующимися с круглыми колоннами меньшего диаметра. Опора состоит из пилястры, увенчанной цилиндрической колонной, продолжающейся примерно на четыре пятых высоты крыши. Затем из него поднимаются две цилиндрические колонны; так что с этой точки вверх пирс превращается в сгруппированную колонну: угловые кронштейны, выполненные в виде узлов, гротескных голов и листья, прикреплены к основаниям производных колонн. Смелая лепнина с двойными заготовками продолжается ниже верхнего этажа, окна которого приспособляются к двойному расположению проемов нефа; то есть более высокая арка обрамлена аркой поменьше, с правой или с левой стороны, в зависимости от ситуации; они поддерживаются короткими массивными колоннами; а вокруг окон проходит рельефная лепнина. Эти черты выполнены в нормандском стиле, но в других частях церкви архитектор снова использует латинизацию, как в церкви Святого Николая. Опоры арок прохода имеют значительную ширину: колонны под каждым углом соединены четко очерченным архитравом, идущим вдоль передней части опоры и расположенным между капителями и пружинами хорошо выточенной полукруглой арки.

Трифорий состоит из ряда полукруглых арок, почти одинакового пролета с нижележащими. Перспектива здания величественная и дворцовая. Вечером, когда он освещен лишь несколькими слабо горящими свечами, эффект отблесков света, отражающихся от арок и колонн, особенно прекрасен. За центральной аркой, поддерживающей башню, все погружено во мрак, за исключением того, что в конце хоров звездный свет едва пробивается через самые верхние окна над алтарем.—В церкви Святого Стефана ведущие идеи архитектора все еще находились под влиянием римской базилики; третью и более причудливую модификацию можно наблюдать в церкви Святой Троицы того же периода. Здесь простенки уже; колонны, поддерживающие арки приделов, следовательно, сдвинуты ближе друг к другу, а архитрав менее заметен, чем в соборе Святого Стефана: там рельефная лепнина ограничена приделом; в нынешней церкви она огибает главные арки; и вместо высокого трифория, который венчает боковые приделы, стены, которые мы сейчас описываем, пронизаны галереей, поддерживаемой неправильно распределенными колоннами, капители которых демонстрируют всевозможные гротескные изобретения. Смелые архивольты под центральной башней украшены нормандским ромб: они круглые; но восточная арка, которая проходит выше остальных, тупо заострена, хотя она, очевидно, того же времени, что и ее соседи”.

Приход Святого Николая расположен за стенами Кана, в той части пригорода, которая известна под названием *Ле-Бур-л'Аббе*, поскольку до революции находилась под юрисдикцией настоятеля монастыря Святого Стефана. В тот же квартал был также включен приход Сент-Уэн, а также часть приходов святого Стефана и святого Мартина. Две последние упомянутые церкви были переданы в самый ранний период истории Кана капитулом собора Байе королеве Матильде в обмен на какие-то другие привилегии, и она даровала их монахиням своего нового монастыря Святой Троицы. Но растущая мощь конкурирующего монастыря, построенного ее мужем, естественно, заставила его обитателей с тоской поглядывать на церкви, находящиеся в непосредственной близости от них. Споры увенчались успехом, и монахи Святого Стефана воздвигли церковь святого Николая, чтобы их пригород больше не мог оставаться без религиозного сооружения, которое полностью зависело от них самих. Наконец мир был восстановлен посредством хартии герцога, датированной 1083 годом, согласно которой Святой Николай был признан приходским, аббатисе был предоставлен эквивалент ее власти в ее собственном квартале Сент-Джайлс, а соответствующим приходам Святого Стефана и Святого Мартина было разрешено сохранить все, чем они владели в Бург-л'Аббатстве, за исключением пяти семей, прямо указанных в хартии. Эти пять были переданы святому Николаю; и, чтобы обеспечить святому определенное увеличение числа приверженцев в будущем, было добавлено условие, согласно которому каждый дом, который может быть построен в будущем в этом пригороде, должен принадлежать его приходу. Следовательно, двум другим святым не сохранилось ничего, кроме земли, покрытой стоявшими тогда многоквартирными домами, числом шестьдесят семь; и необходимым следствием этого было то, что с этого периода до 1790 года, когда все было перестроено, границы нескольких приходов были крайне запутанными и нерегулярными. Мало того, что соседние дома принадлежали разным приходам, но линия часто проходила между различными квартирами одного дома или даже разделяла сами квартиры.

Церковь Святого Николая, обязанная своим существованием монахам аббатства Святого Стефана, еще некоторое время продолжала принимать своих настоятелей из числа братии этого монастыря. В последующий период монахи, после того как они передали заместителям выполнение своих религиозных обязанностей, все еще пытались сохранить свое главенство; но в конце концов они были вынуждены отказаться от него; и служители Святого Николая

пользовались теми же правами, что и другое духовенство Кана, хотя церковные привилегии настоятеля оставались неприкосновенными.

К церкви Святого Николая была пристроена гильдия, в первые списки членов которой были внесены имена самых выдающихся людей города и окрестностей. Святой Николай в далекие времена был объектом особого почитания, и общество, созданное под его патронажем, естественно, пользовалось его известностью. Аббат Де ла Рю также утверждает, что именно из этой церкви в двенадцатом веке были вынесены так называемые *апостольские постановления*. Они получили свое название от того, что их произносили уполномоченные, делегированные Папой для принятия решений по вопросам, касающимся канонического права; и многочисленные обращения в римский суд в тот период обусловили необходимость частого принятия таких решений.

СНОСКИ:

[113] *Тур по Нормандии*, II. стр. 176.

[114] *Древности Ирландии*, стр. 151.

[115] *Ежеквартальный обзор за июнь 1821 г.*, стр. 120.

ТАБЛИЧКА LVII.

ЦЕРКОВЬ ШЕ.

Фото 57. Церковь Ше близ Кана.
С северо-востока.

Самое раннее упоминание о Ше, маленьком провинциальном городке, расположенном примерно в девяти милях к западу от Кана, можно найти в хартии, выданной Завоевателем примерно в 1077 году для основания его аббатства Святого Стефана. Король в этом инструменте, после благочестивой проповеди, декламирующей, что он был приведен к святому делу ожиданием получения отпущения своих грехов и стократной награды на небесах, помещает в качестве самого первого из даров, предназначенных для пожертвования растущего монастыря, город Ше. Он также недвусмысленно называет Ше и четыре следующих непосредственно за ним места *виллами юрис мей*, имея в виду, как справедливо замечает г-н де Жервиль, провести различие между теми пожертвованиями, которые исходили непосредственно от него, и теми, которые исходили от любого из его подданных и не нуждались ни в чем, кроме ратификации с его стороны. Возможно, не будет лишним сделать еще одно замечание по поводу этой части хартии, столь же любопытно иллюстрирующей нравы того времени, как характер феодального правления и способ набора в армию. Уже в следующем абзаце проводится различие между правами двух разных классов людей, *coloni* и *conditionarii*, причем последнее объясняется словами самой хартии, означающими *свободных людей* ("свободные люди"). Герцог закрепляет за аббатством сами города вместе с их жителями, мельницами, водоемами, лугами, пастбищами и лесами; а также со всеми доходами и таможенными, получаемыми от них, поскольку ими пользовался он сам или любой из его предшественников. Он также прямо оговаривает, что те из жителей Ше и Ротца, которые не владеют *квартирами во франкоязычных районах* ("*qui francam terram non tenent*"), должны быть исключительно посвящены служению церкви и монахам, чтобы не подвергаться никакому призыву, возникающему в связи с военными экспедициями или по другой причине, если только сам принц лично или письмом не прикажет аббату отправить их. Даже в последнем случае он обязуется называть каждого по имени и никогда не вызывать их, за исключением случаев, когда провинция будет захвачена чужеземным врагом; и ни в коем случае не требовать их услуг за пределами герцогства.

В то же время, когда дети Завоевателя подтвердили все пожертвования, сделанные их отцом аббатству Святого Стефана, Роберт, его преемник на герцогском троне, добавил привилегию ежегодной ярмарки в Ше и еженедельного базара: последний в XII веке проводился по воскресеньям, но впоследствии по приказу короля Иоанна был перенесен на вторник. После восшествия на престол Генриха II. герцогству была выдана еще одна обширная хартия в пользу королевского аббатства; и в ней снова упоминается Ше. Король не только следует примеру своих предшественников, отказываясь от всех прав на него, но и дает свое королевское согласие в следующих выражениях на две покупки, которые были сделаны в нем: "Уступаем право покупки Виллельмусу Аббасу, Джоанни, филии Конани, Канонико Байоченси, силисет, всему земельному шару Сеусио, что касается феудо С. Стефани; 23 либр. annual; et emptionem quam fecit Willelmus Abbas, a Radulpho, fratre Vitalis, scilicet, sex acras terræ, quam tenebat in feodu de prædicto sancto in Ceusio, pro quibus faciebat serraturas portarum Ceusii, pro C. solid. перепись населения".

С того времени и до революции Ше продолжал оставаться одним из главных владений аббата Святого Стефана. Согласно территориальному делению древней Франции, он составлял часть того, что называлось *выборами* Кана, и был включен в архидьяконство Байе и благочиние Фонтенэ. Революция, вводящая новое устройство вместе с новым набором условий, перенесла его в округ Кан и в кантон Тилли.

Церковь является прекрасным образцом нормандской архитектуры; примечательна по своему плану тем, что хоры значительно шире нефа. Восточная часть башни состоит из трех отдельных частей, неодинаковых по размеру, центральная из которых самая узкая, как это поразительно имеет место в церкви в Грейт-Ярмуте; но все они одинаковой высоты, а каждая из боковых в точности равна по своей ширине длине трансепта, к которому она пристроена; и, таким образом, хоры и трансепты, взятые вместе, образуют почти квадрат, за исключением того, что к концу среднего отделения пристроена круглая апсида необычно маленького размера; и, если смотреть изнутри церкви, эта часть в точности соответствует длине трансепта, к которому она пристроена. диспропорция становится еще более заметной: большая толщина стены неизбежно значительно сокращает пространство. Даже бросается в глаза, что она меньше, чем есть на самом деле, из-за того, что разделена на ряд небольших арок; которые вместе со сводчатой крышей, освещенной чрезвычайно узкими окнами внизу и большими вверху, придают этому концу церкви очень своеобразный вид.

ТАБЛИЧКА LVIII. И LIX.

БИВИЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

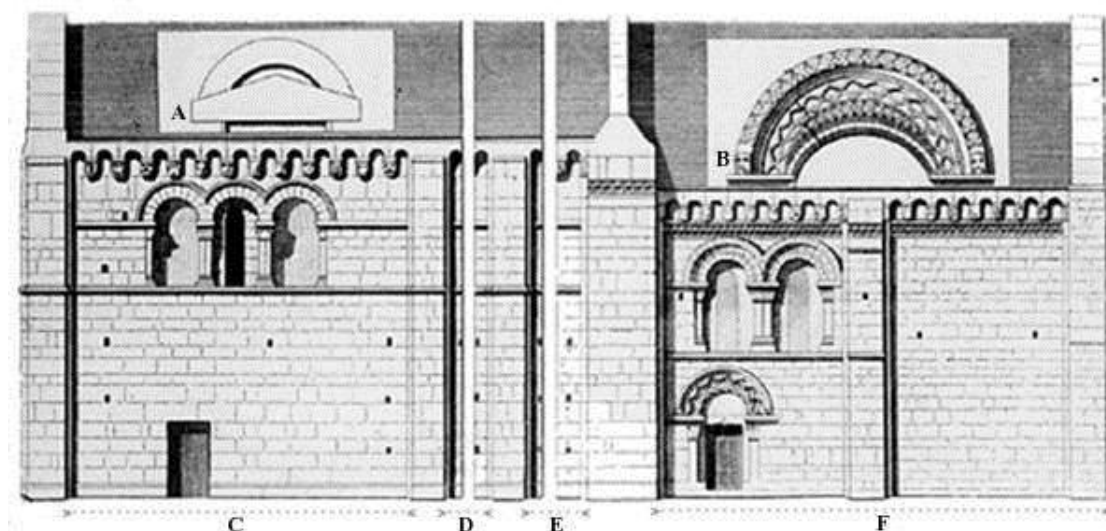
Табличка 58. Церковь Бивиль близ Кана.
С северо-запада.

Только рассматриваясь как любопытная реликвия древней церковной архитектуры, церковь Бивилиа может претендовать на какое-либо внимание. История, даже в ее низшем отделе,

топографии, совершенно умалчивает как о здании, так и о приходе, за исключением того, что церковь находилась в ведении королевского аббатства Святого Стефана в Кане; хотя даже в таком виде она появляется только в середине четырнадцатого века, когда упоминается в одном из реестров епархии Байе. Он находится примерно в четырех милях к северу от Кана.

В целом Бивильская церковь, вероятно, не имеет аналогов ни в Нормандии, ни в Англии. Только верхний этаж башни относится к более поздней эпохе, и *это* самый ранний стиль остроконечной архитектуры: все остальное строение чисто нормандское и отличается чрезвычайной простотой. Церковь Святого Петра в Нортгемптоне, как говорят, возведенная Симоном де Сен-Лиз во время правления Вильгельма Завоевателя, окружена на высоте верхнего этажа рядом небольших арок, сходных по своим пропорциям и украшениям с арками в Бивиле; но там они продолжают непрерывной линией вокруг здания, в то время как в Бивиле они занимают лишь сравнительно небольшую его часть. В нефе этой последней церкви они регулярно расположены тройками, в центральной из которых прорезано только окно, и каждая тройка разделена плоским нормандским контрфорсом.

Западный фасад, представленный на *фото [пятьдесят восьмом](#)*, разделен простыми струнными на три этажа разной высоты: в подвале находится только дверь, в которую ведет богато орнаментированная арка (см. *Фото [пятьдесят девятый](#), рис. Б.*), увенчанная широким выступающим камнем, украшенным четырехлистниками и заканчивающимся на каждом конце человеческой головой классического характера. Нижняя лепнина этой арки значительно более уплощена, чем верхняя, что является особенностью, которая также наблюдается во внутренней арке главного входа в монастырь Касл-Акр в Норфолке. [\[116\]](#) На втором этаже расположены шесть арок, поддерживаемых восемью колоннами, с капителями и основаниями обычного характера: даже они, будучи смежными, разделены на два равных ряда вмешательством плоского пространства в центре, настолько узкого, что напоминает пилястру. Здесь также, как и в нефе, центральная арка каждого отсека отдельно прорезана для окна.—На верхнем этаже есть только одно окно, точно такое же, как те, что внизу, но обрамленное с каждой стороны круглым, подобным тому, что находится перед соседней часовней *Деливранда*: [\[117\]](#) или, если искать сравнение среди нормандских зданий в Англии, с башнями Норвичского собора; [\[118\]](#) в той же части церкви Святого Иакова в Бери-Сент-Эдмундс; [\[119\]](#) и в восточном конце церкви больницы Святого Креста. [\[120\]](#) С точки зрения общего характера западный фасад церкви Бивилля вполне уместно сравнить с часовней *Деливранда* или госпиталем Святого Леонарда в Стэмфорде, как это изображено Картером. [\[121\]](#) Башня церкви в Бивиле хорошо рассчитана для того, чтобы служить образцом башен деревенских церквей, расположенных на расстоянии двадцати миль вокруг Кана. Среди прочих, города Сумон, Иф, Суланжи, Потиньи и Нижняя Аллемань на юге, а также Лион, Эстрахам и еще несколько на севере очень напоминают его.

Табличка 59. Церковь Бивиль близ Кана.
Высота и детали.

Табличка *пятьдесят девять*, как полностью архитектурная, лучше всего будет понята по набору регулярных ссылок на различные темы, которые она охватывает.

А. Дверной проем на северной стороне нефа, примечательный своей перемычкой или фрамугой в виде фронтона, от которого поднимается арка, окруженная единственной широкой, простой плоской лепниной. Похожий пример есть в церкви Мартинваст, недалеко от Шербура; но фронтон там имеет более явно коническую форму. [122] Фрамуги часто встречаются в Нормандии и имеют различную скульптуру; от грубого креста, либо отдельно, либо в окружении тросовой лепнины, до сложных изображений распятого Спасителя или других сюжетов из священного писания. Непристойные предметы, которые так часто встречаются на фрамугах в Англии, очень редко встречаются в герцогстве: автор настоящей статьи не припоминает, чтобы встречался с какими-либо из них; и более обширные исследования мистера Котмана познакомили его только с единственным примером - кентавром, выпускающим стрелу в оленя в церкви Урвиля, близ Валони.

Б. Большой западный вход, (уже описанный.)

С. Первое отделение нефа с запада, показывающее структуру и расположение арок и очень плоские контрфорсы с двойным выступом, первый из которых равен только карнизам. Дверь с квадратной головкой выглядит современно. Несколько скульптур на карнизах являются точной копией скульптур, украшающих церковь Святой Троицы в Кане.

Д. и Е. Части других отсеков нефа, чтобы получить полное представление о которых, необходимо только нанести пунктирные линии ниже той же длины, что и на С; детали и их расположение точно такие же, за исключением двери.

Ф. Возвышение хора, которое разделено на две равные части плоским контрфорсом, обрамленным с каждой стороны тонкой цилиндрической колонной. Из этих частей одна довольно простая, за исключением только поясного столика и орнаментированного фриза внизу. В другом есть две арки, недавно перекрытые, похожие на арки нефа, но с более богатой внешней лепниной. Дверь под ними имеет ту же особенность в виде капельного камня,

поднимающегося над скульптурными головами, что и у западного входа. Фриз под карнизами очень похож на фриз в аналогичной ситуации в церкви Святой Троицы (см. *Табличку тридцатьедин*) и точно так же продолжается над контрфорсами, а также вдоль отступающей части между ними.

СНОСКИ:

[116] Фигурирует в *"Архитектурных древностях Бриттона"*, III. pl. 2.

[117] Фигурировал в *турне Тернера по Нормандии*, II. стр. 295.

[118] *Норвичский собор Бриттон*, стр. 33, стр. 6.

[119] *Архитектурные древности Бриттона*, III. стр. 80.

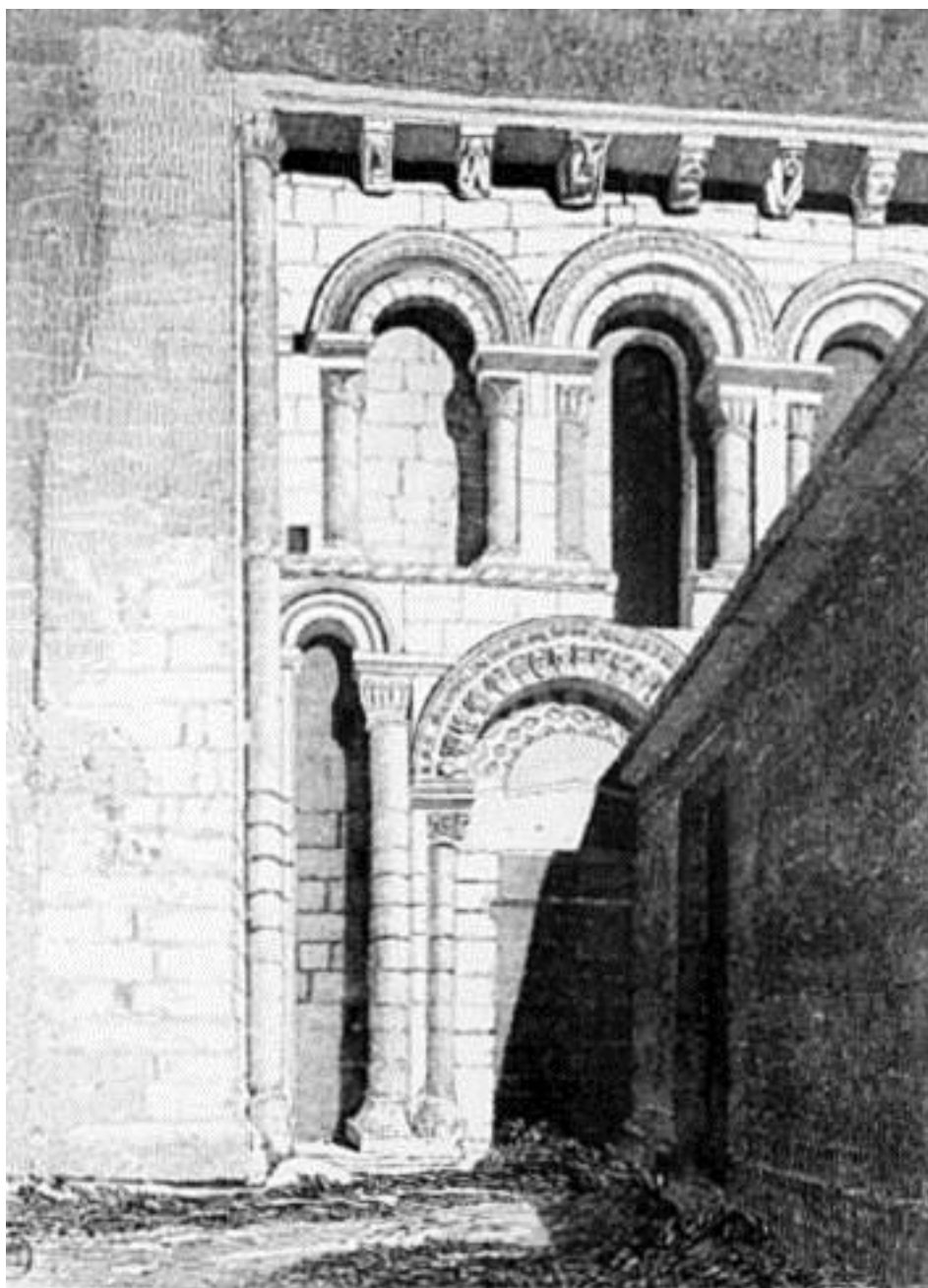
[120] *Антикварный и топографический кабинет*, V.

[121] *Древняя архитектура*, стр. 24.— В описании этого здания, стр. 33, мистер Картер говорит о нем как о *саксонском* происхождении; и в хронологической таблице, приложенной к его работе, он относит его к третьей из четырех эпох, на которые он делит свои образцы *саксонской* архитектуры.

[122] Еще более замечательный пример находится в церкви Эссингтон, Глостершир, изображенной Картером в его книге *"Древняя архитектура"*, стр. XV. рис. X. Перекладина там образована из части восьмиугольника, поднимающейся из горизонтальной торообразной формы, которая заканчивается по спирали вокруг двух головок. Лев и грифон заполняют пространство внутри.

ТАБЛИЧКА LX. И LXI.

ЦЕРКОВЬ ФОНТЕН-ЛЕ-АНРИ, БЛИЗ КАНА.

Табличка 60. Церковь Фонтен-ле-Анри близ Кана.
Северная сторона Алтаря.

Приход Фонтен-ле-Анри расположен примерно в восьми милях к северу от Кана, непосредственно примыкая к Тэну, церковь которого уже фигурировала в этой работе. Реестр доходов, относящихся к епархии Байе, составленный около 1350 года и широко известный под названием *livre pelut* (*liber pelutus*, или *пергаментная книга*), содержит лишь следующее краткое уведомление о нем: “Ecclesia de Fontibus Henrici lx Libras.—Dnus dicte ville.—Архидиаконатус де Кадомо.—Деканатус де Довра.” В “*Галлии христианской*” и других подобных работах об этом приходе вообще ничего не упоминается.

Согласно современному делению Франции, Фонтен-ле-Анри входит в состав кантона Крюйи: название деревни, к благочинию которой она раньше относилась, не может не поразить слух

англичанина, поскольку совпадает с названием знаменитой гавани на его родном острове, обычного места высадки из Кале. Но обычно предполагается, что английский Дувр, поскольку изначально был римской станцией, получил свое название от римлян; и Дарелл в своей "Истории замка", опубликованной Гроузом, [123] высказывает свое мнение, что у древних британцев он назывался *Рупекестер*, но после римского вторжения получил новое название *Дофрис*, *Добрис* или *Дорис* "вследствие заполнения или заграждения гавани"; "Доафер", как он замечает несколькими страницами ранее, "означало на языке того времени закрытую гавань или труднодоступную гавань". Еще более высокий авторитет, ученый епископ Хьюэ, [124] относит слово *Douvres* к числу тех, происхождение которых следует искать в древнем языке Галлии, и предлагает два производных: одно от *Dufyrria*, возвышенности; другое от *Dvvr*, термина, обозначающего воду. Таким образом, не высказывая никакого собственного мнения, он оставляет этот вопрос своему читателю с "утрум хорум мэвис элидж".

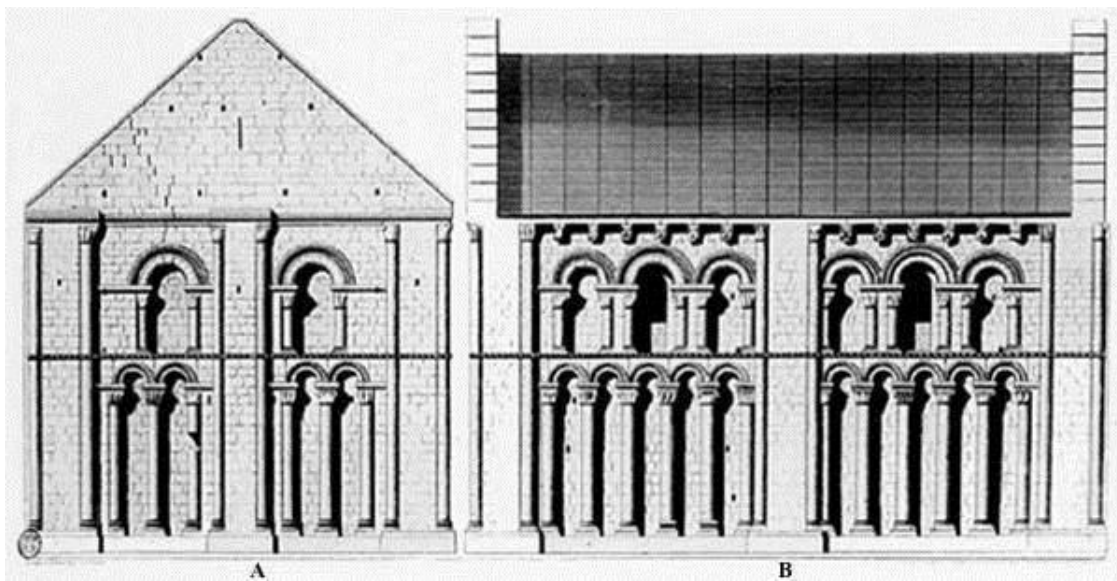
Нормандская деревня Дувр известна более чем по одному свидетельству: это было место рождения Томаса Дуврского, раздававшего милостыню Завоевателю и возведенного им в сан архиепископа Йоркского в 1070 году; Сэмпсона Дуврского, его брата, возведенного в сан епископа Вустерского в 1097 году; и второго Томаса Дуврского, племянника первого носителя этого имени, который в 1109 году удостоился исключительной чести быть избранным сразу на епископский престол Лондона и архиепископский престол Йорка; последний из которых он согласился. Его брат, Ричард, носил в то же время митру Байе.—Дувр был главным городом одного из семи баронств, которые образовывали епископскую резиденцию епископов Байе. В течение тринадцатого и двух последующих столетий он также был выбран в качестве их загородной резиденции. В его пределах находится часовня *Деливранда*, [125] говорят, что она была основана святым Регнобертом, вторым епископом епархии, и до сих пор пользуется высочайшей репутацией за свою святость.

Архитектура церкви Фонтен-ле-Анри явно нормандская и отличается смелым и благородным стилем, напоминающим своим общим характером, а также отдельными чертами аббатские церкви Святого Георгия и Святой Троицы. Следовательно, хотя о фактическом основателе не осталось никаких сведений, нет места для сомнений относительно эпохи основания. По этому поводу можно заметить, что в Нормандии, как и в Англии, очень редко удается получить информацию об этих подробностях, когда одно и то же лицо соединяло в себе черты лорда деревни и покровителя живущих. Только там, где бенефиции находились в руках религиозных домов, такие в целом неважные события, как строительство и ремонт деревенских церквей, считались заслуживающими упоминания.

Что касается различных владельцев Фонтен-ле-Анри, то много информации можно почерпнуть из "Истории дома Харкорт" Ларока. Кропотливый автор, завершив свой общий отчет о нормандской знати в одном томе-фолианте, посвятил четыре других генеалогии и судьбе этого единственного прославленного семейства. Из него явствует, что в период, когда Нормандия находилась под властью своих собственных герцогов, приход Фонтен-ле-Анри находился в руках семьи Тилли, одного из которых можно найти среди соратников Завоевателя в его походе на Англию. В начале XIII века, во время правления короля Иоанна, они владели графством Фонтен-ле-Анри совместно с кастеляном Тилли. Упоминание о них неоднократно встречается в Церковной истории Ордерика Виталиса, а также в анналах аббатств Святого Стефана и Арденн близ Кана; и именно от имени при крещении Генрих, обычно носимого той их ветвью, которая была владельцами Фонтена, приход получил свое нынешнее отличительное название; различие

не в малой степени необходимо, учитывая, что в Нормандии есть пятнадцать других мест, называемых общим именем Фонтен. Джон де Тилли, последний представитель мужской линии семьи, которые были лордами Фонтен-ле-Анри, умер около 1380 года: ему наследовала его сестра Джейн, которая в 1382 году вышла замуж за Филиппа Д'Аркура и таким образом добавила собственность к огромным владениям Харкорттов.

The [Первая](#) из табличек, предназначенных для этого здания, охватывает только часть западного отсека южной стороны алтаря, нарисованного в быстрой перспективе, вид сделан непосредственно из-под карниза, чтобы охватить софит арок и выступающую лепнину. Здесь, как и в Бивиле, перемычка или фрамуга входной арки [\[126\]](#) принимает форму фронтона, но опирается на косяки дверного проема на уровне капителей. К примерам аналогичного образования, приведенным в предыдущей статье, следует добавить весьма примечательное образование в церкви Пен в Сомерсетшире, изображенное в *Антикварном и топографическом кабинете*. На перемычке изображен Агнец, несущий Крест, заключенный в круг, по обе стороны от которого находятся неопишуемые животные; все это поддерживается двумя коронованными головами, размещенными в нишах в косяках.

Табличка 61. Церковь Фонтен-ле-Анри близ Кана.
Возвышения восточного конца Южной стороны Алтаря.

Ниже приводится описание различных частей *таблички [шестьдесятодин](#): [127]-*

А. Восточный конец алтаря. Центральный контрфорс, обрамленный, как и два боковых, цилиндрическими колоннами, делит эту часть церкви на две равные части. Общий вид этих контрфорсов и то обстоятельство, что они опираются на выступ и цоколь, почти оправдывает название их пилястрами; а те, что расположены с северной стороны алтаря,

Рисунок Б, предполагающий, что характер еще более решительный, не имеющий выступа за пределы карниза, который они поддерживают в качестве антаблемента. Следует отметить, что все здание возведено на цоколе смелого характера; и мистер Котман справедливо замечает, что алтарь может рассматриваться как образец прекрасных пропорций и изысканной отделки.

Что касается нормандских контрфорсов, то он придерживается мнения, что в зданиях высочайшей древности их вообще не было; и что сначала они были добавлены просто в качестве украшения, чтобы нарушить монотонный вид длинного непрерывного пространства ровной стены. Действительно, нормандские стены, обычно от шести до десяти футов в толщину, едва ли могли требовать какой-либо дополнительной прочности от внешних объектов; и меньше всего они могли получить ее от выступа не более чем на такое же количество дюймов. Даже там, где контрфорс был добавлен к контрфорсу, как в северной части часовни больницы Сен-Жюльен, недалеко от Руана, [128] и в некоторых других случаях можно почти поставить под сомнение, была ли поддержка единственным обстоятельством, предусмотренным архитектором. Двойные контрфорсы собора Святого Жюльена едва ли могли не быть ровесниками здания, как явствует из того, что над ними непрерывной линией тянется струнная дорожка, факт, который был упущен из виду при описании часовни.

СНОСКИ:

[123] *История Дуврского замка*, стр. 8.

[124] *Происхождение из Кана*, стр. 315.

[125] Смотрите *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 295; где описана и изображена эта часовня.

[126] Мистер Котман отмечает, что многое можно было бы сказать в связи с этим дверным проемом, по поводу украшений арок с полукруглыми головками в Нормандии и Англии. Но, ограничиваясь головами особого гротескного характера, изваянными на арке в Фонтен-ле-Анри, он замечает, что они, хотя и не являются большой редкостью в Британии, встречаются в герцогстве крайне редко; настолько, что он не может вспомнить никаких других их образцов, кроме тех, что изображены на большой арке, отделяющей неф от алтаря, в церкви Бериньи, недалеко от Сен-Ло, и на другой, расположенной с южной стороны церкви Брашвиль-пре-ле-Гран. Главы, в этом последнем случае, точно такие же, как в церкви Иффли в Оксфордшире (см. *Хронологические и исторические иллюстрации древней архитектуры Бриттон*); но они ограничены только архивольтом, в то время как в Иффли они расположены в двойной ряд и образуют широкие полосы, которые окружают колонны, а также вершину арки. В Англии есть следующие примеры, большинство из которых фигурируют в работах Бриттон и Картера:—

- Южный вход в церковь Святого Петра, Оксфорд.
- -Церковь Святого Петра в Расене, Линкольншир.
- -Церковь Эрлс-Бартон, Нортгемптоншир.
- Северная дверь церкви Лаллингтон, Сомерсетшир.
- Архитрав на восточной стороне кладбищенских ворот Кентерберийского собора.
- Западный вход в церковь Кенилуорт.
- Южный вход церкви Мурвинстоу, Корнуолл.
- Арки в нефе то же самое.
- ---Церковь Ваймондхэм, Норфолк.
- Западный вход в церковь Бартон-Сент-Мэри, то же самое.

[127] К сожалению, в названии этой таблички указано, что она представляет *Восточный конец южной стороны алтаря, а не Восточный конец и the north side of the chancel*.....

[128] См. стр. 44.

ТАБЛИЧКИ LXII.-LXV.

CHÂTEAU OF FONTAINE-LE-HENRI.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КВАРТАЛ ФОНТЕН-ЛЕ-АНРИ.

ДОМ НА ПЛОЩАДИ ПУСЕЛЬ В РУАНЕ.

ДОМ НА УЛИЦЕ СЕН-ЖАН, В КАНЕ.

Фото 62. Замок в Фонтен-ле-Анри, недалеко от Кана.

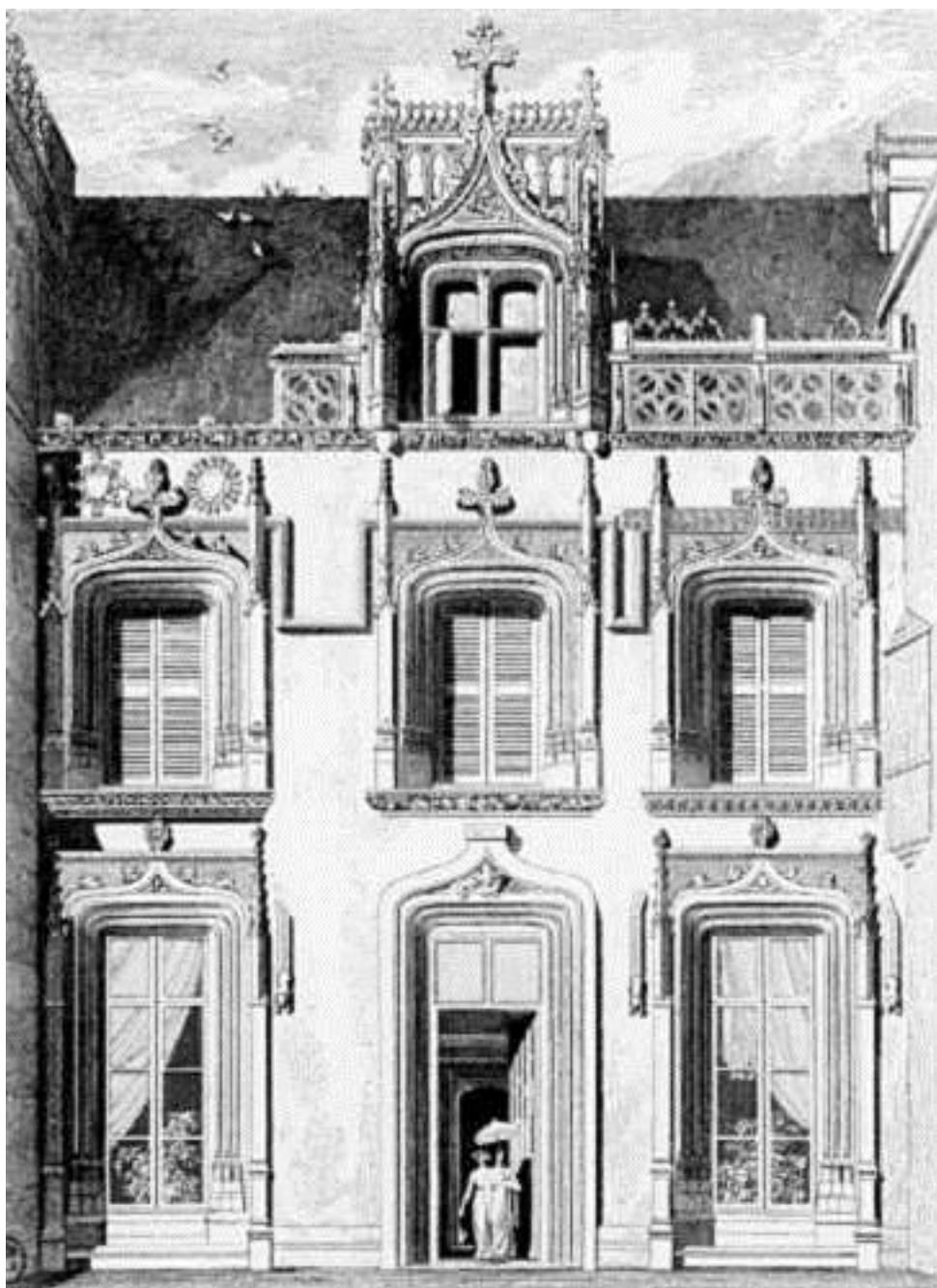
В рамки данной работы не входит попытка сделать что-либо в форме диссертации о древней домашней архитектуре Нормандии, и, если предположить, что такая цель желательна, нынешнее состояние герцогства не предоставит материалов для этой цели. Любитель исследований архитектурной старины как только обращает свое внимание на ту область своего предмета, которая, как имеющая тенденцию к выяснению привычек его предков, была бы особенно интересна, он обнаруживает непреодолимое препятствие, препятствующее его

прогрессу. Усердие церковников и гордость баронов сохранили нам многие благородные реликвии церковных зданий и крепостных замков; но частная резиденция более скромного человека ни в одной части земного шара не смогла обеспечить себе ничего, что приближалось бы к длительному существованию. То, что было возведено только для удобства, само по себе не предназначалось для вечности; и меняющиеся вкусы сменяющих друг друга жильцов, перемены моды или, что действует даже сильнее всего, перемены судьбы, сговорились в значительной степени подвергнуть эту часть человеческого труда той изменчивости, которая является общим уделом человеческих начинаний. В ранние времена состояние общества также мощно действовало в направлении создания такого же разрушительного эффекта. Когда даже монарх не мог иначе обеспечить безопасность своего дворца, кроме как окружив его крепостными стенами, жизнь в постоянной тревоге не давала его подданным никакого стимула к развитию искусства поддержания мира. Общество не знало других классов, кроме сеньора и его вассалов: первые восседали на троне в военном состоянии; вторые были слишком бедны, чтобы ставить свою цель выше жизненных потребностей; или, там, где имелись богатства, слишком подавлены рабством, чтобы осмелиться позволить им проявиться. Следовательно, во времена господства феодальной системы о домашней архитектуре известно очень немногое, если вообще что-либо известно, кроме того, что можно почерпнуть из грубых иллюстраций молитвенников или неудовлетворительных описаний хронистов. Сами памятники исчезли с лица земли; или, если можно привести какие-либо примеры, опровергающие столь всеобъемлющее утверждение, то они немногочисленны и бесполезны по качеству. Максимум, на что можно надеяться, - это на такие изуродованные руины, как Уинуол-Хаус в Норфолке, недавно изображенный мистером Бриттоном в его *хронологических и исторических иллюстрациях древней архитектуры Великобритании*; руины, которые рассчитаны на то, чтобы не вызывать никаких других эмоций, кроме сожаления, и пробуждать любопытство, которое никоим образом не может быть удовлетворено.— И действительно, обширные исследования мистера Котмана не позволили ему встретиться с чем-либо из этого описания, какими бы бедными они ни были, в пределах Нормандии.

В то же время, в соответствии с планом, принятым в этой работе в отношении церковных сооружений, представляется правильным представить читателю некоторые образцы внутренней архитектуры герцогства, которые, хотя и далеки от нормандских времен, почти в такой же степени относятся к нашим дням. Но даже они быстро исчезают; более чем возможно, что три сюжета, выбранные здесь для публикации, в течение нескольких лет будут зафиксированы только на этих листах. Один из них уже сровнен с землей; [129] в то время как более интересный дом на площади Пусель в Руане, хотя и пострадал от продолжения своего существования, настолько пострадал снаружи и пришел в упадок до такой степени, что его снос ни в коем случае не стал бы поводом для удивления.—Образцы, подобные этим, любопытны в своем роде. История искусств: они показывают прогресс, которого достигла архитектура в Нормандии в одну из самых интересных эпох французской истории; они также показывают ее относительное состояние применительно соответственно к гражданским и религиозным целям. И, если все они являются произведениями почти одной эпохи, они в достаточной степени отличаются друг от друга знаками различия.

“История гражданской и домашней архитектуры средневековья - это все же желаемое; и если эта задача в ближайшее время не будет выполнена в Англии, возможность будет упущена навсегда”. Очень здравомыслящий автор, у которого цитируется это предложение, продолжает: “Залы времен Елизаветы почти обветшали. Особняки времен Карла I. стремительно

разрушаются, и каждые четверть века какой-либо класс должен исчезать в результате совместных операций ремонта и разрушения. Города Англии, возможно, представляют собой наихудшие и беднейшие образцы жилых домов: самые лучшие и богатые находятся в Нидерландах. Вряд ли мы можем квалифицировать это утверждение, вспоминая великолепный ряд дворцов, окаймлявших Стрэнд во времена правления Генриха VIII. Наши собственные жилые дома обычно состоят из деревянных каркасов, залитых штукатуркой. Труа в Шампани построен полностью в этом стиле, каждая улица - идеальная 'подделка' под старый Чипсайд. Бове построен в том же стиле, но дома изобилуют резьбой, и хороший художник мог бы проработать там целый год. Многие старинные дома в Кане построены из древесины каштана. Аббат Де ла Рю предполагает, что они были построены англичанами после того, как это место занял Генрих V. в 1417 году. Его 'бомбардировки' разрушили большую часть города во время осады; и после того, как он вернул себе владение, он предоставил места снесенных многоквартирных домов своим английским подданным. При выборе этого материала они, возможно, руководствовались отчасти выбором, как домашней модой, а отчасти необходимостью; поскольку Генри ограничил использование камня строительством и ремонтом "эглизов, шасто и других построек". Король в письмах-патентах объявил, что 'карьеры белого камня' должны остаться за ним и его наследниками навсегда: эта монополия доказывает ценность, в которой хранился канский камень".

Табличка 63. Замок Фонтен-ле-Анри, недалеко от Кана.
Возвышение центрального отделения.

В предыдущей статье уже был дан некоторый отчет о смене владельцев, которой подверглись владения Фонтен-ле-Анри во время правления нормандских герцогов и вплоть до конца четырнадцатого века. Затем поместье перешло во владение Харкорт, в руках которых оставалось значительное время: с тех пор оно переходило к разным владельцам и теперь окончательно стало собственностью виконта де Канизи. Замок (см. таблички [шестьдесят вторая](#) и [шестьдесят третья](#)) - благородное здание и очень характерный образец резиденций французской знати, построенных в последней половине пятнадцатого века, в этот период он, несомненно, был возведен, хотя никаких записей на этот счет не осталось. Фонтен-ле-Анри в то время все еще находился во владении семьи Харкорт, состояние и влияние

которой, естественно, должны были привести к постройке аналогичного здания.—По сравнению с особняками английской знати, замок Фонтен-ле-Анри можно выгодно рассматривать в сочетании с Лонгли в Уилтшире, [130] благородная резиденция маркиза Бата. Возведение последнего было начато только в 1567 году, таким образом, между ними оставался интервал по меньшей мере в полвека; период, вероятно, во многом совпадающий с тем, который, как можно предположить из других документов, прошел между внедрением итальянского стиля архитектуры во Франции и в Англии. Лонгли был построен Джоном Падуанским, который, по словам мистера Бриттона, “в то время был довольно известным архитектором; о чем свидетельствует то, что его называли *разработчиком зданий его Величества*, и грант, предоставленный ему Генрихом VIII”. и возобновлен на третий год правления Эдуарда VI”. Фонтен-ле-Анри также был проектом trans-alpine architects. Оба они несут на себе явные признаки нации, которой обязаны своим происхождением; но в английском особняке итальянские черты наиболее отчетливо выражены, в то время как у французов они поразительно изменены особенностями страны, в которой они были приняты.

Центральное отделение (*тарелка [шестьдесят три](#)*) было выбрано мистером Котманом для публикации как часть структуры, обладающая самым изысканным вкусом. Это также больше всего напоминает Лонгли. Но, с другой стороны, оно наименее украшено. Остальная часть фасада здания покрыта богатым изобилием медальонов, свитков, фриз, балдахинов, статуй и арабесок в виде барельефов, выполненных с необычайной тщательностью и необычайной красоты. Их стиль напоминает *Лоджию Рафаэля*; или, если сравнить их с другим нормандским предметом той же эпохи, скульптурами мавзолея кардинала д'Амбуаза в Руанском соборе: действительно, по тонкости исполнения они могут почти соперничать с украшениями этого широко известного памятника. [131]

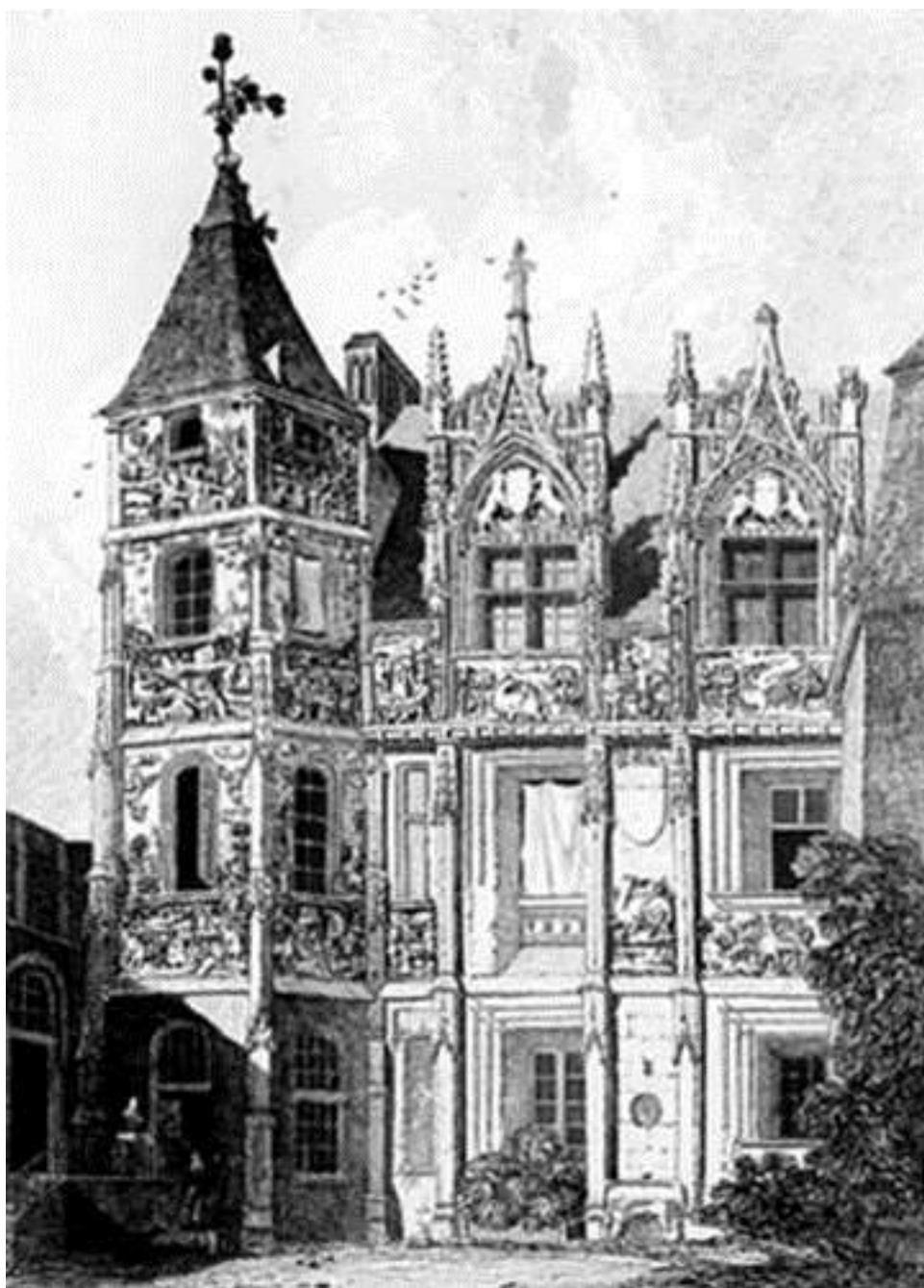

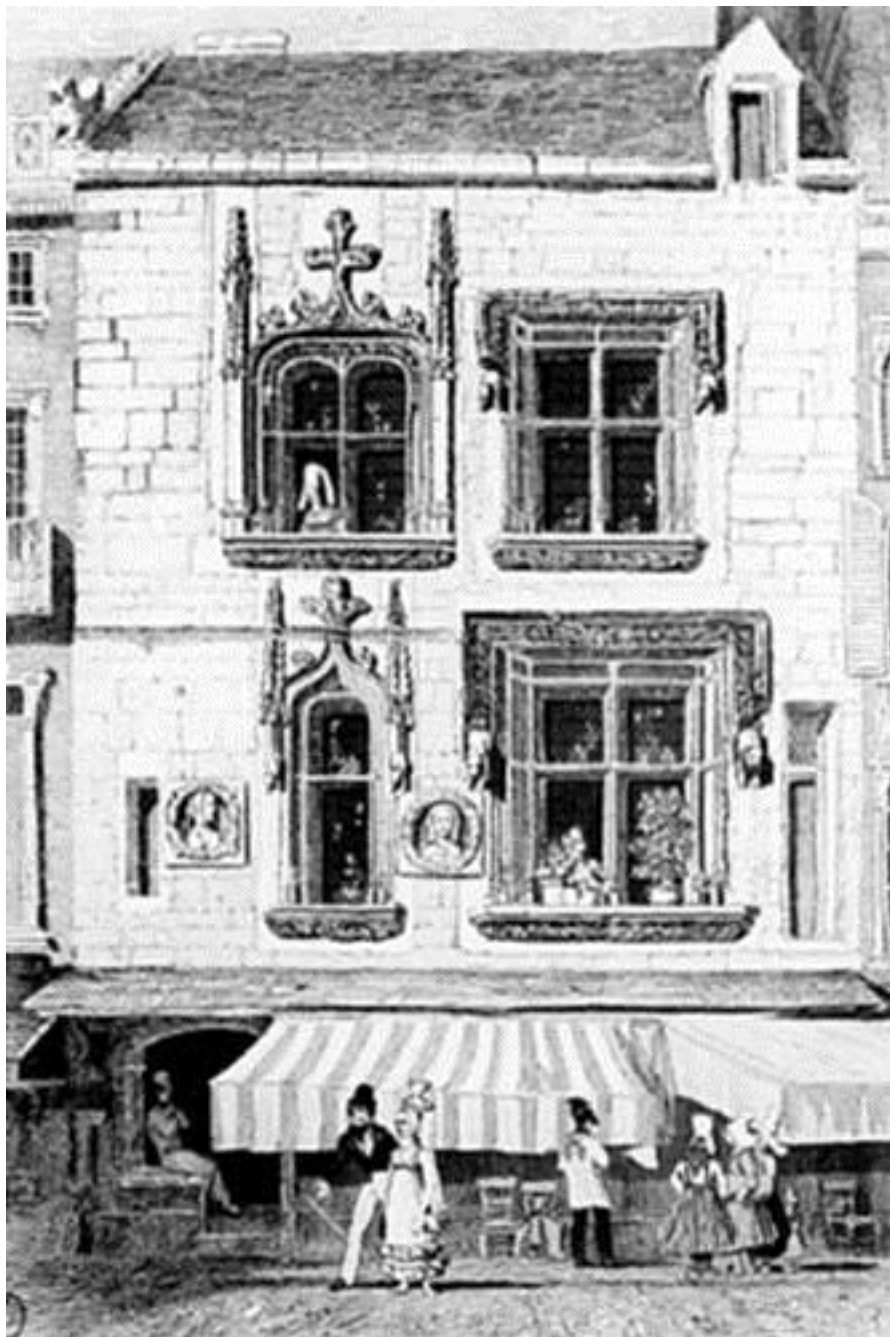
Фото 64. Дом на площади Пусель в Руане.

За рисунок второго из представленных здесь домов на *площади Пусель* в Руане (см. *Табличку [шестьдесят четыре](#)*) мистер Котман должен признать, что он в долгу перед карандашом мисс Мэри Тернер. Руан изобилует зданиями, фасады которых украшены в несколько схожей манере, но ни одно из них не выдержит сравнения с этим по роскоши своего убранства. [\[132\]](#) С другой, более важной точки зрения, рассматриваемый дом не имеет себе равных; в его крыле, которое не показано на настоящей табличке, представлена серия изображений, иллюстрирующих различные события, связанные с рыцарской встречей *на поле золотых знамен*. Эти рисунки уже были выгравированы: они были впервые опубликованы Монфоконом; затем скопированы Дюкарелем; и совсем недавно два из них снова появились в публикациях г-на Дибдина [\[133\]](#) и г-

на Тернера. [134] Последний из этих джентльменов подробно описал это здание; и следующий отчет о нем заимствован почти дословно с его страниц:—

“На площади, получившей дурную славу после варварской казни Девы д'Арк, во дворе стоит здание, ныне занимаемое школой для девочек, того же уровня, что и *Дворец правосудия*, и в том же *бургундском стиле*, но гораздо богаче скульптурами. Весь фасад разделен на отсеки тонкими и удлинненными контрфорсами и пилястрами. Промежуточные пространства заполнены барельефами, очевидно, выполненными в один период, хотя и разными мастерами. Банкет под окном на первом этаже выдержан в хорошем *стиле чинкве-ченго*. Другие барельефы изображают труды в поле и на винограднике; богатые и причудливые по своему костюму, но скорее деревянные по своему дизайну: саламандра, эмблема Франциска I. несколько раз появляется среди орнаментов и бросается в глаза. Я полагаю, что в этом необычном здании нет ни одного квадратного фута, который не был бы украшен скульптурой. —С северной стороны простирается просторная галерея. Архитектура здесь скорее в манере Гольбейна: арочные окна обрамлены пышными пилястрами, похожими на античные канделябры. Под ним находится хорошо известная серия барельефов, выполненных на мраморных табличках, представляющих беседу между Франциском I, королем Франции, и Генрихом VIII. из Англии, на *Оральном поле*, между Гюисном и Ардре. Впервые они были обнаружены достопочтенным отцом Монфоконом, который выгравировал их в своих *Памятниках французской монархии*; но большей части наших антикваров на родине они, возможно, более известны по жалким копиям, вставленным в работу Дюкареля, который позаимствовал большую часть своих табличек у бенедиктинцев. —Эти скульптуры сильно изуродованы и настолько затемнены дымом и грязью, что детали невозможно разобрать без большого труда. Соответствующие таблички над окнами находятся еще в худшем состоянии; и они, по-видимому, были почти неразборчивы во времена Монфокона, который предполагает, что они были аллегорическими и, вероятно, должны были символизировать триумф религии. Каждая табличка содержит триумфальную колесницу, запряженную разными животными — одним слоном, другим львом и так далее, и заполненную мифологическими фигурами и атрибутами. —Мой друг, который изучал их этим летом, сказал мне, что, по его мнению, сюжеты либо *взяты* из "триумфов" Петрарки, либо *скопированы* с "триумфов", представленных в "*Полифилоне*". Графические изображения аллегорий подвержены столь многочисленным вариациям, что художник, воплощающий идеи поэта, мог бы создать изображение, очень похожее на мифологические процессии из 'мистического сна'. —Интерьер дома был модернизирован: единственным оставшимся предметом любопытства является балка, покрытая мелкой резьбой. Наверху пучок свинцового чертополоха был печальной загадкой для антикваров, которые хотели бы найти какую-то связь между зданием и Шотландией; но ни записи, ни предания не проливают никакого света на их исследования. Монфокон, переписывая рукопись, написанную аббатом Ноэлем, говорит: 'Мне не раз говорили, что Франциск I, проезжая через Руан, останавливался в этом доме; и наиболее вероятно, что барельефы, о которых идет речь, были сделаны по какому-то из этих случаев, чтобы доставить удовольствие королю изображением праздника, который ему особенно нравился'. Скульптуры в галерее очень изящны, а верхний ярус во многом выполнен в стиле Жана Гужона. Не всем известно, что Гужон переделал украшения перевода "Полифилы" Бероальда де Вервиля; и что они, какими бы прекрасными они ни были в альдинском издании, приобрели новое изящество у французского художника — я заметил, что аллегорические таблички, по-видимому, совпадают с рисунками Полифилы: более точное изучение, возможно, подтвердило бы этот факт; и тогда не осталось бы никаких сомнений. Здание сильно обветшало,

и, если его быстро не отремонтировать, эти барельефы, которые украсили бы любой музей, полностью погибнут. Несмотря на запущенность и упадок, вид особняка по-прежнему таков, что, как заметил мой друг, можно было бы ожидать увидеть красивую и статную матрону, стоящую на крыльце, одетую в бархат, ожидающую приема своего господина ”.

Номер 65. Дом на улице Сен-Жан, в Кане.

К дому в Кане [135] (изображен на *табличке шестидесят пять*) не прикреплены исторические сувениры; также не сохранилось никаких сведений о его основателе или владельце. Это даже не удостоено ни малейшего упоминания ни в недавней публикации аббата Де ла Рю, ни в

публикациях Де Бургевиля или Юэ. По всей вероятности, своим существованием он обязан какому-нибудь богатому горожанину во времена правления Карла VIII. или Людовика XII. поскольку “именно в тот период во Франции преобладала практика украшать фасады домов медальонами. Обычай исчез при Франциске I.” [136]— Согласно этой теории, дома в Кане и в Фонтен-ле-Анри могут быть расположены в точно такую же эпоху и примерно на сорок лет раньше, чем в Руане.

В Кане можно показать еще один замечательный образец домашней архитектуры - здание с замком, которое, как было замечено, может легко ввести в заблуждение прилежного антиквара. Это здание, широко известное под названием *Замок жандармерии*, но более правильно называемое *Замок Каликс*, как правило, считается жителями города, было возведено с целью контролировать реку, пока она текла в своем древнем, но ныне заброшенном русле. Однако, по словам аббата Де ла Рю, на том же месте никогда не существовало фортификационных сооружений любого описания; но сооружение, каким бы воинственным ни был его внешний вид, по своему характеру носило совершенно мирный характер и было построено в последние годы пятнадцатого или начала шестнадцатого века Жираром де Нолленом, тогдашним владельцем поместья. [137] Две статуи, по-видимому, предназначенные для изображения языческих божеств, но теперь нелепо называемые *жандармами*, хмуро взирают на зубчатые стены, которые, как и прилегающие стены и фасад главной башни, все еще украшены медальонами, хотя бурный революционный энтузиазм уничтожил оружие нолленов.

Прежде чем оставить эту тему, возможно, стоит отметить, что балдахин оги, венчающий окно, расположенное между двумя медальонами в доме на улице Сен-Жан в Кане, является почти точной копией того, что до сих пор можно увидеть над дверью, ведущей в то, что когда-то было большим залом во дворце Завоевателя, примыкающем к аббатству Святого Стефана. Сходство между ними настолько велико, что было бы трудно поверить, что они относятся к совершенно разным датам. Но дворец, несомненно, был сооружением более чем одной эпохи; и из-за нехватки материалов для формирования правильного мнения по этому вопросу невозможно сказать, не была ли дверь, о которой идет речь, вставлена через некоторое время после ее возведения или даже декоративная часть не была добавлена к ней в период, последующий за ее формированием.

СНОСКИ:

[129] Здесь упоминается дом в Кане.— Уже упоминалось, что *Великий Дом* в Анделисе постигла та же участь. С тех пор как был написан отчет об этом обстоятельстве, автор настоящей статьи удостоился следующей выдержки из письма лорда Комптона, датированного прошлым августом: “Благородного *большого дома д'Анделис*, увы, больше нет! Мы сделали крюк по ужасной дороге, чтобы осмотреть его; но велико было наше огорчение, обнаружив лишь небольшой фрагмент некрашеной стены, единственный след, который оставили стоять варвары; и он теперь, вероятно, разрушен - и “зеленая трава растет там, где стоял город Троя”.’ Едва ли нужно говорить, что я получил большое удовольствие от трехдневного пребывания в Руане; после чего мы совершили экскурсию в Сен-Жорж де Бочервиль и Жюмьеж, и оба были чрезвычайно заинтересованы и довольны. что вандалы покинули аббатство Жюмьеж, даже в его нынешнем полуразрушенном состоянии! Через несколько лет, с течением времени смягчая оттенки и украшаясь небольшим количеством плюща и растительности, это были бы одни из

самых живописных и прекрасных руин в Европе; но, увы! напрасно надеяться на это. Изображения Котманом Жюмьежа и Анделиса теперь будут вдвойне ценны ”.

[130] Изображен и описан в книге Бриттона *"Архитектурные древности"*, II. стр. 105.

[131] Смотрите *Тур Тернера по Нормандии*, I. р. 157.

[132] Одно из самых любопытных зданий этого описания, древнее аббатство Сент-Аманд, было не только богато до невероятности своими украшениями, но и вызывало особый интерес тем, что они были почти полностью вырезаны из дерева. Сейчас это здание почти разрушено, но, к счастью, некоторые из его основных черт запечатлены на четырех табличках с *"Памятниками Нормандии"* меье де Жолимона.

[133] *Библиографический, антикварный и живописный тур по Франции* с. I. стр. 101.

[134] *Тур по Нормандии*, I. р. 200.

[135] На фасаде нового дома, который недавно был возведен на месте, которое занимал этот, были прикреплены два представленных здесь медальона: только они были спасены от общего разрушения.

[136] *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 170.

[137] *Исторические очерки города Кан*, I. стр. 310.

ТАБЛИЧКА LXVI.

ЦЕРКОВЬ ТРЕПОРТ.

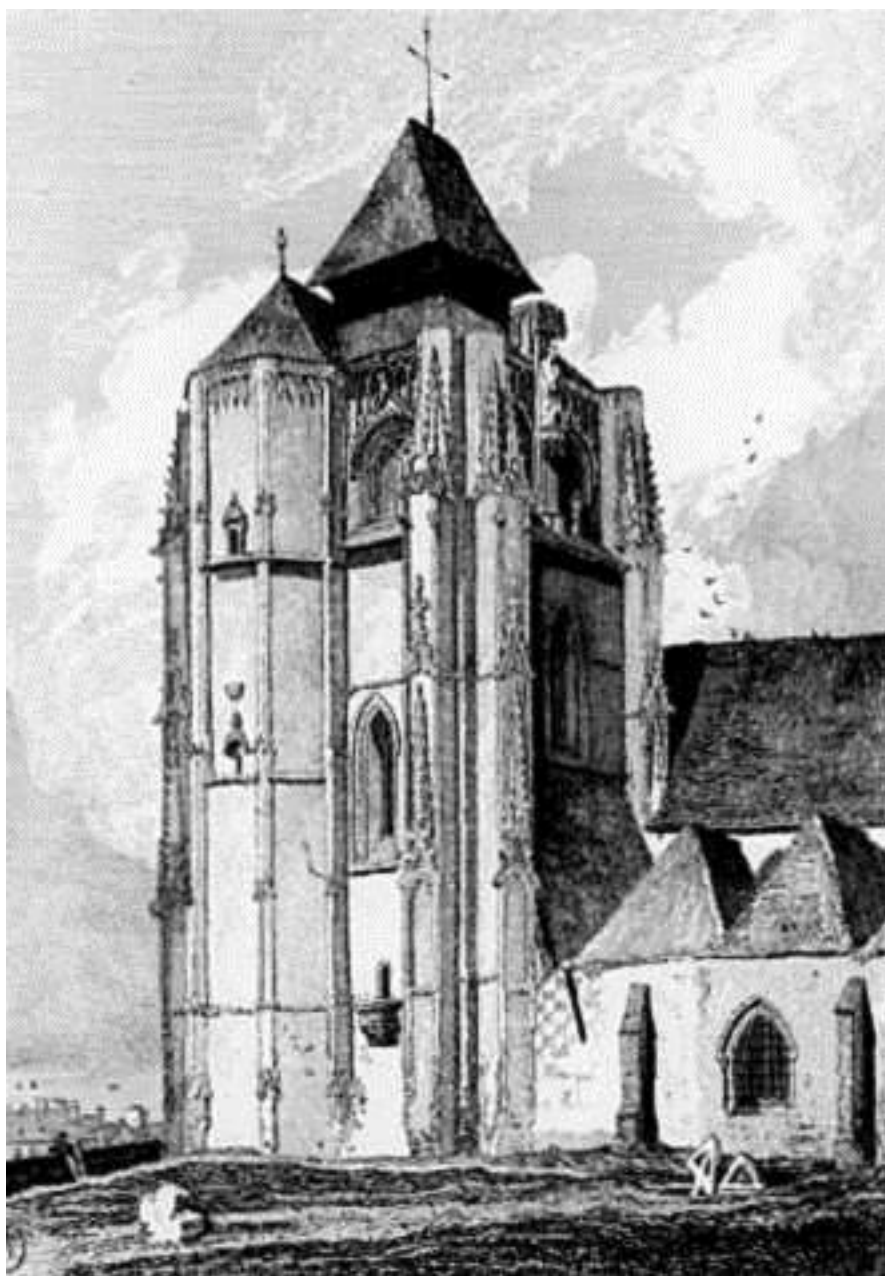

Фото 66. Башня церкви Трепорт, недалеко от Кана.

Трепор - небольшой рыбацкий городок, расположенный в устье небольшой реки Бресл, недалеко от западной оконечности Нормандии. Но, каким бы неважным ни было его нынешнее состояние, большинство авторов сходятся во мнении, что оно достойно уважения с точки зрения древности, приписывая ему существование, равное временам Юлия Цезаря. Этот прославленный генерал говорит о гавани, впадающей в Британский канал, под названием *Задний Порт*; и предполагается, что этим названием он намеревался обозначить Трепор. Современные латинские историки Франции применяют этот титул без стеснения: он даже используется в хартии об основании аббатства, датированной серединой одиннадцатого века. Весьма здравомыслящий автор *Описания Верхней Нормандии*, однако, придерживается мнения, что такое применение не оправдано; и, после некоторого подробного обсуждения предмета, он склоняется к мысли, что более вероятно, что римляне могли называть Трепорт

Citerior Portus; хотя он откровенно признает, что не находит упоминания о месте с таким названием у их авторов. [138] Современное название города происходит от кельтского слова *Treiz*; или, как это иногда пишется, *Traiz*, *Trais* или *Treaz*; слово, все еще используемое в Нижней Бретани для обозначения “прохождения морского рукава или реки к ее устью”.

Согласно тому же автору, нет оснований полагать, что Трепорт был примечательным местом ни в период владычества галлов, ни римлян. Однако с начала двенадцатого века она вызывала, в разное время, большую или меньшую степень интереса. Предпринимались различные попытки придать ему коммерческое значение; и, каким бы затонувшим он ни был в настоящее время, “когда-то он мог похвастаться рядами красивых, хорошо застроенных улиц, значительным числом жителей и до сотни судов, включая рыбацкие, принадлежащих порту”. — Генрих I. один из первых графов Англии, изменил в 1101 году курс Бресле, чтобы подвести его ближе к стенам Трепорта: именно он также вырыл первую гавань. Другой представитель того же рода графов, Шарль Артуа, отремонтировал эту гавань в 1475 году и предпринял большую работу по прокладке судоходного канала до самого Ес. Выполнение этой задачи, однако, было приостановлено задолго до ее завершения; но остатки все еще сохраняются и даже по сей день проходят под названием *Канал д'Артуа*. В 1154 году была предпринята новая попытка, причем гораздо более выдающимся человеком, повысить благосостояние Трепорта. Генрих, герцог де Гиз, распорядился образовать здесь бассейн, способный вместить корабли водоизмещением в триста тонн, и пристроил к нему пристань, защищенную прочным частоколом. Вскоре все это было сметено; не меньший успех сопутствовал и трудам знаменитого Вобана, который, восхищенный положением города, по прошествии ста тридцати четырех лет взялся за восстановление работ герцога де Гиза.

Но море - не единственный враг, с которым приходилось бороться Трепору: его несчастья также в значительной степени объяснялись его беззащитностью, поскольку оно расположено в непосредственной близости от Англии. Британский флот высадился в 1330 году и разрушил город огнем и мечом. В течение следующего года они вернулись с тем же намерением; и снова в 1413 году; в этот последний раз, не удовлетворившись сожжением самого Трепорта, они также подожгли множество соседних деревень. Религиозные войны в течение следующего столетия были источником почти таких же бедствий; но ни море, ни военные действия не нанесли Трепору таких смертельных ран, как причины, непосредственно вытекающие из процветания Франции. Близость к процветающей гавани Дьеппа, естественно, направила его торговлю в этот район: возвращение Кале французской монархии нанесло ему еще более непоправимый ущерб, поскольку ранее, до того времени, Трепор был главным местом в ла-манше для выпечки бисквитов, а также для выгрузки и консервирования сельди, выловленной французскими рыбаками в Германском океане.

Трепор был одним из первых французских городов, предоставивших резиденцию рыцарям-тамплиерам. Их колония обосновалась здесь в 1141 году. В середине прошлого века Робертом, графом Ю, было основано бенедиктинское аббатство, посвященное Архангелу Михаилу. Устав фонда сохранился как в *Нейстрии Пиа*, так и в *Христианской Галлии*; и это очень любопытный документ, иллюстрирующий нравы того времени. Роберт предстает в нем в образе самого либерального и самого богатого благотворителя. Не менее экстраординарным из его пожертвований является разрешение, которое он дарует монахам, “добывать все, что они могут, в городах Эу и Трепор”: сразу после этого следуют особые пожертвования в отношении осетров и грампусов, рыб, которые сейчас чрезвычайно редко встречаются в канале, но которые вряд ли

были бы там замечены, если бы ситуация в те времена не была совсем иной; и если бы они также не были высоко оценены. [139]

Всего через сто лет после основания монастыря Иоанн, граф Эу, подтвердил ему все пожертвования, которые он ранее получал; при этом он использует это странное выражение: “что он возлагает их все своими руками на алтарь”. Однако его благочестие, по-видимому, было недолгим. Прошло всего несколько лет, прежде чем тот же дворянин был виновен в вопиющем святотатстве в том самом аббатстве, которое он поклялся защищать. Его преступление и его раскаяние вместе зафиксированы в документе, напечатанном в *Neustria Pia*. [140]

То, что известно дальше о монастыре, мало и неважное. Наиболее примечательным обстоятельством является крайняя нищета, до которой были доведены монахи в 1384 году; когда, будучи призваны выплатить сумму в сорок шесть шиллингов и восемь пенсов, они заявили о своей полной неспособности и представили королю следующее жалобное замечание: “Cette Abbaïe, étant frontiere de l'Anglois, n'aïant ni château ni défense, a été arse et mise en un si chetif point, qu'il y a peu de lieux мы знаем, что такое жилье, поэтому мы и есть хранители древних зданий и древних мазуров..... Notre grande Eglise est arse depuis trente ans, et une autre petite Eglise qu'avions depuis refaite, à grand meschief est ruinée et chue jusqu'en terre, avec la closture et tout le dortoir ars, ensemble nos biens et nos lits.... De plus sommes endettez en Cour de Rome pour les finances dez Abbez qu'avons eus en brief temps; et devons encore à plusieurs personnes de grosses sommes de deniers que n'avons pu, et ne pouvons encore acquitter; dont c'est pitié.... finalement pour païer 10 livres sur les 56 livres demandées par le Receveur, avons engagé nos Calices sans les pouvoir retirer.”

СНОСКИ:

[138] *Описание Верхней Нормандии*, I. р. 13.

[139] Весь этот отрывок любопытен.—“Item in *Ulteriori Portu* et in *Auco oppido*; decimam denariorum de Vice-comitatibus, et in utrâque villâ *quicquid abbas et monachi acquirere poterunt*. К чему снятся аббатисы рыбы, к чему призывают *Туруум*, капитан, тотус эрит С. Михаэлис: красс рыбий, тотус огненный, аля уна и носители хвоста, тот монахис.” — Из этого отрывка становится ясно, какое значение придавалось *крассу рыбьему*, под обозначением которого, вероятно, числились морская свинья, дельфин и все виды китообразных животных, а также грампус. Дюканж, со своими обычными способностями и ученостью, собрал значительное количество любопытных материалов по этому предмету под названием *Craspiscis*. Из него явствуется, что в 1271 году в нормандском парламенте обсуждался вопрос, кому принадлежала эта рыба в случае ее выброса на берег; и решение было сформулировано в следующих словах. — “Вопрос о генеральном совете в Норманнии, вопрос об изобретении талисмана рыбы в маленьком море, вопрос о Баро, вопрос о Милях, вопрос об алиусе, вопрос о праве на жизнь, вопрос о праве на жизнь рыбы, вопрос о ценности 50 либр, *ниси за картам всем жить*.” —См. Также *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 21, где говорится о существовании китобойного промысла близ Жюмьежа, опираясь на авторитет автора “*Gesta Sancti Philiberti*”.

[140] P. 589.—“Notum sit universis Ecclesiæ Dei filiis, quod ego Joannes, Comes Auci, pro stipendio militum et servientium, quos tenui per guerram Regis, invadiavi maximam partem et optimam Thesauri Ecclesiæ S. Michaëlis de Ulterior-Portu, duos videlicet Textus prætiosos, et duo Thuribula prætiosa, unum calicem argenteum, et optimè deauratum; cappas caras viginti quatuor: casulam peratam et

bonam: Præterea, tot et tantis gravaminibus præfatam Ecclesiam tam sæpè gravavi, quàm vices gravaminum numerare non possem: quare pro multis pauca, pro magnis parua, rependens, concedo, et in perpetuum do prædictæ Ecclesiæ, avenam et frumentum de Verleio, quæ pertinet ad Forestagium. Diligenter autem hæredes exoro, ne Ecclesias terræ suæ gravent, sed honorent et protegant. Et si quid eis pro salute animæ meæ et parentum meorum dedi, vel pro ablatis reddidi, in pace stabiliter tenere faciant: recordantes, quod ipsi morituri sunt: Sicut prædecessores nostri mortui sunt.”

ТАБЛИЧКА LXVII.

АНИСИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Табличка 67. Церковь Анисий, близ Кана.

Настоящая табличка была включена в эту работу с целью демонстрации нормандской деревенской церкви несомненной древности, стены которой с обеих сторон сложены из грубого темного камня, выполненного наподобие римских кирпичей и расположенного зигзагообразно, или, как это чаще называют, в виде селедочной кости. Аналогичное расположение каменной кладки наблюдается в части церкви Перье, изображенной на следующей табличке: еще более заметно это в соседней церкви Святого Матфея, уже упомянутой в этой работе. [141] Старая церковь Святого Круа в Сен-Ло и нижняя часть восточной оконечности церкви Святого Хильдеберта в Гурне обладают той же особенностью, которая, по словам мистера Тернера, аналогично присутствует в частях внешних стен замка в

Арке, а также в крепости замка в Фалезе. [142] Эти различные примеры, все они взяты из сооружений, которые, вне всякого сомнения, нормандского происхождения, устранят любые сомнения относительно того, что норманны практиковали этот способ строительства. Еще большее подтверждение можно найти в английских замках Тамворт и Колчестер, относящихся к одной и той же ранней эпохе: [143] камни в последнем расположены точно так, как здесь показано: в первом горизонтальные слои регулярно чередуются с наклонными, как будто в подражание различным римским развалинам. [144] И, действительно, то, что они действительно были построены с таким намерением, представляется весьма вероятным; поскольку, согласно сэру Генри Энглфилду, авторитет которого неоспорим, тот же стиль кладки наблюдается в Силчестере, который, несомненно, является чисто римской реликвией: утверждается даже, что так были построены старые стены города Рима. [145]

Если абстрагироваться от только что замеченной особенности, то в анисийской церкви мало что может вызвать интерес. Плоская лепнина, не менее широкая, чем контрфорс, и увенчанная узким струнным ходом самого простого характера, продолжается вокруг всего нефа и делит его на два этажа равной высоты; в то время как четыре нормандских контрфорса с каждой стороны разделяют его на три отделения. В первоначальном состоянии церкви окна были ограничены только верхней частью и чередовались с контрфорсами: они поднимались из струнного ряда, узкие, с круглым выступом, окруженные квадратным камнем и не имеющие никакого другого украшения, кроме тонкой цилиндрической лепнины наверху. В последующие времена либо недостаток достаточного количества света, либо стремление к благоустройству привели к появлению больших окон в форме сабельника, занимающих равные части верхнего и нижнего этажей. По всей этой части церкви оставлены отверстия, сделанные строительными лесами, и, что примечательно, они облицованы необработанным камнем.

Карнизы гротескные, а сюжеты какие-то неприличные.—На западном фасаде нет ничего примечательного: дверной проем и окно наверху имеют самый обычный характер для нормандской архитектуры: ни в этой части церкви, ни в алтаре кладка из селечной кости не продолжается; ни на одном из них не простирается горизонтальная лепнина.

СНОСКИ:

[141] Стр. 16.

[142] *Тур по Нормандии*, I. р. 37.

[143] Хочется надеяться, что это утверждение не слишком смелое. Описания замка Тэмворт как здания действительно особенно неудовлетворительны: ни Лиланд в своем *Маршруте*, ни Шоу в своей *Истории Стаффордшира* не проливают никакого света на эпоху его строительства. Тем не менее, даже судя по жалкой табличке, приведенной в последней работе, замок, каким бы измененным он ни был, в какой-то степени сохраняет характер своего нормандского происхождения; в то время как тот факт, что он принадлежал могущественной семье Мармион сразу после завоевания, добавляет исторической достоверности этому мнению. Что касается Колчестера, то ни у кого из видевших его не возникнет сомнений по этому поводу, хотя количество римских кирпичей, видимых в каждой части, вполне естественно приводит к выводу, что он был возведен на руинах гораздо более раннего здания.

[144] *Древняя архитектура Картера*, стр. 36, стр. 42, рис. Е.

ТАБЛИЧКА LXVIII.

ЦЕРКОВЬ ПЕРЬЕ.

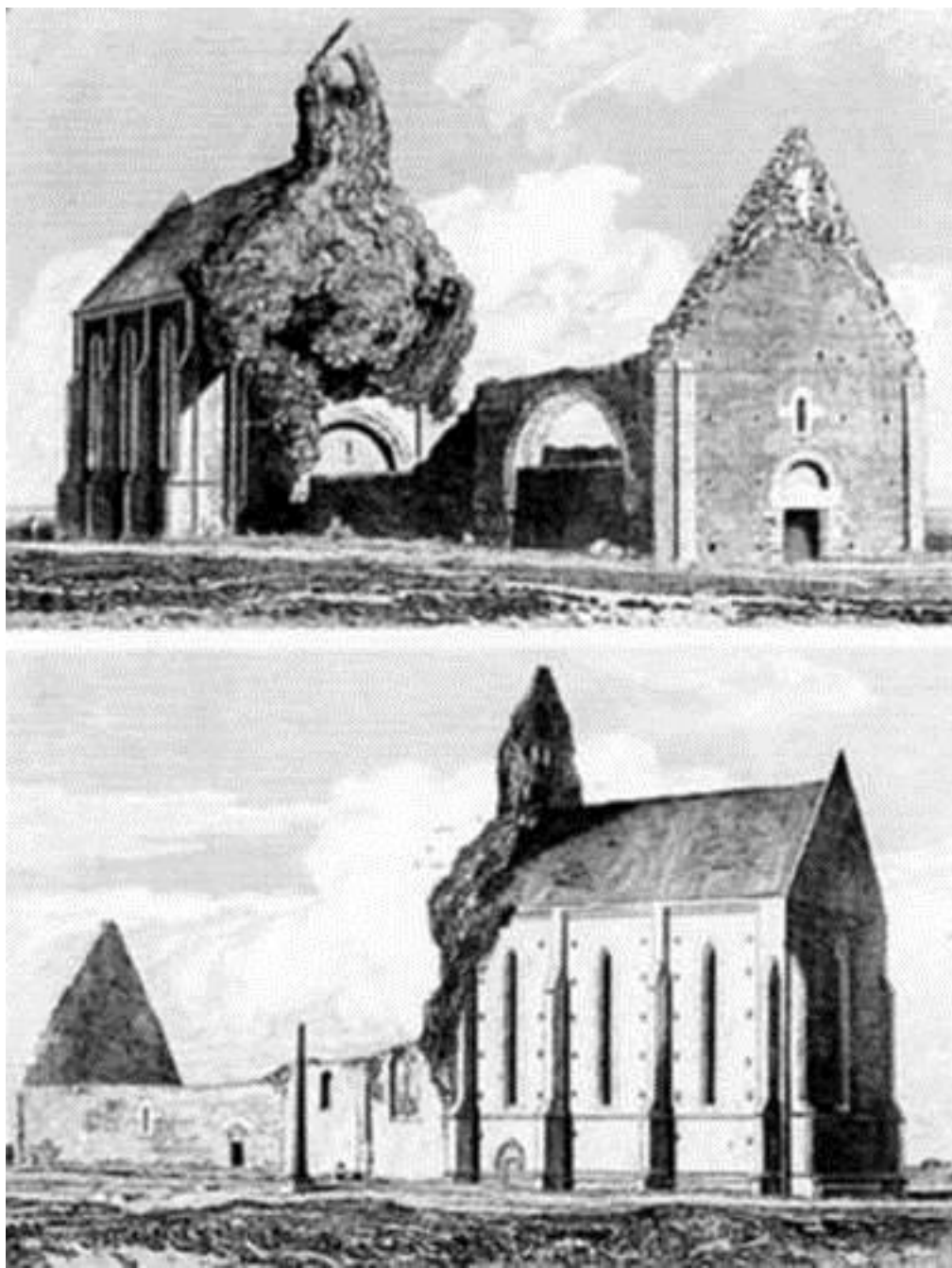

Фото 68. Церковь Перье, близ Кана.

На верхней половине этой пластины изображен вид церкви Перье на северо-запад: на нижней - в противоположном направлении. Из обоих можно заметить, что разные части здания являются произведениями двух разных эпох: неф был возведен во времена преобладания полукруглой архитектуры, в то время как алтарь представляет собой образец, вероятно, самого раннего периода остроконечного стиля. В связи с предыдущей табличкой небезынтересно отметить, что кладка из костей сельди в данном случае полностью ограничена более ранней частью сооружения, которая вся состоит из них, за исключением контрфорсов.

Большой западный вход в церковь Перье очень своеобразен. мистер Котман считает его единственным экземпляром в герцогстве настоящего нормандского здания с главным входом с квадратной главой. Его массивная перемычка, имеющая форму фронтона, как в Бивиле, и увенчанная аркой, представляющей собой скорее сегмент эллипса, чем круга, также примечательна. Но очень большая арка на северной стороне нефа, примыкающая к западному торцу, безусловно, является самой яркой архитектурной особенностью здания. Было бы трудно, если не невозможно, назвать какую-либо удовлетворительную причину его существования. Его расположение исключает мысль о том, что он был установлен там в качестве опоры для башни: его размеры не позволяют предположить, что он когда-либо служил входом. Если бы за ним был придел или часовня, это, безусловно, могло бы быть средством их сообщения с главным зданием; но примыкающий к нему контрфорс доказывает, что стена, в которую он вставлен, была внешней стеной церкви. Как бы то ни было, это кажется совершенной аномалией и должно оставаться *испытанием* для изобретательности будущих антикваров.

Похожая арка, ныне замурованная, на западной оконечности алтаря почти не оставляет сомнений в том, что у церкви была центральная башня. Окна алтаря намного превосходят по длине и узости все другие, которые когда-либо появлялись в этой работе. Они полностью лишены лепнины или какого-либо декоративного оформления; но, как и в Аниси, облицованы необработанным камнем, как и отверстия, оставленные строительными лесами, которые в этом здании расположены с необычной регулярностью, как будто с намерением придать им декоративный вид. Такое использование белого гладкого камня плохо сочетается с окружающей его тусклой красновато-коричневой массой и создает яркий и неприятный эффект. Выемчатый карниз похож на тот, который мистер Тернер заметил на надвратной башне, ведущей в монастырь Святой Троицы в Кане. [146]

СНОСКИ:

[146] *Тур по Нормандии*, II. стр. 183.

ТАБЛИЧКА LXIX.

ЛИЛЕБОНСКИЙ ЗАМОК.

Фото 69. Замок Лилебон.

Юлий Цезарь, главный источник информации о древней Галлии, в то же время, когда он упоминает калетов, жителей современного Пэй-де-Ко, совершенно умалчивает о главном городе их территории. Однако из Птолемея и Маршрута Антонина следует, что такой город назывался *Джулиобона*; [147] и, несмотря на попытки Ключье и Адриана де Валуа установить Дьепп в качестве места расположения этого калетийского мегаполиса, [148] ученые наших дней, похоже, единодушно согласились закрепить его в Лилебоне; и лишь немногие также не придерживаются мнения, что нынешнее французское название является искажением древнеримского. Некоторые латинские писатели двенадцатого века упоминают о *островке Бона*; и слово, *Лилебонн*, пишущееся, как это нередко бывает, *Л'Илебонн*, можно рассматривать как происходящее от этого названия, буквальным переводом которого оно, действительно, является. Но с этим не стоит спорить: в равной степени возможно, что *Insula Voпа* может быть не чем иным, как *Лиллебоном*, латинизированным.

Оставляя в стороне все обсуждения такого рода и в равной степени игнорируя попытки, которые были предприняты для вывода названия Лилебонна из кельтских корней, [149] по крайней мере, несомненно, что это место было римским поселением; и несомненный факт, что от него отходило не менее пяти римских дорог в разные части страны, [150] подтверждает вывод о том, что это также было поселение определенной важности. Подземные ходы и фундаменты древних зданий, разбросанные на обширной территории, свидетельствуют о немалых размерах этого места. Остатки театра, [151], добавленные к обилию ваз, погребальных урн, могильных ламп, а также монет и медалей, как верхней, так и нижней империи, которые время от времени находили здесь, доказывают, что он был занят римлянами в течение значительного периода. Но не сохранилось никаких свидетельств ни о его величии, ни о низвержении. Он пал, по всей вероятности, в результате вторжения северных орд и был сметен, как и другие соседние города, “Неизвестны их искусства и потеряны их летописцы”.

Среди всеобщего разрушения, возможно, сохранились какие-то остатки города, которые привлекли внимание новых правителей страны: или, возможно, их выбор был обусловлен прекрасным расположением Лилебона в долине на восточном берегу Сены, недалеко от устья этого величественного потока. В то время как Нормандией правили ее собственные князья, Лилебон был резиденцией герцогского дворца; и традиция, точность которой в данном случае нет оснований оспаривать, учит, что настоящие остатки такого дворца можно увидеть в изображенном здесь здании. Оно идет даже дальше и утверждает, что этот зал - то самое место, в котором Вильгельм собрал своих баронов, чтобы выслушать их совет и выстроить их силы, готовясь к своему вторжению в Англию. [152] Его фактическое проживание в Лилебоне в разное время ясно из ряда хартий, датируемых этим местом. В одном из них, дарованном в 1074 году, ради установления [153] гармонии между аббатом Святого Вандриля и графом Эвре, суверен называет себя *gloriosus rex Anglorum* и датирует его *Кастро Хулио-Боной*. В другой раз, в результате спора о наследовании аббатства Святого Эврула, Ордерик Виталис рассказывает, что один из соперничающих соперников отправился к герцогу, “который в то время держал свой двор в Лилебоне” и который, разгневанный вмешательством папы в это дело, проявил сильную черту своего природного характера, поклявшись, что если какой-либо монах, принадлежащий к его территории, посмеет оклеветать его за границей, он повесит его за капюшон на самом высоком дереве в соседнем лесу. [154] Это произошло в 1063 году: в 1080 году здесь по приказу того же князя состоялся провинциальный синод, который проходит в анналах нормандских церквей под названием *Консилиум Джулио-Боненсе*. Его каноны сохранились, и о них подробно сообщает Бессен, “с намерением”, как он отмечает, “дать возможность потомкам судить о характере законов в Нормандии во время правления герцога Вильгельма”. [155]

Лилебон в настоящее время - бедный провинциальный городок, жители которого занимаются незначительной торговлей кожевенным производством и выделкой хлопка. Руины замка, однако, далеко не неважны. Мало того, что до сих пор отчетливо прослеживается весь план строения; но, помимо большого зала, [изображенного здесь](#), сохранились обширные части других зданий, некоторые из которых переделаны в современные фермерские дома. Величественная круглая башня, окруженная глубоким рвом, к которой ведет подъемный мост, на первый взгляд кажется главной достопримечательностью руин; но это, очевидно, пристройка более позднего периода и, действительно, времени, значительно более позднего по сравнению с залом. Стрельчатые арки его окон и элегантные выступы потолка указывают на эпоху, когда искусство достигло высшей ступени совершенства.—О дате или причине разрушения замка ничего не известно.

Кажется, что зал был возведен итальянскими архитекторами. Его черты явно римские, и в этом отношении его можно рассматривать как занимающее то же место среди замковых зданий Нормандии, что и церковь Святого Стефана в Кане среди церковных сооружений. Сломанный карниз в верхней части стен является точной имитацией карниза на гробнице Цецилии Метеллы, арке Константина и колизее в Риме; а окна можно сравнить с окнами виллы Мецената в Тиволи, в которых арка внутри арки расположена таким же образом. Но нормандский архитектор привнес особенность, которой едва ли можно найти параллель, в фрамугу, которая, будучи расположена на одной линии с капителями, разделяет каждое окно на две неравные части и одновременно поддерживает центральную колонну, которая разделяет нижнюю часть.

Церковь в Лилебоне также заслуживает внимания, особенно главный вход: большая арка обрамлена двумя квадратными массивными выступами в виде контрфорсов, перед каждым из которых возвышается ряд небольших цилиндрических колонн с высоким рельефом, сломанных к центру, чтобы освободить место для святых под балдахинами, и заканчивающихся наверху орнаментами, по-видимому, призванными передать идею серии старинных канделябров.

СНОСКИ:

[147] Ордрик Виталис, с другой стороны, говорит, но его слова не подтверждаются никакими классическими авторитетами, что Лилебон занимает место старого бельгийского города под названием *Калетус* который был разрушен Юлием Цезарем; который построил на его фундаменте новый и назвал его *Джулио-боной* в честь себя. Любопытный отрывок заключается в следующем: “Древний город существует, вопрос о том, что означает слово божье. Hanc (ut in antiquis Romanorum legitur gestis) Caius Julius Cæsar obsedit, et pro nimia bellatorum obstinatione intus acerrimè repugnantium subvertit. Deinde postquam hostes ibidem ad libitum compressit, considerata opportunitate loci, præsidium Romanorum providè constituit, et a nomine suo Juliam-bonam (quam barbari nunc corrupto nomine Ille-bonam nuncupant) appellavit.”—*Duchesne, Scriptores Normanni*, p. 554.

[148] Этих авторов привела к такому мнению трудность согласования расстояний, указанных Антонином, между Джулио-боной и прилегающими городами, с фактическим расстоянием тех же мест от современного Лилебона.

[149] См. *Описание Верхней Нормандии*, I. стр. 6, где предполагается, что слово *L'Illebonne* может быть производным от двух кельтских слов, *Ile*, обозначающих течение воды, и *Vonne*, обозначающее прекращение чего-либо. Предполагается, что города Бонн на Рейне и Либурн получили свои названия от этих слов.

[150] *Noel, Essais sur le Département de la Seine Inférieure*, II. p. 126.

[151] Фигурирует в “*Путешествиях Питtoresки и романтических танцев Ансиенн, Франция*”, “*Пар Нодье, Тейлор и де Кайе*”.—В разделе этой публикации, посвященном Нормандии, авторы посвятили девять табличек иллюстрации Лилебона.

[152] В “*Христианской Галлии*”, XI. стр. 31, по этому поводу говорится, говоря о Маурилии, архиепископе Руана, что “в 1066 году был принят *Juliobonensibus Comitibus pro expeditione Anglican*”.

[153] См. *Neustria Pia*, стр. 168.

[154] *Дюшен, “Норманнские скриптории”*, стр. 488.

[155] *Concilia Normannica*, I. p. 67.

ТАБЛИЧКА LXX.

ЗАМОК БРИКБЕК. [156]

Фото 70. Замок Брикбек, недалеко от Валони.

Брикбек - обширный приход, расположенный примерно в семи милях к югу от Валони, с населением в четыре тысячи пятьсот жителей, еженедельным рынком по понедельникам и несколькими значительными ярмарками. Его замок претендует на древность, почти, если не полностью, ровесник времен Ролло. Когда этот герцог, мирно овладев Нормандией, разделил землю между своими товарищами по оружию, та часть, которая включала Брикбек, была одной из самых значительных. Сеньор Брикбек занимал в нормандском казначействе третье место среди баронов Котантена, нынешнего департамента Ламанш. [157] Его заслуги и его ранг, к которым, вероятно, также можно добавить его отношения с Ролло, дали ему право на это гордое отличие.

После убийства Вильгельма Лонге Эпе, второго герцога Нормандии, в 942 году Амлех, или, как его иногда называют, Ланселот Брикбекский, был назначен одним из членов регентского совета во время несовершеннолетия молодого принца Ричарда, сына покойного и наследника престола. В этом качестве он также был одним из тех, кому было поручено принять Луи д'Утремера, короля Франции, в Руане.—У Амлеха был сын по имени Турстин Бастенбургский, и он оставил двух сыновей, один из которых, Уильям, был лордом Брикбека.—Другой, Хью, которого обычно называют *бородатый*, был главой рода Монфоров, от которого произошел знаменитый граф Пьер, убитый в битве при Ившеме, когда командовал баронами в восстании против Генриха III.—Род лордов Брикбека был продолжен в потомстве Уильяма, сын которого с тем же именем сопровождал Завоевателя в Англии. Семеро из его потомков последовательно носили имя Робер Бертран и последовательно владели баронством Брикбек. Последний умер в середине четырнадцатого века, оставив свои обширные владения, включая этот замок, своей

старшей дочери Джейн, которой они перешли в замужество за Уильямом Пейнелом, бароном Хамби. [158]

Имя Пейнеля, как и имя Бертрана, можно найти в списке вождей, участвовавших в завоевании Англии. Герцог Уильям вознаградил услуги Ральфа Пейнела, своего товарища по оружию, различными владениями в разных графствах своего недавно приобретенного королевства, и особенно в Йоркшире, Бакингемшире и Сомерсетшире. Его потомки, которых было много в Великобритании, владели, среди прочих выдающихся титулов, титулами Хантли и Дадли.—В Котантене их семья была столь же обширной и могущественной. Уильям, сын Джейн Бертран и Уильяма Пейнела, наследовал своим родителям в качестве лорда Брикбека и Хамби. За ним, в свою очередь, последовал другой Уильям, который, женившись на своей двоюродной сестре, дочери Оливера Пейнела, лорда Мойона, объединил это великое баронство с имуществом, которое ранее было огромным. После смерти бездетного Уильяма его наследником стал Фулк Пейнел, его брат; и, поскольку он также умер бездетным, состояние перешло к младшему брату, Николасу. Этот Николас, который ранее был лордом Шантеле, женился на Джейн де ла Шампань, баронессе Гайе, и оставил единственную дочь, от брака которой с Луи д'Эстутевилем в 1413 году баронства Гайе, Мойон, Хамби и Брикбек сразу перешли к семье Пейнел.

Брикбеком, в то самое время, когда он, таким образом, снова сменил хозяев, все еще владел потомок одного из тех могущественных баронов, которые разделили славу завоевания Англии. Роберт де Хатевиль, один из соратников Завоевателя по оружию, получил от этого государя королевское вознаграждение, особенно в графстве Йорк. Но после смерти Уильяма Руфуса он примкнул к партии старшего брата против Генриха I. и был взят в плен в битве при Тинчбрее, когда его имущество было конфисковано и передано Неэлю д'Обиньи. Имя его сына, Роберта, можно найти среди йоркширских баронов, которые разбили шотландскую армию при Северном Аллертоне; и оно снова встречается на двадцатом году правления Генриха II. в битве при Олнвике, где он взял в плен короля Шотландии.

Вернемся к владельцу Брикбека, которому суждено было стать поразительным примером изменчивости судьбы — едва он стал благодаря своей женитьбе самым могущественным лордом Котантена или, возможно, Нормандии, как король Англии Генрих V вторгся в герцогство, выиграл битву при Азенкуре и вскоре после этого стал хозяином всей провинции, за исключением горы Святого Михаила. В этой тяжелой чрезвычайной ситуации Луи д'Эстутевиль остался верен своему государю и, следовательно, был лишен своих владений.

Генрих немедленно пожаловал Хамби и Брикбек одному из своих любимых генералов, Уильяму де ла Полю, графу Саффолку, [159] который в 1427 году все еще оставался лордом Брикбека, в этом качестве он подтвердил шербурскому аббатству арендную плату в размере пятидесяти солей, предоставленную его предшественником Робером Бертраном, в 1329 году. Акт конфирмации все же существует: он датирован только что упомянутым годом; через два года после этого граф Саффолк, который до этого всегда одерживал победы, испытал поворот судьбы и был взят в плен в Гаже вместе со своими братьями Александром и Джоном де ла Поул. Следствием этого стало то, что он был вынужден продать свои земли в Котантене, чтобы заплатить выкуп.

Они были приобретены сэром Бертином Энтвислом, рыцарем графства Ланкастер, который в архивах замка Брикбек, датированных примерно 1440 годом, именуется адмиралом Англии; как и его брат, Генри Энтвисл, в тех же документах носит титул генерал-лейтенанта короля Англии в

Нормандии. В руках этого дворянина Брикбек оставался до тех пор, пока битва при Форминьи не вынудила британцев эвакуироваться из Нормандии. Сэр Bertyn впоследствии принимал участие с Генрихом VI. против герцога Йоркского, и был убит в битве при Санкт - - Олбансе в 1455.

После возвращения провинции французской короне семья Д'Эстутвиллей сменила графство Брикбек. Они в высшей степени заслужили расположение французского короля, за которым Луи Д'Эстутвиль продолжал удерживать гору Святого Михаила, единственную крепость, оказавшую англичанам эффективное сопротивление.

В последующие времена Брикбек и Хамби от разных браков перешли к семьям Бурбон Сен-Поль и Орлеан Лонгвиль; но в конце шестнадцатого века Мария Орлеанская, герцогиня Немурская, продала это владение Жаку Гугону де Матиньону, маршалу Франции.—Потомки маршала продолжали править Брикбеком до революции. Незадолго до этого события он попал в руки женщины, единственной оставшейся в живых из этой семьи, и она вышла замуж за старшего сына герцога де Монморанси. Но революция отняла у них все состояние. Недавно им вернули несколько отдельных фрагментов собственности, которые не были отчуждены: остальное давно продано, включая замок, единственная пригодная для жилья часть которого сейчас служит пивной. Все остальное быстро приходит в упадок.

Стены замка охватывают значительное пространство; и в то время, когда они были совершенны, они состояли из восьми башен различных размеров и форм, включая многоугольную крепость, главную особенность **плиты**. Эта башня, высота которой составляет сто французских футов, до сих пор почти идеальна. Стороны, направленные на запад и юго-запад, с которых мистер Котман сделал свой рисунок, полностью совпадают. —С архитектурной точки зрения, Брикбек предлагает образцы мастерства многих разных эпох.— Ситуация между крепостями и церквями сильно отличается: последние, независимо от даты их постройки, обычно демонстрируют определенную степень единства в своем плане; в замках, с другой стороны, средства, предусмотренные для обороны, обычно имели отношение к тем, которые использовались при нападении. Обнаружено, что и то, и другое *различается до бесконечности* в зависимости от времени и местности. В Брикбеке сохранились некоторые следы архитектуры одиннадцатого века, но гораздо больше - четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого. Часовня, склады, конюшни и нынешний жилой дом были построены последними. Первые два из них были разрушены в течение нескольких лет; остальные находятся в крайнем запущенном состоянии; и ни в жилом доме, ни в помещениях над большими воротами сейчас не осталось ничего любопытного.

СНОСКИ:

[156] За всю эту статью автор выражает признательность своему другу М. де Жервиллю, с рукописи которого она переведена почти дословно.

[157] *Массевиль, История Нормандии*, III. стр. 46.

[158] В то время как одна ветвь семьи Бертран продолжала владеть баронством Брикбек, другая ветвь утвердилась в Нортумберленде, где получила от Завоевателя множество поместий. Во времена правления Генриха I. Уильям Бертран, или, как его называет Таннер, Бертрам, основал приорат Бринкберн. Роджер, один из его потомков, был замечен среди баронов, восставших против короля Иоанна; после смерти этого принца он перешел на сторону Генриха III.; но его

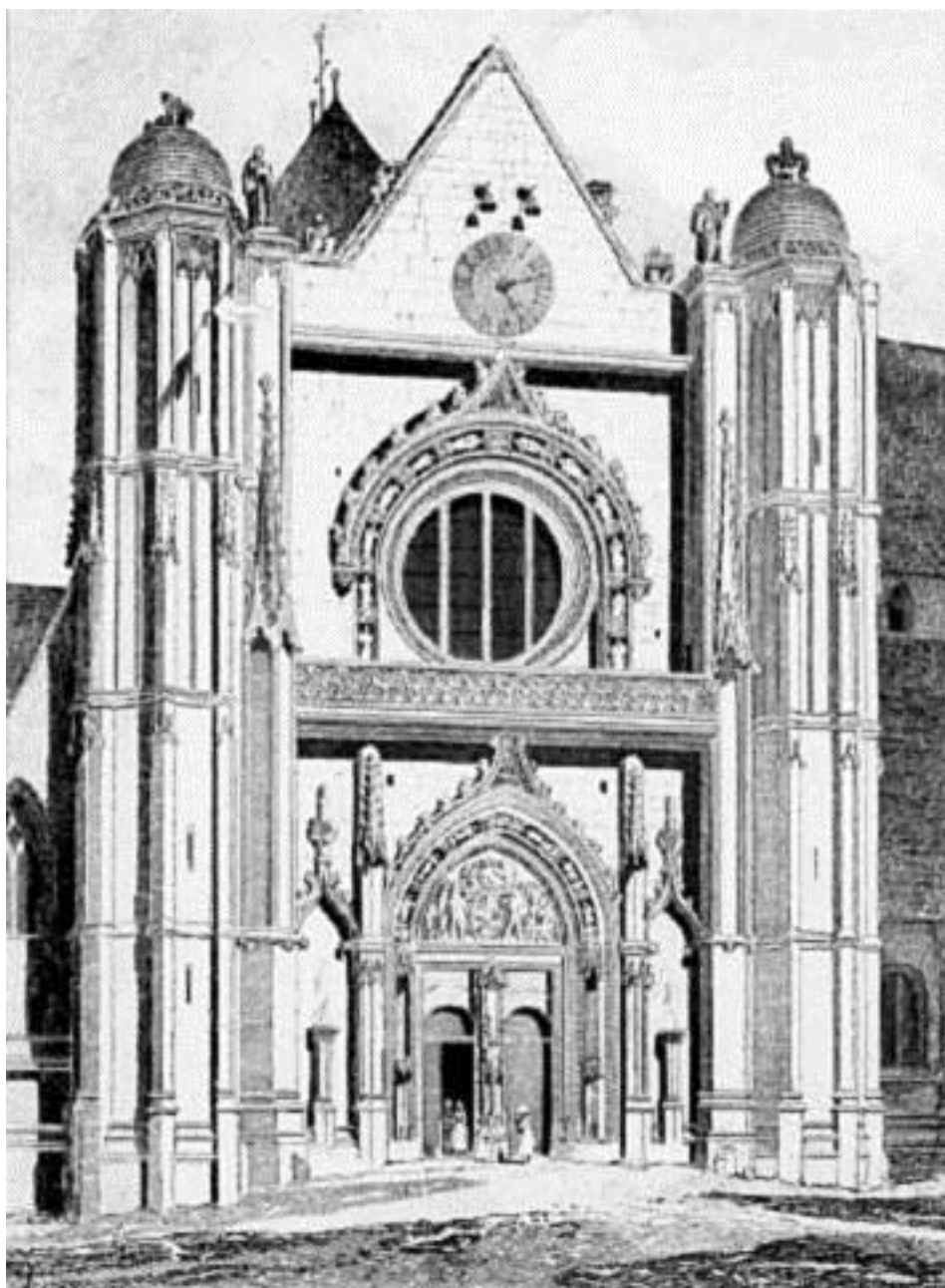
сын, Роджер, поднял оружие против этого последнего монарха и был взят в плен в Нортгемптоне. Ему наследовал третий Роджер, который был последним бароном Бринкберна. — Ричард Бертрам, живший при Генрихе II. имел сына по имени Роберт, барон Ботал, сын которого Ричард присоединился к баронам-конфедератам против короля Иоанна. Его потомок по имени Роберт жил при Эдуарде III. и носил титул лорда Ботала, был шерифом Нортумберленда и губернатором Ньюкасла. Он присутствовал в битве при Дареме, где взял в плен Уильяма Дугласа. Его единственная дочь, наследница его состояния, вышла замуж за сэра Роберта Огла; и таким образом семья Бертрамов вымерла как во Франции, так и в Англии почти в одно и то же время.

[159] Документ, что любопытно, все еще существует, и он следующий: “Хенрикус деи грациа, король Франции, Англии и всей нашей гибридной Истории, приветствующий всех нас. Sciatis qd de gracia nostra speciali et ob grata et laudabilia obsequia nobis per carissimum consanguineum nostrum Guillelmum, Comitem de Suffolk, huc usque mirabiliter impensa dedimus et concessimus eidem comiti castra et dominia de Hambye et de Briquebec cum ptinenciis suis una cum oibus feodis, aliis hereditatibus et possessionibus quibuscumque quas tenuit fouques Paisnel chevalier defunctus intra ducatum meum Normannie habendis et tenendis prefato comiti et heredibus suis masculis de corpore suo nascentibus ad valorem 3500 scutorum per annum, cum omnibus dignitatibus, libertatibus, franchisesiis, juribus, donationibus, reversionibus, forisfacturis, etallis, proficiis, commoditatibus et emolumentis quibuscumq. ad pdicta castra et dominia vel altera eorum seu ad feoda hereditates et possessiones predictas aliquo modo ptinentibus seu spectantibus intra ducatum nostrum Normannie adeo plene perfecte et integre et eodem modo sicut pdictus fouques vel aliquis alius tenebat et possidebat per homagium nobis et heredibus nostris faciendum et reddendo unum scutum de Armis Sci Georgii ad festum suum apud castrum nostrum de Cherbourg, singulis annis in perpetuum reservata tamen nobis et heredib. nostris alta et summa justicia et omni alio jure quod ad nos poterit pertinere proviso semper qd idem comes et heredes sui predicti sex homines ad arma et 12 sagittarios ad equitandum nobiscum seu heredibus nostris vel locum tenente nostro durante presenti guerra qui ad sumptus suos servire tenebuntur funtaque presenti guerra hujus modi et servicia in parte debita faciet et supportabit, et ulterius de uberiori gracia dedimus et concessimus..... in cujus rei testimonium has litteras nostras fieri fecimus patentes.—Teste meipso apd civitatem nram de Bayeux, XIII. die Martii, anno regni nri quinto.

L. S. Per ipsum regem STORGEON.”

ТАБЛИЧКА LXXI.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО СТЕФАНА В ФЕКАНЕ.

Табличка 71. Церковь Святого Стефана в Фекане.
Южный вход.

Фекан, как и многие другие города Нормандии, утратил свое первоначальное величие и превратился в состояние крайней нищеты. Солнце его процветания зашло, чтобы больше не взойти. Пренебрежение, немедленно последовавшее за переносом герцогского трона в Англию: присоединение Нормандии к короне Франции довершило разрушение города; и великая перемена в привычках человечества, от воинственных к коммерческим, не оставляет надежд на восстановление значения места, положение которого не сулит никаких преимуществ для торговли. Следовательно, Фекан в настоящее время выглядит заброшенным и пришедшим в упадок; и, хотя официальный отчет о населении Франции все еще допускает, что число его жителей достигает семи тысяч, огромное количество заброшенных домов, составляющее более

трети всех домов в городе, производит на зрителя сильное впечатление обезлюдения и разрухи. [160]

Но в самые ранние периоды истории Франции, задолго до основания нормандского трона, Фекан почитался как королевская резиденция. Говорят, что дворец был перестроен Вильгельмом Лонге-Эпе с необычайным великолепием. Этот принц получал большое удовольствие от дворца; и он и его непосредственные преемники часто жили здесь. Он также выбрал замок в качестве места уединения для своей герцогини во время ее беременности Ричардом. Его выбор в этом отношении, вероятно, не был полностью продиктован его пристрастием к этому месту; но, находясь в то время под угрозой опасной войны, он желал устроить свою жену и малолетнего наследника так, чтобы они могли, в случае необходимости, легко переправиться к дружественным берегам Англии. Ричард, родившийся в Фекане, на протяжении всей жизни сохранял привязанность к городу и не упускал ни одной возможности принести ему пользу. Он перестроил, одарил и обогатил аббатскую церковь за огромные деньги; и, наконец, приказал сделать ее местом упокоения своих костей, которые, однако, не позволил захоронить ни в каком месте внутри строения, но, умирая, недвусмысленно повелел своему сыну поместить их снаружи, непосредственно под карнизом, чтобы, используя слова, вложенные монастырскими историками в его уста по этому случаю, “*stillantium guttarum sacro tecto diffluens infusio abluat jacentis ossa*”, “священный гуттарум текто диффлюенс инфузио омовение хациентис осса”, вопрос о всеобщем грехе, запрещающем свободу действий и пренебрежение жизнью”. - Может возникнуть любопытный вопрос, руководствовался ли монарх этим предписанием исключительно чувством собственного достоинства или же он также имел в виду мистическую доктрину об эффективности воды для омовения грехов.

Ричард II и последующие герцоги, по-видимому, относились к Фекану одинаково дружелюбно; пока со временем растущее великолепие его монастыря полностью не затмило убывающие почести города; и Генрих II. Англии, окончательно закрепил ее падение, регулярно жертвуя часть города аббатству, с этого периода и до революции последнее было всем, первое - ничем.

“Фекан, ” как замечает Нодье, “ был для герцогов Нормандии тем же, чем пирамиды были для египетских монархов, — городом гробниц: Ричард II. покоился там рядом с Ричардом I. и рядом с ним его брат Роберт, его жена Джудит и его сын Уильям”. [161]— Список можно было бы расширить за счет добавления многих других, едва ли менее благородных имен.

Говорят, что аббатство Экан было основано в 664 или 666 году для общины монахинь Ванином, графом или губернатором Пэй-де-Ко, дворянином, который уже внес свой вклад в финансирование монастыря Святого Вандриля. Сент-Уэн, епископ Руана, освятил церковь в присутствии короля Клотэра; и слава о святости аббатства распространилась так быстро, что число его обитательниц за очень короткий период составило более трехсот человек. Однако прибытие норманнов при Гастингсе в 841 году привело к рассеянию монахинь; и та же история рассказывается о тех немногих, кто остался в Фекане, как и о многих других при аналогичных обстоятельствах, что они добровольно отрезали себе носы и губы, чтобы не быть объектом влечения своих завоевателей. Аббатство, в награду за их героизм, было сровнено с землей; и оно восстало из пепла только в 988 году, когда благочестивый герцог Ричард I. построил церковь заново под покровительством своего сына Роберта, архиепископа Руанского. Отойдя, однако, от первоначального основания, он учредил там капитул регулярных каноников, которые вскоре оказались настолько нерегулярными в своем поведении, что в течение десяти лет были

обречены уступить место монахам-бенедиктинцам, возглавляемым аббатом по имени Уильям из монастыря в Дижоне. С тех пор монастырь продолжал увеличиваться в своем великолепии. Три аббатства суфражисток: Нотр-Дам в Берне, Сен-Таурин в Эвре и Сент-Луис. Берте де Бланжи из Булонской епархии принадлежала высшая власть аббата Фекана и три митры, которые он с гордостью носил на своем аббатском щите. Короли и принцы в прежние века часто отдавали аббатству дань уважения своим богослужением и своими дарами; а в более поздний период Казимир Польский, после своего добровольного отречения от престола, выбрал его в качестве места, где он искал отдохновения, когда уставал от королевских забот. Английские владения Фекана, по-видимому, не были большими; но, согласно автору "*Истории иностранных монастырей*", аббат подарил сто тридцати бенефициям, некоторые в епархии Руана, другие в епархиях Байе, Лизье, Кутанса, Шартра и Бове; и у него было так много поместий, что его доход, как говорили, составлял сорок тысяч крон в год." [162]

Труд, из которого был извлечен этот отчет об аббатстве Фекан, также содержит некоторые подробности, касающиеся нескольких основных чудес, связанных с монастырем, и относительно *драгоценной крови*, обладанию которой Фекан был обязан немалой долей своей известности. Но читателя следует направить за всеми этими сведениями в *Neustria Pia*, где он найдет их очень подробные записи. Автор этого любопытнейшего тома, по-видимому, не рассматривал тему более *по-любовному*, чем Фекан; и если более просвещенные потомки наших дней склонны в изобилии своей мудрости "считать своих отцов дураками" за то, что они слушали такие истории, пусть по крайней мере вспомнят, что даже эти истории, при всей их абсурдности, являются интереснейшими документами прогресса человеческого разума; и, прежде всего, пусть никогда не забывают, что книги этого описания содержат массу материалов для изучения нравов и обычаев той эпохи, которое тщетно было бы искать в любом другом месте.

Аббатская церковь Фекана до сих пор стоит целой и невредимой и представляет собой произведение разных эпох. Некоторые круглые часовни, пристроенные по бокам хоров, вероятно, являются остатками здания, возведенного герцогом Ричардом: все остальное выполнено в заостренном архитектурном стиле; а самая ранняя часть едва ли относится к концу двенадцатого века. Церковь Святого Стефана, выбранная [здесь](#) для публикации, не заслуживает внимания, за исключением ее южного портала, который является элегантным образцом того, что мистер Рикман называет украшенной английской архитектурой.

СНОСКИ:

[160] *Тур Тернера по Нормандии*, I. стр. 60.

[161] *Путешествия Питторески и романтические танцы в Анкьене, Франция*, I. стр. 110.— Семь листов в этой работе посвящены изображениям религиозных сооружений в Фекане.

[162] *Тур Тернера по Нормандии*, I. p. 62.

ПЛИТЫ LXXII.

ЭКРАН В ЦЕРКВИ СВ. ЛОУРЕНС, В ЕС.

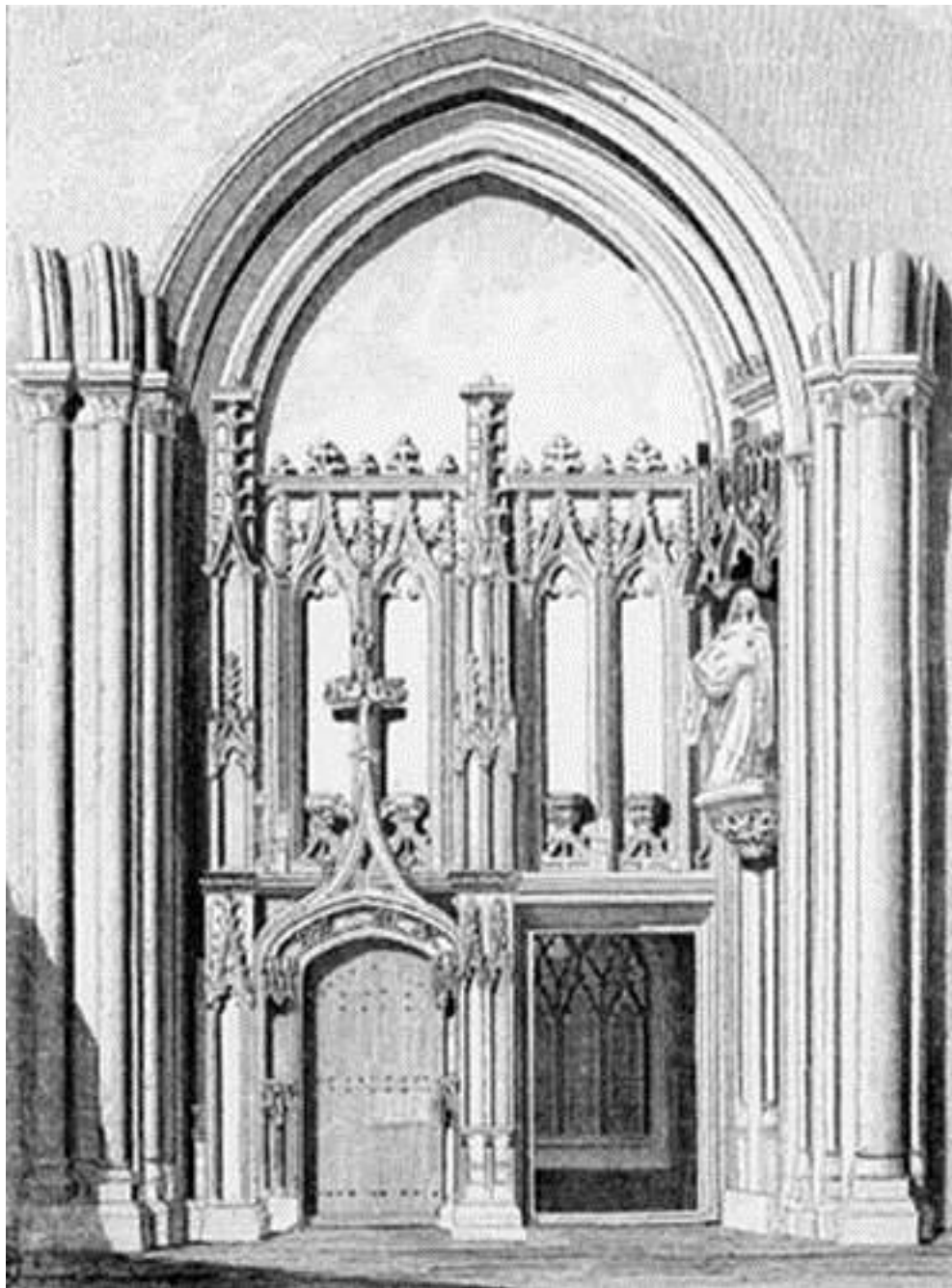

Фото 72. Ширма в церкви Святого Лаврентия в Ес.

Некоторые авторы предполагали, что город Эу был столицей галльского племени, упомянутого в Комментариях Цезаря под названием эссуи; но предположение такого рода, полностью основанное на сходстве названия и не подкрепленное никакими побочными свидетельствами,

должно быть признано в лучшем случае лишь проблематичным; а древняя география представляет столь широкое поле для проявления изобретательности и образованности, что ни в одной области науки нет большей необходимости остерегаться правдоподобных теорий.— Есть и другие, которые отстаивают тевтонское происхождение города и ссылаются на этимологию с таким же рвением и с большей правдоподобностью. Слово *Eu*, иначе пишущееся как *Ou* или *Au* по-саксонски означает луг; и то же название также первоначально применялось к реке Бресле, [163] которая оmyвает стены Ес на расстоянии двух миль от ее впадения в океан в Трепорте. [164]

Первое упоминание о Ес в истории встречается на страницах Флодоарда, согласно которому город существовал в 925 году; но независимо от того, будет ли предпочтительнее римское или саксонское происхождение его названия, в любом случае этимология справедливо позволяет сделать вывод, что его основание было значительно более древним. Во времена правления Людовика XI. Ес приобрел печальную известность: летом 1475 года было распространено сообщение о том, что англичане намеревались высадиться на побережье Франции и обосноваться там на зиму. В то же время этот город уверенно упоминался как место, где они предлагали обустроить свои кварталы. Чтобы лишить их такого преимущества, французский монарх прибегнул к мере, которая могла быть оправдана только самой настоятельной необходимостью: он приказал маршалу де Гамашу восемнадцатого июля войти в город с четырьмя сотнями солдат и поджечь дома горожан вместе с замком. Его повеления были исполнены, и все превратилось в груды пепла, за исключением церквей. Соседние города Дьепп, Сен-Валери и Аббевиль извлекли выгоду из неудач Ес, который так и не восстановил свое процветание, несмотря на различные привилегии, впоследствии предоставленные ему.— Нынешнее население состоит примерно из трех тысяч четырехсот жителей, чье единственное ремесло - пустяковая кружевная мануфактура.

Еще с 1102 года титул графа даровал Ричард I. герцог Нормандии лордам Эу, которые в 1458 году получили дополнительное достоинство *графов и пар*; вероятно, в качестве некоторой компенсации за страдания, причиненные этому месту тремя годами ранее. В числе этих графов был знаменитый герцог де Гиз, широко известный под именем *Ле Балафре*. Его памятник из черно-белого мрамора в церкви иезуитов в Эу был выполнен генуэзскими художниками, как и памятник его жене, герцогине Клевской. Они оба уже давно являются предметами восхищения. [165] Последним в роду графов де Пентьевр был герцог де Пентьевр, дворянин самого достойного характера: титул достался ему в момент начала революции; и немалая честь для него, что в разгар того бурного периода удалось найти писателя, придерживающегося самых решительных республиканских принципов, который в своих трудах свидетельствует следующее: его благосклонность: “Ни в коем случае не судите, о коррупции и пороках, избегающих звания мудреца и правителя, ни во время войны, ни во время депортации Версальской империи, ни во время высшего престола, ни во время республики за независимость, ни до конца, ни до конца, в течение долгих лет соблюдайте законность в семье, соблюдая достоинство короля”. ты не простой гражданин. [166]” —Замок, резиденция графов, в настоящее время преобразован в военный госпиталь.

Говорят, что аббатство Эу было основано в 1002 году, [167] Вильгельмом, первым графом этого места, побочным сыном Ричарда *бессребреника*, герцога Нормандии. Изначально он был посвящен Пресвятой Деве, но по прошествии чуть более двухсот лет был передан в ведение святого Лаврентия, архиепископа Дублинского. Этот прелат в 1181 году отправился в

Нормандию с целью восстановления дружеского взаимопонимания между королем Ирландии, его братом и королем Англии; и, как говорят, в момент своего приближения к Европе и созерцания высоких башен аббатства он воскликнул в порыве благочестивого рвения: “*Næc requies mea in seculum seculi: hic habitabo, quoniam elegi eam*”. Выполнив цель своей миссии, он вскоре умер в монастыре и был там, похороненный; и слава о его святости привлекала толпы приверженцев к его могиле, он был канонизирован папской буллой, датированной 11 декабря 1218 года, с тех пор монастырь носит его имя.

Церкви Святого Лаврентия, хотя она больше и не является аббатской, было позволено существовать; еще до революции она служила одновременно церковью для монастыря и первого прихода Ес. Изображенная здесь ширма, прекрасный образец украшенной английской архитектуры, установлена у входа в одну из часовен. В другой часовне находится *Гроб Господень*, который, как говорят, превосходит по исполнению фигур любую другую во Франции. В южном трансепте находится необычайно элегантная колонна со спиральными окаймлениями. Церковь стоит на фундаменте более раннего здания, возведенного в конце двенадцатого века и разрушенного молнией в 1426 году. Согласно записям монастыря, он был либо полностью, либо в значительной степени перестроен Джоном де Валье, двадцать четвертым настоятелем, в 1464 году. [168]—Следующее описание здания заимствовано из дневника очень способного друга автора этой статьи, посетившего Ес в сентябре 1819 года: “Церковь аббатства Ес простая и массивная снаружи нефа и трансептов. Восточный конец хора сильно украшен выступающими контрфорсами и т.д. Окна нефа стрельчатые и очень высокие: снаружи - круглая арка, которая, возможно, была отреставрирована. Западное окно состояло из трех стрельчатых проемов, которые были украшены более современным орнаментом. Неф необычайно элегантен: трифорий, или, скорее, верхний ярус арок, имеет новый дизайн и является самым необычным. Трифорий на хорах выполнен из ажурных элементов. Северный трансепт чем-то напоминает Винчестерский, только арки заостренные: здесь две арки. Вероятно, такое расположение является общим; я видел его в Труа и других местах. В боковой часовне находится усыпальница: фигуры размером с натуру или почти с нее и богато раскрашены; вполне совершенны. Надписи на подолах одежд. *Кулы де лампе* отличаются изяществом сетчатой работы. В северном трансепте находится круглое окно, украшенное поздним ажуром. Никаких башен на западном конце. Восточный конец, как обычно, многоугольник. Эта церковь, достойная внимательного изучения, совершенно отличается по своему характеру от церквей на востоке Франции: в ней нет окон в виде бархатцев; нет ряда ниш над порталом; нет массивного дверного проема; так что общие очертания фасада полностью соответствуют древнейшему остроконечному стилю. Но внешний вид более целомудрен, чем что-либо у нас в Англии; и его архитектурное единство сохранилось лучше. С другой стороны, его детали менее вычурны ”.

СНОСКИ:

[163] *Описание Верхней Нормандии*, I. p. 45.

[164] “Жизнь в Огне, названном в честь местных прерий. Au, Avv, Avve, et Ou, en Allemand, signifient un Pré.... Aventin est mon témoin dans son explication des noms Allemands. La ville d'Eu, située dans des prairies, a tiré son nom de la même origine. Elle est nommée dans les vieux Ecrivains, *Auga, Augam*, et *Aucum*; et dans les auteurs Anglois *Ou*, d'où est formé le nom d'Eu. De cette même origine vient le nom d'*Au*, qu'on a depuis écrit et prononcé *O*, et que portent plusieurs Seigneuries de Normandie et d'ailleurs, et qui est le même que celui d'*Ou*. *Ou* est une Comté qui a appartenue à ce

Robert, que Robert du Mont qualifie Comte d'*Ou*. Ces mots d'*Eu*, d'*Au*, et d'*Ou*, se trouvent encore dans la composition de plusieurs noms de terres et de Seigneuries. *Eu*, dans le nom d'*Eu court*, d'*Eumesnil*, et d'*Eulande*, terre dans le païs d'Auge, entre le Mare-Aupoix et Angerville, et ce nom est le même, sans aucune différence, que celui d'*Oelande*, isle de la mer Baltique, du domaine de la couronne de Suede. Les Suedois et les Danois prononcent *Oelande* ce que nous prononçons *Eulande*. *Au* dans *Aubeuf*, *Aubose*, *Aumesnil*, *Aumont*, *Auvillers*. *Ou* dans *Ouville*. Pour *Auge* on a dit *Alge* en quelques lieux; et c'est de là que vient le nom d'une terre au païs de Bray, qui ne consiste presque qu'en prairies. Le même nom d'*Auge*, que portent quelques familles, montre assez qu'il a été appellatif. Mais la chartre de confirmation de la fondation de l'Abbaye de St. Etienne, donnée par Henry II. Roy d'Angleterre, le montre incontestablement par ces paroles, "*cum sylvâ et algîâ et cum terris*".—*Huet, Origines de Caen*, p. 294.

[165] The church of St. Lawrence likewise contained the monuments of several distinguished personages, as appears by the following extract from the *Description de la Haute Normandie*, l. p. 72.—“Là sont inhumez Jean d'Artois, Comte d'Eu, fils de Robert d'Artois, Comte de Beaumont le Roger, et de Jean de Valois, mort le 6 Avril, 1386: Isabelle de Melun, son epouse: Isabelle d'Artois, leur fille, dans la chapelle de Saint Denys, sous une belle table de marbre noir, qui sert de table d'autel: Charles d'Artois, Comte d'Eu, sous l'autel de la chapelle de Saint Laurent: Jeanne de Saveuse, sa premiere femme: Helène de Melun, sa seconde femme, dans la chapelle de Saint Antoine, dite aujourd'hui de Saint Crepin: le Cœur de Catherine de Cleves, Comtesse d'Eu, au bas du Sanctuaire, sous une magnifique colonne de marbre noir: N.... de Bourbon, dit le Duc d'Aumale, fils de Louis-Auguste de Bourbon, legitimé de France, Duc de Maine, mort le 8 Septembre, 1708: enfin Philippe d'Artois, Comte d'Eu, et Connétable de France, mort selon son epitaphe à *Micalice* en Turquie, c'est-à-dire Nicopoli, le 16 Juin, 1397. Le Mausolée de celui-ci, qui est de marbre, est enfermé dans une espece de Cage de fer, dont les barreaux n'empêchent point qu'on ne puisse en approcher et y porter la main. Le Prince y est representé armé, mais sans casque et sans gantelets, pour marquer, dit-on, qu'il est mort à la guerre, mais non dans le combat: il a deux petits chiens à ses pieds, pour signifier, ajoute-t-on, qu'il est mort dans son lit: enfin la grille qui l'environne represente, dit-on encore, qu'il est mort en prison. Le monument, selon l'Ecrivain de qui j'emprunte ces conjectures, n'a coûté que 100 livres.”

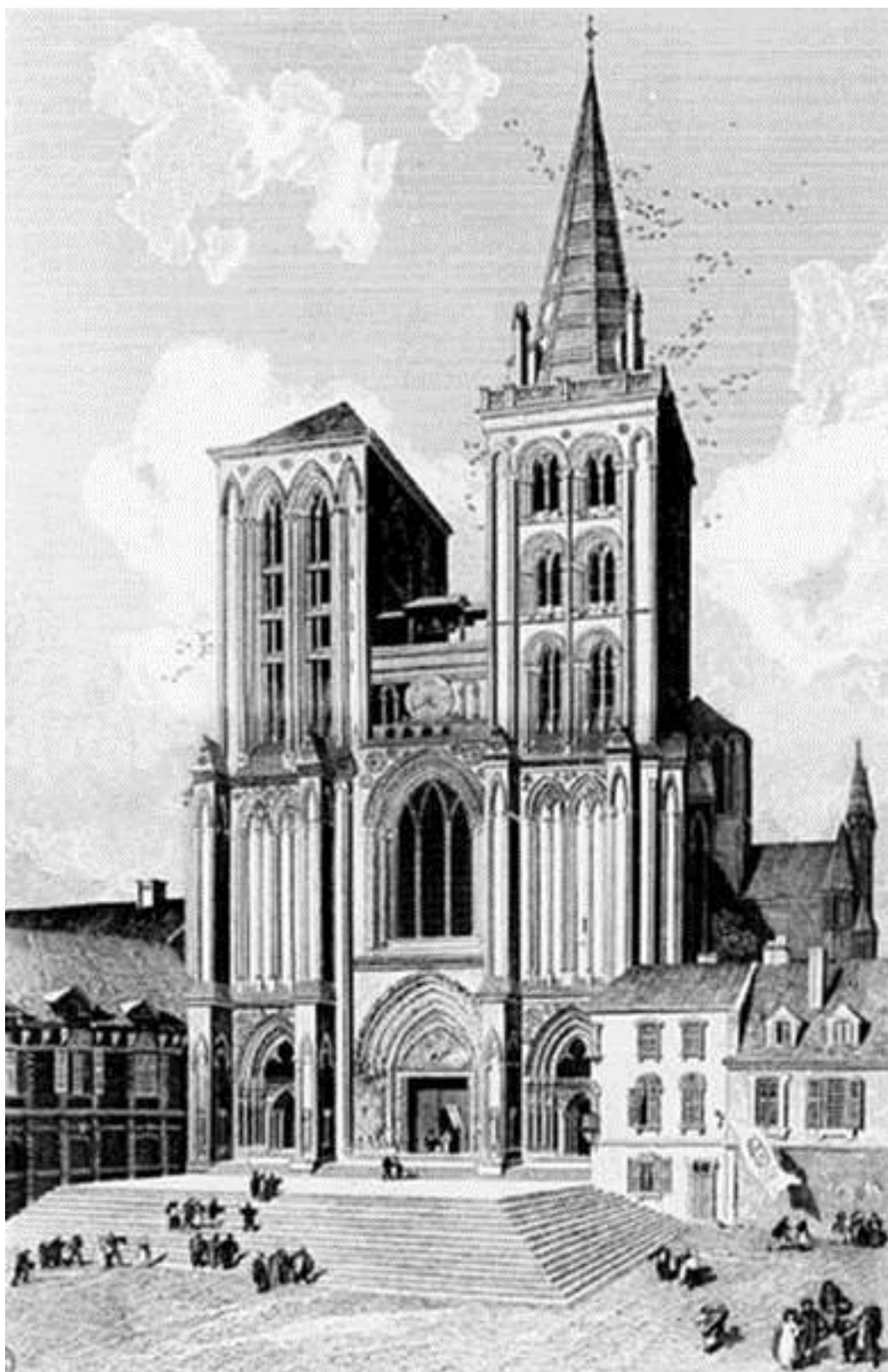
[166] Noel, *Essais sur le Département de la Seine Inférieure*, l. p. 84.

[167] *Neustria Pia*.

[168] *Нейстрия Пиа*, стр. 700.

ТАБЛИЧКА LXXIII.-LXXV.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО. ПЕТРА В ЛИЗЬЕ.

Листы 73-74. Церковь Святого Петра в Лизье.

Влияние, оказанное французской революцией на религиозное состояние страны, было едва ли менее важным, чем на политическое. В обоих случаях нация со слепой яростью бросалась из крайности в крайность; в обоих они следовали за призраками идеального совершенства через

беспрецедентную серию эксцессов и страданий; в обоих они в конце концов отдохнули от усталости гораздо больше, чем от убежденности; и, к счастью для человечества и для них самих, в конце концов достигли почти одной и той же цели, действительно вернувшись к своим первоначальным конституциям, но смягчив их наиболее подходящим сочетанием гражданской и церковной свободы. *Конкордат* сделал для церкви то же, что хартия сделала для государства. Первый из них был одним из главных элементов политики Наполеона, а также одним из первых актов его власти. Она была учреждена в 1801 году, когда Франция еще сохраняла название республики, а честолюбие ее правителя не осмеливалось посягать на нечто большее, чем консульское достоинство. Этим актом была изменена вся церковная конституция; и не только вся власть была передана в руки главы государства, но провинции и епархии были полностью преобразованы; и вместо двадцати трех архиепископств и ста тридцати четырех епископств число первых, несмотря на обширную территорию Франции, сократилось до десяти, а число последних - до пятидесяти.

Архиепископ Руанский был одним из тех, кто меньше всего пострадал в этом случае. Его достоинство было урезано только из-за подавления двух его суффрагисток, епископов Авранша и Лизье. [169] Здесь фигурирует церковь, затем отказавшаяся от митры, которой она наделяла с середины VI века выдающуюся, хотя и не непрерывную, линию прелатов. В анналах собора признается, что либо престол пустовал в течение четырехсот лет, либо, по крайней мере, имена тех, кто занимал его в течение этого периода, утеряны. Ордерик Виталис, пятьдесят шесть лет проживший в епархии и собравший в шестой книге своей *Церковной истории* все, что можно было найти в его время относительно ее раннего состояния, признает наличие пропасти и объясняет это следующими общими замечаниями. - “Пираты Даниила эгресси сант, в Невостребованном венерунте и христианской вере в божественный культ в пенитенциарных учреждениях игнари, super fidelem populum immanitèr дебакчати сант. Antiquorum scripta cum basilicis et ædibus incendio deperierunt, quæ fervida juniorum studia, quamvis insatiabilitèr sitiant, recuperare nequiverunt. Nonnulla verò, quæ per diligentiam priscorum manibus barbarorum solertèr erepta sunt, damnabili subsequentiū negligentia interierunt.”

Город Лизье представляет собой столицу галльского племени, упоминаемого Цезарем и другими почти современными авторами под именем *Лексовии*; и современные географы предполагают, что территория, занимаемая этими последними, была почти такой же обширной, как и позднее епископство Лизье. По этому поводу было замечено, что “следует отметить, что границы древних епископств Франции обычно совпадали с римскими провинциями и префектурами”. [170] *Неомагус* или *Новиомагус Лексовиорум*, столица Лексовии, всегда считалась расположенной на месте нынешнего города, пока некоторые раскопки, проведенные в 1770 году с целью формирования *шоссе* между Лизье и Каном, не доказали, что древний и современный город были расположены на расстоянии примерно трех четвертей мили друг от друга. Затем были обнаружены обширные руины зданий, расположенных в поле, называемом *Туретт*, и среди них были откопаны различные образцы древнего искусства. Исследования более позднего времени, в основном проведенные месье Луи Дюбуа, очень способным антикваром из Лизье, существенно увеличили количество и ценность этих открытий; а количество римских монет и медалей, которыми были вознаграждены его изыскания, не оставило бы сомнений относительно реального местонахождения Неомагуса, даже если бы в течение всего нескольких лет это обстоятельство не было установлено почти бесспорно благодаря обнаружению римского амфитеатра в состоянии величайшего совершенства.

Традиция, которую в данном случае нет оснований оспаривать, гласит, что галло-римская столица исчезла во время набегов саксов примерно в середине четвертого века. В качестве дальнейшего подтверждения такого мнения следует отметить, что ни одна из медалей, найденных в руинах или поблизости от них, не датируется более поздней датой, чем царствование Константина; и что, хотя город указан в *Маршруте Антонина*, никаких упоминаний о нем нет на любопытной карте, известной под названием *Tabula Peutingeriana*, составленной в правление Феодосия Великого; так что затем он, по-видимому, был полностью сметен и забыт.

Предполагается, что современный Лизье возник в недалеком будущем после разрушения Неомагуса. В трудах монашеских историков это безразлично называется *Lexovium*, *Lexobium*, *Luxovium*, *Lixovium* и *Lizovium*, названия, очевидно, заимствованные из классического названия племени, поскольку французское слово *Lisieux* явно происходит от них. В ранней части нормандской истории Лизье упоминается как почувствовавший месть этих захватчиков во время одной из их грабительских вылазок из Бессена, примерно в 877 году. Вскоре после этого он был разграблен самим Ролло, когда этот завоеватель, воодушевленный взятием Байе, направлялся во владение столицей Нейстрии. Но территория Лизье все еще оставалась последней частью герцогства, владевшей Ролло как своим сеньором: она не была передана ему Карлом Простым до 923 года, когда он в течение одиннадцати лет был бесспорным сувереном остальной Нормандии.

Ни при нормандских герцогах, ни в последующий период Лизье, по-видимому, не принимал сколько-нибудь заметного участия в политических операциях. Его центральное положение, защищавшее его в прежние времена от нападений французов, а в последнее время и англичан, также помешало ему приобрести ту историческую известность, которую, благодаря своим размерам и богатству, он вряд ли смог бы приобрести иным способом. Основные события, связанные с этим, согласно документам, следующие: — Это было средоточием гражданской войны в 1101 году, когда Ральф Фламбарт, епископ Дарема, сбежав из тюрьмы, в которую он был заключен своим сувереном, бежал сюда и поднял знамя восстания против Генриха в пользу своего брата. В 1136 году Лизье подвергся нападению войск Анжу под командованием Жоффруа Плантагенета, мужа императрицы Мод, к которым присоединились войска Вильгельма, герцога Пуатье; и гарнизон, состоящий из бретонцев, не видя надежды на сопротивление или спасение, сжег город. Тридцать три года спустя город был удостоен чести быть выбранным Томасом Бекетом в качестве места его ухода на пенсию во время его временной опалы. Арнульф, в то время епископ Лизье, усердно, хотя и безуспешно, трудился над восстановлением дружбы между государем и прелатом, действительно, решительно поддерживая дело последнего, но в то же время никогда не теряя дружбы первого, для которого после убийства Бекета он написал извинительное письмо верховному понтифику от имени всех епископов Англии. — Лизье в 1213 году перешло из-под власти нормандских герцогов под власть французского монарха. Она открыла свои ворота Филиппу-Августу сразу после падения Кана и Байе; и ее капитуляция сопровождалась капитуляцией Кутанса и Сезе, причем все они были сданы без единого удара, как рассказывает королевский поэтический хронист Брито в следующих строках:

“Cumque diocesibus tribus illi tres sine bello
Sese sponte suâ præclari nominis urbes

Subjiciunt, Sagium, Constantia, Lexoviumque.”

В последующие времена Лизье сильно пострадал, когда был взят английской армией под командованием Генриха V. в 1417 году. Его вернул Карл VII. тридцать два года спустя он не был запятнан кровопролитием.

Большая часть предыдущего рассказа о Лизье была позаимствована из Поездки мистера Тернера по Нормандии: то, что следует далее относительно изображенной здесь церкви, будет полностью таким: “Собор, ныне приходская церковь Святого Петра, извлек из революции одно преимущество. Другая церковь, посвященная Сен-Жермену, которая ранее стояла непосредственно перед ним, так что почти загораживала подход, была снесена, и западный фасад собора был обращен к просторной площади. — Солидное, простое величие характерно для этого фасада, который, несмотря на некоторые незначительные аномалии, в целом является благородным образцом ранней остроконечной архитектуры. — Он состоит из трех равных отсеков, боковые из которых поднимаются в короткие квадратные башни одинаковой высоты. Южная башня увенчана высоким каменным шпилем, вероятно, датируемым позже той части, что находится ниже. Шпиль противоположной башни упал в 1553 году, тогда зданию был нанесен большой ущерб, и особенно центральному входу, который даже по сей день ни разу не ремонтировался. — В отличие от обычной высоты французских соборов, большое окно над главным входом не круглое, а заостренное: оно разделено на три отделения широкими средниками, украшенными множеством лепнины. Помещения заканчиваются острыми стрельчатыми арками. В северной башне все пространство от цокольного этажа занимают только два яруса окон. Каждый ярус содержит два окна, чрезвычайно узких, учитывая их высоту; и все же, какими бы узкими они ни были, каждое из них разделено круглым цоколем или центральной колонной. Вы лучше поймете, насколько высокими они должны быть, когда вам скажут, что в южной башне пространство верхнего ряда разделено на три отдельных яруса; и все же окна не кажутся непропорционально короткими. Они также двойные, а внутренние арки заостренные; но арки, внутри которых они расположены, круглые. В этом обстоятельстве заключается основная аномалия фасада собора; но нет никаких признаков несоответствия в датировке; поскольку круглые арки опираются на те же тонкие средники с грубыми листовыми капителями большого выступа, которые являются наиболее отличительными чертами этого стиля архитектуры.

Дата постройки устанавливает факт использования стрельчатой арки не только как случайного варианта, но и во всем масштабном строительстве церквей уже в XI веке. Саммартанус сообщает нам, что епископ Герберт, умерший в 1049 году, начал строить эту церковь, но не дожил до ее завершения; и Ордрик Виталис недвусмысленно добавляет, что Хью, преемник Герберта, на смертном одре в 1077 году, вспоминая свою прошлую жизнь, употребил следующие слова: *Ecclesiam Sancti Petri, principis apostolorum, quam venerabilis Herbertus, prædecessor meus, cœpit, perfecit, studiosè adornavi, honorificè dedicavi, et cultoribus necessariisque divino servitio vasis aliisque apparatus copiosè ditavi.* — Язык такого рода кажется слишком явным, чтобы оставлять место для двусмысленности, но все еще преобладало мнение, основанное, вероятно, на стиле архитектуры, что собор не был закончен до близится к концу тринадцатый век. Признавая, однако, такой факт, я не вижу, как это существенно поможет тем, кто поддерживает это мнение; ибо здание далеко не представляет собой, как это обычно бывает в больших церквях, смесь несочетаемых частей; но оно построено по одному установленному

плану; и как это было начато, так и закончилось. Внешний вид оконечности южного трансепта (см. Фото [семьдесят пятого](#)) представляет собой еще более законченный образец раннего остроконечного стиля, чем западный фасад; этот стиль, который был самым целомудренным и, если мне будет позволено использовать это выражение, самым строгим из всех, едва ли где-либо проявляется с большей выгодой. Центральное окно состоит из пяти стрельчатых проемов, опирающихся на тонкие колонны: массивные контрфорсы из нескольких пролетов ограничивают его с обеих сторон.

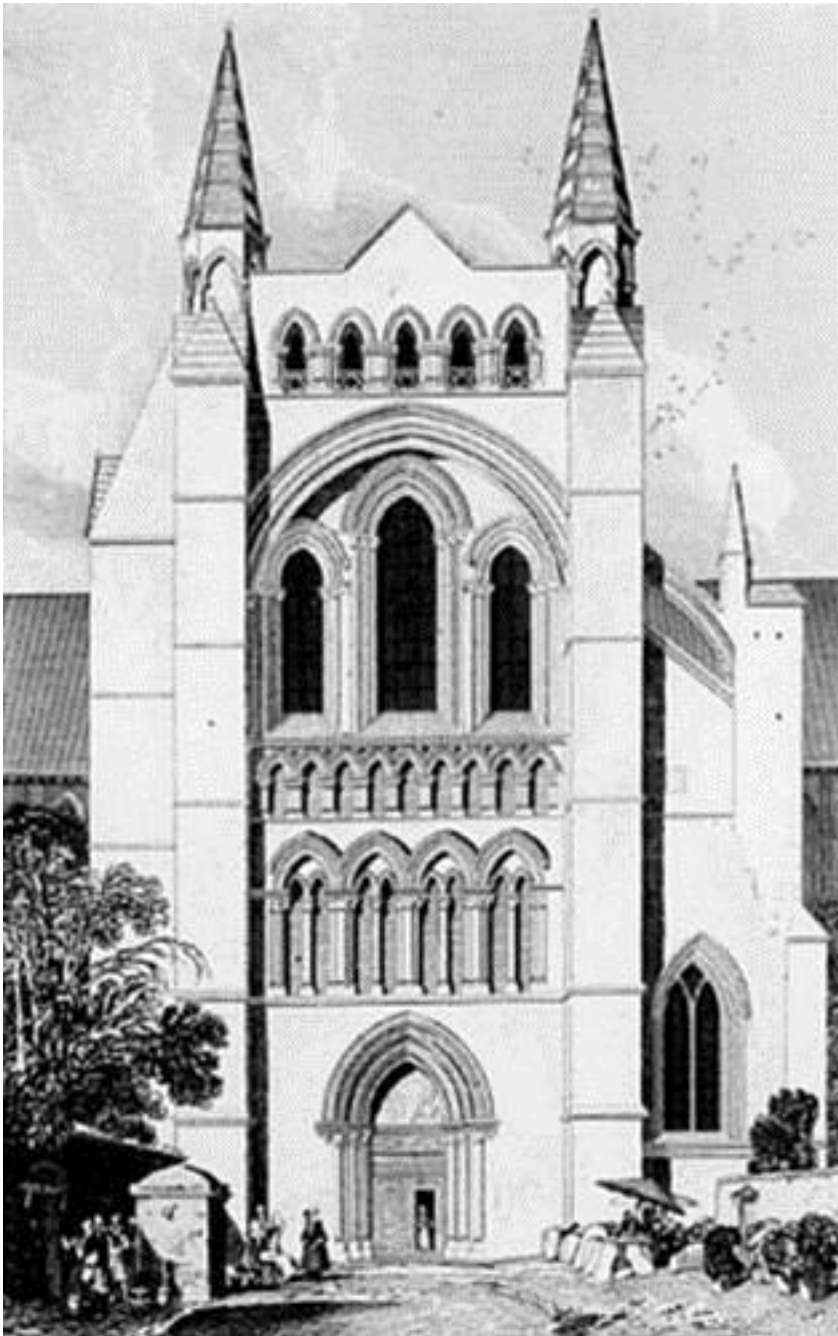

Фото 75. Церковь Святого Петра в Лизье.
Южный трансепт.

Тот же характер единообразия распространяется и на внутреннюю часть здания. С каждой стороны нефа есть боковые проходы, а за проходами - часовни. Колонны нефа цилиндрические, массивные и простые. Их основания заканчиваются листвой на каждом углу, и листва также изображена на капителях. Арки, которые они поддерживают, острые.— Трифорий похож по плану на нижеприведенную часть; но капители колонн значительно более украшены, с очевидной имитацией античной модели, и каждая арка окружает две арки поменьше. На втором этаже современные окна. Трансепты кажутся самыми старыми частями собора, что нередко случается; независимо от того, действительно ли они были построены раньше остальных, или же из-за того, что их меньше использовали в церковных службах, они реже становились объектами последующих переделок. Они большие, и у каждого из них есть проход с восточной стороны. Архитектура хоров напоминает архитектуру нефа, за исключением того, что пять колонн, образующих апсиду, более тонкие, а промежуточные арки более узкие и заостренные. Часовня Богоматери, длинная и узкая, была построена в середине пятнадцатого века Питером Кошоном, тридцать шестым епископом Лизье, который за свою неизменную приверженность англо-нормандскому делу был переведен на эту кафедру в 1429 году, когда Бове, епископом которого он ранее был, попал в руки французов. В 1431 году он был избран на пост председателя суда над Орлеанской девой. Последовало раскаяние; и в качестве искупления своего несправедливого поведения, по словам Дюкареля, он воздвиг эту часовню и отслужил в ней торжественную мессу Святой Деве, которую должным образом исполнили певчие; чтобы, как выражено в его уставе пожертвований, искупить ложное суждение, которое он вынес. [171]—Два окна по бокам от алтаря в этой часовне были окрашены в малиновый цвет, чтобы усилить эффект, производимый при входе в церковь; и, если смотреть на них в такой перспективе, как на неф и отдаленные арки хора, светящийся оттенок ни в коем случае не является неприятным. Центральная башня открыта внутри церкви на значительную высоту: ее поддерживают четыре арки необычной смелости, над которыми проходит ряд небольших арок того же характера, что и остальная часть здания; а еще выше, с каждой стороны, расположены два стрельчатых окна.—Своды крыши очень простые, с выступами, слегка подвешенными и резными.

В конце северного трансепта находится древний каменный саркофаг, настолько встроенный в стену, что, по-видимому, он был встроен в здание в тот период, когда оно было возведено. Характер головок, коронок и расположение листвы можно рассматривать как указание на то, что это произведение, по крайней мере, карловингского периода, если оно действительно не относится к более ранней эпохе. Я полагаю, что традиционно предполагается, что это была могила святого, возможно, святого Кандида; но я не совсем уверен, точно ли я помню это название.—Вверху находятся две вооруженные статуи, вероятно, двенадцатого или тринадцатого веков. Они были выгравированы Виллемином в его полезном труде *"Французские памятники"* под названием *"Два вооруженных воина"* в нефе собора в Лизье; и оба изображены там как будто во всех отношениях совершенные и с большим количеством деталей, которых не существует и никогда не могло существовать; хотя в то же время художник опустил животных у ног статуй, одна из которых еще почти целая.— Это можно причислить к бесчисленным доказательствам полного пренебрежения точностью, которое пронизывает работы французских антикваров. Французский дизайнер без колебаний жертвует правильностью ради того, что он считает эффектным. Виллемин описывает памятники как находящиеся в нефе церкви. Я подозреваю, что в этом и многих других случаях он воспользовался неопубликованной коллекцией Гайната. Очевидно, что первоначально статуи были лежащими;

но я не могу точно установить, когда их положение изменилось.— В соборе сейчас нет других надгробий: бронзовый памятник, воздвигнутый англичанину Ханнуэру, мраморный памятник епископу Уильяму д'Эстутевиллю, основателю *Коллеж де Лизье* в Париже, памятник Питеру Кошону в часовне Богоматери и все остальное были уничтожены во время революции”.

СНОСКИ:

[169] Следующий отчет о епископстве Лизье взят из *Галлии Христианской*, XI. стр. 762, чтобы читатель мог составить мнение о его масштабах и важности.—“*Ecclesia hæc cæteris Neustriæ episcopatibus facultatibus haud impar, patronum agnostik S. Petrum Apostolorum principem. Episcopus, qui et episcopus est capituli, comes est et civitatis. Hunc comitatum septem componunt baroniæ, de Nonanto in Bajocassino, de Thibervilla, de Glos et Courthona, de Gaceio, de Touqua, de Canapvilla et de Bonnavilla la Louvet, omnes in diœcesi. Episcopus præterea conservator est privilegiorum academiæ Cadomensis. Dignitates omnes et præbendas ecclesiæ Lexoviensis confert, excepto decano qui eligitur a capitulo, nec a quoquam confirmatur. Præter decanum, capitulum octo constat dignitatibus, cantore, qui residere tenetur, thesaurario, capicerio, magistro scholarum et quatuor archidiaconis; 1. de Lievino cui subsunt quatuor decanatus rurales, Moyaux, Cormeilles, Bernai, et Orbec, in quibus 139 parochiæ, rectoriæ vero seu curæ 148; 2. de Algia, cui subsunt tres decanatus, Mesnil-Mauger, Beuvron et Beaumont, in quibus 128 parochiæ, rectoriæ vero 137; 3. de Ponte Audomaro, cui subsunt tres decanatus, Touques, Honfleur, et Pontaudemer, in quibus 89 parochiæ, rectoriæ 93; 4. denique de Gaceio, cui subsunt quatuor decanatus, Gacey, Livarot, Montreul, et Vimontier, in quibus 111 parochiæ, et 117 rectoriæ. Post dignitates sunt 31 præbendæ integræ cum duabus semipræbendis, e quibus undecim antiquæ foundationis, quas qui tenent barones vocantur. Sunt et aliæ sex præbendæ Volantes dictæ, quæ quotidianis non gaudent distributionibus. Sunt adhuc in eadem ecclesia 4 vicarii, quorum tres revocabiles, et 30 capellani, quorum septem episcopus, et 23 instituit capitulum. Præter parochias supra memoratas, sunt et aliæ undecim in urbe et baleuca Lexoviensi, rectoriæ duodecim: quatuor in exemtione de Nonanto prope Bajocas, quarum sex rectores, et quinque in exemtione S. Candidi senioris in urbe et diœcesi Rotomagensi, quarum unam, scilicet S. Candidi senioris collegiatam simul et parochialem administrant quatuor canonici, qui alternis vicibus parochialia obeunt munia; decanatus enim annexus est episcopo Lexoviensi qui jurisdictionem exercet in quinque illas ecclesias. Tota denique diœcesis Lexoviensis 487 parochias continet, rectorias 520.”*

[170] *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 139.

[171] *Англо-нормандские древности*, стр. 47.

ТАБЛИЧКА LXXVI.

ЦЕРКОВЬ АББАТСТВА Св. УЭН В РУАНЕ.

Фото 76. Церковь аббатства Сент-Уэн в Руане.
Вид на северо-восток.

Красота церкви Сент-Уэн была частой темой восхищения среди любителей древней церковной архитектуры. Превосходство здания никто не отрицал, в то время как некоторые зашли так далеко, что рассматривали его как само совершенство того стиля, который обычно, пусть и неправильно, получил название *готический*. Недавний английский путешественник, чье внимание было специально направлено на различные области искусства, приводит следующее свидетельство в его пользу: “Вне всякого сравнения, лучшим образцом готической архитектуры, с которым мы встречались во Франции, является *Сент-Уэн*, второстепенная церковь в Руане. По сравнению с собором в Солсбери, он невелик; но, я думаю, он не уступает этому или любому другому сооружению, которое я когда-либо видел, в элегантности, легкости или изящном единообразии”. [172]

До упразднения монастырей во Франции церковь Сент-Уэн была частью одноименного аббатства, одного из самых знаменитых и древних в Нормандии. Сейчас это приходская церковь, и, к счастью, она находится почти в идеальном состоянии, сравнительно мало пострадав от безумного безрассудства кальвинистов шестнадцатого века или демократов восемнадцатого; хотя первые нанесли ей все обдуманные оскорбления, и в ярости революции она была разграблена и осквернена — когда—то ее превратили в фабрику по ковке оружия, а в другой - в продовольственный магазин. -Приводятся разные сведения об основании монастыря: некоторые авторы утверждают, что это произошло еще в XVI веке. последний год четвертого века и был делом благочестия святой Виктрисы, в то время епископа Руанского; другие, и их больше, довольствуются тем, что прослеживают его со времен правления Клотера. Те, кто придерживается последнего мнения, снова расходятся во мнениях относительно того, был ли

сам этот принц фактическим основателем или только утвердил своей королевской санкцией то, что на самом деле было учреждением архиепископа Флавия. Однако в любом случае они сходятся в датировке происхождения аббатства 535 годом.

Историк, живший еще в середине десятого века, говорит о первоначальной церкви Сент—Уэн как о сооружении, заслуживающем восхищения: “..... миро опера, четверостишие, готический стиль,.... олим нобилитэр конструктор”. [173]—Аббатство сначала было отдано под призывание Святых апостолов в целом: впоследствии оно было посвящено только святому Петру; но с 692 года у него нет другого покровителя, кроме Святого Уана, [174] чье тело было тремя годами ранее предано земле в церкви, которую он защищал своим особым благоволением при жизни и которая получила от него еще большую пользу после его смерти, благодаря скоплению паломников, привлеченных чудесами, совершавшимися у его могилы.

После вторжения норманнов в девятом веке это аббатство разделило общую судьбу нейстрийских монастырей; и, как и все остальные, оно восстало из пепла с еще большим великолепием после обращения этих варваров в христианство. Николас, четвертый настоятель монастыря, сын герцога Ричарда II и Юдифи Бретонской, по словам Ордерика Виталиса, начал “строительство новой церкви замечательных размеров и элегантности”. Но хотя он руководил братством почти шестьдесят лет, он не дожил до завершения строительства: доведение задачи до совершенства было возложено на Уильяма Балота, предпоследнего после него в преемственности; и даже он умер в тот самый год посвящения, которое состоялось только в 1126 году.

Эта церковь, на строительство которой ушло восемьдесят лет, просуществовала недолго после завершения строительства: с момента ее освящения прошло всего десять лет, когда она стала жертвой пожара, который в то же время был разрушительным для большей части города: другая церковь, построенная вскоре после этого и главным образом благодаря щедрости Ричарда Львиного Кер-де-Лиона, постигла ту же участь в 1248 году. Но даже эти повторяющиеся бедствия никоим образом не ослабили духа монахов: они удалились с остатками своего имущества в одно из своих поместий близ Руана, и там, благодаря экономии с их стороны и щедрости со стороны других, они вскоре оказались в состоянии приступить к возведению четвертого монастыря, большего по размерам, чем любой из предыдущих, и обнести его высокими стенами.

Честь заложить первый камень новой церкви, той самой, что стоит сейчас, принадлежит одному из самых знаменитых настоятелей, Джону Русселю, более известному под именем *Маркдарджент*. [175] Он был избран в прелатство в 1303 году; и пятнадцать лет спустя он основал структуру. Он руководил монастырем тридцать семь лет и был похоронен в приделе Богоматери церкви, который он достроил до самых западных трансептов. Пышность, с которой были проведены его похороны, подробно описана в *Neustria Pia*; и в той же работе также сохранилась следующая надпись, выгравированная на его гробу, которая с большой точностью описывает прогресс, достигнутый им в строительстве:

“HIC JACET FRATER JOANNES MARCDARGENT
ALIAS ROUSSEL, QUONDAM ABBAS ISTIUS MONASTERII,
QUI CŒPIT ÆDIFICARE ISTAM ECCLESIAM
DE NOVO; ET FECIT CHORUM ET CAPELLAS,
ET PILLIARIA TURRIS, ET MAGNAM PARTEM

Остальные части церкви не были закончены до начала шестнадцатого века, когда она была доведена до нынешнего состояния тридцать четвертым аббатом Энтони Бохье, который в летописях монастыря носит репутацию “великолепного реставратора древних монастырей”. Каким бы замечательным ни было сооружение, первоначальный проект архитектора так и не был завершен. Западный фронт остается несовершенным; и об этом тем более следует сожалеть, поскольку эта часть, естественно, первой бросается в глаза постороннему человеку, у которого, таким образом, складывается неблагоприятное впечатление, от которого впоследствии трудно полностью избавиться. Замысел состоял в том, что портал должен был быть обрамлен великолепными башнями, заканчивающимися сочетанием открытых арок и ажурных элементов, соответствующих очертаниям и стилю центральной башни. Гравюра, хотя и убогая, изображающая этот предполагаемый фасад, приведена в “Истории аббатства” Поммерея по эскизу, сохранившемуся среди записей монастыря.

Вид этой церкви, нарисованный мистером Котманом, скопирован с рисунка, сделанного мисс Элизабет Тернер. Он представляет здание, видимое со скамейки в садах, ранее принадлежавших монастырю, но теперь открытых для публики; и он хорошо рассчитан, чтобы передать общее представление о характере внешнего вида здания, включая центральную башню, которая полностью состоит из открытых арок и ажурных элементов и заканчивается, как и южная башня собора, восьмиугольной короной из лилий. На плите также изображена часть круглой часовни, ныне широко известной под названием *la Chambre des Clercs*, единственной сохранившейся части церкви, построенной Уильямом Балотом в начале двенадцатого века. Эта часовня, южный притвор, центральная башня и образец древней скульптуры в церкви были выгравированы мистером Тернером во время его *тура по Нормандии*. Две первые, на те же сюжеты, вместе с западным фасадом, общим видом церкви с юга, любопытным барельефом над южным входом и изображением интерьера, впоследствии были литографированы в “Памятниках Нормандии” М. Жолимона. В обеих этих работах описанию и истории здания были посвящены значительные усилия; и к ним следует отсылать читателя, который не желает заниматься увесистым фолиантом Поммерея.

СНОСКИ:

[172] *Письма Мильтона об изящных искусствах, написанные из Парижа в 1815 году.* стр. 183.

[173] Жолимон, у которого позаимствована эта цитата, утверждает, что ее можно найти в хронике автора по имени Фридегод; и он продолжает следующими замечаниями: “Выражение кажется примечательным, поскольку подтверждает вывод, что стиль архитектуры, который Фридегод называет *готикой*, использовался во Франции еще в ранние времена. как начало шестого века, время, отведенное им для строительства первой церкви Сент—Уэн. Но из того, как он это замечает, в равной степени следует заключить, что этот стиль тогда не был распространен; и его замечание о том, что здание было построено из квадратных камней (в отличие, скорее всего, от щебня), указывает на то, что такое сооружение было необычным для Руана того периода. Эта идея находит подтверждение в размышлении о том, что материалы для строительства города первоначально доставлялись из окружавших его лесов; так что не только дома частных лиц, но и общественные сооружения были просто деревянными. Святой Григорий Турский, говоря в своей пятой книге о церкви в Руане, посвященной святому Мартину,

использует следующее выражение: "*Вопрос о высшей степени цивилизованности, о том, что такое табулис фабриката эст.*" — Действительно, несколько каменных построек в то время в Руане были почти исключительно предназначены для фортификационных целей и были сделаны из кремня или песчаника, а не из необработанного камня. Все также стремится доказать, что архитектура в столице Нейстрии находилась в то время в зачаточном состоянии; или, если она когда—либо была там более развитой, что могло быть только под римским владычеством, что она откатилась в варварское состояние. -Более того, *готический стиль*, упомянутый Фридегодом, был не чем иным, как вырождением римской или, точнее, ломбардской архитектуры, отличавшейся круглой аркой, изолированными колоннами, скудостью украшений и общей массивностью. Его ни в коем случае не следует путать со стилем, который с тех пор носит то же название, стилем, появившимся примерно в начале двенадцатого века, сразу после крестовых походов, с его причудливыми формами, стройными группирующимися колоннами и каждой частью здания, отличающейся чрезвычайной легкостью, но все еще украшенной обилием многолюдных украшений. Если, однако, этот ломбардский стиль практиковался еще в пятом или шестом веке в таком отсталом в архитектурной науке городе, как Руан, то какую дату следует назначить для его распространения в других частях Франции, где знания об изящных искусствах исчезли на гораздо более короткий период? Это должно быть оставлено на усмотрение антикваров, которым, по—видимому, ускользнул этот отрывок из "Фридегода", чтобы определить, насколько приведенные выше наблюдения справедливы и могут пролить свет на историю архитектурного стиля, называемого *готикой*, происхождение которого во Франции всегда было покрыто мраком."

[174] Сент-Уэн родился в 600 году н.э. в деревне Санси, недалеко от Суассона. Он происходил из знатной семьи и получил образование в аббатстве Сен-Медар в Суассоне, откуда в раннем возрасте был отправлен ко двору Клотера II. При дворе он завязал тесную дружбу со святым Элуа и при Дагоберте стал любимцем монарха, а также его канцлером и государственным министром. На протяжении всей своей жизни его сильное обращение к религии делало его горячим покровителем монастырских учреждений; и, среди прочего, он основал знаменитое аббатство Ребе-ан-Бри. Он был еще молод, когда отрекся от мира, принял церковное государство и посвятил себя проповеди Евангелия; вскоре после этого, по просьбе жителей Руана, он был назначен преемником Сен-Ромена в качестве их пастора. Его хиротония состоялась в 646 году и была совершена в церкви монастыря Святого Петра, с тех пор называемого Сент-Уэн. Также по его собственному желанию он был там похоронен. Его имя встречается среди тех прелатов, которые присутствовали на Шалонском соборе в 650 году; король также поручил ему различные важные переговоры; и после земной карьеры, прошедшей, согласно его историкам, в практике всех гражданских и апостольских добродетелей, он умер в Клиши, недалеко от Парижа, в 689 году.

[175] Следующая выдержка из *Neustria Pia*, стр. 35, сразу свидетельствует о заслугах аббата и о том свете, в котором здание рассматривалось по всей Франции.—"*Hic Abbatiam reperit bonis omnibus sufficienter munitam, pecunia et com meatu haud indigentem: quam et ipse sapienter ac religiosè gubernavit, locupletavit, et vehementer adauxit; tum possessionibus et redditibus, tum ædificiis ac reparationibus: Basilicam iliam admirabili structura compositam, totiusque Galliæ speciosissimam, construere cœpit, anno 1318, die festo S. Urbani; quam continuavit ad ann. usque 1339, in festo Apostolorum SS. Petri et Pauli: quo in opere expendit 63036 libras argenti, et quinque solidos Turonensis: (quæ nunc haud posset compleri ædificio pro 663036 libris, etiam aureis) quorum*

omnium tesserem vetera hujusce domus inclytæ monimenta nunc usque accuratè continent. De hujusmodi celeberrima æde, sic quidam neotericus verè locutus est. *Nunc est S. Audoeni: cujus mirabilis structura, hodieque dubium relinquit, si alia per Galliam splendidior et elegantior: Monasterium est tota quidem Europa, celeberrimum, sed Patroni sui sanctitate magis æstimandum.* cui alii adstipulantur. Et hoc, consilio et auxilio D. Caroli, Comitis *Valesii*: cui operi Carolus Valesius VI. Rex ann. 1380, dono dedit tria millia librarum ad instantiam Burgundiæ Ducis, sui patruelis.”

ТАБЛИЧКА LXXVII.

ФОНТАН КАМЕННОГО КРЕСТА В РУАНЕ. [176]

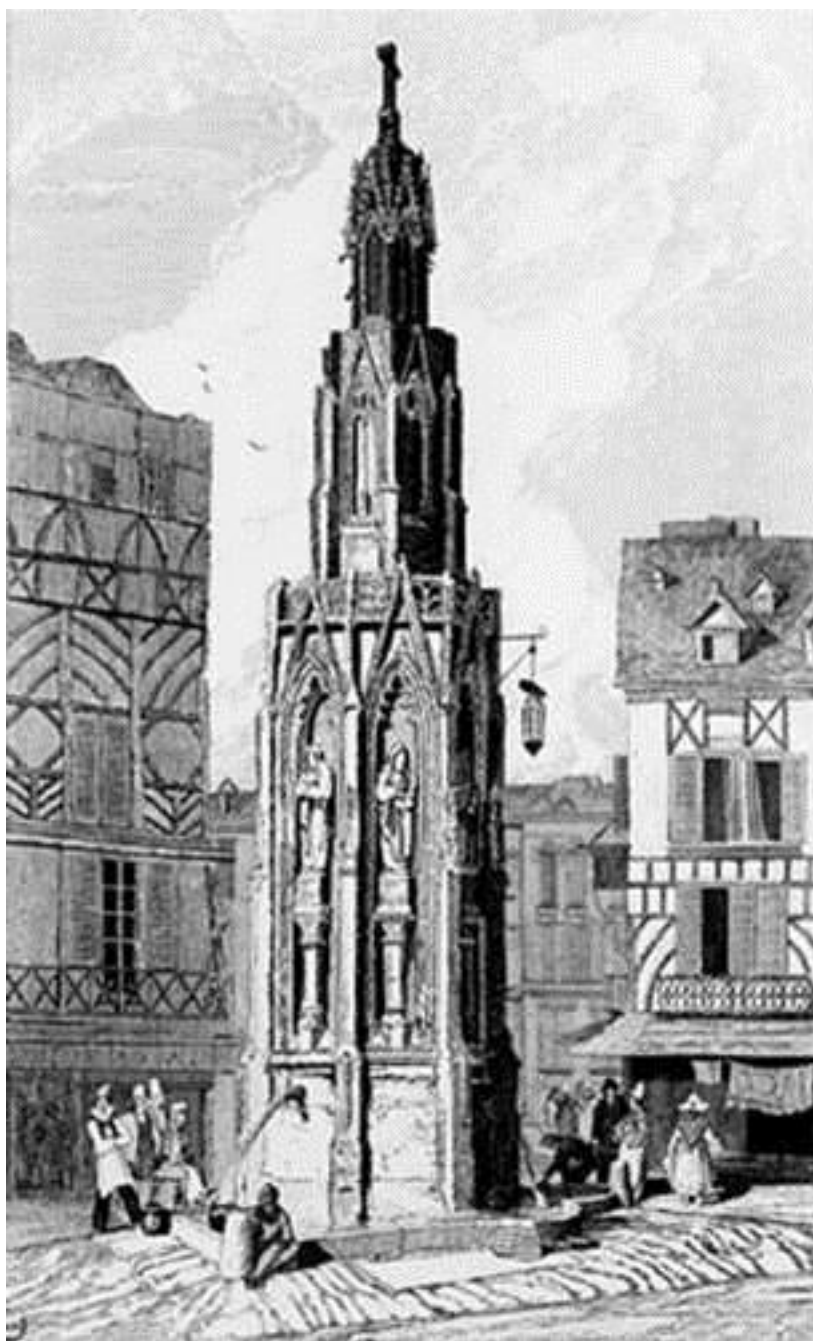

Фото 77. Фонтан Каменного Креста в Руане.

Руан уже давно может похвастаться превосходством над большей частью городов Франции в том, что касается его общественных фонтанов. Меловые холмы, которыми он окружен, в изобилии снабжают его превосходными источниками; и воды этих источников, текущие в разные части города, вносят вклад в украшение города не в меньшей степени, чем в комфорт жителей. Форма одних и украшения других вполне заслуживают внимания, несмотря на повреждения, которые неизбежно нанесло время, или на более жестокие повреждения, вызванные бессмысленным нанесением увечий. Согласно историческим свидетельствам, в Руане было несколько фонтанов еще в двенадцатом веке, но их количество, которое сейчас превышает тридцать, значительно увеличилось к началу шестнадцатого века; и именно тогда,

по-видимому, впервые возникла идея сделать то, что изначально предназначалось только для удобства, подчиненным красоте. За эту новую поставку декоративных фонтанов Руан обязан своему великому благодетелю, кардиналу Жоржу д'Амбуазу, который при Людовике XII объединил нормандскую архиепископскую митру с должностью премьер-министра. был не менее способен, чем желал, оказывать самые важные услуги месту своей духовной юрисдикции. Именно под покровительством этого архиепископа был возведен изображенный здесь фонтан, один из самых ранних в тот период. Он приказал построить его в 1500 году. Место, которое он занимает, - это перекресток, образованный соединением улиц, называемых Сент-Вивьен, Сент-Илер и Кокеромон, место, которое до правления Людовика Святого не входило в городские стены и которое даже через сто лет после того времени не начало заселяться.

Практика установки каменных крестов на перекрестках дорог в окрестностях городов настолько древняя, что было бы трудно определить сколько-нибудь вероятное время возведения того, что было заменено фонтаном, который до сих пор носит его название. Воды этого фонтана берут начало в роднике, который течет у подножия холма недалеко от деревни Сен-Леже, на некотором расстоянии от Руана. Исполнение конструкции сочетает в себе счастливую смесь смелости очертаний и утонченности деталей: ее пирамидальная форма изящна. Он состоит из трех этажей, постепенно уменьшающихся в высоту и диаметре по мере подъема и заканчивающихся крестом, неуклюжая форма которого только усиливает сожаление о разрушении того, что он заменяет. Форма здания повсюду восьмиугольная, и на каждом отсеке в каждом из этажей, на небольшом расстоянии от его основания, вырезана узкая арка в виде сабельника, увенчанная треугольным черепичным навесом. Но черепки и украшения в большинстве случаев были разрушены. Вода течет из четырех труб в подвале. Каждая из арок нижнего яруса служит дарохранительницей для деревянной статуи Мадонны или святой ужасной казни, плохой замены тем, что занимали те же ниши до смуты 1792 года, когда религиозный характер фонтана сделал его объектом народной мести. Ему было позволено оставаться в своем изуродованном и пришедшем в упадок состоянии с того периода до 1816 года, когда жители этой части города взялись восстановить его за свой счет. Их труды до сих пор сводились лишь к тому, что они заново заполняли ниши изображениями и производили такой ремонт, который был абсолютно необходим, чтобы уберечь все сооружение от разрушения. Однако даже этим они заручились доброй волей архиепископа, который с большой помпой заново освятил фонтан 24 августа 1816 года.

Сходство между *фонтаном Каменного Креста* в Руане и монументальными крестами, воздвигнутыми в Англии королем Эдуардом I. чтобы увековечить память своей супруги Элеоноры Кастильской, не преминет поразить британских антикваров. Более чем вероятно, что идея первого была заимствована у второго, которому, однако, она сильно уступает по богатству орнамента или красоте исполнения.

СНОСКИ:

[176] Справедливо заметить, что приведенные здесь описания этой и следующей статьи представляют собой немногим больше, чем перевод, во втором случае существенно сокращенный, того, что опубликовано на те же темы в *Жолимоне*, "*Памятниках Нормандии*".

ФОТО LXXVIII.

ДВОРЕЦ ПРАВОСУДИЯ В РУАНЕ.

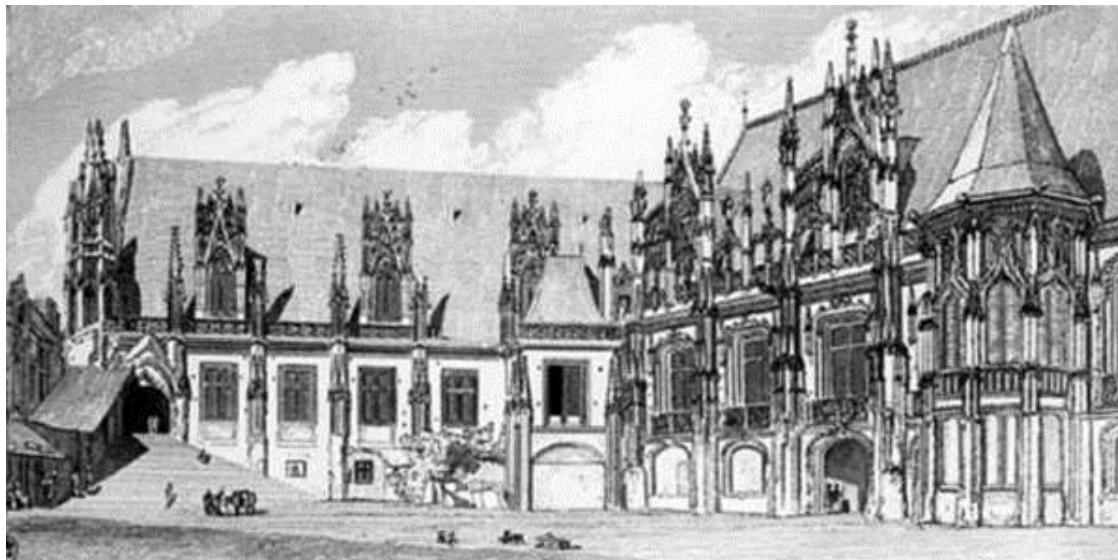

Фото 78. Дворец правосудия в Руане.

Изображенное здесь здание с самого основания предназначалось для отправления правосудия; и, несмотря на многочисленные повреждения, которым оно в разное время подвергалось, оно по-прежнему остается интересным, а в городе Руане - почти уникальным образцом роскошного архитектурного вкуса эпохи, в которую оно было возведено.

Вплоть до 1499 года в Нормандии не существовало стационарного судебного органа; но исполнение законов было поручено амбулаторному трибуналу, учрежденному, согласно хронистам, самим Ролло и известному под названием *Казначейства*. Заседания этого нормандского казначейства обычно проводились два раза в год, весной и осенью, по образцу древних парламентов французских королей; места заседаний зависели от соизволения государя или определялись в целом, подобно английскому *Aula Regia*, его присутствием. Неудобства, связанные с таким способом отправления правосудия, становились, конечно, все более ощутимыми по мере роста населения и цивилизации страны. Соответственно, генеральные штаты провинции, собравшиеся в последний год XV века под председательством кардинала д'Амбуаза, обратились с петицией к Людовику XII. который в то время находился на троне, назначил в метрополии герцогства постоянную судебную инстанцию таким же образом, как это было ранее сделано в других главных городах королевства. Король был милостиво удовлетворен их просьбой; и, согласно королевскому эдикту, казначейство не только было переведено на постоянное место жительства в добрый город Руан, но и членам совета было также разрешено проводить свои заседания в большом зале замка до тех пор, пока не будет подготовлено подходящее место для их приема.

Именно по этому случаю был построен *Дворец правосудия*; для этой цели был выбран участок земли, который был известен под названием Еврейский клозет с тех пор, как Филипп-Август

изгнал детей Израиля из Франции; и фундамент нового сооружения был заложен в течение нескольких месяцев после получения королевской санкции. Однако скорость выполнения работ была несоизмерима с той поспешностью, с которой они были предприняты; даже в 1506 году работы не были доведены до конца, хотя в том же году король лично и с большой помпой установил казначейство в новом дворце. Это заседание надолго запомнится в нормандских анналах не только как первое, но и как избранное государем, как возможность оказать различные важные милости городу и герцогству.

Дворец в его нынешнем состоянии состоит из трех отдельных зданий, возведенных в разное время и образующих в совокупности три стороны параллелограмма, четвертая сторона которого представляет собой просто стену. Огороженный таким образом двор просторен. Одно из этих зданий, фасад которого изображен на табличке, носит название *Зал судебных приставов*. Его возвели на шесть лет раньше, чем здание справа, более правильно называемое *Дворцом правосудия*; и целью его возведения было, согласно указу судебного пристава того времени, служить биржей для торговцев и положить конец нечестивой практике собираться даже в праздничные дни в соборе по торговым делам. Впоследствии этот зал был пристроен ко Дворцу правосудия, а затем к нему была пристроена часовня, ныне разрушенная, в которой регулярно дважды в год служилась месса — в годовщину праздника Святого Мартина, в день заседания парламента и в день Вознесения Господня. Служба в первый из этих дней получила название *красная месса*, потому что прихожане всегда присутствовали в своих алых одеждах; по второму, более важному случаю, она называлась *праздничная месса*, совершаемая в память об освобождении узника в силу привилегии Святого Ромена. [177]—Внешний вид *Зала закупок* сравнительно прост: наиболее украшенной его частью является фронто́н, который обрамлен двумя восьмиугольными башенками, украшенными черепичными верхушками и летящими контрфорсами. Внутри он состоит из благородного зала, сто шестьдесят французских футов в длину и пятьдесят в ширину, с односкатной деревянной крышей, простой и смелой, без открытых соединительных балок и арок, а также узелков и поперечного бруса, которые обычно украшают старые английские крыши. Под залом находится тюрьма.

Южное здание, возведенное исключительно для заседаний казначейства, гораздо роскошнее по своему убранству, как снаружи, так и внутри. Окна *lucarne* могут даже соперничать с окнами дома на площади Пусель. [178] Те, что ниже, находят почти точные аналоги в *замке* в Фонтен-ле-Анри, также фигурирующем в этой работе. [179] Выражаясь языком французских критиков, этот фасад, шириной более двухсот футов, “является декорацией для се, как для архитектуры времени, так и для обеспечения роскоши и богатства”. Эркер или башня изысканной работы, которая, выступая во двор, нарушает равномерность высоты, пожалуй, является частью, которая больше, чем любая другая, заслуживает такого восхваления. Но только половине фасада было позволено сохраниться в его первоначальном состоянии: другая половина пришла в негодность в результате переделок или была лишена украшений.—Помещение, в котором ранее заседал парламент и которое теперь используется для судебного разбирательства по уголовным делам, все еще относительно не пострадало. Его потолок из дуба, почти такого же черного, как эбеновое дерево, разделенный на многочисленные отсеки и покрытый обилием резьбы и позолоченных украшений, не только являет собой великолепный образец вкуса того времени, но и сразу поражает незнакомца тем, что он вполне соответствует достоинству цели, для которой предназначалась квартира. Но ажурные выступы этого потолка исчезли, как и двери, украшенные скульптурой, и древний дымоход, и щитки, украшенные священными

символами, и великолепная картина, на которой до революции приводили к присяге свидетелей. [180]

Здание, которое выходит фасадом на *Зал судебных приставов* и образует третью сторону двора, было возведено только после 1700 года. Его фасад представляет собой имитацию ионического ордера, стиля, который настолько плохо гармонирует с остальной частью четырехугольника, что создает неблагоприятный эффект. Несчастный случай, произошедший с деревянной отделкой верхней части этого фасада 1 апреля 1812 года, к сожалению, повлек за собой разрушение картины, пользующейся высочайшей оценкой; изображение Юпитера, бросающего свои молнии в Порок, выполненное Жувене на потолке квартиры под названием *вторая палата дознания*. Жувене, которого обычно называют Микеланджело Франции, родился в Руане в 1664 году; и вместе с Фонтенелем и великим Корнелем образует триумвират, которым город имеет больше всего оснований гордиться. Картина во Дворце правосудия считалась одним из самых удачных произведений его карандаша и была не менее примечательна тем, что была написана левой рукой после того, как паралитический удар лишил его возможности пользоваться другой.

СНОСКИ:

[177] См. стр. 51.

[178] См. таблицку 64.

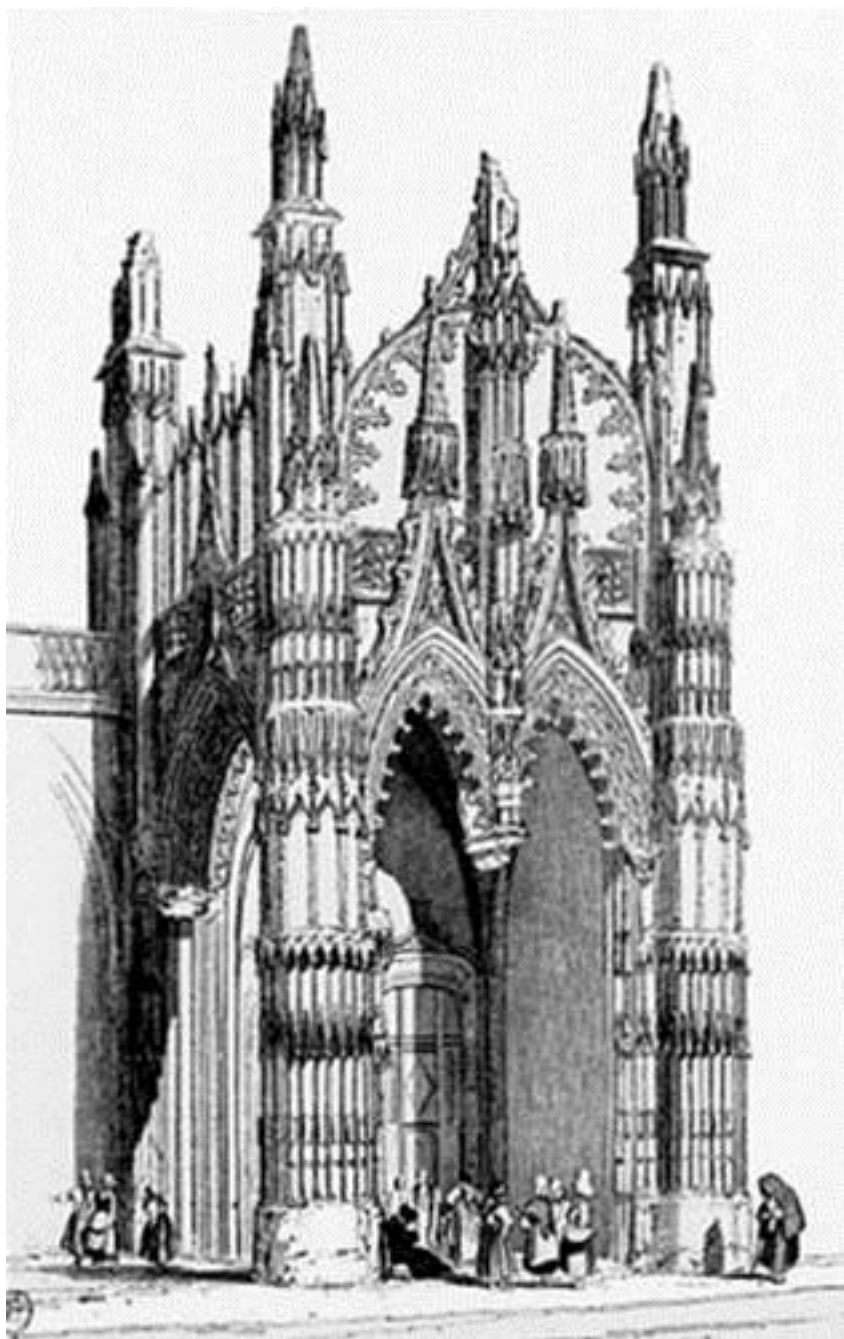
[179] Табличка 63.

[180] По этому вопросу мистер Тернер ошибается: из его *поездки в Нормандию*, I. стр. 193, следует, что ему сообщили, что картина, которая сейчас фактически висит над судейской скамьей, является той самой, на которой первоначально было принято приносить присягу; но мсье Жолимон, который, несомненно, является большим авторитетом, утверждает обратное в следующем примечании: — “Картина, рассказывающая о справедливом суде над людьми и являющаяся примером для подражания, состоит из трех частей горизонтальных репертуаров и скульптуры великих кадров в стиле маньеризма времени”. La première, et la plus élevée, présentait quatre écussons aux armes de France, parsemés de fleurs de lis d'or; celle du milieu offrait, sous cinq arcades en ogives avec fleurons, un Christ entre la Vierge et saint Jean, et les quatre Evangelistes; au-dessous, un Moïse, et les tables de la loi: il existait encore au moment de la révolution; on l'a remplacé, au mois de janvier 1816, par un autre, d'environ quatre pieds de hauteur, donné (dit l'inscription moderne mise au bas) par Louis XII à l'Echiquier, lorsqu'il l'établit au palais. Ce second tableau, recueilli pendant la révolution par les soins de M. Gouel, graveur, et dont il a bien voulu faire hommage à la Cour royale (voir, à ce sujet, le Journal de Rouen, du 30 janvier 1816), est composé de deux parties: l'une renferme un Christ entre saint Jean et la Vierge; l'autre, en forme de couronnement, présente deux figures à mi-corps, avec des légendes; mais ces deux parties hétérogènes ne sont que deux fragmens ajustés ensemble. Le premier, qui représente le Christ, est évidemment la portion qui remplissait une des cinq arcades du grand tableau dont nous venons de parler, et l'autre est une partie seulement du tableau donné par Louis XII, et qui orna, pendant plus de deux siècles, le manteau de la belle cheminée de la chambre du Conseil que nous citons ci-après. Les deux figures, aujourd'hui mutilées, étaient en pied, et représentaient le Roi Louis XII et le Cardinal d'Amboise, avec ces mots écrits sur des bandelettes, que les deux personnages semblent s'adresser: *Pontifices, agite: Magistrats, agissez;—et vos Reges, dicite justa: et vous Rois, soyez justes*. Ces

fragmens de deux tableaux différens, réunis, avec assez d'art, et qui paraissent être seuls échappés à la destruction, sont encore fort curieux, et l'on doit savoir gré à M. Gouel de leur conservation, et de la générosité avec laquelle il les a rendus à leur destination primitive.”

ТАБЛИЧКА LXXIX.

ЮЖНЫЙ ПРИТВОР ЦЕРКВИ В ЛУВЬЕ.

Табличка 79. Церковь Лувье.
Южный притвор.

Лувье - один из самых значительных из многочисленных промышленных городов, окружающих Руан со всех сторон, и его процветание полностью зависит от состояния торговли в столице провинции. Его население насчитывает около семи тысяч жителей. Он расположен на прекрасном небольшом острове, образованном рекой Эр, которая в непосредственной близости от города разделяется на два ручья, протекающих по долине с самым пышным плодородием, окруженной холмами, по большей части покрытыми обширными лесами.

Название Лувье, в переводе с латыни *Locoveris*, неоднократно встречается в ранних нормандских хрониках; и город, хотя и не был укреплен, приобрел значительную степень

исторической известности. Когда Ричард Львиный Кер, бежавший из своего плена на востоке, поспешил наказать вероломство, которому он подвергался со всех сторон во время своего отсутствия, и Нормандия превратилась в театр самых кровопролитных боевых действий, Лувье выпала честь быть выбранным местом, где происходили эти разногласия. Мирный договор, подписанный по этому случаю в 1195 году, определил новые границы герцогства; и старые историки, которым всегда нравится посвящать рассказ о любом памятном событии примешиванию чудесных, рассказывают, как в тот момент, когда короли были заняты совещанием, которое привело к заключению этого договора, змея огромных размеров метнулась от подножия дерева, под которым они стояли, и приблизилась к ним с признаками великой ярости, яростно шипя на обоих, как будто собираясь напасть на них. Монархи, которые были одни, немедленно схватились за мечи; и армии, стоявшие на небольшом расстоянии с обеих сторон в боевом порядке, встревоженные такими враждебными проявлениями, были близки к тому, чтобы вступить в новое сражение. Только в следующем году Лувье был одним из городов, переданных Ричардом Вальтеру, архиепископу Руана, в качестве компенсации за нарушение прав престола, в котором он был виновен при возведении замка Гайяр. Владение Лувье было особенно приемлемо для прелата, поскольку находилось в непосредственной близости от деревни Пинтервиль, где в то время находилась загородная резиденция архиепископов Руанских: они продолжали занимать ее до правления Людовика Святого, когда этот монарх пожаловал им замок Гайон, которым они владели до революции.

Лувье был взят в 1345 году английской армией под командованием короля Эдуарда III. затем, во время своего похода на Париж, после битвы при Кане; и Фруассар, рассказывая об этом обстоятельстве, пользуется случаем, чтобы упомянуть важность этого места, заявляя, что город в то время был великим и “главным городом всей Нормандии по части тканей и богатства и изобиловал товарами. Но, не будучи закрытым, вражеская армия вскоре вошла в него”. Далее он добавляет, не слишком в честь вторгшегося войска, что “они захватили, разоряли и грабили без пощады; и что они завоевали там большие богатства”.—В 1360 году Лувье снова был выбран местом подписания мира: договор, который был заключен в Бретињи, был подтвержден в Париже регентом и, наконец, ратифицирован Черным принцем в этом городе.—Во время последующих войн при Генрихе V и VI. Неоднократно упоминается Лувье; но главным образом за то, что он противостоял двадцатидневному сопротивлению англичан в 1418 году. -Во времена лиги он, к сожалению, наиболее отличился своей преданной приверженностью католическому делу; вследствие чего вскоре после битвы при Иври он был разграблен роялистами. [181]

Церковь Лувье - внушительное сооружение: хотя она сильно пострадала и превратилась всего лишь в неф с четырьмя нефами, это все еще просторное и красивое здание. Большая западная дверь закрыта, а фасад разрушен: восточная часть также выглядит вполне современно. Центральная башня красива, хотя квадратная и невысокая. Два окна, очень похожие на окна башни Сен-Ромен в Руанском соборе, освещают ее с обеих сторон; а святые, помещенные под балдахинами, украшают углы за контрфорсами. Вторая башня, расположенная к западу, увенчана усеченным конусом. Южный притвор, [182] изображенный здесь, является замечательной особенностью экстерьера; и по красоте и элегантности в форме или расположении его частей он может смело соперничать с любой аналогичной частью церковного здания, будь то в Нормандии или в Англии. Однако даже здесь святые были сорваны со своих пьедесталов бессмысленным насилием кальвинистов или демократов.

Внутренне церковь представляет собой прекрасный образец остроконечной архитектуры тринадцатого века; [183] но, используя слова мистера Тернера, из экскурсии которого [184] большая часть предыдущего описание было заимствовано: “все это настолько скрыто и испорчено украшениями самого дурного вкуса и нарисованными святыми в самых безвкусных нарядах, что эффект отвратителен”. В окнах церкви до сих пор сохранилось значительное количество расписного стекла, а барельеф справа от клироса вполне заслуживает внимания. Он помещен под нишей, которая, по всей вероятности, первоначально была заполнена статуей святого Губерта; поскольку скульптура отражает хорошо известную легенду, записанную в его истории, — чудесного оленя с крестом между рогами, увиденного рыцарем-охотником.— Листва у основания ниши выполнена с особой элегантностью и мастерством.

В городе Лувье есть старый дом, который, как говорят, принадлежал рыцарям-тамплиерам. Его фронтон, пронизанный многочисленными окнами, обычно в виде плоско заостренных арок, каждая из которых содержит пару арок с верхушками в виде трилистников, придал актуальность рассказу о его первоначальном предназначении. Некоторое время назад он был изображен М. Ланглуа в работе, начатой для иллюстрации древностей Нормандии, но из которой появился только первый номер; и недавно он был литографирован М. Нодье. Но, судя по стилю его архитектуры, он, по-видимому, был возведен не ранее четырнадцатого века, хотя г-н Ланглуа с уверенностью относит его к двенадцатому или тринадцатому.

СНОСКИ:

[181] Сюлли в своих мемуарах, I. стр. 254, (перевод на английский) дает следующий отчет о его захвате: “Король больше преуспел в Лувье: этот город содержал на жалованье священника; который с вершины колокольни, которую он никогда не покидал, с большой точностью играл роль шпиона. Если он видел на поле только одного человека, он звонил в определенный колокольчик и вывешивал на той же стороне большой флаг. Мы не отчаивались, что сможем подкупить его в верности, чего добились двести экю и обещание пособия в размере трех тысяч ливров в год. Оставалось только заручиться поддержкой части гарнизона; сьер дю Ролле взял это на себя и преуспел. Он обратился к капралу и двум солдатам, которые легко убедили остальной гарнизон доверить охрану одних из ворот только им. Когда все было таким образом устроено, король предстал перед Лувье в двенадцать часов ночи. Никто не звонил в колокол, и в гарнизоне не было ни малейшего движения. Дю Ролле вошел и открыл ворота, через которые король без малейшего сопротивления проследовал в центр города. Фонтен Мартель предпринял несколько безрезультатных попыток сплотить гарнизон: что касается горожан, то они были заняты тем, что прятали своих жен и дочерей. Город, главным богатством которого были склады полотна и кожи, был полностью разграблен: со мной был джентльмен по имени Бограр, уроженец Лувье, который оказал нам большую помощь, обнаружив, где были спрятаны такого рода товары, и было собрано их огромное количество. Доход с моей доли составил три тысячи ливров. Король передал дю Ролле управление Лувье.

[182] Мистер Котман очень сожалеет, что не в его силах было воздать этому подъезду должное, которого он заслуживал, вследствие постоянных помех, которым он подвергался со стороны низших слоев населения.

[183] М. Нодье в своих *"Питtoresках и романтических путешествиях"* изобразил интерьер этой церкви, возведение которой он относит (стр. 18) ко времени первых крестовых походов; но сравнение здания с другими в ту эпоху вряд ли оправдывает такой вывод.

[184] Том II. стр. 287.

ТАБЛИЧКИ LXXX. И LXXXI.

CHÂTEAU GAILLARD.

Фото 80. Замок Гайяр.
Вид на северо-восток.

О строительстве замка Гайяр Массевиль в своей *Истории Нормандии* сообщает следующее: [185] —“В 1196 году, через несколько месяцев после заключения Лувьерского мирного договора между Филиппом-Августом и Ричардом Кер-де-Лион, нормандским герцогом, учитывая, как часто совершались набеги на его территории”. , по примеру Анделиса, решил укрепиться с помощью грозного барьера в этом квартале. С этой целью он построил крепость на острове в Сене, напротив деревни Малый Анделис; и в то же время воздвиг на выступе скалы, нависающей над рекой, замок максимальной прочности, не задумываясь, однако, насколько эти работы могли повлиять на права или уменьшить доходы руанского престола, которому принадлежала земля. Но Уолтер, который тогда носил архиепископскую митру, был отнюдь не из тех, кто терпеливо переносит посягательство на его привилегии. Он громко жаловался на ход работ, угрожал мастерам и даже самому принцу мстью церкви и, наконец, обнаружив, что его угрозы и увещевания в равной степени игнорируются, прибегнул к смелой мере - наложил на всю Нормандию духовный запрет. Король, встревоженный столь решительным шагом, обратился к папскому престолу и отправил епископов Дарема и Лизье в

качестве своих послов в Рим. Архиепископ также отправился туда, чтобы отстаивать свое собственное дело; и дело было окончательно урегулировано путем обмена, в силу которого замкам было позволено устоять, а светская сеньория Анделис была передана герцогу, который в обмен на это приобретение и для своего примирения с церковью уступил примасу города и лордства Дьепп и Лувье, землю и леса Алиермона, землю и лордство Бутей и мельницы Руана”. Контракт считался настолько важным, что архиепископ Кентерберийский вместе с несколькими другими английскими прелатами, а также почти всеми прелатами Нормандии и многими главными аббатами и дворянами провинции были вызваны, чтобы своим присутствием санкционировать его исполнение. Предполагалось, что оно принесет церкви такие блага, что в церковной истории оно вошло под знаменательным названием *celebris permutatio*.

Но король также поздравил себя, и не без оснований, с тем, что воздвиг неприступный барьер на пути вторжений своего более могущественного и едва ли менее активного соседа. Он был в восторге от замка Гайяр, само название которого, как говорят, произошло от гордой насмешки и неповиновения; и сам он в своих публичных актах называл его своим “прекрасным замком на скале”. Многие из его хартий датируются этой крепостью; так что, хотя строительство началось всего за три года до смерти монарха, ясно, что она уже была пригодна для жилья при его жизни. Точно так же можно с уверенностью предположить, что на этом все было закончено; ибо его подлый преемник, занятый либо отдаленными войнами, либо интригами внутри страны, с момента своего восхождения на трон не думал об укреплении своих наследственных континентальных владений, пока в 1202 году не оказался атакованным Филиппом-Августом во главе превосходящей армии, в то время как его собственные подданные были весьма не склонны помогать принцу, руки которого были запачканы кровью его племянника.

Именно в это время замок Гайяр выдержал осаду, которая навсегда сохранит его имя в истории. Отец Даниэль приводит длинные, любопытные и занимательные подробности событий, связанных со взятием замка: Дю Мулен также кратко перечисляет некоторые из многочисленных хитростей, к которым был вынужден прибегнуть французский король. Но тех, кто получает удовольствие от рассказов такого рода или кто желает получить полную информацию о нападениях и обороне в сочетании с живым изображением мощи крепости, следует отсылать к Брито, поэтическому летописцу подвигов Филиппа-Августа. Вся седьмая книга *Филиппиады* этого автора, содержащая не менее восьмисот сорока одной строки, посвящена этой единственной теме; настолько богатой событиями была история осады и настолько большое значение придавалось взятию этого места. За падением замка Гайяр почти сразу последовал полный крах власти нормандских герцогов; но что касается самой крепости, хотя ее положение больше не придавало ей значения, Брито прямо заявляет, что Филипп приложил большие усилия для восстановления ее поврежденных сооружений и увеличения ее мощи за счет добавления новых:—

“Rex ita Gaillardo per prælia multa potitus,
Cuncta reædificat vel ab ipso diruta, vel quæ
Improbis appositis destruxerat ignibus hostis,
In triplo meliùs et fortiùs intùs et extrà,
Antea quàm fuerint muros et cætera firmans.”

К счастью для Франции, последующее состояние королевства сделало меры предосторожности подобного рода ненужными; Шато Гайяр больше не фигурирует в истории как грозная крепость, за исключением случаев занятия галльского трона Генрихом V и изгнания его преемника. В первом случае замок сдался английской армии только после энергичного шестнадцатимесячного сопротивления; [186] и даже тогда его гарнизон, хотя и состоявший всего из ста двадцати человек, не сдался бы, если бы веревки от их ведер с водой не были изношены и разрушены: в последнем случае это был один из последних опорных пунктов Нормандии, удерживавших крепость. сражался за преемников своих древних герцогов; и шестинедельная осада, выдерживаемая подавленной армией, была едва ли менее почетной для его защитников, чем гораздо более длительное сопротивление, оказанное в прежних случаях.

Даже после окончательного воссоединения герцогства замок Гайяр не был ни разрушен намеренно, ни пришел в упадок из-за заброшенности, как большинство нормандских крепостей. Во время религиозных войн он все еще оставался военным постом, а также королевским дворцом; и он был удостоен чести быть резиденцией Генриха IV. чей отец, Антоний Бурбонский, умер здесь в 1562 году. Его значение утратилось в следующее царствование. Жители соседней страны обратились к королю с просьбой отдать приказ о сносе замка. Они опасались, как бы его башни не послужили убежищем для какой-нибудь из многочисленных банд мародеров, которыми тогда была наводнена Франция. В результате он был подорван и доведен до своего нынешнего разрушенного состояния.

Если название этого замка и встречается в другое время, на “обширных страницах историка”, то только в связи со сравнительно неважным характером места безопасного содержания государственных заключенных или, в одном случае, как временной резиденции беглого монарха. В последнем качестве он открыл свои ворота Дэвиду Брюсу в 1331 году, когда шотландский принц, принятый Филиппом де Валуа со всеми почестями, подобающими изгнанному монарху, приказал сделать этот дворец своей королевской резиденцией, и ему было разрешено некоторое время поддерживать здесь придворную пышность. Замок Гайяр часто использовался в качестве тюрьмы: он, в частности, отличался незавидным положением в одном из самых позорных периодов в истории Франции. Маргарита Бургундская, королева Людовика X. и Бланш, супруга его брата Шарля Красивого, обе были заключены сюда после того, как предстали перед судом и были признаны виновными в супружеской неверности; вместе с Джейн, другой принцессой Бургундского дома, женой Филиппа, брата Людовика и Чарльза. Маргарита вскоре после этого была убита в этом замке, когда Людовик, намеревавшийся заключить новый брак с венгерской принцессой Клеменцией, обнаружил препятствие своим желаниям в затянувшемся существовании своей бывшей королевы.

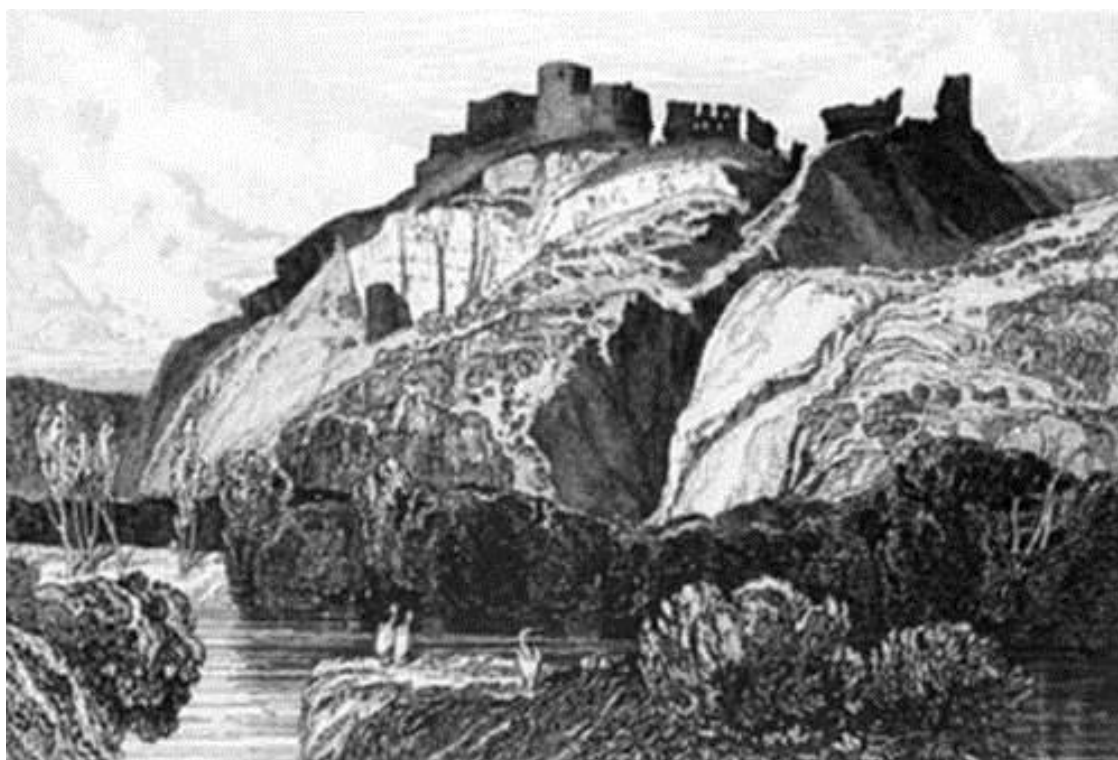

Фото 81. Château Gaillard.

Вид на юго-запад.

О масштабах, великолепии, командном расположении или внушительном внешнем виде Шато Гайяр почти так же трудно составить адекватное представление карандашом или пером. Только “Верный глаз” может дать удовлетворение в таких вопросах. Отчет мистера Тернера о нынешнем состоянии руин заслуживает того, что является самым обширным из всех, что когда-либо появлялись; и поэтому следующая выдержка из него должна завершить эту статью: “Наши ожидания относительно Шато Гайяр более чем оправдались. Учитывая его размеры и расположение, это, безусловно, самые прекрасные крепостные руины, которые я когда-либо видел. Конвей, действительно, красивее, но Шато Гайяр бесконечно превосходит его по достоинству. Его руины венчают вершину высокой скалы, круто возвышающейся у самого берега Сены, извилистое течение которой здесь превращает прилегающую землю в узкий полуостров. Меловые скалы по обе стороны от замка переходят в холмы романтической формы, которые придают пейзажу впечатляющую дикость. Со стороны реки крутизна скалы делает крепость неприступной: двойной ров большой глубины, защищенный мощной стеной, первоначально обеспечивал почти равную защиту с противоположной стороны.

“Круглая крепость необычайной прочности и по своей конструкции полностью отличается от любой из наших английских башен-подземелий. Его можно описать как цилиндр, расположенный на усеченном конусе. Массивные перпендикулярные контрфорсы, расположенные в ряд вокруг верхней стены, откуда они значительно выступают, теряются у своих оснований в конусе, из которого они вырастают. Таким образом, здание, по-видимому, разделено на два этажа. Стена второго этажа имеет толщину более двенадцати футов. Основание конической части, возможно, в два раза толще. Редко случается, чтобы военные сооружения средневековья имели такую *осыпь* или наклон на внешней стороне, согласующийся с принципами современной фортификации; и трудно догадаться, почему

архитектор Шато Гайяр счел нужным отклониться от устоявшейся модели своего времени. Каменная кладка правильная и добротная. Стрельчатые окна, очевидно, были вставлены в период, предшествующий первоначальному возведению.

“Внутренний баллиум окружен высокой круглой стеной, которая состоит из непрерывной линии бастионов, некоторые из которых полукруглые, а другие квадратные. Вся эта часть замка сохранилась почти в идеальном состоянии. Есть также следы обширных фундаментов в различных направлениях и больших надстроек. Замок Гайяр был, по сути, цитаделью, поддерживаемой множеством небольших крепостей, все они сообщались с укрепленным центральным замком и располагались таким образом, чтобы обеспечить безопасность каждого пригодного для обороны по соседству. Стена внешнего баллиума, построенная из плотного белого и серого камня, в большинстве мест сохранилась, хотя и находится в руинах. Оригинальная облицовка остается только в тех частях, которые слишком возвышены, чтобы ее можно было легко снять.—Под замком скала вырыта в виде ряда подземных пещер, не предназначенных для простых проходов или хранилищ, как в Арке и в большинстве других мест, но образующих просторные склепы, поддерживаемые колоннами, грубо вытесанными из живой породы и до сих пор сохраняющими все следы работы резца.

В цитадель нельзя подняться без труда. Мы отважились взобраться на нее; и открывшаяся перспектива полностью вознаградила нас за наш труд. Сена, изобилующая зелеными ивняковыми островами, течет под скалой большими ленивыми изгибами: полуостров внизу плоский, плодородный и густо поросший лесом: на противоположных берегах смело возвышаются фантастические меловые утесы, увенчанные темными лесами”.

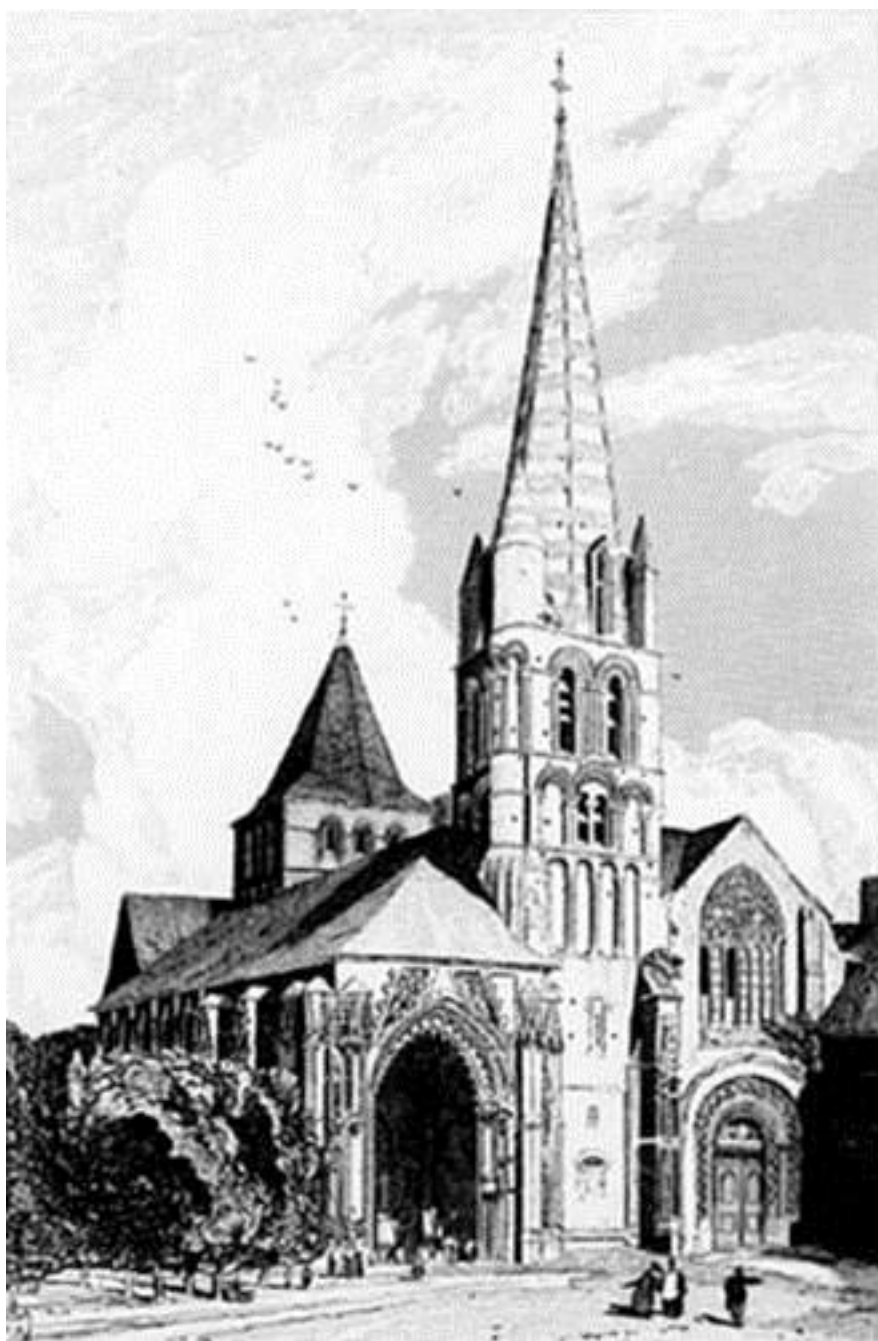
СНОСКИ:

[185] Том II. стр. 113.

[186] Так говорит Монстреле; и ему обычно следовали; но, согласно Массевиллю (*История Нормандии*, IV. стр. 84), Нормандская хроника ограничивает продолжительность осады всего семью месяцами.

ТАБЛИЧКА LXXXII.

ЦЕРКОВЬ МОНТИВИЛЬЕ.

Табличка 82. Церковь аббатства Монтивилье.

Вест-Энд.

Монтивилье - город с населением около четырех тысяч человек, расположенный в красивой долине на берегу небольшой речки, называемой *Лезард*, недалеко от западной оконечности Плати-де-Ко, на расстоянии шести лье от Фекана и двух от Гавр-де-Грас. Его укрепления, ныне лежащие в руинах, были возведены ближе к концу четырнадцатого века, до этого времени он был совершенно беззащитен; но состояние Франции, только что оправившейся от одного английского вторжения и находившейся под угрозой другого, обратило мысли правительства к обеспечению безопасности всех уязвимых пунктов на северной границе; и торговля в этом месте, хотя в настоящее время и незначительная, была в тот период совсем иной. Ткани

Монтивилье в то время считались конкурирующими с тканями Фландрии; и сохранение мануфактуры считалось настолько важным, что различные предписания, касающиеся этого, можно найти в королевских указах. Две круглые башни одних из ныне стоящих ворот представляют собой хороший образец военной архитектуры того времени.

Монтивилье называется по-латыни *Monasterium villare*; а по-старофранцузски - *Monstier Vieil*: нынешнее название города, очевидно, является искажением этих слов; и тот же факт также указывает на то, что место получило свое значение, если не само существование, от монастыря. Среди нормандских историков основание Монтивилье относят к седьмому веку; во второй половине которого святой Филиберт, аббат Жюмьежа, построил здесь женский монастырь для общины монахинь. Монастырь был богато одарен; но не осталось никаких записей о его истории до нашествия норманнов, под руками которых он сначала подвергся такому же разрушению, как и другие религиозные дома в Нейстрии, а затем восстал, подобно им, из пепла с еще большим великолепием и роскошью. Непосредственные преемники Ролло перестроили аббатство, но не вернули его первоначальному назначению. Ричард II. передал его, со всеми полагающимися почестями, наиболее уважаемым монахам Фекана; и в пожертвовании он использует сильное выражение: “ut ex eo facerent quicquid vellent, tamquam ex proprio alodo”. Союз этих двух учреждений был, однако, недолговечен: либо при том же князе, либо, как говорят некоторые авторы, при его сыне Робере, Монтивилье снова обрел независимость и снова стал пристанищем святых дев. Герцога подтолкнула к этому шагу просьба его тети Беатрисы, которая удалилась сюда, приняла постриг и возглавляла сестричество; и монастырь Сен-Торен в Эвре был по этому случаю передан Фекану в обмен на Монтивилье. Часть хартии сохранилась в *Neustria Pia*; и, согласно этой работе, впоследствии документ был ратифицирован подписями Вильгельма Завоевателя и Филиппа ле Бея. В разное время были изданы различные папские буллы с целью передачи аббатства Монтивилье под особую защиту святого престола и предоставления ему различных привилегий и иммунитетов. Они также зафиксированы в той же публикации. Одно из них, возникшее в результате спора между архиепископом Руана и аббатисой Монтивилье, не делает чести ни одной из сторон. Оно представляет леди-настоятельницу как отнюдь не свободную от нарушений при исполнении своих обязанностей; оно обвиняет одну из ее монахинь в распутстве; и оно обвиняет самого примаса в том, что он был причиной, если не непосредственным орудием, скандала: “Siquidem, ex parte abbatissæ fuit propositum et probatum, quod quidam, qui cum eodem archiepiscopo et suis prædecessoribus venerant ad monasterium memoratum, turpia вопрос о незаконном комиссариате, выступающем против честного соблюдения правил, во множественном числе скандалов: объем и мандат, например, архиепископа Ротмистрова и ипсумского монастыря, причина посещения, доступ, проникновение в клаустрофобный дом, в дом, где проживают монахи, семья, где обучают принудительному поведению, вопрос о подобном поведении не является случайным. Ipse quoque archiepiscopus, ejusdem monasterii claustrum vel capitulum intraturus, доступ без низов к умершему обществу, вопрос жизни и смерти честного человека; ut per officium visitationis ejusdem, нераскрытие вель скандалов, после подтверждения позиции министерства материи”. — Далее в документе, который имеет значительную длину, обвиняется прелат в предоставлении защиты некоторым непокорным монахиням и предписывает ему никогда не допускать, чтобы его духовенство часто посещало аббатство ни под каким предлогом и ни по какому поводу.

Церковь Монтивилье, представленная на настоящей [табличке](#), такая же, какая до революции принадлежала аббатству. В северной части находится здание капитула, построенное в

четырнадцатом веке. Большая часть остального здания, хотя и измененная в некоторых местах, может быть с уверенностью отнесена к одиннадцатому; в это время, согласно документам, Елизавета, сменившая Беатриче на посту настоятельницы, почти, если не полностью, перестроила его целиком. В последующие периоды церковь претерпела множество значительных ремонтов и переделок. В 1370 году на это была израсходована сумма в семьсот флоринов, вырученная от штрафа, наложенного на город за некоторые обиды, нанесенные монахиням; и Туссен Варрен, архиепископ Фессалоникийский, освятил здание в 1513 году, призывая Святую Деву. Пять лет спустя настоятельница Джейн Мастел отремонтировала потолок и покрасила окна, а также сделала партер на хорах. [187]—Внешний вид часовни Пресвятой Богородицы представляет собой прекрасный пример ранней остроконечной архитектуры; ее высокие узкие окна разделены стройными цилиндрическими колоннами, как в церкви Святой Троицы в Кане. Боевой орнамент вокруг южной двери западного фасада далеко не всегда можно увидеть в подобных ситуациях. Во внутренней части нефа преобладает та же массивная полукруглая архитектура, что и в башнях; но к ней примешаны некоторые особенности, которые вряд ли можно найти где-либо еще, в частности плоская полоса в виде пилястры, украшенная выпуклостями, которая прикреплена к передней части одной из колонн и продолжается над крышей и снова спускается по колонне с противоположной стороны. Мистер Тернер заметил небольшую галерею, или кафедру, изящной филигранной каменной работы, в западном конце, недалеко от крыши; [188] и, опираясь на авторитет известного антиквара Джона Картера, он предположил, что она, скорее всего, предназначалась для приема группы певцов на крупных празднествах. Но некоторые соответствующие сооружения в Англии делают более вероятным, что эта галерея сообщалась с апартаментами настоятельницы и была размещена здесь с целью предоставления ей возможности совершать богослужения наедине, когда из-за погоды или по какой-либо другой причине она, возможно, не захочет занимать свой трон на хорах.

Мистер Тернер также обратил внимание на капители колонн в Монтивилье, которые очень необычны. Некоторые из них являются очевидной имитацией античного узора и необычайной красоты. Другие такие же грубые и дикие, как и те, что уже изображены на этой работе, из церквей Сен-Жорж или Гурне. Мистерии христианства, басни и аллегории язычества, причем последние, как в самых утонченных, так и в самых варварских формах, встречаются в бесконечном разнообразии почти в каждой части здания. На одной из капителей изображен сказочный Сфинкс с хвостом, заканчивающимся лилией; на другой - скульптурная фигура Христа, уничтожающего Дракона, засовывая конец посоха ему в пасть. Два других, фигурирующих в *Турне по Нормандии*, изображают группу кентавров и аллегорическую *психостазию*: замечания автора этой публикации о последнем из них завершают настоящую статью: “На этом вы видите ангела, взвешивающего добрые дела умершего и его злодеяния; и, поскольку первые намного превышают допустимые отклонения, на которые сатана должен основывать свои притязания, он самым несправедливым образом пытается опустить весы своей двузубой вилкой.—Эта аллегория часто встречается в монашеских легендах.—Святой, который знал о махинациях дьявола, решил сам удержать равновесие.— Он начал с паломничества к чудотворной деве.—Дьявол устроил свидание с какой-то прекрасной смертной мадонной, которая перестала быть непорочной.—Святой положил на чашу весов вретисце и пепел великопостного кающегося грешника.—Сатана ответил на внесение визардом и листовенным одеянием маскарадного исполнителя. Таким образом, они все еще продолжали в равной степени заменять горести благочестия сладостями греха; и все же святой был безмерно

огорчен, заметив, что чаша весов зла (мудрецы называют его исправляющим принципом) всегда казалась самой тяжелой. Он почти отчаялся в спасении своего клиента, когда, к счастью, увидел восемь маленьких черных, как смоль, коготков, которые просто зацепились за край золотой чаши. Когти сразу же выдали мастерство раздвоенной лапы. Старый Ник поставил под весы маленького хитрого молодого дьявола, который, следуя указаниям своего старшего, продолжал цепляться за чашу весов и раскачивать ее изо всех сил. Святой мгновенно отправил беса на подобающее ему место, и тотчас же было видно, как бремя преступления сбросилось с балки. Художники и скульпторы также часто использовали эту древнюю аллегория равновесия добра и зла в своих представлениях о страшном суде: ее даже использовал Лукас Кранах”.

СНОСКИ:

[187] *Описание Верхней Нормандии*, II. стр. 108.

[188] *Тур по Нормандии*, I. стр. 69.

ТАБЛИЧКА LXXXIII.

ЦЕРКОВЬ СЕН-САНСОН-СЮР-РИЛЬ.

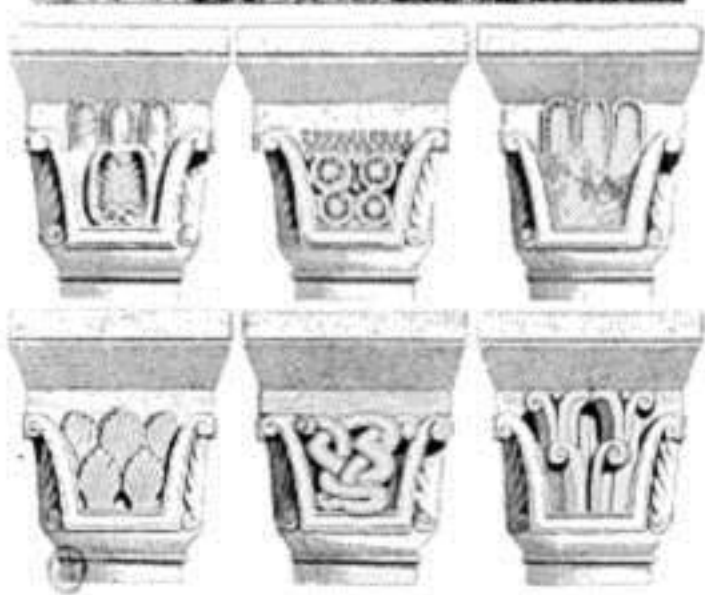
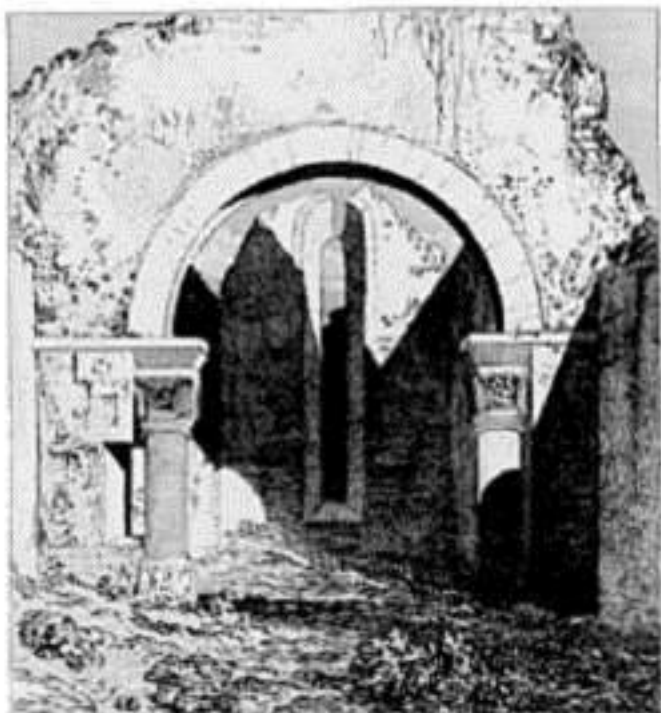

Фото 83. Церковь Сен-Сансон-сюр-Риль.
Остатки и капители.

Нормандия на всей своей протяженности едва ли может похвастаться более красивым ручьем, чем Риль. Берущая начало в южной части герцогства, эта маленькая речка течет в северном направлении, быстро катя свои сверкающие воды по долине, покрытой самой яркой зеленью, пока не смешается с Британским каналом на очень небольшом расстоянии к западу от устья Сены. Река на каждом участке своего течения разнообразна бесконечным количеством островов, образованных разделением ее вод. Отсюда ее главная красота, а следовательно, и значительная польза для промышленности; но то же самое обстоятельство губительно для более важных объектов торговли; ибо в значительной степени из-за этого множества каналов

река судоходна лишь на очень небольшом участке выше Понт-Одемера, на расстоянии, едва превышающем десять миль от ее впадения в океан.

Небольшая деревня Сен-Сансон расположена на правом берегу реки Риль, в лиге от ее устья. Его церковь, та самая, которая, скорее всего, изображена на этой табличке, внесена в список владений, переданных бенедиктинскому монастырю Святого Мартина в Троарне буллой папы Иннокентия III, датированной 1210 годом. В последующие времена передача прав живущим находилась в руках епископов Дола в Бретани, которые также продолжали до революции быть как светскими, так и духовными правителями прихода по праву, как они все считали, древнего баронства Сен-Сансон, которое было присоединено к их епархии. [189] Другие авторы утверждали, что епископы сохраняли здесь свою власть как преемники настоятелей аббатства, основанного на этом месте в середине VI века Хильдебертом I. в пользу Сен-Сансона, тогдашнего епископа Дол. Но монастырь пал во время первых вторжений норманнов и больше никогда не поднимался. Старые традиции утверждают, что по-французски он назывался *Pentale*; а по-латыни - *Monasterium Pentaliense*: искажение, как предполагается, от *Pœnitentiale*. Соседняя часовня, именуемая *Номр-Дам-де-Пенталь*, придает репортажу колорит.

От церкви Сен-Сансон сейчас не осталось ничего, кроме того, что изображено на табличке: руины состоят только из алтаря и арки, отделявшей его от нефа. Но даже они, какими бы незначительными они ни казались, были признаны заслуживающими места среди наиболее замечательных архитектурных памятников Нормандии: своеобразный характер капителей и небольшие размеры всего здания в целом дали им право на это отличие. При взгляде на арку едва ли можно удержаться от впечатления, что, хотя в ее нынешнем состоянии ее высоты едва хватает для того, чтобы человек мог пройти по ней прямо, первоначально там должен был быть внутренний элемент, который теперь исчез. Капители существенно отличаются от любых других, когда-либо виденных мистером Котманом в Нормандии; но мистер Джозеф Вудс, авторитет которого неоспорим, говорит, что похожие можно найти в Храме Вакха в Теосе. Есть также несколько, которые по форме напоминают эти в Сен-Сансоне, в очень замечательной церкви Святого Виталия в Равенне, [190] и в монастырях Святой Сколастики, [191] в Субьяко: последние также демонстрируют определенную степень сходства в скульптуре.

СНОСКИ:

[189] *Описание Верхней Нормандии*, II. стр. 777.

[190] *Серу д'Агенкур, История развития искусства. Архитектура*, т. 23. ф. 7, 8; и т. 69. ф. 14.

[191] *Там же*. т. 29. ф. 3, 4.

ТАБЛИЧКА LXXXIV.

ЗАПАДНЫЙ ВХОД В ЦЕРКОВЬ ФОУЛЛБЕК.

Фото 84. Церковь Фоллбек.
Западный вход.

Церковь Фуллебека, маленькой деревушки, расположенной на реке Риль, почти напротив Сен-Сансона, представляет собой здание нормандских времен; но единственная ее часть, заслуживающая особого внимания, - это арка, изображенная на этой табличке. Эта арка обладает двумя особенностями, которые было бы трудно, если не невозможно, сопоставить в Нормандии: орнаментированные стержни колонн и необычайная ширина южной капители, которая более чем вдвое превышает ширину колонны внизу. То же самое, по всей вероятности, было и с капителью, ныне разрушенной, на противоположной стороне дверного проема; и поскольку ясно, что второй колонны никогда не было ни с одной, ни с другой стороны, единственным удовлетворительным способом объяснить эту необычность является предположение, что первоначальным намерением архитектора было установить такую, но возникли обстоятельства, которые побудили его оставить свой проект незавершенным.— Орнаментированные древки колонн, какими бы редкими они ни были в Нормандии, далеко не редкость среди образцов подлинного нормандского искусства, оставшихся в Великобритании. Мистер Картер в своей тщательно разработанной работе о древней английской архитектуре собрал множество подобных экспонатов в своей тридцать третьей книге, и некоторые из них

чрезвычайно красивы. Несколько других можно найти в более великолепных томах мистера Бриттона.—Скульптура на архивольте также заслуживает внимания: на одном из центральных камней изображен агнец под знаменем; на другом - фигура, вероятно, предназначенная для изображения нашего Спасителя, въезжающего в Иерусалим верхом на осле. Головы по обе стороны имеют необычный характер.

Церковь в Фоуллбеке, а также ее неф и алтарь снаружи разделены простыми нормандскими контрфорсами на ряд правильных отсеков, в каждом из которых есть по одному окну с круглой головкой. В нефе их четверо, в алтаре - только двое. Башня квадратная и низкая: она расположена в западном конце, в котором прорезан только дверной проем, а в остальном довольно простая, за исключением контрфорсов на каждом углу. Внутри единственный объект, на который стоит обратить внимание, - это древняя цилиндрическая купель; ее бока украшены полукруглыми арками, а по краю - узкая лепнина.

ТАБЛИЧКА LXXXV. И LXXXVI.

ЗАМОК В ТАНКАРВИЛЛЕ.

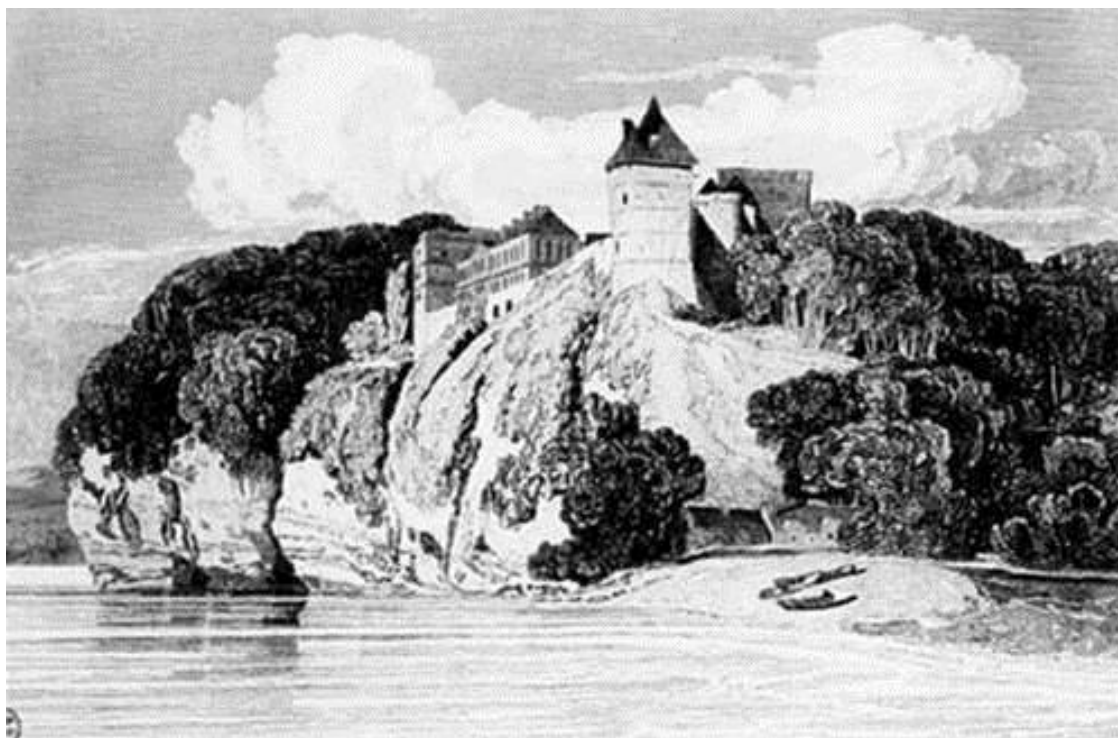

Фото 85. Замок в Танкарвилле.

Месье Нодье, который в своих *"Путешествиях Питторески"* посвятил шесть пластин изображению величественных руин замка в Танкарвилле, с большой справедливостью отмечает, что, каким бы величественным ни должно было быть здание, "оно напоминает лишь о нескольких исторических событиях". В то же время он приводит следующую цитату из старой

Нормандской хроники: “Во время правления короля Филиппа Красивого, после того, как рыцарь зеленого льва победил короля Арагона, между двумя могущественными баронами Нормандии, лордом Харкуртом и камергером Танкарвилля возникли большие разногласия. Причиной их раздора была мельница, которой карлик из Хэрекорта с помощью сорока своих вооруженных людей захватил силой, жестоко обойдясь с вассалами камергера. Последний, разгневанный таким оскорблением, созвал своих друзей и приближенных и, собрав их числом в двести человек, двинулся на Лилебон, где в то время проживали сеньор Хэрекур и Карлик, его брат. Многочисленными и горькими были упреки, высказанные с обеих сторон; и суровым было последовавшее за этим сражение; ибо лорд Хэрекорта прорвался через заграждения со всеми своими силами, и они доблестно защищались; и погибло несколько человек. Король, получив это известие, пришел в замешательство и приказал съезу Ангеррану де Мариньи вызвать к себе нарушителей. Случилось самое неподходящее, что они встретились, когда направлялись ко двору; и лорд Хэрекорта напал на камергера и своей латной перчаткой выколол ему левый глаз, а затем вернулся к своему народу. Как только он из Танкарвилля выздоровел, он отправился в королевское присутствие и вызвал лорда Хэрекорта на поединок один на один. Залог был принят г-ном Шарлем де Валуа, братом короля, от имени своего друга. С другой стороны, господин Ангерран де Мариньи, тайный советник монарха, утверждал, что Харкур был виновен в государственной измене. Это отрицал г-н Шарль, которому Ангерран в результате выдал ложь; и первый принял оскорбление так жестоко близко к сердцу, что Ангерран, каким бы храбрым человеком он ни был, впоследствии был повешен за это. Когда условия битвы были определены, сеньор Харкурт вышел на поле боя в своих доспехах, украшенных лилиями; и сражающиеся сражались с величайшей доблестью, пока короли Англии и Наварры, присутствовавшие при этом, не стали умолять монарха Франции прекратить сражение; ибо было бы очень жаль, если бы два столь доблестных вождя пали друг от руки. После этого король воскликнул “Хо!”, и обе стороны были удовлетворены; и в 1300 году иностранные монархи заключили между ними мир”.

То же самое обстоятельство, хотя и с некоторыми незначительными вариациями в деталях, описано Массвилем в его *Истории Нормандии*, труде, почти каждый том которого содержит частые свидетельства величия дома Танкарвиллей. Эта семья пользовалась наследственным званием камергера нормандских герцогов; но в какой период оно было им даровано, теряется во мраке ранней истории. Ральф де Танкарвиль, основавший аббатство Святого Георгия де Бочервилля около 1050 года, [192] в *Нейстрийском Пуа*, согласно описанию этого монастыря, “Танкарди-Виллаэ Топарча, префект кубикундо Гильельми секунди.” В 1066 году имя графа Танкарвилля [193] указано среди тех, кто сопровождал Завоевателя в Англию. Камергер Танкарвиля занесен как Ордериком Виталисом, так и Массвилем в список нормандских рыцарей, отличившихся в войнах Филиппа-Августа. Вильгельм Танкарвильский, вероятно, тот же самый вождь или его непосредственный предшественник, ранее поддавшись соблазну Элеоноры, королевы Генриха II. присоединиться к заговору сыновей этого монарха против своего отца: впоследствии он проявил свою доблесть, когда знамена Ричарда с львиным сердцем были развернуты на равнинах Палестины. В 1197 году Ральф Танкарвильский был одним из свидетелей договора об обмене, уже неоднократно упоминавшегося в этой работе, заключенного между государем и архиепископом Руана вследствие строительства замка Гайяр; и когда восемь лет спустя Филипп, став бесспорным хозяином Нормандии, добился расположения духовенства важными уступками, к документу были приложены подпись и печать канцлера Танкарвиля.—Задача была проста, путем умножения цитат из Массвилля и ранних хронистов, значительно расширить список случаев, когда дворяне из дома Танкарвиллей

играли заметную роль в истории нормандии. В данном случае будет достаточно привести два обстоятельства в качестве неоспоримых доказательств их важности. Имя Танкарвиля встречается среди семидесяти двух представителей знати, которые в начале четырнадцатого века были призваны в нормандское казначейство; и в том же столетии, в 1320 году, после восшествия Филиппа VI на французский престол, получили в Амьене оммаж от Эдуарда III. что касается герцогства Аквитания и графства Понтье, граф Танкарвиль был избран на важную должность посла в Англии совместно с герцогом Бурбонским и графом Харкуртом, чтобы получить от монарха некоторые объяснения, которые считались необходимыми для достоинства короны Франции. Уже в 1451 году лорд Танкарвиль фигурирует как один из генералов французских войск, которым под командованием графа Лонгвиля наконец удалось изгнать англичан из Нормандии. С тех пор Мэсвилл больше не упоминает об этой семье. Что касается замка, то он хранит полное молчание, за исключением случая его захвата французами в 1435 году и повторной сдачи им в 1449 году.

В предыдущем кратком перечислении нескольких основных фактов, связанных с семьей Танкарвилль, можно было заметить, что лорды этого дома не раз удостоивались звания графов: автор *Описания Верхней Нормандии*, однако, прямо заявляет, что это владение не было возведено в графский титул до правления короля Франции Иоанна, который облагородил его этим достоинством в 1351 году; в то время оно состояло из всех феодальных владений, кастеляний, баронств и других земель всевозможных описаний в герцогство Нормандия, оккупированное Джоном де Меленом и его женой Джейн Крепин. От дома Мелан это же графство перешло к графству Харкорт в результате союза Джейн де Мелан с Уильямом де Харкуртом — их дочерью, которая унаследовала это имущество, а затем передала его в качестве приданого Джону, графу Дюнуа и Лонгвиля. В 1505 году, когда Людовик XII предоставил графам Лонгвиль высшую честь герцогства, Танкарвиль был включен в число зависимых территорий нового сана; и когда вскоре после этого герцогство Лонгвиль отошло к короне, графство Танкарвиль, оставшееся присоединенным к Лонгвилю, разделило ту же участь. Мария Орлеанская, герцогиня Немурская и Эстутевильская, вступив во владение Танкарвилем, продала его в сентябре 1706 года Антони Кроза, секретарю короля; и в то же время монарх передал все права и привилегии, связанные с этим владением, Луи де ла Тур д'Овернь, графу Эвре. Двенадцать лет спустя король своим патентом отделил Танкарвиль от Лонгвиля и приказал, чтобы отныне лордов Танкарвиля созывали в парламент в Руане.

Титул графа Танкервилля в настоящее время можно найти в книге пэров Англии. Он принадлежит потомку Чарльза Беннета, второго лорда Оссалстона, которому он был пожалован Георгом I. в 1714 году, после того как он женился на дочери и наследнице Форда, лорде Грее из Уорка, графе Танкервилле. Один из членов семьи этого лорда Грея, сэр Джон Грей, рыцарь, капитан Маунта в Нормандии, первоначально был награжден этим титулом королем Генрихом V. за выдающиеся заслуги во французских войнах. Но его внук, Ричард, граф Танкервилль, был возведен на престол на тридцать восьмом году последующего правления, и титул оставался недействительным до тех пор, пока вновь не был пожалован королем Вильгельмом III. Форду, только что упомянутому лорду Грею, который по прямой линии происходил от брата первого графа.

Табличка 86. Вход в замок в Танкарвилле.

Относительно происхождения названия Танкарвиль преобладали разные мнения. Ордерик Виталис называет ее виллой Танчарди: месье де Валуа в своей *Заметке о Галлиисклонен* присвоить ей более внушительное название Вилла Танкреди. Этот вопрос, по всей вероятности, никогда не будет решен: больше всего вызывает сожаление тот факт, что мы не можем найти никаких сведений о строительстве замка, чьи высокие башни все еще гордо возвышаются в образе старого баронского величия, с вершины крутого утеса на правом берегу Сены, которая здесь, так близко к своему устью, скорее напоминает устье, чем реку. Обширность руин в достаточной степени свидетельствует о важности их бывших владельцев: в настоящее время ничто не может быть более заброшенным. Мистер Дибдин, посетивший останки в 1819 году, нарисовал своим живым карандашом следующий оживленный набросок их нынешнего вида; а мистер Льюис, сопровождавший его, дополнил свою великолепную Экскурсию прекрасным видом зданий и окружающего пейзажа:

“Мы поднялись в замок: день становился мягким, ярким и волнующим ... Но, увы, из-за перемен и случайностей этого бренного мира. Где был страж? Он уже много долгих лет не трубил в свой рог. Где была арфа менестреля? Он погиб два столетия назад вместе с рукой, ударившей по его струнам. Где была сопровождавшая его стража? — или преследователи?—или вооруженные

люди? Они были сметены с лица земли, как листья старых лип и буков, которыми была окружена нижняя часть здания. Ров пересох; крепостной вал превратился в руины: — на территории росла густая трава я также не могу передать вам, сколько обширных остатков залов, банкетных залов и спален со всеми великолепными атрибутами старинной архитектуры в виде крепостных замков поражали жадный глаз смешанной меланхолией и удивлением! Необычные полукруглые и полуквадратичные угловые башни, нависающие над вечно беспокойной волной, чрезвычайно заинтересовали нас. Проводник показал нам, где раньше содержались заключенные — в подземелье, очевидно, непроницаемом для любого проблеска дневного света и любого дуновения воздуха. Я не могу претендовать на то, чтобы сказать, в какой период была построена даже самая старая часть замка Монморанси [194]: но я не видел ничего, что казалось бы более древним, чем последний конец пятнадцатого века. Возможно, большая часть относится к началу шестнадцатого века; но среди комнат без крыш я не мог не восхититься крашеными бордюрами, главным образом красного цвета, которые проходят по верхней части стен, или деревянными панелями, свидетельствующими не только о хорошем, но и о великолепном вкусе. Я говорил вам, что подобное украшение можно было увидеть в какой-то части восточной оконечности аббатства Жюмьеж? Здесь они действительно служили доказательством — доказательством, смешанным с меланхолическими ощущениями при убеждении, — вероятного состояния великолепия, которое когда-то царило во всем замке. Между угловыми башнями, в той части, которая проходит непосредственно параллельно Сене, есть великолепная терраса, ныне превращенная в сад, с которой открывается непосредственный и обширный вид на устье реки. Это собственность спекулянта, проживающего в Гавре. Параллельно с этой террасой проходит более модернизированная часть замка, в которой жил последний владелец. Возможно, он был построен около пятидесяти лет назад и выполнен — вернее, его остатки — вполне в современном стиле домашней архитектуры. Комнаты большие, высокие и удобные, но от них не осталось ничего, кроме оболочек. Революционные патриоты полностью лишили их всех полезных и ценнейших предметов мебели, и даже голые стены начинают отсыревать и угрожают немедленным разрушением. На месте я сделал несколько заметок, которые, к несчастью, были безвозвратно потеряны; так что я сожалею, что вынужден послать вам столь краткий и скудный отчет об этом некогда обширном, но все же внушительном и интересном здании. Прощай — долгое и, возможно, вечное прощание — с замком Монморанси!”

СНОСКИ:

[192] Согласно Массевиллю (*История Нормандии*, II. стр. 192), это аббатство было основано только в 1114 году; но такое утверждение несовместимо с фактом, что мертвое тело Завоевателя было перенесено туда в 1087 году; и, более того, как в *Христианской Галлии*, так и в *Нейстрии Пиа* прямо указано, что именно в 1114 году Вильгельм, пятый сын основателя, а также наследственный камергер Нормандии, отменил каноны Святого Георгия. основал там свой отец и заменил их монахами из Святого Эврула.

[193] Так назвал Массвилл, I. стр. 205.

[194] Мистер Дибдин единообразно называет этот замок замком Монморанси; но ни при каких обстоятельствах он не указывает свои полномочия на это; автор этих замечаний никогда не слышал, чтобы его так называли в Нормандии, и он не может найти упоминания о нем под этим

названием у Нодье или любого другого автора. Если, что представляется вероятным, у жителей окрестностей вошло в привычку так называть его, то велика вероятность, что современная часть (см. Табличку *восемьдесят пятый*) была возведена в период, когда Танкарвиль принадлежал какому-нибудь члену благородной семьи Монморанси.

ТАБЛИЧКА LXXXVII. И LXXXVIII.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО КРЕСТА В СЕНТ-Луисе

(ЗАПАДНЫЙ ВХОД И РАЗЛИЧНЫЕ ОБРАЗЦЫ СКУЛЬПТУРЫ).

Фото 87. Церковь Святого Креста в Сент-Ло.
Западный вход.

Город Сен-Ло, как говорят, обязан своим происхождением императору Карлу Великому и был основан им в пятом году девятого века. Говорят, что город Сен-Ло был основан им в пятом году девятого века. Он расположен в западной части Нормандии, на небольшой реке Вир, примерно в пяти лье к востоку от Кутанса; и в настоящее время в нем проживает около семи тысяч жителей. Старые хронисты рассказывают, что первоначально это место называлось Сент-Круа; но вскоре после своего основания оно сменило это название на нынешнее, после того как было выбрано в качестве места, удостоенного чести принять мощи святого Ло, или, как его называют по-латыни, святого Лауда, который был пятым епископом Кутанса и руководил этой кафедрой большую часть шестого века. О заслугах святого, чудесах, которые он совершал как живой, так и мертвый, и о различных местах, которые в разное время принимали его бранные останки, подробно рассказывает г-н Руо в своей "Истории епископов Кутанса". В данном случае достаточно заявить, что после перевода тела св. На месте, ныне носящем его имя, по его

призыву была построена великолепная церковь, а город был окружен мощными укреплениями, защищавшими его от набегов норманнов. Эти языческие грабители в то время только начали свои опустошения в Нейстрии, когда, несмотря на свои новые стены, Сен-Ло вскоре был вынужден вместе с остальной провинцией подчиниться их власти; и они вылили на христианский город полные сосуды языческого гнева, сожгли его дотла.

В последующие и, вероятно, недалекие времена Сен-Ло был снова превращен в оборонительное сооружение; и упоминания о нем как таковом неоднократно встречаются в различные беспокойные периоды французской истории. Даже в наши дни, когда укреплениями в этой части королевства долгое время пренебрегали, в Сент-Ло сохранилось достаточно их остатков, чтобы составить самое впечатляющее представление об их первоначальной мощи, чему, должно быть, способствовало их расположение на вершине высокой и неприступной скалы. Ло был одним из последних городов Нижней Нормандии, открывших свои ворота победоносному оружию императрицы Мод: он оставался непоколебимым в своей верности до 1142 года, всего за два года до смерти английского монарха. На третий год следующего столетия она без кровопролития сдалась Филиппу-Августу, который затем двинулся к взятию горы Святого Михаила; и, похоже, не оказала Эдуарду III более чем незначительного сопротивления, кем он был взят в 1346 году. Фруассар по этому поводу сообщает следующие подробности об английской армии, а также о состоянии города и его взятии: “У короля Англии и принца Уэльского в их батальоне было около трех тысяч вооруженных людей, шесть тысяч лучников и десять тысяч пехотинцев, не считая тех, кто находился под командованием маршалов; и они шли маршем, о котором я упоминал ранее, сжигая и опустошая местность, но не нарушая своей боевой линии. Они не повернули в сторону Кутанса, а двинулись к Сен-Ло в Кутантене, который в те дни был очень богатым и торговым городом и стоил трех таких городов, как Кутанс. В городе Санкт - Ло было много складов, и многие состоятельные жители; между ними может насчитать восемь или девять очков, которые были заняты в сфере торговли. Когда король Англии приблизился к городу, он разбил лагерь: он не захотел останавливаться в нем из страха пожара. Поэтому он послал вперед свой передовой отряд, который вскоре захватил его с незначительными потерями и полностью разграбил. Никто не может себе представить, сколько богатств они нашли в нем, как и количество тюков ткани. Если бы нашлись покупатели, они могли бы купить их по дешевой цене”.

В 1379 году, когда английское оружие во время правления второго Ричарда приобрело во Франции эфемерное превосходство, Сен-Ло был единственным городом Котантена, за исключением Карентана, который французский монарх считал достаточно сильным, чтобы оправдать размещение в нем гарнизона.— Он был взят англичанами при Генрихе V в 1418 году; и был снова возвращен французам путем капитуляции тридцать один год спустя. В начале следующего бурного правления Сен-Ло и Валонь были назначены местами жительства Кларенса и Уорика и других лидеров ланкастерской партии; за их недолгим успехом в пользу свергнутого Генриха последовало их собственное полное поражение и окончательное крушение их надежд.

Во время религиозных войн шестнадцатого века Сент-Ло снова оказался настолько неудачлив, что сыграл заметную роль. В начале смуты она отличилась решительной преданностью делу протестантизма; и, хотя течение событий часто вынуждало ее неохотно подчиняться противоположной партии, она оставалась на протяжении всей борьбы непоколебимой в своей привязанности к гугенотам. Следовательно, когда в 1574 году его, наконец, призвали сдаться

католикам, он предпочел подвергнуть себя всем невзгодам осады, а также еще большему - взятию штурмом; и тяжесть его страданий зафиксирована историками партии победителей, которые сами признают, что “он был разграблен с ужасной резней”. [195] Однако его протестантские культовые сооружения не были окончательно разрушены до 1685 года, периода отмены Нантского эдикта.

ST. Ло был резиденцией аббатства монахов-августинцев, которое, как говорят, было основано в середине двенадцатого века и пользовалось такой известностью, что, по словам Кверцетана, епископы Кутанса какое-то время довольствовались титулом епископов Святого Ло.

[196] Главная церковь в этом месте, Нотр-Дам, очень напоминает кафедральный собор. о Кутансе, о котором даже говорят, что это копия. Ее начали строить только в период английского правления в Нормандии, в пятнадцатом веке. Более старая, или башня с часами, была возведена в 1430 году: противоположная башня и западный вход - в 1464 году. Другие его части были достроены только в следующем столетии, а северный шпиль - произведение столь же позднего периода, как 1685 год.

Очень древняя церковь Сент-Круа (тема этих табличек) была связана с аббатством, от которого сейчас мало что осталось. В городе существует предание, что когда-то это был храм Цереры; и такие предания, какими бы некритичными или даже абсурдными они ни были, заслуживают внимания, поскольку обычно берут начало в смутном знании отдаленной даты постройки здания, к которому они пристроены. По мнению г-на де Жервиля, по крайней мере, часть церкви принадлежит зданию, возведенному Карлом Великим в 805 году. Фактическое возведение такого здания и его посвящение святому кресту - факты, отчетливо изложенные в *Нейстрийской церкви*: ее идентичность с нынешней церковью, похоже, не подвергается сомнению ни Дю Монстье, ни аббатом де Билли, историком Сен-Ло. В то же время ни тот, ни другой из этих авторов не были в неведении относительно позитивного утверждения в *Gesta Normannorum*, что при этих успешных захватчиках — “Sancti Laudi castrum, interfectis habitatoribus, территория как таковая”. Но в противовес этому г-н де Жервиль утверждает, что либо к этому решительному утверждению следует относиться с определенной долей снисходительности, либо что под словом *castrum* следует понимать только цитадель; так что, хотя она и была разрушена, домашним и религиозным сооружениям было позволено уцелеть. Он даже считает, что части здания, относящиеся к периоду правления династии Карловингов, опытный глаз может отличить от восстановительных работ одиннадцатого века. Он прослеживает их особенно в западном фасаде, в дверном проеме (*табличка восемьдесятсемь*) и в некоторой кладке из елочных костей, которую можно увидеть над узким окном с круглым выступом, обращенным к югу. Но еще больше он основывает свое мнение на барельефе, представляющем Божество в сопровождении ангелов (*пластина восемьдесятвосьмая, рис. Б.*), который теперь встроен в стену в конце нефа, на южной стороне. Характер скульптуры и форма букв кажутся ему почти решающими. Относительно последнего он замечает: “хорошо известно, что римские символы были восстановлены Карлом Великим, особенно после того, как он был провозглашен императором. Этот факт в достаточной степени подтверждается различными памятниками, сохранившимися до нас от его времени, а также монетами, которые были отчеканены во второй половине его правления и во время правления Луи Дебоннера. Элегантность и простота формы букв характеризовали письменность этой эпохи; и последнее, по крайней мере, из этих качеств, в высшей степени характерно для надписи в Сен-Ло. С другой стороны, правильная орфография не была в равной степени одним из достоинств эпохи”.

Фото 88. Церковь Святого Креста в Сен-Ло.
Скульптура.

Развивая тему еще дальше, г-н де Жервиль высказывает свое мнение, что различные эпохи в архитектуре, обычно обозначаемой как нормандская, могут быть определены с некоторой степенью точности; и он думает, что может проследить в нескольких церквях поблизости очевидную имитацию этой церкви в Сен-Ло; в то время как он считает, что превосходная древность последней решительно подтверждается скульптурой над западным входом; уже замеченным медальоном Божества; и несколькими капителями интерьера; особенно теми, которые имеют отношение к легендам о Сент—Элое (табличка *восемьдесят восьмой*, рис. F.) и Святого Губерта (рис. D.), оба совсем недавнего периода; и два других (рис. C. и E.), на последнем из которых дьявол поджаривает несчастных грешников, в то время как первый,

демонстрирующий *психостазию*, служит наглядной иллюстрацией двух строк хорошо известного гимна Римско-католической церкви:-

“Statera facta corporis,
Prædamque tulit Tartari.”

В западном фасаде церкви Святого Круа, над дверным проемом, были вставлены три окна в самом раннем стрельчатом стиле. Вся скульптура над архитравами арки любопытна как по своему дизайну, так и по исполнению. Переплетенные змеи, заканчивающиеся с обоих концов головами дьяволов; двое мужчин, дергающих кольца, прикрепленные к цепи, обвитой вокруг шеи обезглавленного демона, на которого лают две собаки; и сама конструкция цепи - все это необычно; и едва ли не менее необычен медальон внизу. [197]—Церковь заканчивается на востоке большой круглой аркой, которая сейчас закрыта и всегда была такой на памяти человечества; но, вероятно, в какое-то прежнее время она вела в алтарь или святилище. Есть южный трансепт, который заканчивается похожей аркой: арки нефа, которые также имеют круглую форму, каждая из них окружена двойным архитравом зигзагообразной формы: капители колонн, поддерживающих эти арки, мистер Котман считает по большей части образцами лучшей нормандской скульптуры. Он выбрал для гравировки те, которые наиболее грубы: на других обычно изображены широкие переплетающиеся полосы, листва и плоды. Абаки тоже, хотя они в целом невзрачны, в некоторых случаях украшены подобной скульптурой, как, например, в церквях Гревилля, Серизи и Святой Троицы в Кане. В верхнем этаже, над каждой аркой внизу, первоначально были две меньшие арки с полукруглыми головками; но теперь они закрыты, и их место занято единственным узким стрельчатым окном, которое открывается в большую нишу. Выступы без выступов (*табличка [восемьдесят восьмой](#), рис. А.*) могут быть сопоставлены, с точки зрения необычности, с таковыми любой другой нормандской церкви. Священная эмблема христианской веры, монахиня в плаще, усатый саксонец и волк, бич Нейстрии, встречаются среди них бок о бок с Атласом и Циклопом из языческой мифологии; и, как будто легенды Рима и Греции не могли предоставить достаточных сюжетов для резца скульптора, он, по-видимому, расширил свои исследования до более отдаленных регионов, граничащих с Нилом, и оттуда привез грубую имитацию египетской головы и еще более грубую - головы мистического Скарабея.

СНОСКИ:

[195] Тогда Сен-Ло командовал М. Коломбьер, который был настолько решителен в своем деле, что вместо того, чтобы сдаться, он встал в центре бреши со своими двумя маленькими сыновьями по обе стороны от него, каждый держал в руке копье, а затем ожидал атаки, призывая своих детей храбро погибнуть, а не быть оставленными на произвол судьбы. неверные и вероотступники. Католическую армию возглавлял г-н де Матиньон, который в прошлом отличился снисходительностью к местным жителям. Графство Сен-Ло с титулом барона сохранялось в его семье вплоть до 1722 года, когда Массвиль опубликовал свою "Историю Нормандии".

[196] За следующие подробности, да и за большую часть оставшейся части этой статьи, автор должен выразить свои обязательства перед М. де Жервиллем, чья любезная помощь на протяжении всей работы не может быть слишком часто или слишком отчетливо отмечена.

[197] Барельеф на этом медальоне представляет собой самое впечатляющее из чудес, связанных с историей Святого Ло, и оно было совершено в тот самый момент, когда он собирался приступить к исполнению обязанностей своего епископства, на которое, по явному вмешательству Божества, он был избран в раннем двенадцатилетнем возрасте. Руо в своем *Обзоре жизни эвеков Кутанса*, стр. 81, приводит следующие подробности, касающиеся этого; и его рассказ, который любопытен, приводится здесь как добавляющий вероятности мнению г-на де Жервиля, что этот медальон, по крайней мере, принадлежал первоначальному строению, что бы ни думали об остальной части церкви.—“Мнение об избрании и освящении церкви С. Lo avoient été miraculeuses, Dieu fit voir par des signes qui n'étoient pas moins surprenants que tout s'étoit fait selon sa volonté: car à la première entrée que le jeune Prélat fit dans son Eglise, la divine Puissance voulut prouver à St. Gildard, aux autres Prélats qui étoient encore presents, et à toute l'Eglise de Coûtances, que tout ce qu'ils avoient fait lui étoit très-agréable. Ce qui fut confirmé par un Miracle des plus éclatans dans la personne d'une Femme aveugle née, qui s'étant faite conduire à la porte de la Cathédrale, y attendoit le nouvel Evêque, dans l'esperance de recevoir la vüe par son intercession. En effet, lorsqu'elle apprit qu'il approchoit, elle le conjura à haute voix de lui faire voir la lumiere. Le Saint frappé d'une telle demande en rougit, et crut que c'étoit tenter Dieu que d'attendre de lui des Miracles. Mais cette pauvre femme ne cessant de crier comme l'Aveugle de l'Evangile, le Saint poussa un profond soupir, et ayant plus d'égard à la foi de la suppliante qu'à son propre mérite, il invoqua le secours du saint Esprit, fit avec confiance le signe de la croix sur les yeux de l'Aveugle, et au même instant la vüe lui fut renduë à la grande admiration de tous les assistans, qui bénirent et remercièrent Dieu de leur avoir donné un Pasteur qui prouvoit sa vocation par un si grand Miracle, en reconnoissance duquel on éleva au même lieu deux Statuës, l'une de Saint Lo, et l'autre de la femme guérie, telles qu'on les voit encore aujourd'hui au Portail de l'Eglise, où on a aussi conservé fort soigneusement la Pierre sur laquelle étoit Saint Lo lorsqu'il opera ce Miracle. C'est encore sur elle que les Seigneurs Evêques de Coûtances s'arrêtent à leur première entrée, pour faire les sermens et promesses accoutumées en pareille Cérémonie, et qu'ils y reçoivent les complimens et applaudissemens de la Ville, pour conserver la mémoire d'un si grand Miracle.”

ТАБЛИЧКА LXXXIX. И ХС.

ФАЛЕЗСКИЙ ЗАМОК.

Фото 89. Замок Фалез.

Вид на северо-запад.

Тот, кто может получать удовольствие от самых диких излияний абсурдной беллетристики, воплощенной в теориях, лишенных даже слабой основы традиции, но построенных правдоподобно, связанных с изобретательностью и подкрепленных знаниями, может найти обильное удовлетворение в ранней истории Фалеза. Город, как указано в рукописном справочнике Нормандии, написанном в семнадцатом веке, был не только одним из древнейших в Галлии, но и основан одним из внуков Ноя. Согласно другому, еще более серьезному авторитету, его древность поднимается еще выше и восходит к периоду самого всемирного потопа. Она настолько превосходит Римскую империю, что задолго до строительства бессмертного города колонии были отправлены из Фалеза в Италию, где аборигены знали их под названиями *фалиски* или *Фалери*. Третий автор, М. Ланжевен, автор *Исторических исследований Фалеза*, уверяет своих читателей, что Фалез с незапамятных времен был местом, посвященным религии; и в диссертации, полной самой сложной информации, касающейся поклонения Белену и Абрасаксу, Исиде и Феле, он настолько связывает и переплетает обряды этих божеств с этим местом и его окрестностями, что вряд ли можно сказать, что он оказывает ему меньше чести, чем его предшественники.

Если обратиться от историков такого сангвинического склада к историкам более трезвого склада, то не будет никаких оснований полагать, что город Фалез существовал до вторжений саксов или утверждения норманнов в Нейстрии. Никаких упоминаний о нем не встречается до последнего из этих периодов; и само его название, очевидно, происходящее от немецкого слова, обозначающего скалу, *fels*, откуда французы впоследствии позаимствовали свое название для скал, *falaise*, кажется решающим в отношении основания города какими-то людьми тевтонского происхождения. В то же время это в целом характерно для его ситуации.

О том, что Фалез был построен саксами, вероятно, можно с полным основанием заключить из того факта, что он вскользь упоминался во время правления Ролло, как одно из мест, через которые он проезжал в 912 году, посещая различные части своего герцогства. Город не мог не иметь значения во времена правления его сына, Вильгельма Лонг-Эпе; поскольку этот принц, как утверждается, получил большую помощь от жителей Фалеза и округа Хьемуа, когда был вовлечен в войну с народом Бретани. Более чем возможно, что укрепления были возведены тем

или иным из этих государей. [198] Утверждается, что их непосредственный преемник, Ричард Санс-Пер, внес значительные дополнения в архитектуру этого места, которое было построено в начале следующего столетия при Ричарде III. пятый из нормандских герцогов, несомненно, был одним из сильнейших владений провинции. Вскоре после этого Фалез приобрел новое значение как резиденция Роберта, отца Завоевателя, и место рождения самого этого государя, которому он оказал приемлемую услугу во время его юности по случаю грозного заговора нормандских баронов, возглавляемого Ги де Бургундом, в 1046 году. Принц, находившийся тогда в Валони, с трудом спасся от кинжалов ассасинов в Фалезе, где его приняли с распростертыми объятиями. Фалез был в то время столицей Хемуа. В правление Генриха II. в Англии замок использовался как государственная тюрьма и был выбран местом заключения Роберта, графа Лестера, когда тот был взят в плен в 1173 году, командуя французскими войсками в Англии. В последующий, но недалекий период Брито, поэтический летописец деяний Филиппа-Августа, говоря об окончательном подчинении Нормандии этому королю, упоминает город Фалез и его взятие в следующих стихах:

“Vicus erat scabrâ circumdatus undique rupe,
Ipsius asperitate loci Falæsa vocatus,
Normannæ in medio regionis, cujus in altâ
Turres rupe sedent et mœnia, sic ut ad illam
Jactus nemo putet aliquos contingere posse.
Hunc rex innumeris circumdedit undique signis,
Perque dies septem varia instrumenta parabat,
Mœnibus ut fractis villâ potiatur et arcâ:
Verùm burgenses et præcipue Lupicarus,
Cui patriæ curam dederat rex Anglicus omnem,
Elegere magis illæsum reddere castrum,
Omni re salvâ cum libertatis honore,
Quàm belli tentare vices et denique vinci.”

Вышесказанное стало четвертой из девяти осад, которые сделали имя Фалеза незабываемым в истории норманнов. Первое из них произошло в 1027 году, когда Фалеза осмелилась приютить Роберта, отца Завоевателя, во время его восстания против своего брата, герцога Ричарда III. По важности ни одна из осад не была равна осадам 1417 и 1589 годов. В первом из этих случаев Генрих V, воодушевленный успехом, который неизменно сопутствовал его оружию после его славной победы при Азенкуре, лично повел свои войска против города, который, как он ожидал, станет легкой добычей. Но он выдерживал непрерывную бомбардировку в течение трех месяцев и окончательно не сдавался до тех пор, пока укрепления не были нанесены такие существенные повреждения, что их ремонт осажденными за свой счет стал одним из главных пунктов капитуляции. Именно по этому случаю к замку была пристроена высокая круглая башня, один из главных объектов на обеих этих пластинах. Традиция приписывает его возведение знаменитому английскому генералу Тальботу, тогдашнему губернатору города, и даже по сей день он носит его имя. [199]

Последняя осада Фалеза, состоявшаяся в декабре 1589 года, была вызвана преданной приверженностью жителей Лиге и их последующим отказом признать Генриха IV. как их суверен, из-за его привязанности к протестантской вере. Защищая свою веру, они уже

выдержали одну осаду в июле месяце того же года; и, возглавляемые графом де Бриссаком, комендантом замка, отразили королевские войска под командованием герцога де Монпансье. Но новый государь был не из тех, с кем можно шутить; и когда Бриссак, будучи вызван к капитуляции, ответил, согласно словам Де Ту, “религия се запретила; пусть Доминик корпоративис сакраменто, фидем суис обяжет посвятить себя делу, не имеющему действия”, король, как сообщает тот же благородный историк, ответил: “се менструации до конца умирают контрактурой, *intra quos illum, sed magno suo cum damno*, религиозное решение проблемы”. Гарнизон, несмотря на эти угрозы, не ослабил своего сопротивления, и в конце концов город был взят штурмом, а мороз позволил нападавшим перебраться через ров. После этого граф де Бриссак удалился в замок, который сдал примерно месяц спустя.

Фалез фигурирует в религиозных анналах Нормандии как резиденция аббатства, основанного в 1127 году и впервые занятого постоянными канониками ордена Св. Августина и помещен под призыв святого Михаила, Архангела; но вскоре после этого передан монахам-премонстратенам и посвящен святому Иоанну Крестителю. Говорят, что монастырь возник на базе больницы, основанной богатым жителем в результате того, что нищий умер от холода и голода в своем сарае. Буллой папы Секста IV, датированной 1475 годом, настоятелям была дарована привилегия носить митру, кольцо и папские знаки отличия, а также различные другие почетные знаки отличия. Революция лишила Фалез аббатства и восьми церквей. Сейчас в нем сохранилось только четыре: две внутри городских стен и две в пригороде. Его население оценивается примерно в десять тысяч жителей.

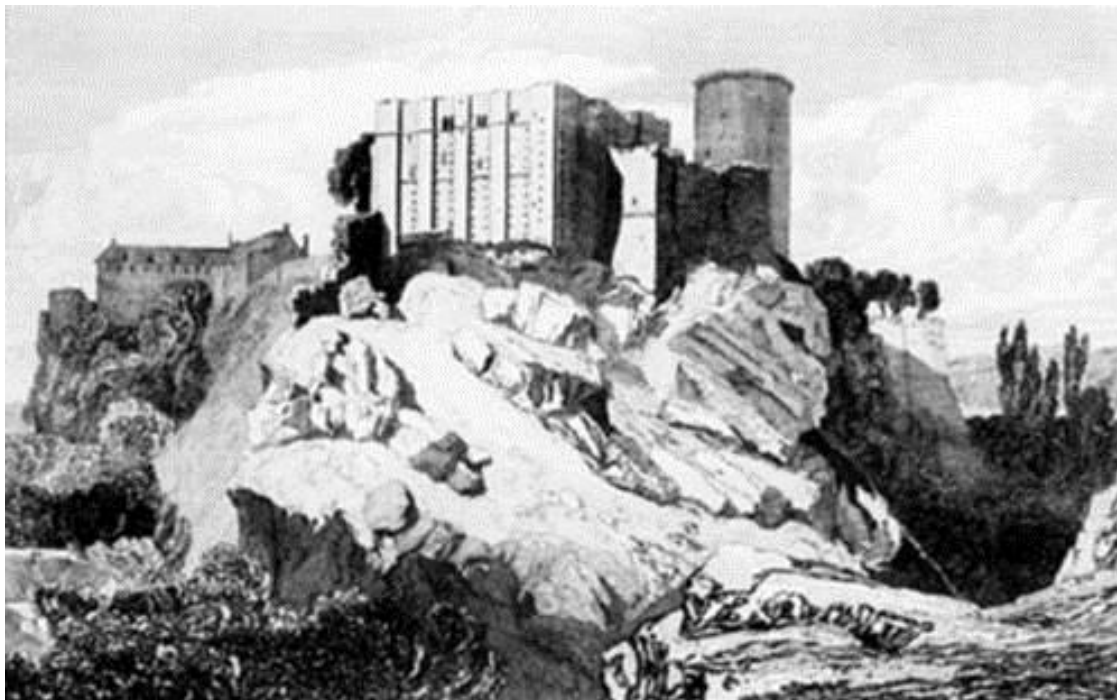

Фото 90. Замок Фалез.

Вид с севера.

Мистер Тернер справедливо считает Фалезский замок одной из самых гордых реликвий нормандской старины. Следующее описание этого места, как более подробное, чем любое

другое, которое до сих пор появлялось, дословно переведено из Тура [200] этого автора: “Оно расположено на очень отвесной и высокой скале, разбитой на отдельные и фантастические массивы и покрытой роскошной растительностью. Башня, возвышающаяся над ним, сделана из превосходной каменной кладки: камни точно обтесаны и сложены вместе с большой аккуратностью, а стыки небольшие; а арки выгнуты четко и разборчиво, и во все из них точно вставлен ключевой камень или клин. Некоторые участки стены, ближе к внутреннему баллиуму, построены не из квадратного необработанного камня, а из местного темного камня, расположенного зигзагообразно, или, как его чаще называют, в виде "селедочной кости", с большим количеством раствора в промежутках; контрфорсы, или, скорее, опоры, имеют небольшой выступ, но большую ширину. Верхний этаж, разрушенный около сорока лет назад, был построен в другом архитектурном стиле. Согласно старому отпечатку, [201] он заканчивался большой зубчатой стеной, а по углам возвышались башни бартизан. Это подземелье раньше было разделено на несколько помещений, в одном из нижних из которых около полувека назад была найдена очень древняя гробница хорошей работы, украшенная сфинксами с каждого конца, но без какой-либо надписи. По общему мнению, гроб принадлежал Тальботу, который в течение многих лет был управляющим замком; и в конце концов какой-то человек выгравировал на нем эпитафию в его честь; но подделка была обнаружена, и саркофаг отложили в сторону как не имеющий значения. Второй, или главный, этаж башни в настоящее время представляет собой единую квадратную комнату шириной около пятидесяти футов, освещенную окнами с круглыми выступами, каждое из которых разделено надвое короткой и массивной центральной колонной, капитель которой полностью выполнена в нормандском стиле. На одной из капителей изображен ребенок, ведущий ягненка, [202] изображение, как глупо говорят, Завоевателя, который, по преданию, родился в квартире, которой принадлежало это окно: у другой колонны есть элегантная капитель, составленная из переплетенных полос.—С подземельем каменной лестницей соединена небольшая квартира, очень сильно обветшавшая, но все еще сохранившая часть своей первоначальной облицовки канским камнем. Именно из окна этих апартаментов, как обычно гласит легенда, герцог Роберт впервые увидел прекрасную Арлетт, черпавшую воду из ручейка внизу, и был очарован ее прелестями, после чего взял ее к себе в постель. Согласно другой версии сказки, самая ранняя беседа между принцем и его прекрасной любовницей произошла, когда Роберт возвращался с охоты, переполненный гневом на жителей Фалеза за то, что они осмелились убить оленя, которого, по его приказу, следовало сохранить для его королевского времяпрепровождения. В этом преступлении основную долю понесли городские курьеры, и поэтому они были в основном назначены для наказания. Но, к счастью для них, Арлетта, дочь некоего Верпрея, самого виновного из числа присутствующих, встретила оскорбленного герцога, проезжая по улице, и своей красотой так очаровала его, что не только получила прощение своего отца и его сообщников, но и стала его любовницей, и оставалась таковой до тех пор, пока он был жив. От нее, если мы можем доверять старым хронистам, произошло наше английское слово, *блудница*. Плодом их союза стал Вильгельм Завоеватель, чье незаконнорожденное происхождение и низкое происхождение его матери не раз служили предлогом для заговоров против его трона и часто были предметом личного унижения по отношению к нему самому.—Толщина стен в этой части замка составляет от восьми до девяти футов. Часть их была выдолблена таким образом, чтобы образовать пару небольших комнат. Старый дверной проем в цитадель находится под углом; обратные пути заделаны тростником и заканчиваются квадратным самозванным столбом; арка над ним разрушена. Башня Талбота, названная так из-за того, что была построена этим генералом в 1430 году и в два последующих года, соединена с крепостью длинным проходом со

стрельчатыми окнами, которые значительно расширяются внутрь. Он имеет более ста футов в высоту и представляет собой прекрасный образец каменной кладки, по-видимому, такой же совершенный, как и в день его возведения, и такой же прочный, как скала, на которой он стоит. На эту башню можно подняться по лестнице, скрытой в толще стен, толщина которых составляет полных пятнадцать футов у основания и не уменьшается более чем на три фута у вершины. Другое отверстие в них служит колодцем, который, таким образом, сообщается с каждой квартирой в башне. Большинство арок в этой башне имеют круглые выступы: окна квадратные. Стены и башни, окружающие цитадель, построены гораздо позже; главные ворота обозначены острием. Сразу при входе видна очень древняя часовня, посвященная святому Приску, или, как его называют по-французски, Святому Приску. Восточная часть с тремя окнами в круглой форме сохраняет свои первоначальные линии: каменная кладка прочная и качественная. Фантастические карнизы окружают верхушку боковых стен. Внутри полукруглая арка, опирающаяся на короткие колонны со скульптурными капителями, отделяет хоры от нефа. В остальном здание претерпело значительные изменения. Генрих V. отремонтировал его в 1418 году, и с тех пор он обветшал и реставрировался. Ряд зданий за ним, полностью современных по внешнему виду, сейчас заселен как семинария или колледж. Внутри есть несколько круглых арок, которые показывают, что эти здания принадлежали первоначальной структуре.—В целом замок представляет собой величественные руины. Хотя цитадель лишена украшений Норвича или Касл-Райзинга, она обладает впечатляющей прочностью, которая значительно усиливается необычайной свежестью каменной кладки. Фоссы замка засажены высокими деревьями, которые затевают башни и крепостные валы и переплетаются с ними; со всех сторон они окружают себя живописной группой. Говорят, что муниципалитет намерен *восстановить* башню Тэлбота и цитадель, заменив разрушенные зубчатые стены; но я надеюсь, что никаких других ремонтных работ не будет, за исключением тех, которые могут потребоваться для сохранения здания; и я не думаю, что это нуждается в чем-либо, за исключением установки зажимов в центральных колоннах двух окон, которые сильно разбиты”.

СНОСКИ:

[198] В то же время, поскольку не сохранилось никаких записей относительно даты строительства замка в Фалезе, нормандские хронисты тщательно записали периоды возведения других замков по соседству. Замок Домфронт, по их словам, был построен в 1011 и 1014 годах н.э. графами Алансонскими; замок Кан - Вильгельмом Завоевателем, но значительно увеличен его сыном Генрихом I.; замок Винья, в полутора лигах от Фалеза, примерно в 1096 году, во времена герцогства Роберта, Робертом Монтгомери, графом Алансонским и виконтом Химским и Фалезским; и замок Аржантан - Генрихом I. Король Англии, в качестве защиты от его зять, Джеффри Плантагенет.—*Recherches Historiques sur Falaise*, p. 22.

[199] Согласно Ланжевену, стр. 30, Тальбот также пристроил к замку несколько благородных апартаментов, украшенных картинами, которые также перешли под его имя и некоторые части которых все еще стояли несколько лет назад.

[200] Том II. стр. 266.

[201] Этот снимок недавно был скопирован в *турне мистера Дибдина*, том II. стр. 11.

[202] Мистер Тернер, по-видимому, ошибся в отношении этой заглавной буквы: мистер Котман, который исследовал ее более внимательно, обнаружил, что ребенок держит на поводке *двух*

животных; и он предполагает, что это борзые, сравнивая их с очень похожей скульптурой на одной из капителей епископского дворца в замке в Дареме, воздвигнутой Завоевателем.—См. *"Древняя архитектура Кретьера"*, I. pl. 17, рис. Р.

ТАБЛИЧКА ХСІ.

ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ КРУЛЛИ.

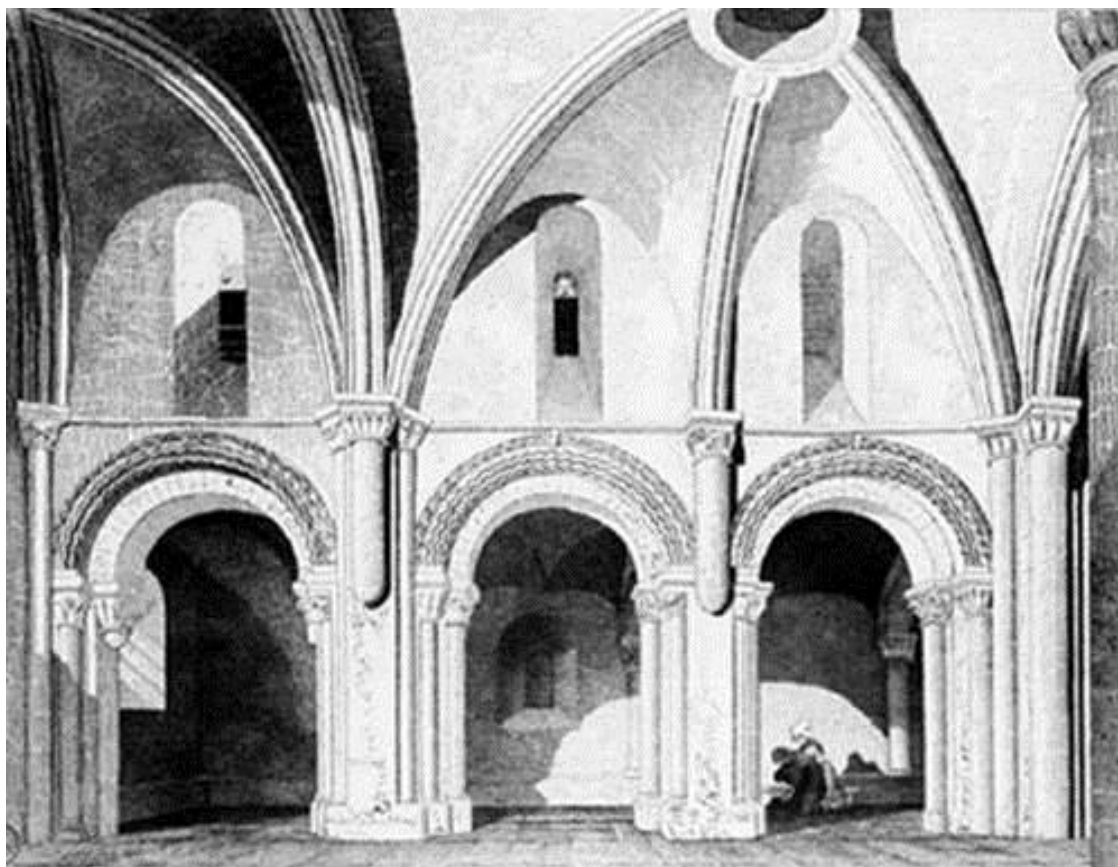

Фото 91. Интерьер церкви Крулли.

Крулли, церковь которого была выбрана здесь для публикации как достойный образец подлинно нормандской архитектуры, представляет собой небольшой торговый городок епархии Байе, расположенный примерно в шести милях к востоку от одноименного города и в пятнадцати милях к северо-западу от Кана. Это древнее баронство, удостоенное этого отличия Генрихом I. в пользу своего побочного сына, графа Глочестера, многие из потомков которого, по словам Массвилля, все еще жили в Нормандии в восемнадцатом веке и носили фамилию Крулли. Тот же автор неоднократно упоминает лордов Крулли в ходе своей нормандской истории. Их можно найти в списке баронов, сопровождавших герцога Роберта в Святую Землю в 1099 году; и когда генуэзцы в 1390 году обратились к королю Франции за помощью против неверных с берберийского побережья, и благочестивый монарх послал им на помощь армию

под командованием герцога Бурбонского, имя сеньора де Крелли занимает видное место среди тех, кто предпринял эту неудачную экспедицию. И снова, в 1302 году, барон Крулли занимал пятое место среди девяти лордов из бейлирика Кан, которые были призваны заседать в нормандском казначействе.

Со времен графа Глочестера и до начала Французской революции баронством Крулли продолжали владеть разные знатные семьи. В начале восемнадцатого века, когда Массевиль опубликовал свой труд, он находился в руках наследников г-на де Сеньели-Кольбера, который также владел другими значительными владениями в Нормандии. Последним, кто носил этот титул, был член семьи Монморанси. Из—за его эмиграции поместье было конфисковано и продано как национальная собственность; но баронский замок и сейчас стоит, и в двух его башнях и дымоходе необычной формы видна часть его древнего облика. Остальная часть здания преобразована в роскошную комфортабельную резиденцию, которую в 1818 году занимал английский генерал по фамилии Ходжсон. [203]

Автор этой статьи не встречал никаких записей, связанных с церковью Крулли. —Внешне она полностью модернизирована; но внутри неф, боковые нефы и хоры выполнены в чисто нормандском стиле, за исключением оконечностей. Опоры очень массивные; арки широкие и низкие; капители покрыты грубой, но замечательной скульптурой, которая разнообразна на каждой колонне; а стены необычайной толщины.

СНОСКИ:

[203] *Тур Тернера по Нормандии*, II. стр. 264.

ТАБЛИЧКИ XCII.—XCIV.

СОБОР В КУТАНСЕ.

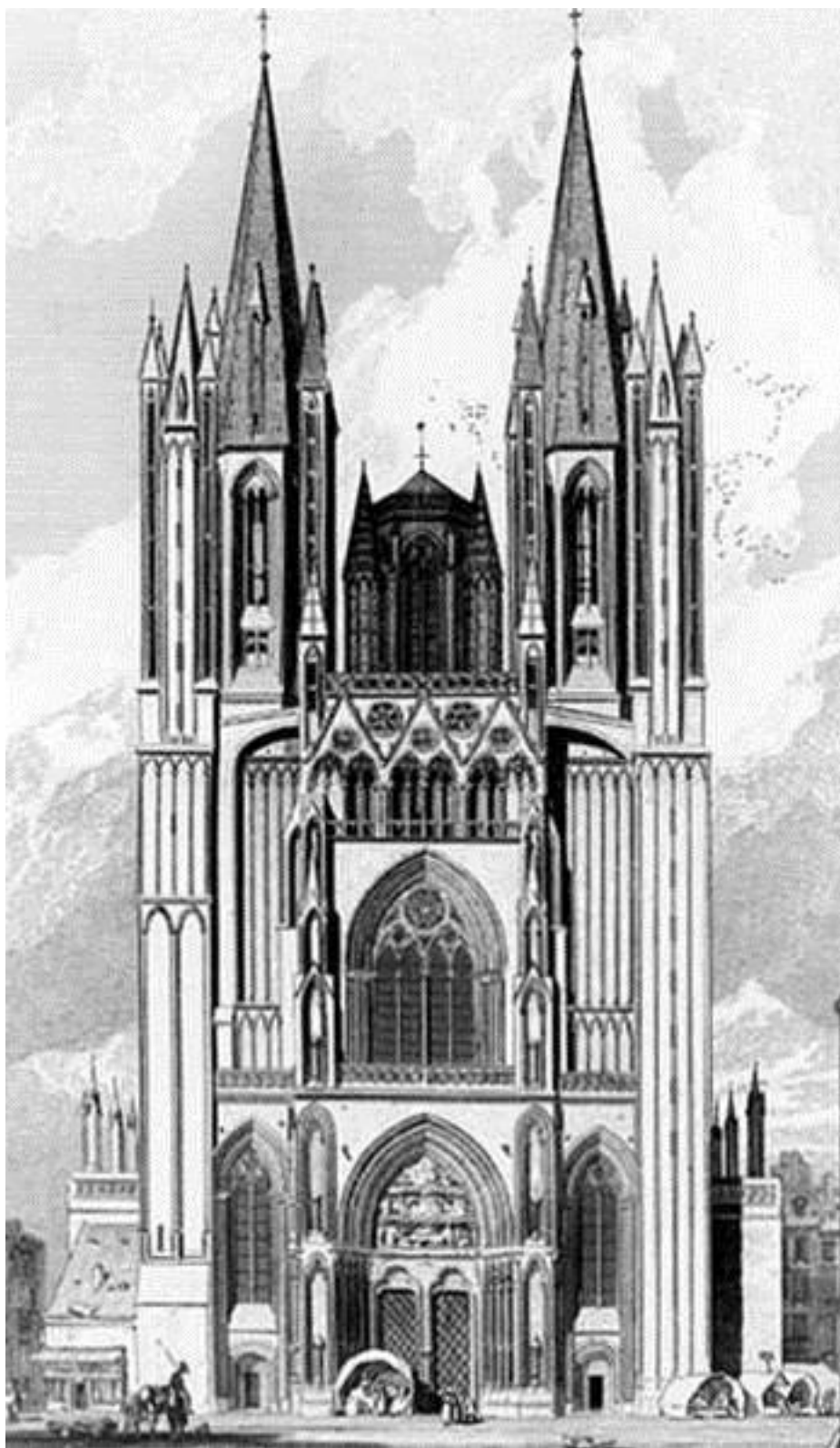

Фото 92-93. Кафедральный собор Нотр-Дам в Кутансе.
Западный фасад.

Епархия Кутанса, охватывающая северо-западную часть Кельтской Галлии, по-видимому, была последней частью страны, которую посетил свет христианства; но ее историки хвастаются, что

запоздалое приближение лучей евангельской истины было более чем компенсировано их последующим блеском; ибо ни в одной другой из нормандских епархий солнце откровения не сияло с таким великолепием и не давало плодов такого же совершенства. Таким образом, согласно Руо, [204] еще в пятом веке и в течение всех двух последующих и части восьмого Котантен был настолько прославлен из-за большого количества святых, которые были либо уроженцами страны, либо удалились туда как в безопасное убежище, что считалось, что его почитают божественным фаворит, превосходящий любой другой округ Франции. Говорят, что не менее пятнадцати святых мужей, отмеченных в римском календаре, проживали там в тот же период или около того; и, в то время как их сияние озаряло епископскую митру, его лучи достигали отдаленных укреплений пустыни Скиси, недалеко от Гранвилля, которая тогда славилась святостью своих отшельников. Вскоре после этого святой Альгеронд и Теодорих, оба епископа Кутанса, и мученики Лео, Филипп и Жерве, трое уроженцев Карентана, стали главными инструментами обращения язычников-норманнов. История также свидетельствует, что именно в доме Сен-Клера, одного из защитников этой епархии, был окончательно заключен договор, в соответствии с которым глава неверных был вместе со своими последователями допущен в пределы церкви.

Обычно считается, что основание престола Кутанса произошло примерно в середине пятого века, в последние годы папства Целестина I и правления Фарамона во Франции. Престол гордится тем, что обогатил календарь блаженных именами по меньшей мере пятнадцати своих епископов; добавил одного к списку преемников святого Петра; предоставил шесть кардиналов святой коллегии; и произвел на свет такое же количество мучеников. И если к этому списку, и без того огромному, присоединить многих отшельников Сицилии и Нантейля, возведенных в епископский сан, то, *выражаясь словами благочестивого автора, может сложиться целая легенда*, повествующая о жизнях и чудесах святых мужей Кутанса.

Переходя от церковных к светским хроникам епархии, бароны Котантена едва ли занимают менее выдающееся место. Истории крестовых походов, в частности, изобилуют их подвигами. Отевиль, близ Кутанса, хвастается, что дал рождение и титул Танкреду бессмертной памяти, который либо сам, либо через своих потомков основал королевства Неаполь и Сицилию и правил почти всей Италией; в то время как со своими победоносными войсками они истребили сарацин, защитили святой престол, поддерживали критян на востоке и довели свое завоевательное оружие до самых пределов греческой империи. Им также обязан своим происхождением рыцарский институт Золотого руна; и их подвиги были настолько необычны, что могли бы сойти за сказочные, если бы происходили в более отдаленные времена и если бы совпадающие свидетельства историков не были объединены, чтобы скрепить их печатью истины.

Согласно церковному делению Франции до революции, епархия Кутанса была ограничена на юге епархией Авранша, а на востоке - епархией Байе, в то время как в двух оставшихся епархиях ее пределы были ограничены океаном. [205] В настоящее время он включает в себя весь департамент Ла-Манш; подавление епископства Авранш значительно расширило его масштабы. В Римской Галлии Кутанс был включен в провинцию, называемую *Второй Лугдунской областью*: но в вопросе об основании или ранней истории города авторы, как это обычно бывает, сильно расходятся во мнениях, приписывая ему, в соответствии со своими фантазиями или предрассудками, очень разную степень древности. Те, кто наиболее склонны оказывать ему честь в этом отношении, утверждают, что это была столица племени, упомянутого

Цезарем в его *Комментариях* под именем *Унелли*; Плиний назвал его *Венелли*, а Птолемей - *Венели*. Они руководствуются в этом мнении исключительно местностью. Другие, с большей долей вероятности, по крайней мере, насколько можно полагаться на этимологию, утверждают, что Кутанса не существовало до времен императора Констанция Хлора, отца Константина Великого. Также не было недостатка в писателях, которые приписывали его происхождение самому Константину или утверждали, что своим названием он был обязан *постоянному* и энергичному противодействию римской власти. Второе из этих мнений, по-видимому, получило всеобщее признание во времена Ордерика Виталия, который, говоря о Констанции, прямо говорит: “*Hic in Neustria civitatem condidit, quam a nomine suo Constantiam nominavit*”. Аммиан Марцеллин усиливает ту же веру, когда называет Кутанса *Констанцией кастрой*. Вполне вероятно, что на самом деле этот город был лагерем императора в то время, когда он собирался повести свои войска в Британию.

О будущем развитии города и ступенях, по которым он поднялся к своему нынешнему величию, не осталось никаких сведений. История, столь изобилующая подробностями относительно многих других мест в Нормандии, гораздо меньших по размерам и отличиям, сделала в отношении столицы Котантена немногим больше, чем зафиксировала голые факты: в 888 году он был разграблен норманнами; в 1087 году был продан герцогом Робертом своему брату Генриху I. в двенадцатом году следующего столетия был взят графом Анжуйским; тридцать лет спустя был передан императрице Мод; был отнят у Иоанна Филиппом—Августом в 1202 году; в 1418 году он был взят графом Анжуйским. , открыла свои ворота победоносному оружию Генриха V. и, пробыв тридцать один год в руках англичан, была, наконец, вновь присоединена к короне Франции. В 1465 году Кутанс утратил свой военный характер: затем его стены были разрушены, а укрепления снесены по приказу Людовика XI. в наказание жителям за их поведение, за содействие предательской попытке Карла, брата монарха, насильственно завладеть герцогством Нормандия. [206] Вскоре после этого Франциск I. осчастливил город королевским присутствием по возвращении из паломничества на Мон-Сен-Мишель в 1487 году; и его внук, Генрих III. удостоил его звания столицы бейливика; вскоре после этого он серьезно пострадал во время религиозных войн, особенно когда попал во власть кальвинистов в 1562 году . Эти безжалостные религиозные деятели разграбили его беспощадной рукой, даже предав часть его огню: они разграбили церкви и увезли прелата, которого заставили сопровождать их верхом на осле, повернувшись лицом к его хвосту.

Из епископов Кутанса здесь будет достаточно упомянуть троих — Ришара де Лонгейля, который был назначен в 1455 году одним из четырех уполномоченных по пересмотру процесса над Девой д'Арк и объявил ее невиновной; Николаса де Брируа, который в конце следующего столетия получил от папы Павла V в обмен на свою обширную благотворительность завидный титул *Отца бедных*; и Жоффруа де Монбре, прелата, удостоенного особой милости Завоевателя, которому он был посвящен. часто оказывал самую важную услугу как с оружием в руках, так и в мирное время. Это был тот, кто отслужил мессу в лагере норманнов, готовясь к битве при Гастингсе, и кто проповедовал на коронации монарха, от которого, по словам Ордерика Виталия, он получил не менее двухсот восьмидесяти поместий в Англии.

В настоящее время население Кутанса составляет от восьми до девяти тысяч жителей. Остатки благородного акведука по соседству, хотя их обычно относят ко временам римского могущества, как говорят, с большей справедливостью можно отнести к дворянину из семьи Хэй-Пейнель, и они были возведены в тринадцатом веке. Главной особенностью и великим

украшением города является его величественный собор, который, рассматриваемый в целом, может, по мнению г-на де Жервиля, не сравниться ни с каким другим во Франции. Его архитектура, по словам того же способного антиквара, служит удовлетворительным доказательством того, что стрельчатая арка действительно использовалась во Франции, за целых полвека до эпохи, обычно приписываемой ее появлению. По этому последнему вопросу уже была возможность высказаться в настоящей работе, когда речь шла о церкви Лизье; и мнение, высказанное там мистером Тернером, должно получить самое убедительное подтверждение в соборе Кутанса. Это тот момент, который часто проявлял изобретательность архитекторов и ученых людей: поэтому заключительная часть этой статьи будет в основном посвящена этому предмету. [207]

Согласно мистеру Уиттингтону, именно в двенадцатом веке “стрельчатая арка начала проявляться в зданиях Франции и соседних стран”; и, зародившись на востоке, она, естественно, следовала в этом направлении по направлению к Англии. С другой стороны, неоднократно высказывалось мнение другого, по крайней мере, столь же ученого автора, преподобного доктора Милнера, о том, что архитектура, обычно называемая готической, действительно зародилась в Англии, но появилась только после 1130 года; стрельчатые арки в церкви Святого Креста, возведенной Генрихом Блуа, епископом Винчестерским и братом короля Стефана, вероятно, являются самыми ранними образцами такого рода, которые где-либо можно найти. М. де Жервиль опровергает это последнее мнение, приводя церкви Мортена и Кутанса; первый из них, как и Сент-Кросс, является примером смешанного стиля, его верхние арки полукруглые, нижние заостренные; другой, полностью соответствует последнему описанию. Церковь Мортен была основана в 1082 году и, должно быть, была достаточно достроена для совершения богослужений в течение девяти лет после этого периода; поскольку четко зафиксировано, что Жоффруа де Монбре, епископ Кутанса, умерший в 1093 году, присутствовал на церемонии освящения. Что касается собора Кутанса, то, к счастью, существует весьма любопытный документ, написанный очевидцем строительства церкви и напечатанный в *Христианской Галлии* [208] из “Черной книги” епархии, которая была составлена по приказу Джона д’Эсси, носившего митру в середине тринадцатого века. Мемуары начинаются с перечисления части трудностей, которым подвергся престол Кутанс, как и другие части севера Франции, в результате нормандского вторжения; а затем рассказывается о том, как Герберт II. который унаследовал епископский престол в 1020 году, изгнал, *как бесполезных и неграмотных*, каноников церкви Кутанса и взял все церковные доходы в свои руки, потому что “*sibi minùs urbani minùsque faceti videbantur!*” Далее говорится, что его преемник Роберт, далекий от того, чтобы вернуть то, что было конфисковано по столь необычному иску, отчуждал имущество, разделив его между своими родственниками; но, несмотря на это, в его время было положено начало возведению церкви, которая была основана графиней Гонорой, вдовой герцога Ричарда II. с помощью пожертвований из различных источников. [209]

Роберту в 1048 году от Рождества Христова наследовал знаменитый Жоффруа де Монбре, который наконец завершил великую работу, начатую его предшественником. Первый камень собора был заложен в 1030 году; освящение состоялось в 1056 году и было совершено в присутствии самого герцога, архиепископа, его суфражисток и значительной части нормандской знати. Некоторые английские бароны также пересекли море, чтобы присутствовать на этом мероприятии. Сила характера Джеффри никогда не проявлялась так ярко, как в связи с этой тканью. [210] В первые годы своего прелатства он предпринял путешествие в Апулию с явной целью получить от Роберта Гишара и его товарищей по оружию

денежную помощь на строительство; и на протяжении всей своей долгой жизни он, по-видимому, был неустанным в своих усилиях добавить все, что могло бы способствовать его достоинству, великолепию и полезности . [211] Следующие строки, начертанные его умирающей рукой, хорошо характеризуют самого человека, характер эпохи и преобладание господствующей страсти: “Gaufridus, misericordia Dei, Constantiensis episcopus, omnibus sub christiana regeneratione degentibus, tam clericis quam laïcis, salutem, процветаем и развиваемся. Constantiensem ecclesiam quam hucusque licet indigne tenueram, tamen miserante Deo, populo meæ pravitatis augmentum et honorare studui, et extrema..... eam amplius factis adjuvare nequeo verbis quantum tutari et defensare cupio. Quicumque igitur qui sub christiana professione vocatus, præfatam ecclesiam honorare, consolari et defensare voluerit, auctoritate Domini nostri Jesu Christi ejusque sanctissimæ genetricis, in apostolica nostraque confirmatione benedictus, ab eodem Domino nostro Jesu Christo omnium bonorum retributore mercedem recipiat in futuro, et anima ejus inter choros angelorum et archangelorum, apostolorum et martyrum, confessorum et virginum requiem possideat in paradiso. Quod si aliquis irreverens et contumeliosus, avaritiæ vel cupiditatis stimulis agitatus, eam de terris suis, sive legibus et consuetudinibus, sive ornamentis absque justa et necessaria eidem ecclesiæ ratione et clericorum assensione, minorari et decurtare præsumpserit, ab his omnibus suprascriptis ordinibus maledictus, et perpetuæ damnationis anathemate circumseptus, priusquam vita decedat terribilissimi divini examinis judicio prosequente, omnibus in commune tanti sacrilegii violator appareat, et in perpetuum cum Juda traditore, et Herode, Pilato et Caïpha, cunctisque sanctæ ecclesiæ adversariis ignem æternum possideat, semperque cum diabolo et angelis ejus crucietur, nec ullam in secula seculorum misericordiæ scintillam mereatur, nisi priusquam anima illa tenebrosa de corpore exierit resipuerit, et ad satisfactionem venerit. Приказываю, аминь”.

И духовенство не испытывало недостатка в своих усилиях почтить память столь благородного благодетеля. Как римские историки, так и Мантуи бард согласны в удостоверяющее различные чудеса, которые предсказывали приближающийся конец Юлий Кесарь, поэтому монашеское летописцы рассказывают, что Земля и небо едины в предвещающая смерть Джеффри, и, хотя они не могли добиться успеха в получении на его имя пропуск в календаре, позволяют не сомневаться как в его приемную на небеса, сведения о которых были переданы в видении одному из монахов Сиризы.—“Там появились мне”, - сказал монах, “дворец трансцендентного великолепия, в которой королева сидела, более земной красоты, окруженный многочисленными суд; и, хотя каждая в свою очередь делал поклоны, вдруг гонец прибыл, восклицая вслух, - Сударыня, Жоффруа, епископа Кутанса, и здесь, и в этот момент монтаж ступеней дворца.’ Не успела весть услышав, чем она спустилась со своего места, чтобы встретить святителя; и, поприветствовав его любезное приветствие, причинил ей бабок, чтобы раздеть его справится и сапоги, а затем, взяв покрывало с ее собственную голову, протерла раны на его теле, и, ведя его за руку, провела его в свою комнату государства, и положила его возле себя на престоле”. Кончина прелата, произошедшая на следующий день, не оставила никаких сомнений относительно интерпретации или вдохновения видения.

В том, что церковь, построенная Джеффри, совпадает с той, что стоит сейчас, невозможно усомниться. Детали, а их немало, содержащиеся в процитированном выше документе , все соответствуют нынешнему зданию. Еще более убедительным доказательством служит молчание последующих историков, которые никогда не смогли бы пройти незамеченными такой важный факт, как перестройка собора, о ремонте которого они неоднократно писали. Основные из них произошли во времена прелатства Сильвестра де ла Корвеля и были вызваны

войнами Эдуарда III. в ходе которого сооружение подверглось самой непосредственной опасности и, вероятно, было бы разрушено в 1356 году, если бы своевременное прибытие французских войск не заставило армию вторжения снять осаду города. Таран, использованный в том случае, все еще демонстрировался в Кутансе в начале прошлого века. Король Франции пожаловал капитулу в 1372 году сумму в шестьсот ливров золотом специально для ремонта церкви *“bellis attritâ et imminutâ”*. В то время была пристроена часовня Пресвятой Богородицы; в проходах были вставлены большие окна; была построена внешняя часть хоров, обращенная ко дворцу; и часть работ на западном фасаде, между башнями, была отремонтирована и, вероятно, изменена. Это последнее, в частности, вводило в заблуждение антиквара; но, подводя итог, словами г-на де Жервиля, — “С учетом и вниманием, без антикварных упражнений, предназначенных для любительницы старинной вечеринки, не более того, что для красоты, а также для внимания. Cette ancienne partie offre un modèle bien caractérisé de fenêtres en lancettes. C'est surtout aux deux tours occidentales qu'on en voit des plus étroites. Celles de la tour, ou lanterne, sont géminées. Ces lancettes, que les antiquaires Anglois rapportent au regne de Henry II. se montrent ici dans un édifice antérieur à ce prince de près d'un siècle; et, ce qui est encore plus surprenant, elles y sont sans aucun mélange d'architecture Romane ou Saxonne.” [212]

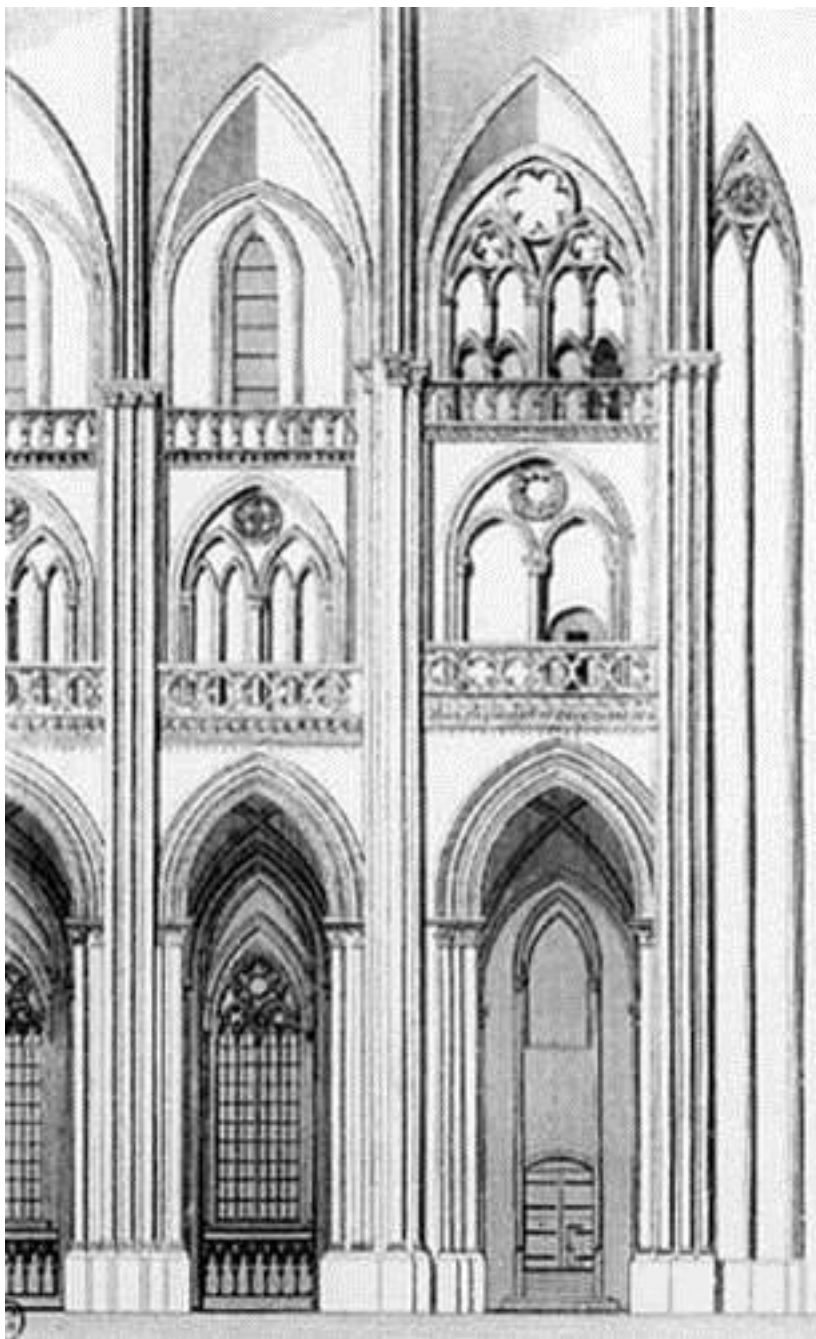

Фото 94. Кафедральный собор Нотр-Дам в Кутансе.
Возвышение нефа.

Внутри здания (*табличка [девятью](#) [четыре](#)*) преобладает то же единообразие стиля, что и снаружи; и если в сочетании с собором Кутанса рассматривать собор Лизье, современное здание, настолько схожее по характеру, что можно обоснованно усомниться в том, что они не были созданы одним и тем же архитектором, вряд ли будет преувеличением сказать, что дату появления остроконечной архитектуры во Франции можно смело отнести еще к середине одиннадцатого века.

СНОСКИ:

[204] *Abrégé de l'Histoire des Evêques de Coutances*, p. 48.

[205] В то время его длина составляла двадцать пять лиг, а ширина - десять, не считая островов Гернси и Джерси, над которыми он все еще имел законную власть. В него были включены округ Котантен; город Кутанс; города Сен-Ло, Гранвиль, Карентан, Валлон и Шербур; двадцать четыре небольших рыночных городка; четыре архидьяконства; двадцать два сельских благочиния; десять аббатств; двадцать четыре других монастыря; и пятьсот пятьдесят приходов. Капитул состоял из двадцати шести каноников и восьми сановников.

[206] Ниже приводятся слова Роберта Ценалиса по этому поводу: “Кароло, Людовик XI. germano, quorundam procerum principumque suggestionem ducatum Normanniæ non precario, sed vi impense ambiente, cum via sibi per posticum episcopalis domus aperta esset, rex idcirco indignatus incolis qui a fide defecerant, cavit decreto suo in pœnam criminis, quod funditus a solo everterentur civitatis mœnia, quæ nulla vel pretii, vel precum sollicitatione restitui potuerunt.”—Cenalis then proceeds to say,—“Habet in templi sui meditullio merito suspiciendum spectaculum miræ architecturæ contextum, e cujus abside si quis lapillum dejecerit, nunquam a puncto designato ultra citrave dimovebitur instar laternæ vitreæ in sublime erectum: vitream arcem merito dixeris, opus sane venustum et elegans. Urbem præterea insigniter ornat aquæductus ad milliariis semissem, ingenti impensa et opera arcuatim suppositis fornicibus longo ductu protensus, cujus artificii ope civitas alluitur et rigatur. Denique si mœnibus conclusa foret, quis vetet civitatem illam Constantinopolim Neustriæ maritimæ appellari!”—*Gallia Christiana*, p. 863.

[207] В следующей части описания церкви Кутанса в значительной степени использовалась рукопись диссертации, любезно переданная М. де Жервиллем автору, который лишь сожалеет, что ограничения этой публикации не позволили ему вставить ее полностью.

[208] Среди *Instrumenta Ecclesiae Constantiensis*, стр. 218.

[209] “Hujus tamen temporibus incœpta et ex parte constructa est Constantiensis ecclesia, fundante et coadjuvante Gonorra comitissa, auxiliantibus etiam canonicis, redditibus medietatis altaris ad tempus operi concessis, cooperantibus quoque baronibus et parochianis fidelibus, quod usque hodie contestantur aliquot ipsorum nomina insculpta lapidibus in ecclesiæ arcubus.”—*Gallia Christiana*, *Inst.* p. 218.

[210] “Anno igitur Dominicæ Incarnationis, MXLVIII. duodecim tantum diebus ipsius anni restantibus, id est IV idus Aprilis, indictione II, venerandus Gaufridus post Robertum Constantiensis episcopus Rotomagi consecratur, nobilium baronum prosapia ortus, statura procerus, vultu decorus, prudentia consilioque providus, quanquam sæpissime curialibus negotiis regiisque obsecundationibus irretitus, tamen ad ædificationem et incrementum ecclesiæ suæ omni nisu et voluntate per noctem erat et per diem, qui ut eandem ecclesiam celebrem gloriosamque restitueret, in Apuliam et Calabriam adire Robertum cognomine Guischarum parochianum suum, aliosque barones consanguineos suos, et alumnos, et notos peregre profectus, multum in auro, et argento, et gemmis, et palliis variisque divitiarum donariis acquisivit, tresque asportavit phialas plenas puro opobalsamo, aliaque pretiosissima quibus postea præfatam ecclesiam intus et extus locupletavit, majoremque crucifixum largis sumtibus et tempore longo construxit. Cum autem non haberet in civitate, sive in suburbio tantum possessionis ecclesia, ubi maneret episcopus, vel proprius equus ejus posset stabulari, sed

neque propriam domum, nisi quoddam appendicium humile, quod pendebat de parietibus ecclesiæ, ipse prudentia sua et probitate valentior medietatem civitatis, suburbii, et telonei, et vectigalis, cum molendinis et multa Grimoldi viaca a Guillelmo invictissimo duce Normannorum, postea quoque glorioso rege Anglorum trecentis libris comparavit et acquietavit. Postea vero episcopalem aulam et reliquas officinas construxit, virgultum et vineam non modicam plantavit, capitium navis ecclesiæ cum area, et hinc inde duo majora capitia nobiliora et ampliora construxit. Duas turres posteriores a fundamentis, tertiamque supra chorum opere spectabili sublimavit, in quibus classicum consonans et pretiosum imposuit, et hæc omnia plumbo cooperuit.”—*Gallia Christiana, Inst.* p. 218.

[211] Приведенный выше документ изобилует примерами в этом духе. Among the rest, after detailing at length various estates which he had purchased or obtained as presents for the enriching of his church, it proceeds to say,—“Cæterum ornamenta ecclesiastica et ustencilia, calices, cruces, capsas, phylacteria, candelabra, thuribula, bacinis, siculam et ampullas aurea contulit et argentea, casulas quoque, dalmaticas, tunicas, planetas, albas, cappas mirifici operis, necnon dorsalia serica et lanea, cortinas et tapeta, sed et bibliothecas, passionales, omeliares, missales aureis litteris duos sufficientesque et competentes libros subrogavit: super hæc omnia pretiosum famosumque clerum, quo nihil pretiosius in ecclesia et utilius in officium et servitium divini cultus delegavit, septemque canonicos quos episcopus Hugo Rotomagi in ecclesia S. Laudi irregulariter constituerat, apostolica auctoritate ecclesiæ matri revocavit, itemque duos alios adjecit. Cantorem quoque, et succentorem, et rectorem scholarum, et custodes ecclesiæ, clericos quoque præbendarios, aurifabros, fabrumque ferrarium, carpentarios et magistrum cœmentarium in opus ecclesiæ constituit. O virum prudentem et domui suæ bene præsidentem, qui de vivis et electis lapidibus domum suam composuit, et mirabilibus columnis eam sustentavit!”—*Gallia Christiana, Inst.* p. 219.

[212] Следующие замечания об архитектуре собора Кутанса, переписанные из дневника самого способного друга автора, не могут не понравиться читателю: “Собор в высшей степени необычен в своем облике. Он заострен повсюду, за исключением круглых арок в сводчатом перекрытии боковых часовен и одного или двух сегментов кругов, образующих дверные проемы, внутри притворов с северной и южной сторон. Это действительно трудная задача - прийти к какому-либо выводу относительно площади здания, осмотрев его. Если это здание нормандской эпохи, то заостренный стиль возник сразу же в результате вливания арабской или татарской архитектуры. Все это представляет собой единое целое, завершенное по замыслу и исполнению; и здесь нет пересекающихся арок, из которых могла бы возникнуть заостренная арка. Круги на спандрилах выполнены в том же восточном стиле, что и в Байе. Особенности собора являются боковые портики, закрывающиеся за башнями; ажурные ширмы, разделяющие боковые часовни; и чрезмерная высота хора, который, не имея трифория, имеет только балюстраду непосредственно перед окнами второго этажа. Центральная башня удивительно красива снаружи: она, по-видимому, является продолжением простого нормандского фонаря, как в Кане, но при этом очень воздушна и изящна. По периметру есть двойной проход, а в нишах расположены алтари, как если бы это были отдельные часовни, для чего они изначально и предназначались; но линия продолжается непрерывно. Перспектива этих нефов, а также хоров, видимых из часовни Пресвятой Богородицы, очень хороша. Круглые колонны хора двойные, как в Кентербери и Санлисе. Апсида представляет собой половину двенадцатиугольника. Стрельчатые окна наверху состоят из двух стрельчатых проемов, увенчанных трилистником; но разделяющая кладка - это не цоколь: это неперфорированная часть стены. Возможно, это арабеска. Внутри есть вторая арка, которая на самом деле разделена цоколем или небольшой колонной. Любопытный лист выступает наверх. Часть

расписного стекла выполнена в старинном стиле: рассеянные узоры по черному контуру на сером фоне. В боковой часовне выложены расписные плитки, коричневые и желтые, как обычно, с узлами и гербами. В той же часовне есть фрески: еще больше их находится на восточной стороне стены, отделяющей последний хоровой проход от южного транспта. Они представляют Святого Михаила и дьявола, Божество между ангелами и т.д. На всех них контур образован толстой черной линией”.

ТАБЛИЧКА ХСV. И ХСVІ.

ГОРА СВЯТОГО МИХАИЛА.

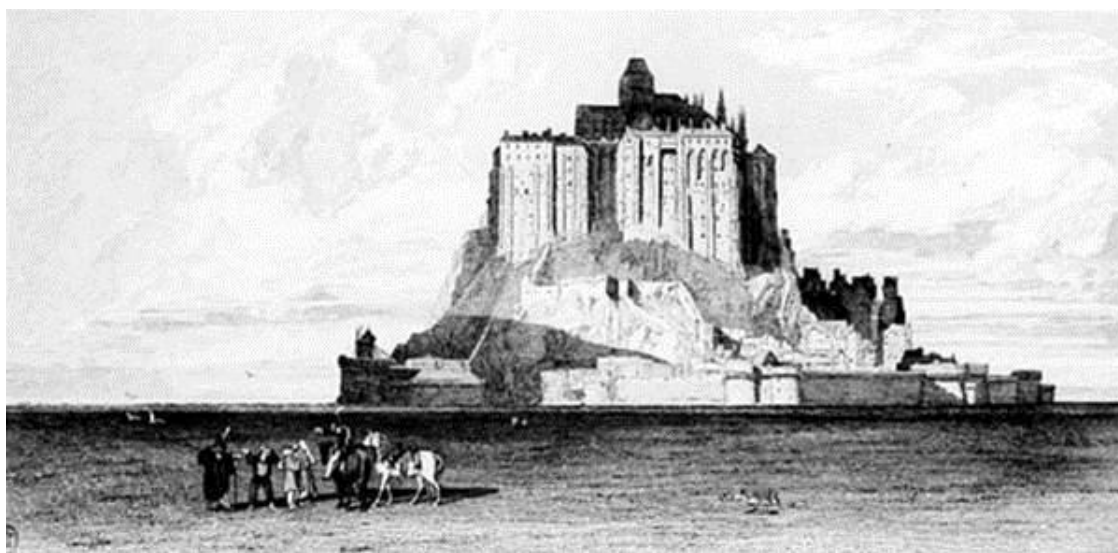

Фото 95. Гора Святого Михаила.
На подходе со стороны Понторсона.

Религия, история, поэзия и живопись - все объединилось, чтобы придать известность горе Святого Михаила. Необычайная святость этого монастыря, поразительные особенности его формы и расположения, а также значение, приобретенное многочисленными осадами, которые он выдержал, или почти бесконечными паломничествами, которые он принимал, настолько расположили его к человеку со вкусом и философу, что едва ли можно найти в Европе место, более известное или более интересное для всех.

Легендарный туман, которым сейчас густо окутана гора Святого Михаила, с глубокой древности продолжал окутывать ее вершину. Традиция восхищается рассказом о том, как во времена, предшествовавшие христианской эпохе, он был посвящен поклонению великому небесному светилу под его галльским именем Беленус, [213] название, вероятно, происходит от еврейского Ваала, и ассирийского Белуса. В том же предании рассказывается, как в более позднюю эпоху он поднял свою величественную голову, окруженную обширными лесами и чащобами, в то время как отшельники, обосновавшиеся на его вершинах, получали хлеб насущный из благотворительности священника соседнего прихода Бовуар; осел спонтанно взял на себя

обязанность доставлять его им, пока по дороге не стал добычей волка, которого затем Провидение заставило посвятить себя тому же благочестивому труду.

Наконец, примерно в 709 году, было постановлено, что камень должен немедленно сменить свое название и покровителя. На смену облакам язычества пришло солнце христианства; и первоначальное языческое название, *Тумба*, было заменено одним из самых возвышенных имен священного писания. Святой Михаил, “глава ангелов и воинства небесного, защитник древнееврейской синагоги, а ныне католической церкви, победитель древнего змея и проводник душ на небеса”, снизошел до того, чтобы ему поклонялись здесь, на западном побережье, как и на горе Гарганус на востоке, и с этим видом явился Сент Оберу, тогдашнему епископу Авранша, повелев ему воздвигнуть церковь в его честь на горе. Другая легенда повествует о том, что ранее на том же месте существовало религиозное сооружение, получившее название *Monasterium ad duas Tumbas*, которое в равной степени было присвоено соседней скале Томбелейн. Как бы то ни было, все признают, что церковь была построена и что холм с тех пор не знал другого названия, кроме горы Святого Михаила; хотя Обер, запоздавший в своей вере, отказался подчиниться предписанию, пока оно не было повторено трижды, в последний из которых архангел коснулся головы святого и оставил на его черепе отпечатки своих пальцев, которые цитируемый здесь автор, к своему великому удовольствию, сообщает, что он сам видел в 1612 и 1641 годах.

За чудесным видением последовали другие события аналогичного значения. Привязанный бык указывал место, где должно быть воздвигнуто священное сооружение, и в то же время очерчивал его границы; скала, которая препятствовала прогрессу рабочих и была неподвижна благодаря человеческому искусству, самопроизвольно отошла от прикосновения детской ножки; и земля, разверзшаяся под ударом посоха Сент Обера, дала начало источнику воды, одновременно чрезвычайно полезному для жителей и наделенному самыми целебными свойствами. Примерно в то же время море затопило соседние леса, [214] изолировав скалу; так что трое гонцов, которые были отправлены на гору Гарганус, чтобы принести оттуда кусок красной ткани, дар святого Михаила, вместе с фрагментом камня, на котором он сам восседал, обнаружили по возвращении, что все обстоит именно так. настолько изменились, что “они думали, что, должно быть, вступили в новый мир”.

История, начиная с этого периода, приобретает характер сравнительной достоверности. Нормандское завоевание на некоторое время поставило под угрозу исчезновение христианства: крещение Ролло, вновь разжегшее его угасающие угли, заставило их вспыхнуть невиданным ранее светом и теплом. Сам герцог на четвертый день после того, как он предстал перед святой купелью, пожертвовал монастырю Святого Михаила, который тогда назывался “*ecclesiam in periculo maris supra montem positam*”. — Больше никаких упоминаний о монастыре во время правления этого монарха или его сына Уильяма Лонге-Эпе не встречается; но их непосредственный преемник Ричард I. полностью искупил любое пренебрежение с их стороны. По словам Дудо из Сен-Квентина, он построил церковь поразительных размеров вместе с просторными зданиями для группы монахов ордена бенедиктинцев, которых он основал там в 988 году, вытеснив обычных каноников, чья нерегулярная жизнь была предметом большого скандала. Эта щедрость со стороны Ричарда даже привела к тому, что некоторые авторы считают его основателем монастыря. Его сын и преемник с тем же именем выбрал гору Святого Михаила в качестве излюбленного места, где в начале своего правления он получил руку прекрасной Юдифи, сестры Джеффри, одного из главных графов Бретани. Почти сразу же после

этого ему представилась возможность засвидетельствовать свою щедрость и преданность, а также свою любовь, ибо в первый год одиннадцатого века церковь, строительство которой к тому времени продолжалось всего пять лет, была сожжена дотла. Принц, однако, по-видимому, несколько запоздал с этим событием; не было предпринято никаких попыток восполнить потерю, пока Хильдеберт II не стал настоятелем. Во время его прелатства, в 1022 году, были заложены основы новой церкви, еще более масштабной. Прошло еще двадцать шесть лет, и аббатская митра украшала чело четырех сменявших друг друга аббатов, когда Ральф де Бомон стал свидетелем завершения работы.

Авторы "*Галлии Христианской*" прямо заявляют, что построенная тогда церковь является такой же, какая существовала на момент публикации этой работы; [215] и М. де Жервиль подтверждает их замечание своим личным наблюдением, по крайней мере, в том, что касается нефа. В последнее время это действительно было сокращено, но он убежден, что все, что еще осталось, действительно относится к архитектуре времен герцога Ричарда. Роберт, следующий герцог, отправился на гору Святого Михаила, чтобы руководить своими войсками по случаю восстания Алена, графа Доль; и именно сюда архиепископ Руанский привез униженного графа, чтобы тот помирился со своим оскорбленным сувереном. В период завоевания монахи Святого Михаила снарядили шесть транспортов для этой богатой событиями экспедиции; и когда после смерти Вильгельма власть над горой перешла по купле от Роберта к Генриху, они отличились своей привязанностью к своему новому государю, который здесь поддерживал осаду со стороны двух своих старших братьев и в конце концов был вынужден сдаться только из-за голода. Старший из этих братьев, в преклонный период своей жизни, вновь посетил церковь в совершенно ином обличье; и, чтобы исполнить свои обеты архангелу в связи с его благополучным возвращением из крестового похода, пал ниц перед святыней, на которую он в первый раз напал с яростью своего оружия.— 1158 год был едва ли не самым запоминающимся в истории горы Святого Михаила. Генрих Плантагенет, который за два года до этого принял там оммаж от своих подданных Бретани, затем вернулся в паломнических поездках в сопровождении Людовика VII. на чьей отвергнутой жене, Элеоноре Аквитанской, он женился; и два монарха в сопровождении многочисленной толпы светской знати, а также нескольких кардиналов, архиепископов и епископов дружески преклонили колени у святого алтаря.

Во время правления злополучного Иоанна гора Святого Михаила перешла, как и вся остальная Нормандия, под скипетр Франции и по этому случаю серьезно пострадала. Гай Туарский, находившийся тогда в союзе с Филиппом-Августом, выступил против него во главе армии бриттов и, встретив со стороны жителей лишь слабое сопротивление, поджег частокол, главную защиту этого места. Пламя перекинулось на дома; и церковь также стала его жертвой.

Используя слова Брито,

“vis ignea sursùm

Scandit, et ecclesiæ decus omne, locumque sacratum,

Resque monasterii cremat insatiabilis omnes.”

Филипп оплакивал нанесенный ущерб и сделал все, что было в его силах, чтобы исправить его; но, учитывая, что одним из главных источников несчастий святого места было нечестие англо-нормандских монархов, которые больше доверяли крепостным валам, созданным руками человека, чем защите архангела, он сравнивал с землей те немногие оборонительные

сооружения, которые остались. [216] Его благочестивый преемник, Людовик святой, был далек от подобных чувств. С другой стороны, когда его благочестие привело его к святилищу Святого Михаила после возвращения из его неудачной экспедиции в Дамьетту, в хрониках прямо говорится, что он собственноручно положил на алтарь значительную сумму денег для ремонта укреплений. И представляется вероятным, что в недалекий период потраченные таким образом деньги сослужили добрую службу французской короне, ибо во время войны в начале пятнадцатого века гора Святого Михаила была единственным местом, успешно противостоявшим английскому оружию. Осада, которую он выдержал в тот раз, является одним из немногих блестящих событий, которые придают блеск периоду французской истории, в целом темному и мрачному. Две пушки огромных размеров, сконструированные для стрельбы каменными ядрами диаметром более фута, свидетельствуют в настоящий момент о героической обороне гарнизона и поражении нападавших.

В последующий период французской истории, во времена, когда партия, прикрываясь благочестивым рвением, заливала королевство кровью, а добродетельные люди всех вероисповеданий присоединялись к сетованию о том, что “тантум религи потуйт суадере малорум”, гугеноты предприняли множество самых смелых и запоминающихся, хотя и тщетных, попыток стать хозяевами горы Святого Михаила. С тех пор скале было позволено оставаться спокойной, хотя она по-прежнему сохраняла свой характер фортификационного сооружения. В последнее время его обозначали как ведомственную тюрьму: во времена правления террора оно использовалось с позорной целью служить вместилищем для трехсот священнослужителей, чей возраст или немощи не позволяли их транспортировать; и которые с жестокими насмешками были заключены в эти стены, долгое время радовались удобствам, облагораживались помпой и освящались святостью религии. Важные заключенные, особенно обвиняемые в преступлениях против государства, содержались здесь в основном до революции, когда железная клетка и хранилища, известные под зловещими названиями *Подземелий* или *В темпе*, придавали горе печальную известность.

В этом кратком очерке истории горы Святого Михаила неоднократно упоминались французские монархи, совершавшие туда паломничество. Было бы долгой задачей перечислять всех тех принцев и монархов, которые отличали его этим знаком своего почитания. Но есть еще один пример, слишком важный по своим последствиям, чтобы его можно было обойти молчанием. Людовик XI, изгнав мятежных бриттов из Нормандии в 1463 году, не удовлетворился поклонением архангелу в своем святилище и, пожертвовав монахам шестьсот золотых крон, послал им изображение Святого Михаила вместе с золотой цепью, которую он сам носил на шее; и распорядился, чтобы три раковины эскалопа, ранее украшавшие аббатский щит, были дополнены четырьмя другими и тремя лилиями. Не удовлетворившись этим, он шесть лет спустя еще раз засвидетельствовал свою преданность различными привилегиями, предоставленными сообществу, и учреждением благородного военного ордена Святого Михаила, [217], воротник которого был сделан из серебряных ракушек эскалопа, а на медали было изображение архангела, попирающего дракона, с надписью “*Immensi tremor oceani*”. Даже в наш просвещенный век поток паломников к горе отнюдь не иссяк: их все еще можно увидеть направляющимися в церковь; и если женщины—друиды уже много столетий не продают морякам свои зачарованные стрелы, способные усмирить разгневанный океан, когда их бросает в его волны девичья рука, то современные пифии находят не менее обильный источник дохода в своих венках, четках, крестах и медалях Святого Михаила. Летописи мира изобилуют подробностями изменений формы и черт, которые суеверие принимало в разные века; но для

человеческой природы унизительно размышлять о том, что победы, одержанные философией над ее великим противником, в действительности очень малы. Суеверие, подобно легендарному Протею, проявляется в бесконечном разнообразии форм; но оно также, как и бог, остается одним и тем же.

Список настоятелей горы Святого Михаила содержит имена самых влиятельных людей Франции: кардинал д'Эстутевиль и еще более прославленный кардинал де Жуазе, Генрих Лотарингский, сын герцога де Гиза, и Шарль Морис из благородного рода Брелье в сравнительно современные времена возглавляли общину. Привилегии и почетные отличия, прилагавшиеся к этой должности, также были значительными. Имена настоятелей монастыря неоднократно упоминались как люди, избранные для важных поручений; и они были официально уполномочены буллой папы Климента VII, датированной Авиньоном, даровать благословение даже в церкви Авранша и в присутствии епископа или самого митрополита, а также носить митру и все другие епископские знаки отличия. Полномочия и иммунитеты монастыря также были обширны и важны. Его годовой доход был оценен автором *"Чужеземных монастырей"* в середине прошлого века в сорок тысяч ливров; но в то же время в этом труде утверждается, что в более ранний период он был гораздо значительнее. Среди приморских владений аббатства был его тезка в Корнуолле, который был присоединен к нему Робертом, графом Мортонским и Корнуоллским, до 1085 года, а также был известен своей святостью в очень отдаленную эпоху. Совпадение по форме и положению между ними весьма примечательно.

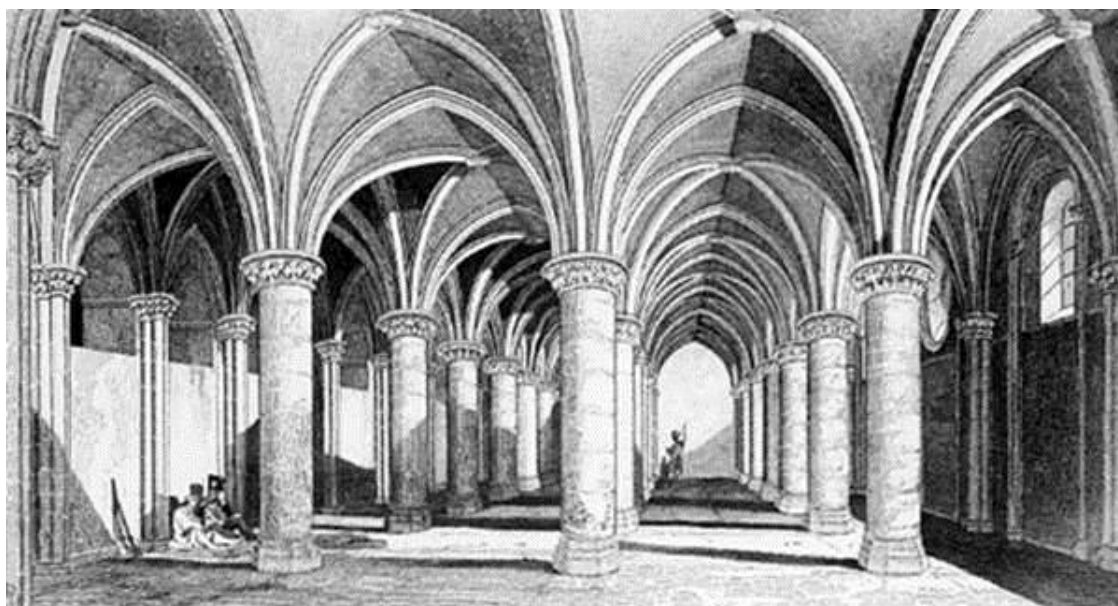
Гора Святого Михаила в Нормандии расположена недалеко от границы провинции, по направлению к Бретани; к югу от Гранвиля, к юго-западу от Авранша и к северу от Понторсона и Дола. Это коническая глыба гранита, которая от основания примерно в четверть лиги в окружности возвышается на высоту более четырехсот футов, включая здания, венчающие ее вершину. Он стоит изолированный и одинокий, если не считать соседней скалы Томбелейн, посреди унылого слоя белого песка, который представляет собой поверхность площадью более двенадцати квадратных лиг, простирающуюся во все стороны, почти насколько хватает глаз, и неизменную, за исключением тех мест, где ее пересекают рукава разных рек. Все это пространство во время половодья полностью покрыто морем, в то время как отступающий прилив оставляет его обнаженным; но все же так трудно и опасно пересекать его без проводника. Основание горы окружено высокими толстыми стенами, по бокам от которых расположены полукруглые башни, все механизированные, и бастионы. К западу и северу его склоны представляют собой только крутые, черные, голые, заостренные скалы; участки, лежащие в противоположном направлении, имеют сравнительно легкий уклон и покрыты домами, которые следуют последовательными рядами, оставляя лишь скудное пространство для нескольких маленьких садов, в которых виноградная лоза, смоковница и миндаль цветут в большой пышности. Стены аббатства, окруженного замками, возвышаются и выступают смелыми решительными массивами; и все это венчает цветистый хор аббатской церкви. Архитекторы последнего времени, казалось, хотели приспособить это великолепное здание к своему месту. Все его подразделения, окна и шпили более узкие и высокие, чем обычно; а выступы более смелые, так что их отчетливо видно снизу. Незнакомца впускают на гору через ворота времен Людовика XII. или Франциска I. Он идет вдоль стен, которые продолжают вести вверх; и, минуя заброшенные башни и лестницы над лестницами, нависающие по бокам скалы, все заброшенное, поросшее травой и гнилью, его ведут к воротам аббатства. Снаружи у первых ворот есть круглые башни, у вторых - стрельчатая арка. У одной группы зданий есть ряд

небольших арок по верху. В настоящее время население города составляет около двухсот пятидесяти жителей, которые получают основную поддержку от рыболовства.

Вид самой церкви изображен на гобелене из Байе; действительно, грубый, но любопытный, как ровесник.—Ниже приводится краткое хронологическое изложение основных событий, связанных со зданием:—

В 1103 году обрушилась крыша, и часть общежития оказалась в руинах.

Десять лет спустя, двадцать третьего апреля 1113 года, молния подожгла аббатство, которое сгорело полностью, за исключением крипты и больших колонн нефа, а также некоторых других частей церкви. Роджер, тогдашний настоятель, исправил повреждение, перестроив трапезную и спальню, а также великолепные апартаменты, названные Рыцарским залом.

Табличка 96. Гора Святого Михаила.

Интерьер рыцарского зала.

Бернард, который был аббатом с 1135 по 1140 год, перестроил северную часть церкви и возвел башню между нефом и хорами.

О работах, выполненных в начале XIII века из-за повреждений, полученных церковью во время войн Филиппа-Августа, не сохранилось никаких подробностей. Сказано лишь в общих чертах, что они были значительными.

Ричард Терстин, аббат в 1275 году, начал масштабное строительство между оконечностями монастырей и казармами.

Тринадцатого июля 1300 года молния снова ударила в церковь, и большая ее часть сгорела, колокола расплавились, а многие дома в городе превратились в пепел.

Часовня Святого Иоанна Богослова была пристроена Джоном Де ла Порте, двадцать седьмым аббатом, умершим в 1334 году.

В 1350 году в результате бури был нанесен новый ущерб; но так велико было усердие, приложенное к его исправлению, что, как говорят, очень короткое время спустя монастырь был в лучшем состоянии, чем почти когда-либо прежде: однако он поднял голову над этими несчастьями только для того, чтобы испытать новые, происходящие из того же источника, в 1370 году. Ущерб был тогда больше, но вскоре его починили; и была возведена часовня Святой Екатерины. Это произошло во времена прелатства Жоффруа де Сервена. Питер ле Руа, следующий настоятель, входит в число величайших благотворителей монастыря: никто не внес большего вклада в распространение его славы или распространение знаний в его окрестностях; но он, похоже, ничего не сделал с его зданиями. Его преемник, Робер Жоливе, окружил гору стенами и башнями, которые сохранились и сейчас, с целью защиты от англичан, к которым он впоследствии присоединился.

В 1421 году обрушилась вся крыша хора. Фундамент нового хора, остатки которого сохранились до наших дней, был заложен кардиналом д'Эстутевилем в 1452 году; и он продолжал эту работу до своей смерти, которая произошла тридцать лет спустя. Во время его прелатства были достроены капеллы хора и покрыты свинцовой крышей; а хор и колонны, окружающие главный алтарь, были подняты на высоту капелл.

В 1509 году в результате удара молнии произошел еще один несчастный случай: были разрушены шпиль, колокола и деревянная отделка нефа; но ущерб вскоре был устранен Уильямом де Лампсом, тогдашним аббатом, который также построил аббатский дворец и богадельню, а также поднял недостроенную часть церкви до второго яруса окон.—Хор был укомплектован под руководством его брата Джона де Лампса, который был предпоследним после него в наследовании престола и носил митру с 1513 по 1523 год.

С этого времени и до периода революции аббатство горы Святого Михаила находилось в ведении *commendam*; и аббаты, независимо от обязанностей, в которых они не чувствовали себя лично заинтересованными, перестали заботиться о зданиях и тратить на них средства. Некоторые из них даже отказались выполнять необходимый ремонт; и зафиксировано более одного случая, когда они сопротивлялись постановлениям нормандского парламента на этот счет.

Из предыдущих подробностей легко представить, что церковь на горе Святого Михаила едва ли может не представлять собой смесь различных видов архитектуры. Однако преобладают два: на хорах, которые были закончены в начале шестнадцатого века, все заострено и возвышенно: нефы и трансепты выполнены в нормандском стиле. Внизу находятся склепы, которые простираются под каждой частью церкви, поддерживаемые короткими колоннами с капителями из листвы и т.д. Арки в основном ребристые и круглые.

Укорочение нефа разрушило западный фасад. Монастырь, по наблюдениям друга автора, выглядит на удивление более изысканно. Расположение колонн в нем он считает совершенно уникальным.

Рыцарский зал (см. *табличку [девятиностошесть](#)*) представляет собой сводчатое помещение, девяносто восемь футов в длину и шестьдесят восемь в ширину, благородное и напоминающее церковь по своему виду. Его рифленая каменная крыша опирается на восемнадцать цилиндрических колонн с основаниями и капителями; последние выполнены в очень высоком рельефе, красивого дизайна и тонкого исполнения.

СНОСКИ:

[213] Можно допустить, что эта идея получает определенное подтверждение из нынешнего названия соседней скалы, *Томбелейн*, естественным производным от которого, по-видимому, является *Тумба Белени*.

[214] В горной традиции говорится о чудовище, которое обитало в затонувшем лесу; и когда друг автора, мистер Коэн, посетил гору Святого Михаила в 1819 году, его гид Жак Дюпон упомянул об этом предмете и назвал зверя “турецким чудовищем, которое пожирало христиан”. *Фигура*, изображенная на обертке этой работы, была обозначена как фигура *идентичного* монстру. Раньше он находился с внешней стороны стены в нише; теперь он находится сразу за воротами. “Вот, — сказал Жак, - посмотрите на его зубы и когти, какой он дикий”. - Традиция несомненна; но изображение представляет собой не что иное, как грифона, держащего щит с гербом; его дата 15...

[215] 1759 г. н.э.

[216] Из старых, говорит Брито, мест

..... “satis angelicis gaudebat tutus haberi
Præsidiis, nullo dispendia tempore passus;
At simul ædificans muros ibi cura Johannis
Prætulit humanas vires cœlestibus armis,
Quemque tuebatur cœlesti milite Christus,
Munivit sacrum humano munimine montem,
Ex tunc causa loco pereundi inventa sacrato.”

Далее автор добавляет, что король

..... “ne fiat eis deinceps injuria talis,
Præcipit ut pereat munitio toto Johannis;
Et sua militiæ cœlesti castra resignans,
Humanis bonus excubiis locra sacra resignat,
Largifluâque manu monachos juvat in renovando
Sarta tecta, libros, et cætera quæ furor ignis
Solverat in cinerem, quæ nobiliore paratu
Quàm priùs extiterant jam restaurata videmus.”
Филипп. библиотека 8, л. 114.

[217] In the preamble of the statutes of this order, the monarch expresses himself in the following terms—“Nous, à la gloire de Dieu, notre créateur Tout-puissant, et revérence de glorieuse Vierge Marie, et en l'honneur de Monseigneur St.-Michel Archange, premier Chevalier, qui pour la querelle de Dieu, d'estoc et de taille, se battit contre l'ennemi dangereux de l'humain lignage, et du Ciel le trébucha, et qui en son lieu et oratoire appelé Mont-St. Michel a toujours particulièrement gardé, préservé et défendu, sans être pris, subjugué, ni mis ès mains des anciens ennemis de notre royaume, et afin que tous bons et nobles courages soient excités et plus particulièrement émus à toutes vertueuses œuvres; le 1er. jour d'Août de l'an 1469 avons créé, institué et ordonné, et par ces

présentes créons, constituons et ordonnons un Ordre de fraternité ou amiable compagnie de certain nombre de Chevaliers, jusqu'à trente six, lequel nous voulons être nommé l'Ordre de Saint-Michel.”

ТАБЛИЧКА ХСVII.

ЦЕРКОВЬ АББАТСТВА ЦЕРИЗИ.

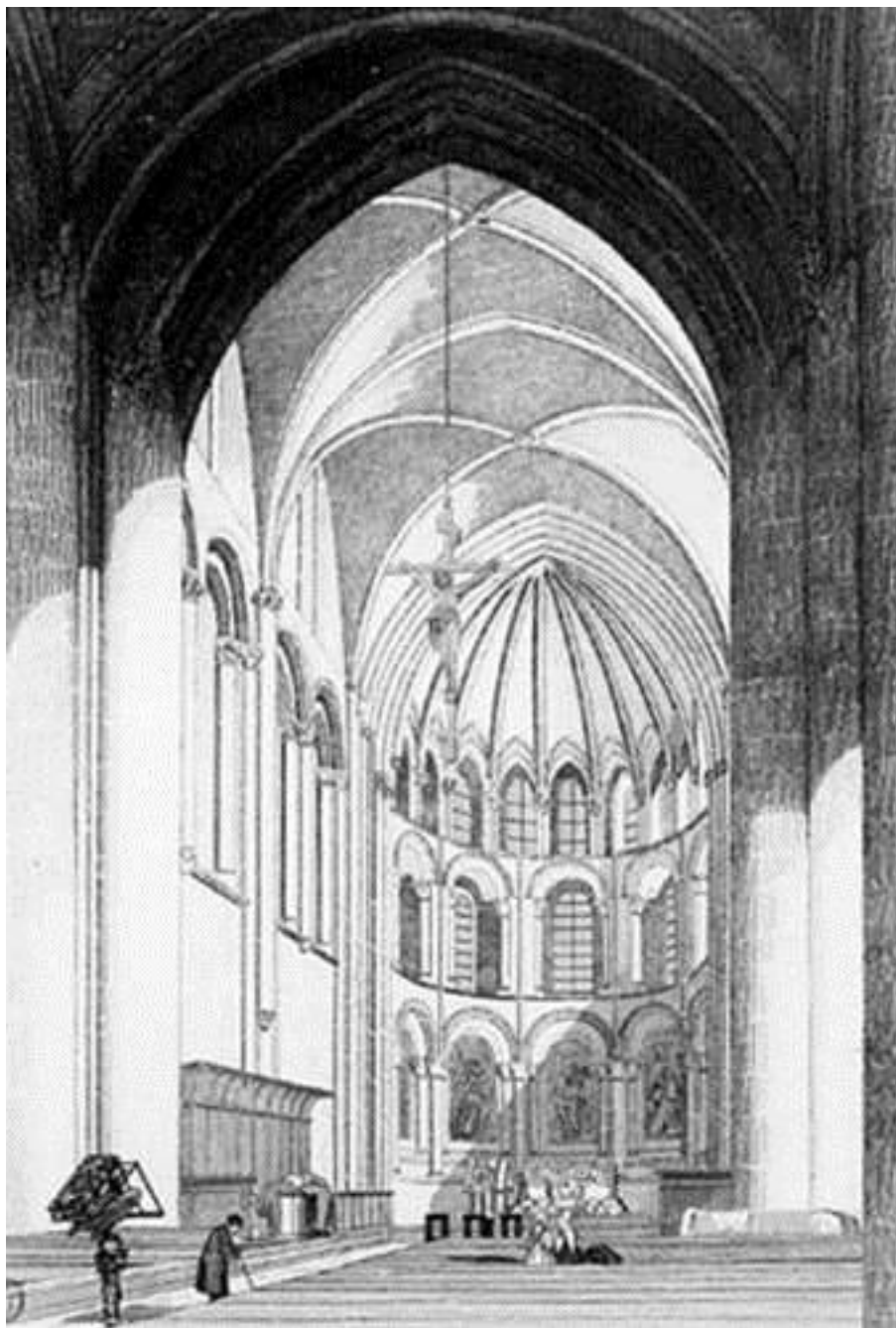

Фото 97. Церковь аббатства Церизи.

Интерьер хора.

Серизи, маленький рыночный городок, расположенный на дороге, ведущей из Байе в Сен-Ло, и одинаково удаленный примерно на четыре лье от каждого из этих мест, всецело обязан своему аббатству той славой, которой оно пользовалось. В светской истории герцогства его название встречается только в двух случаях. Лорд Серизи числится среди товарищей по оружию Роберта, сына Завоевателя, в его экспедиции в Святую Землю в 1009 году; а аббат Серизи был одним из двадцати одного священнослужителя из бейливика Кан, перечисленного Филиппом ле Белем в нормандское казначейство в начале четырнадцатого века.

Считается, что монастырь, который во все времена принадлежал ордену бенедиктинцев, был основан еще в 560 году. Он был основан по призыву святого Вигора, девятого епископа Байе; и, согласно некоторым авторам, был учрежден самим этим святым. Дю Монстье в "*Нейстрийской пиу*" очень подробно излагает историю ее возникновения: как прелат, тронутый мольбами богатого человека по имени Волузиан, уничтожил крестным знаменем чудовищного змея, опустошавшего страну; и как Волузиан в знак благодарности уступил ему владения Церизи, на которых он немедленно воздвиг монастырь и обеспечил его доходами от собственности.

Летописи монастыря утрачены, и то, что записано о его истории, очень коротко. После всеобщего разрушения религиозных учреждений саксами и норманнами церковь Церизи, по-видимому, простояла в своих руинах гораздо дольше, чем большинство других. Говорят, что ни одна рука не поднялась к его восстановлению вплоть до правления Роберта, отца Завоевателя. Все монашеские писатели сходятся во мнении, что благодаря ему было положено начало восстановлению этого монастыря; и один из них, Вильгельм Жюмьежский, добавляет, что его забота о нем не пострадала ни от времени, ни от расстояния; ибо во время его войн в Святой Земле, когда патриарх Иерусалимский вознаградил его благочестивое рвение подарком в виде нескольких драгоценных реликвий, он немедленно распорядился перенести их сюда. Его более прославленный преемник в один из первых лет своего правления достроил и богато одарил монастырь, начатый его отцом, останки которого, по его приказу, должны были быть доставлены из Палестины с явной целью их захоронения в Церизи. Но им разрешили продвинуться не дальше Апулии. В *Neustria Pia* сохранилась хартия короля Карла VI, датированная 1398 годом, в которой перечислены и подтверждены различные пожертвования, сделанные аббатству Церизи нормандскими герцогами Робертом, Уильямом и Генри. Его годовой доход в середине восемнадцатого века де Массевиль оценивал в двадцать тысяч ливров. Единственной собственностью, которой он, по-видимому, когда-либо обладал в Англии, был монастырь монахов-бенедиктинцев в Вест-Ширберне, в Хэмпшире.

С архитектурной точки зрения церковь Церизи является интересной реликвией нормандского мастерства. Достоверность его даты, недалеко ушедшей от 1032 года, и сравнительно небольшое количество изменений, которым он подвергся, делают его одним из тех ориентиров, с помощью которых только современный наблюдатель может прийти к какой-либо уверенности в своих исследованиях древнего искусства. И все же в части, выбранной здесь для гравировки, верхний ряд окон расположен немного сзади остальных; а большая арка впереди, очевидно, изменила свою полукруглую форму на заостренную. Его высота необычна и впечатляет. Как в совокупности, так и по частям, церковь имеет сильное сходство с почти ровесницей в Сен-Жорже; подобно которой, она теперь приспособлена для приходских целей и по-прежнему имеет большие размеры, [218] хотя вся часть, первоначально приходская, и которая

простирались на сто двадцать четыре фута за пределы того, что осталось от нефа, была разрушена. недавно был снесен. Главный фасад здания, который выходил на север, причем его расположение было с севера на юг, был впоследствии разрушен. Стиль здания характеризуется благородной и строгой простотой: капители колонн, действительно, украшены скульптурами листы или животных, а иногда и маленькими головками, помещенными посреди ровной поверхности; но в других местах украшения распределены очень экономно. Они ограничены шевронами и лепниной из заготовок; последние являются самыми древними и редкими среди нормандских украшений. Оба трансепта разделены, как и в Сен-Жорже, ширмами у оконечностей: эти ширмы в Серизи увенчаны элегантным парапетом из полукруглых арок - необычным и очень красивым дополнением.

СНОСКИ:

[218] Ниже приведены размеры церкви, по словам г-на Котмана.

	Ножки.
Длина ступицы	98
То же самое для хора	64
То же самое с трансептами и промежуточной частью нефа	118
Ширина ступицы	73
То же самое с трансептами	31
То же самое для хора, без приделов	28
Высота ступицы	70

До сноса западной оконечности неф имел длину двести двадцать шесть футов, а общая длина здания - двести девяносто футов.

ТАБЛИЧКА ХСVIII.

ЦЕРКОВЬ В ЭСТРАХАМЕ.

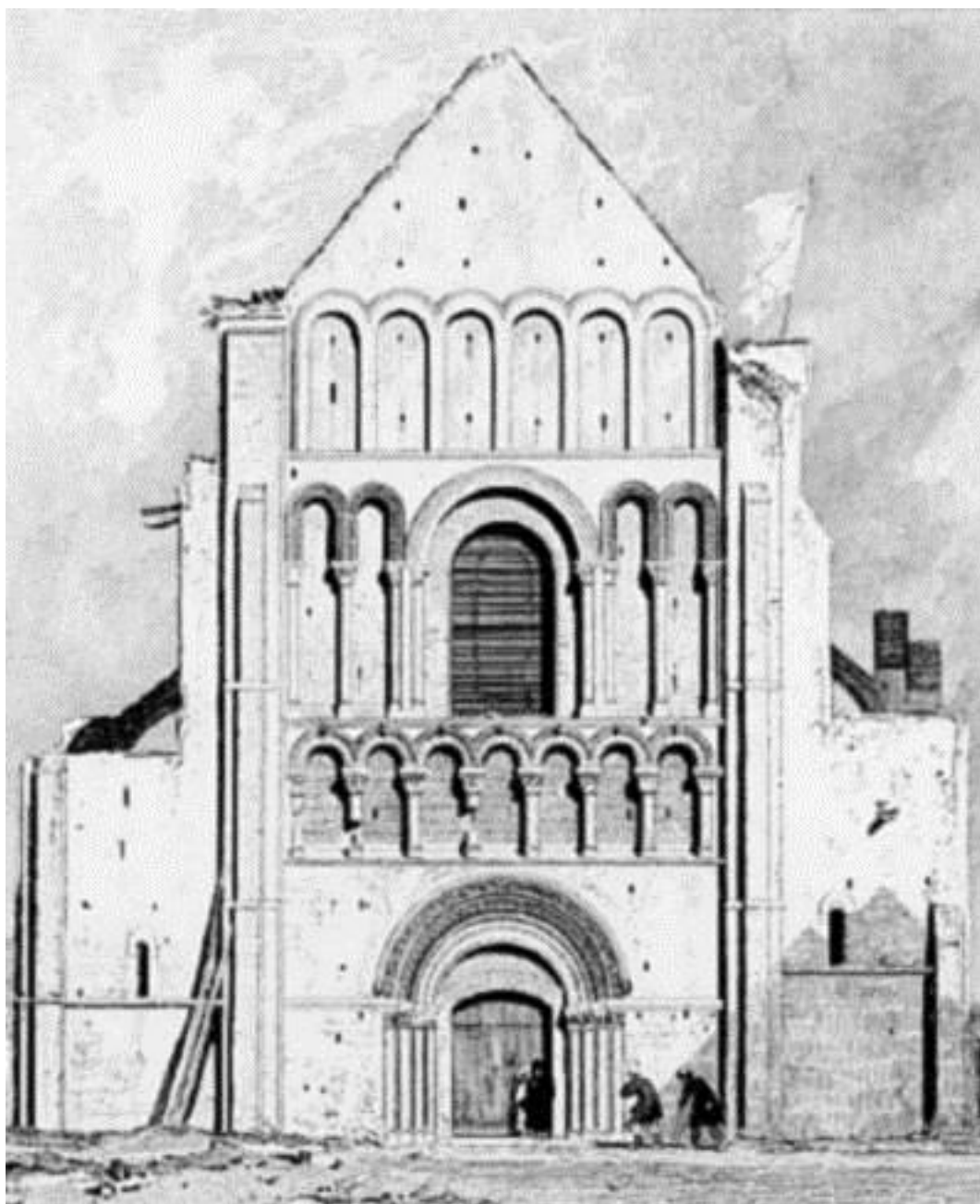

Фото 98. Церковь Эстрахама.
Западный фасад.

Ойестрахам, или, как его чаще пишут, Эстрехам, - деревня, расположенная на левом берегу реки Орн, недалеко от ее впадения в канал. Его название, происходящее от саксонского, [219], кажется, указывает на это как на поселение, созданное этими дерзкими захватчиками: его церковь, один из первых объектов, который предстает английскому путешественнику при его въезде во Францию в направлении Кана, хорошо рассчитана, чтобы произвести на него сильное впечатление великолепием нормандских лордов герцогства. То, что он был построен во времена их правления, - факт, в котором нельзя сомневаться; но с архитектурной точки зрения он настолько полон аномалий, что мнения, вероятно, будут значительно расходиться относительно фактической даты его возведения. И здесь, к сожалению, не сохранилось никаких

записей, которыми можно было бы руководствоваться при вынесении решения. Действительно, на западном фронте! (тема *тарелки*) в целом полукруглая и однородная. Верхний ярус арок можно найти в башнях аббатства Жюмьеж, построенного во времена правления Завоевателя; и большинство других элементов и украшений часто встречаются в сооружениях той же эпохи. Особенность можно заметить только в меньших арках второго ряда, в которых художник позволил себе то, что можно назвать архитектурным тщеславием, удлинив до очень непропорциональной степени и почти на мавританский манер часть над капителем, чтобы все это могло выстраиваться в линию с большей аркой в центре. Усеченный вид стены с обеих сторон приводит к очевидному выводу, что либо на этом фасаде изначально были башни, как у церкви Святого Николая в Кане, либо предполагалось, что там должны были быть такие. Сейчас сохранилась только центральная башня квадратной формы с массивными контрфорсами необычных размеров, выступающими на юг. Эта башня, как и часть церкви к востоку от нее, демонстрирует необычное сочетание нормандской и готической архитектуры. Из трех рядов арок самый низкий и самый высокий относятся ко второму стилю; центральный - только к первому. В нефе все выполнено в нормандском стиле, за исключением только двух стрельчатых окон верхнего яруса, расположенных у западного конца, на южной стороне, и за исключением также летящих контрфорсов, которые простираются от окон верхнего этажа до выступающих проходов внизу. На хорах арка в виде трилистника занимает, в некоторых случаях, место заостренной в нижнем ряду, который совершенно пустой; а капители колонн, по словам мистера Котмана, демонстрируют необычайную игривость рисунка. Арки над ними прорезаны для окон. Как полукруглые стены второго яруса, так и заостренные выше, чрезвычайно узки, если смотреть снаружи, но сильно расширяются внутри; стена имеет толщину, превышающую обычную. Опоры нефа имеют шесть футов пять дюймов в диаметре, в то время как промежутки между ними едва превышают десять футов.

СНОСКИ:

[219] On this subject, see *Huet, Origines de Caen*, p. 299.—“Estreham est le nom d'un bourg situé à l'embouchure de l'Orne, et d'un autre dans le Bessin. Mr. Bochart le faisoit, venir d'*Easter*, Déesse des anciens Saxons. Et comme il avoit entrepris de rapporter les anciennes origines à la langue et à la doctrine des Phéniciens il prétendoit que cette Easter étoit la même qu'*Astarté*. Ses sacrifices se faisoient au commencement du printems; et de là vient que les Saxons appellerent Easter le mois auquel se célèbre la Pâque. Skinnerus ne s'éloigne pas beaucoup de ce sentiment dans son *Etymologique de la langue Angloise*. Mr. Valois tire le nom d'Estreham du Latin *Strata*, et de l'Allemand *Hamum*, pour marquer une Demeure bâtie sur un chemin public, ou au bout d'un chemin public, comme si le bourg d'Estreham étoit sur un grand chemin, ou au bout d'un chemin public: et qu'il ne fût pas sur une extrémité de terre qui ne mène à rien, ayant la mer d'un côté, et l'embouchure de la rivière d'Orne de l'autre: ou comme si tous les villages du monde ne pouvoient pas être censez terminer des grand chemins. Mais ces opinions sont détruites par l'ancienne orthographe du nom d'Estreham, qui est constamment écrit dans les vieux Titres, et par Mr. de Bras, Oistreham, pour Westerham, c'est-à-dire, Village Occidental: car il se trouve placé à l'West de l'embouchure de l'Orne.”

ТАБЛИЧКА ХСІХ. И С.

СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ В СЕЗЕ.

Фото 99. Кафедральный собор Нотр-Дам на Сез.
Западный фасад.

Город Сиз, хотя и является резиденцией епископства, сам по себе мал и неважен, его население не превышает пяти тысяч пятисот жителей. О ранней истории города или епархии с

уверенностью известно мало; и авторы едва ли сочли нужным проявлять свою изобретательность или демонстрировать свою ученость в вопросе, который вряд ли мог придать достоинства их исследованиям. Те, кто приступил к расследованию, высказали свое мнение, что *Civitas Sagiorum*, упомянутый в самой ранней *Заметке Галлии*, как пятый по рангу среди городов провинции, *Lugdunensis Secunda*, был не чем иным, как современным Сезом; и, продвинув свою гипотезу на шаг дальше, они сделали вывод из местоположения, что *Sagii*, иначе называемые *Сайи*, должно быть, были *Сесувиями* Цезаря комментарии автора. Следовательно, в более современной *латыни* Сиз обычно получил название *Sagium*; хотя Ордерик Виталис иногда называет его *Salarium*, а Магно - *Saius*. На некоторых картах она также обозначается как *Саксия*, откуда и возникла идея, что своим происхождением она обязана саксам; и что слова *Saii* и *Sagii* на самом деле были не чем иным, как искажением от *саксы* или *сассоны*.

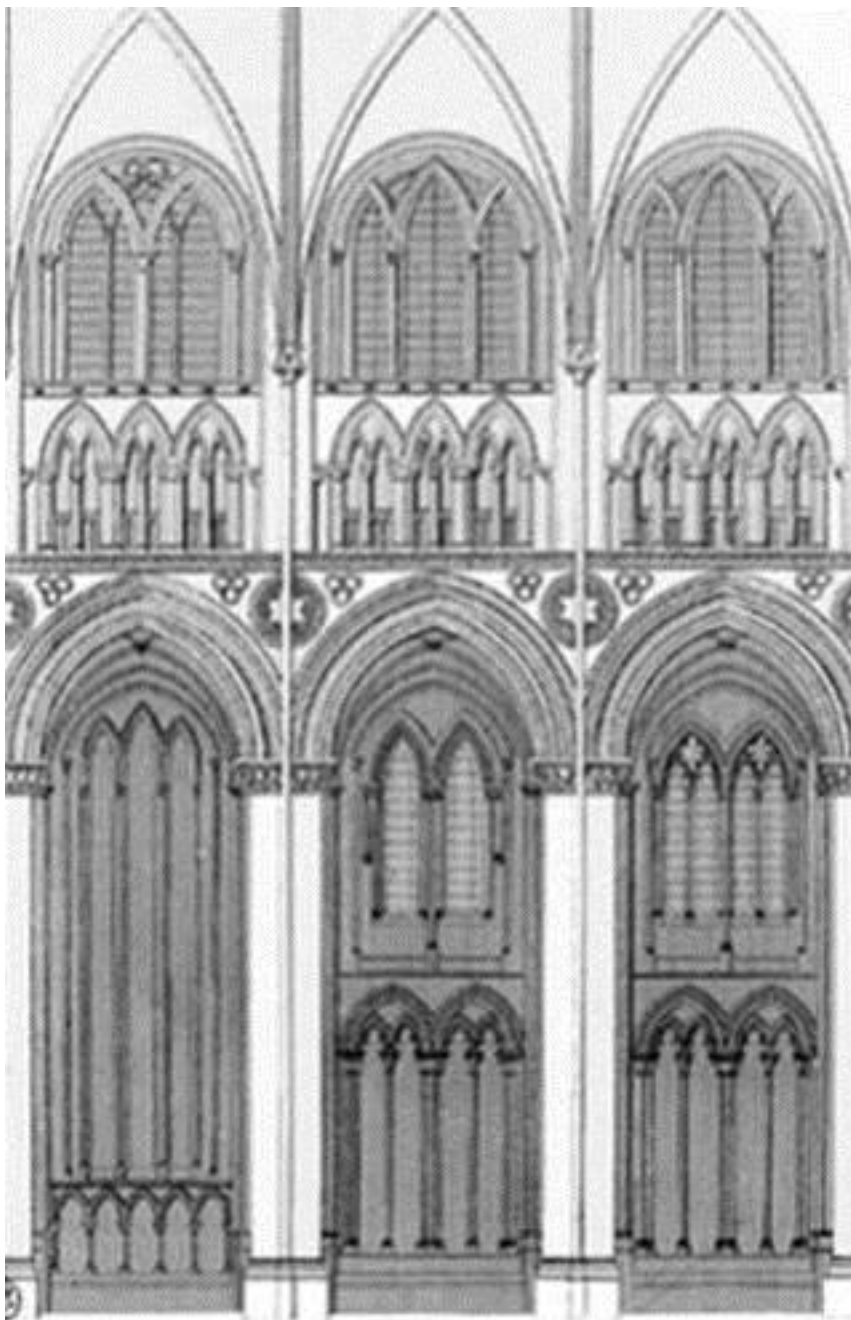
Сторонники этого мнения перенесли Сиз в пределы *Отлингва Саксонии*, округа в Нормандии, положение и масштабы которого были предметом многочисленных литературных споров. Ученый Хьюэт, ссылаясь именно на этот момент, [220] справедливо отмечает, что “легче сказать, чего нет, чем то, что есть; и что, хотя границы епископств служат в целом для обозначения разделения древних галльских племен, все же продолжительность времени внесла много изменений. Способные люди,” добавляет он, “придерживались мнения, что Хисмес изначально был епископальной кафедрой и что его епархия впоследствии была разделена на три архидиаконии; одна из них была основана в Сез, вторая - в Лизье, а третья - в Байе”. Однако, по его словам, это не его собственная вера; но он думает, что Хисмес изначально был резиденцией епископства Сез. Отчет на тот же счет можно найти в *Норманнском соборе*; и он принят Руо, [221], который аргументирует в его пользу; во-первых, Сиз был слишком незначителен во время проповеди Евангелия в Нейстрии, чтобы удостоиться присутствия епископа; апостолы и первые папы указывали, чтобы епископы должны были присутствовать. назначаться только в значительные города: и, во-вторых, что Хайсмес действительно был тогда важным местом и, вероятно, оставался таковым до девятнадцатого года правления английского короля Генриха I. Когда этот принц разрушил его в наказание жителям за их бунт.

Церковная история относит основание епископства Сиз к четвертому или пятому веку. Однако самым ранним из прелатов, о котором можно найти какие-либо определенные упоминания, является Литаред, чье имя появляется под титулом *Oximensis Episcopus*, подписанный Орлеанским собором в 511 году. Азо, сменивший митру в один из последних лет десятого века, воздвиг в Сесе первый сохранившийся собор. Вильгельм Жюмьежский рассказывает о нем, что он разрушил стены города и из их камней построил церковь в честь святого Жерве, мученика, “уби сидес епископалис долгое время спустя”. Тот же автор рассказывает, что примерно пятьдесят лет спустя, вследствие того, что эта церковь была превращена некоторыми повстанцами в убежище, Иво, третий из Азо на епископском престоле, поджег соседние дома с целью их вытеснения, и церковь пала жертвой пламени. Этот поступок, хотя и непреднамеренный, навлек на прелата суровый выговор со стороны папы; и Иво, чтобы загладить свою вину, предпринял путешествие к своим родственникам и друзьям в Апулию и Константинополь, откуда вернулся, нагруженный богатыми подарками, с помощью которых он взялся за возведение новой церкви такого масштаба, что “его преемники, Роберт, Жерар и Серло, не смогли завершить это за пятьдесят лет”. Говорят, что построенный тогда собор был таким же, как стоит сейчас; и, согласно тому, что уже было записано о соборах Лизье и Кутанса,

в его архитектуре нет ничего, что могло бы опровергнуть такое мнение. Первый камень был заложен примерно в 1053 году: освящение состоялось в 1126 году. Годфри, архиепископ Руана, совершил церемонию в присутствии Генриха, тогдашнего герцога, который в то же время выделил церкви годовой доход в размере десяти фунтов.

Епархия Сезе окружена епархиями Лизье, Эвре, Мана и Байе. Согласно Де Массевиллю, [222] до революции он простирался на двадцать пять лье в длину и от восьми до десяти в ширину, включая районы *ле-Ум*, *ле-Марш* и часть *ле-Перш*. Города Сиз, Алансон, Аржантан, Фалез, Хисм, Мортань и Беллем вместе с несколькими небольшими городами и пятьюстами деревнями также были включены в его пределы; также как и пять архидьяконий, шесть сельских благочиний и множество аббатств и других религиозных домов. Доход епископата оценивался всего в десять тысяч ливров. Поздний конкордат, сократив число нормандских епархий, конечно, увеличил масштабы тех, что остались.

Семь первых епископов Сиза причислены к лику святых римского календаря: в более поздние времена не появлялось имен более выдающихся, чем Фрогерий и Иоанн де Берто. Первый из этих прелатов пользовался большим доверием Генриха II. которому он оказал достойную услугу в его неудачных спорах с Томасом Бекетом. Он был не только одним из очень немногих епископов, которые тогда сохранили в неприкосновенности свою верность своему суверену, но и предпринял миссию к французскому королю с целью выразить протест по поводу благоприятного приема, оказанного примасу, по этому поводу он получил следующий запоминающийся ответ: “Скажи своему господину, что если он не может смириться с отменой постановлений, которые он называет обычаями своих предков, потому что он думает, что это поставило бы под угрозу достоинство его короны, хотя, как сообщается, они лишь мало соответствуют воле Божьей, то тем более могу ли я согласиться пожертвовать правом, которым всегда пользовались короли Франции? Я имею в виду право предоставлять убежище всем людям, попавшим в беду, но главным образом тем, кто сослан ради справедливости, и предоставлять им во время преследований всевозможную защиту и помощь”. —Джон де Берто жил в начале семнадцатого века: он был главным раздавателем милостыни Марии Медичи, а впоследствии пользовался большим расположением Генриха IV. говорят, что он в основном способствовал обращению в христианство. Он также проявил себя как поэт. Третий епископ Сизский, Серло, уже упоминавшийся, был человеком столь впечатляющего красноречия, что, когда он имел честь проповедовать перед Генрихом I и его двором в Карантане в 1106 году, он с таким эффектом выступил против женоподобного обычая носить длинные бороды и прически, что государь объявил себя новообращенным, а епископа “*extractis e manticâ forcipibus, primo regem tum cæteros optimates attondit*”. [223]

Табличка 100. Кафедральный собор Нотр-Дам на Сез.
Возвышение нефа.

Церковь Сезе можно сравнить по своей архитектуре с церквями Кутанса и Лизье: они действительно непохожи, но ни в коем случае не отличаются. Пункты сходства превосходят пункты противоположного описания.

“facies non omnibus una,
Nec diversa tamen, qualem decet esse sororum.”

Строгая простота характеризует Лизье: Кутанс отличается элегантностью, изобилующей украшениями: Sééz, в то же время сочетая в себе достоинства обоих, не может соперничать ни с

одним из них в тех, которые присущи только ему. При первом взгляде на церковь ее убогая и незначительная западная башня производит на зрителя неблагоприятное впечатление, которое при ближайшем рассмотрении изуродованное и обремененное состояние западного фронта никоим образом не способно устранить. И все же этот западный фасад, каким бы разрушенным он ни был, не может не иметь значения из-за большой глубины центрального дверного проема, которая составляет не менее сорока семи футов, [224] проекция, превышающая проекцию галилеи собора Питерборо. Красота церкви Сиз бросается в глаза именно во внутреннем убранстве. Благородные высокие арки внизу; более изящный орнамент, подобный тем, что в Байе и Кутансе, в шпандрилях; двойные стрельчатые арки трифория, расположенные тройками; и более крупные стрельчатые арки вверху, расположенные по две или три вместе и окруженные арками нормандской формы, хотя и не в нормандском стиле; — все эти красоты, добавленные к богатству скульптурных стен и окон нефов, делают собор если не первым из нормандских религиозных зданий, то, по крайней мере, в ряду первоклассных,

“Extremi primorum, extremis usque priores.”

СНОСКИ:

[220] *Происхождение из Кана*, стр. 5.

[221] *Abrégé de la Vie des Evêques de Coutances*, p. 40.

[222] *Etat Géographique de Normandie*, p. 304.

[223] *Галлия Христианская*, XI. стр. 684.

[224] Ниже приведены размеры других частей здания.

	Ножки.
Длина нефа (включая пространство в шестьдесят четыре фута под башнями)	218
То же самое для хора	57
То же самое в проходе за хором	14
То же самое в часовне Пресвятой Богородицы	25
То же самое с каждым трансептом	39
Ширина нефа и хоров, включая проходы	72
То же самое в часовне Пресвятой Богородицы	20
То же самое с трансептами	30
Высота нефа и хора	80
То же самое с северо-западным шпилем	232
То же самое с юго-западом, то же самое	210

КОНЕЦ.

ЛЕСТЕР:

НАПЕЧАТАНО ТОМАСОМ КОМБ-МЛАДШИМ.

Примечание переписчика

Оригинальная орфография, даже там, где она не соответствует, и пунктуация сохранены. Незначительные типографские ошибки исправлены без замечаний. За исключением тех, что приведены в "Генеалогии нормандских герцогов", все упоминания Нашей эры (Anno Domini) были стандартизированы до н.э. В тексте исправлены типографские ошибки (в скобках указан оригинал):

- П. [vii](#) - 17. Церковь Тамервилля [Танкарвилля]
- П. [5](#) - на *десятой [девятой] табличке* с пометками А и В
- Р. [28](#) - дочери и племянницы главных нормандских баронов
- П. [33](#) - обозначение соединения *двадцать восьмой [двадцатой] пластины*
- П. [62](#) - указал на необходимость таких решений